РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

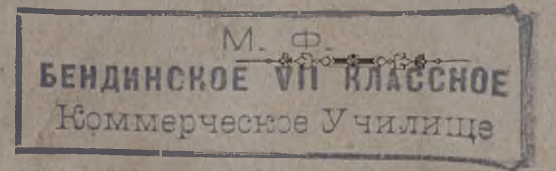
ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 1. -6

ЯНВАРЬ 1893 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1893.

Книга 1-я. Январь 1893 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

1. Правительственныя распоряженія . . . . 3— 11
2. Вопросъ объ образованіи русскихъ евреевъ въ царствованіе императора Николая I-го. **А. В. Бѣлецкаго** . . . . 12— 28
3. Маленькіе моряки. (Изъ воспоминаній о морскомъ корпусѣ). **К. М. Станюковича** . . . . 29— 45
4. Роль семьи и школы въ дѣлѣ воспитанія **П. М. Головачева** . 46— 58
5. Внѣклассная школьная литература. **С. П. Незлобина** . . . . 59— 73
6. Характеристики учениковъ. **Ѳ. С. Матвѣева** . . . . 74— 89
7. Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. **П. Г. Мижуева**. . . . 90—113
8. О предметахъ преподаванія въ начальныхъ школахъ. **А. И. Анастасіева** . . . . 114—129
9. Бесѣды о преподаваніи географіи. Бесѣда первая. **А. Ѳ. Соколова**. 130—137
10. Авторитетное слово въ области методики математики. **С. И. Шохоръ-Троцкаго** . . . . 138—157
11. Краткій очеркъ начальнаго народнаго образованія въ Орловской губерніи въ 1891 году. **С. А. Бобровскаго** . . . . 158—182
12. **Критика и библіографія:** 1) Андреевскій. Критическіе очерки. **Ал. Остр—го;** 2) Дѣтская библіотека. Изданіе А. А. Дѣтство и юность Веніамина Франклина. Л. Н. Анненской. Спб. 1893 г.; 3) Дѣтская радость. Разсказы изъ дѣтской жизни. В. П. Андреевской. Съ 6-ю раскрашенными картинами. Спб. 1892 г. Изданіе Битепажа. Забавы маленькихъ дѣтей. Двѣнадцать разсказовъ для мальчиковъ и дѣвочекъ. В. Смирновой. Изд. Битепажа. Ц. 1 р. 50 к.; 4) Разсказы для маленькихъ дѣтей. Быковой. Спб. 1892 г.; 5) Изданія Харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности. **Н. В. Тулупова;** 6) Т. Лубенецъ. Зернышко. Первая послѣ азбуки книга. Годъ первый. Спб. 1892 г.; 7) И. Т. Яхонтовъ. Руководство по церковно-славянскому чтенію со сборникомъ задачъ для самостоятельнаго перевода съ церковно-славянскаго языка на русскій и краткимъ церковнославянскимъ словаремъ. Учебное пособіе для церковно-приходскихъ школъ и начальныхъ народныхъ училищъ. Ц. 25 к. Новгородъ. 1892 г. **А. И. Анастасіева**; 8) Санчурскій, Н. Латинская грамматика. Часть 2-я. Синтаксисъ. **М. Р—на;** 9) Исторія среднихъ вѣковъ. Курсъ систематическій. Примѣнительно къ послѣдней примѣрной программѣ, утвержденной г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Составилъ К. А. Ивановъ, преподаватель Спб. пятой гимназіи. Спб. 1892 г. **М. А.;** 10) Einführung in die Electricitätlehre. Vorträge von Bruno Kolbe. **В. Л. Розенберга**. 183—218
13. **Педагогическая хроника:** 1) Нѣкоторыя данныя о положеніи учебнаго дѣла въ королевствѣ Сербскомъ. **М. Кр—аго;** 2) Начальныя школы въ Эльзасъ-Лотарингіи. **В. Г.;** 3) Хроника народнаго образованія. **Я. В. Абрамова;** 4) Отрадный фактъ въ народно-школьномъ дѣлѣ. **А. М. Тютрюмова;** 5) Въ Московскомъ Комитетѣ грамотности. Засѣданіе 3-го декабря 1892 года. **Н. Т—ва;** 6) Засѣданіе общепедагогическаго отдѣла Педагогическаго музея 28-го ноября и 12-го декабря 1892 г. **В. Г.;** 7) Проектъ положенія о состоящемъ при Педагогическомъ музеѣ «Отдѣлѣ Коменскаго»; 8) Объ открытіи дѣйствій Общества взаимнаго вспомоществованія учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи; 9) Объ открытіи дѣйствій С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества взаимной помощи; 10) Уставъ С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества взаимной помощи; 11) Указатель иностранной педагогической литературы. . . . . 219—262

Объявленія.

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 1.

ЯНВАРЬ 1893 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13-го января 1893 г.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

О введеніи преподаванія исторіи на русскомъ языкѣ въ училищѣ при евангелическо-лютеранской церкви Св. Анны въ С.-Петербургѣ.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 7-го октября сего года за № 17.158, на представленіе мое послѣдовавшимъ, увѣдомилъ меня. что онъ разрѣшаетъ ввести съ 1893—1894 учебнаго года въ женскомъ училищѣ при евангелическо-лютеранской церкви Св. Анны въ С.-Петербургѣ преподаваніе всеобщей исторіи на русскомъ языкѣ.

Объявляется по округу (Циркуляръ по С.-Петербургскому учебному округу, № 12, 1892 г.).

Объ участіи учебныхъ заведеній въ всемірной художественно-промышленной выставкѣ 1893 г. въ Чикаго.

На основаніи Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія отъ 21-го мая минувшаго года, со стороны Россійской Имперіи будетъ принято участіе въ предположенной въ будущемъ 1893 г. всемірной выставкѣ въ Чикаго.

Вслѣдствіе сего и озабочиваясь устройствомъ школьно-воспитательнаго отдѣла на означенной выставкѣ, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 21-го октября сего года за № 17.963, проситъ меня сдѣлать зависящее съ моей стороны распоряженіе, чтобы:

1) профессора университета и другихъ подвѣдомственныхъ мнѣ высшихъ учебныхъ заведеній представили, по своему усмотрѣнію, въ Министерство болѣе выдающіяся свои сочиненія, въ особенности-же подходящіе къ цѣлямъ выставки изящно изданные труды;

2) чтобы среднія учебныя заведенія доставили, въ случаѣ, если таковые имѣются готовыми, планы, чертежи и эскизы особенно выдающихся школьныхъ зданій, фотографическіе снимки классныхъ помѣщеній, гимна-

стическихъ залъ и группъ учениковъ. Ученическіе рисунки, тетради и работы выставлять не предположено;

3) чтобы реальныя и городскія училища, а равно и учительскія семинаріи представили, если то окажется возможнымъ и не послужитъ въ ущербъ учебнымъ занятіямъ, хорошо собранные и изящно составленные гербаріи и естественно-историческія коллекціи.

Къ сему его сіятельство присовокупилъ, что присылаемые экспонаты, для своевременной отправки ихъ въ Чикаго, должны быть доставлены въ Министерство Народнаго Просвѣщенія не позже 1-го декабря текущаго года.

Объявляется по округу (ib.).

О переводѣ учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній изъ евреевъ изъ приготовительнаго въ 1-й классъ.

Въ Министерство Народнаго Просвѣщенія поступило нѣсколько прошеній евреевъ, которые ходатайствуютъ о принятіи сыновей ихъ, учениковъ приготовительнаго класса, въ I классъ гимназіи, сверхъ установленной нормы, объясняя, что дѣти ихъ успѣшно обучались въ приготовительномъ классѣ гимназіи и, хотя на пріемныхъ испытаніяхъ въ I классъ и получили баллы, предоставляющіе имъ, по конкурсу, право на поступленіе въ этотъ классъ, но не были переведены въ сей послѣдній, вслѣдствіе установленной для учениковъ евреевъ процентной нормы.

По поводу сего г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 26-го октября сего года за № 18.207, изъяснилъ, что приготовительные классы гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, при коихъ они учреждены, представляютъ собою не отдѣльное какое-либо подготовительное училище, а составную часть того заведенія, ибо находятся подъ управленіемъ того-же начальника заведенія, по постановкѣ учебной части состоитъ въ тѣсной связи съ заведеніями, при коихъ они открыты, и важнѣйшія дѣла сего класса по учебно-воспитательной части обсуждаются въ педагогическомъ совѣтѣ того-же заведенія, дѣла-же хозяйственныя—въ хозяйственномъ комитетѣ.

Въ виду сего и принимая во вниманіе, что къ дѣтямъ евреевъ, при пріемѣ ихъ въ приготовительный классъ, примѣняется циркулярное распоряженіе Министерства Народнаго Просвѣщенія 10-го іюля 1887 г. за № 10.313, объ установленіи извѣстной процентной нормы, его сіятельство полагаетъ, что засимъ слѣдуетъ переводъ учениковъ приготовительныхъ классовъ изъ евреевъ въ I классъ обусловливать только конкурсомъ на общемъ основаніи и не подвергать ихъ вновь дѣйствію означеннаго распоряженія Министерства, подобно тому, какъ не подлежатъ дѣйствію сего циркуляра ученики евреи другихъ классовъ при переходѣ въ слѣдующіе классы.

Независимо отъ сего изъ имѣющихся въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія свѣдѣній усматривается, что одна изъ гимназій, при рѣшеніи вопроса о томъ, кому изъ дѣтей, получившихъ одинаковые баллы на испы-

таніи, предоставить свободную еврейскую вакансію, прибѣгла къ метанію жребія.

Признавая этотъ порядокъ пріема учениковъ неправильнымъ, статсъ-секретарь И. Д. Деляновъ находитъ, что, вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ такому способу пріема, педагогическому совѣту гимназіи надлежало обсудить лишь всѣ имѣвшіяся на лицо въ пользу каждаго изъ конкуррентовъ данныя, именно, прежде всего возрастъ, такъ какъ дѣти предѣльнаго возраста, въ случаѣ непринятія въ гимназію, должны въ слѣдующемъ году держать экзаменъ уже въ старшій классъ, потомъ слѣдуетъ принимать во вниманіе образовательный цензъ и благосостояніе родителей, а также общественное положеніе послѣднихъ и проч., при равныхъ-же условіяхъ оказывать предпочтеніе дѣтямъ, ранѣе выдержавшимъ пріемное испытаніе, но не принятымъ въ заведеніе по неимѣнію вакансій, а равно поступающимъ въ старшіе классы предъ поступающими въ младшіе.

Объявляется по округу для руководства (ib.).

По поводу непринятія въ число учениковъ еврейскаго мальчика, выдержавшаго испытаніе.

По поводу непринятія начальствомъ одной изъ гимназій въ число учениковъ, вслѣдствіе существующей конкурренціи, еврейскаго мальчика, три раза подвергавшагося пріемному испытанію въ оной гимназіи и оказавшаго удовлетворительныя познанія, его сіятельство г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 7-го октября за № 17.234, увѣдомилъ меня, что онъ считаетъ справедливымъ, чтобы при зачисленіи въ среднія учебныя заведенія вновь поступающихъ учениковъ было принимаемо во вниманіе также и то обстоятельство, что дѣтямъ, выдержавшимъ пріемное испытаніе, но не удостоеннымъ пріема по неимѣнію вакансіи, слѣдуетъ оказывать предпочтеніе предъ дѣтьми, первый разъ являющимися къ пріемному испытанію.

Объ этомъ имѣю честь сообщить гг. начальникамъ среднихъ учебныхъ заведеній для руководства (ib.).

По вопросу о томъ: можно-ли назначать на должность учителя рисованія и чистописанія въ среднія учебныя заведенія лицъ, имѣющихъ свидѣтельство на право преподаванія сихъ предметовъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

По поводу возбужденнаго директоромъ Новгородской мужской гимназіи ходатайства объ утвержденіи въ должности штатнаго учителя рисованія и чистописанія въ этомъ заведеніи титулярнаго совѣтника Ивана Тарасова, имѣющаго свидѣтельство отъ Императорской академіи художествъ на право занятія должности учителя рисованія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ отношеніи отъ 17 марта сего года за № 2.755, я просилъ

Департаментъ Народнаго Просвѣщенія увѣдомить, можно-ли назначать на должности учителей рисованія и чистописанія въ среднія учебныя заведенія лицъ, имѣющихъ свидѣтельства на право преподаванія сихъ предметовъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

По ст. 53 устава гимназій и прогимназій, въ учители чистописанія, черченія и рисованія въ эти заведенія опредѣляются лица, выдержавшія испытаніе на званіе учителя сихъ предметовъ на основаніи установленныхъ для сего правилъ; по ст. 49 устава реальныхъ училищъ въ преподаватели общихъ для всѣхъ реальныхъ училищъ предметовъ опредѣляются лица, пріобрѣвшія право на званіе учителя сихъ предметовъ въ гимназіяхъ; на основаніи ст. 50 послѣдняго устава и Высочайшаго повелѣнія 18-го ноября 1891 года въ учители рисованія реальныхъ училищъ и гимназій и прогимназій опредѣляются преимущественно лица, окончившія курсъ въ классѣ архитектуры Императорской академіи художествъ, въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ, въ классѣ архитектуры Московскаго училища живописи, ваянія и архитектуры и въ Московскомъ Строгановскомъ училищѣ и, сверхъ того, въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ— также и окончившіе курсъ въ училищѣ техническаго рисованія барона Штиглица, а такъ какъ Высочайше утвержденнымъ 22 апрѣля 1868 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта установлено особое испытаніе для полученія званія учителя рисованія, черченія и чистописанія въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, то въ учители сихъ предметовъ въ гимназіи, прогимназіи и реальныя училища, кромѣ лицъ, которымъ окончаніе курса въ упомянутыхъ выше специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ даетъ преимущественное право на занятіе сихъ должностей, могутъ быть опредѣляемы исключительно лица, получившія на то право по упомянутому закону 22 апрѣля 1868 г., т.-е. удостоенныя званія учителя гимназій по означеннымъ предметамъ.

Объ этомъ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія сообщилъ мнѣ отношеніемъ отъ 14 августа сего года за № 14.313.

Объявляется по округу (ib.).

О мѣрахъ къ облегченію учащимся прохожденія курса въ виду бывшаго сокращенія времени занятій во время холерной эпидеміи.

Въ виду появленія холерной эпидеміи въ предѣлахъ Европейской Россіи и въ предупрежденіе развитія болѣзни среди воспитанниковъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія было сдѣлано распоряженіе объ отсрочкѣ въ текущемъ году начала занятій въ учебныхъ заведеніяхъ ввѣреннаго мнѣ округа вообще до 1 сентября, а въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ на болѣе продолжительное время.

Нынѣ г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 17 октября за № 17.850, увѣдомилъ меня, что, озабочиваясь изысканіемъ необходимыхъ мѣръ къ облегченію учащихся, такъ какъ при столь значительномъ сокращеніи учебнаго времени едва-ли представится возможность выполнить требованія программъ среднихъ учебныхъ заведеній безъ чрез-

мѣрнаго напряженія силъ учащихся и обремененіе ихъ непосильнымъ умственнымъ трудомъ можетъ весьма вредно повліять на физическое и умственное развитіе ихъ,—онъ полагалъ-бы, въ текущемъ учебномъ году, кромѣ мѣръ, предложенныхъ для сей цѣли въ циркулярѣ отъ 24 мая сего года за № 9.496, или перенести часть курса въ слѣдующіе классы по тѣмъ предметамъ и въ тѣхъ классахъ, гдѣ это окажется возможнымъ, или сократить самый объемъ сообщаемаго при нормальныхъ условіяхъ учебнаго матеріала, безъ ущерба, однако, для основательности образованія.

Вслѣдствіе сего и согласно сдѣланному мнѣ въ томъ-же предложеніи его сіятельства указанію, имѣю честь покорнѣйше просить гг. начальниковъ среднихъ учебныхъ заведеній предложить педагогическимъ совѣтамъ войти немедленно въ ближайшее обсужденіе означеннаго вопроса и постановленія по сему предмету представить на мое утвержденіе.

Объявляется по округу (ib.).

Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о неудовлетворительномъ исполненіи письменныхъ работъ учениками среднихъ учебныхъ заведеній (28-го ноября 1892 года).

Въ числѣ письменныхъ работъ, исполненныхъ въ текущемъ году на конкурентномъ испытаніи по русскому языку въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ, тридцать три работы, представленныя молодыми людьми, окончившими курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, главнымъ образомъ, въ реальныхъ училищахъ, оказались слабыми какъ по внутреннему своему содержанію, такъ, въ особенности, по обилію грамматическихъ и стилистическихъ ошибокъ, показывающихъ незнаніе воспитанниками первоначальныхъ правилъ грамматики и основныхъ началъ стилистики.

Указавъ въ отдѣльныхъ предложеніяхъ гг. попечителямъ подлежащихъ учебныхъ округовъ на сдѣланныя воспитанниками подвѣдомственныхъ имъ заведеній грамматическія и стилистическія ошибки въ конкурентныхъ сочиненіяхъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ долгомъ считаю обратить вниманіе вашего превосходительства на слѣдующій, замѣченный при разсмотрѣніи означенныхъ сочиненій, недостатокъ общаго характера.

Почти всѣ сочиненія написаны дурнымъ почеркомъ: мелко, неразборчиво, небрежно; часто при напряженномъ вниманіи не отличишь буквъ: *а* отъ *о*, *н* отъ *п*, *т* отъ *ш*—и т. п. Можно подумать, что воспитанники (о которыхъ идетъ рѣчь) никогда не учились правиламъ чистописанія. А между тѣмъ начальство технологическаго института, чтобы побудить конкурентовъ писать лучшимъ почеркомъ, объявило предъ началомъ письменныхъ испытаній, что написавшіе сочиненіе неразборчивымъ почеркомъ, будутъ обязаны вновь переписать его слово въ слово въ одинъ изъ назначенныхъ дней.

Независимо отъ сего, не могу не указать еще на одинъ недостатокъ, хотя замѣченный въ сочиненіи одного лишь конкурента, но могущій повторяться въ письменныхъ работахъ учениковъ и въ другихъ учебныхъ

округахъ, а именно: въ помянутомъ сочиненіи на тему «Императрица Екатерина II въ одахъ Державина» императрица Екатерина II въ четырехъ случаяхъ названа только «Екатериною».

Сообщая о семъ вашему превосходительству, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, предложить начальствамъ среднихъ учебныхъ заведеній наблюсти за тѣмъ: 1) чтобы, кромѣ учителя чистописанія, и всѣ другіе преподаватели требовали съ своей стороны отъ учениковъ четкаго и правильнаго почерка во всѣхъ письменныхъ работахъ и строго слѣдили за чистотою тетрадей, и 2) чтобы ученики, выражаясь устно или письменно о царствовавшихъ или царствующихъ особахъ, употребляли соотвѣтствующіе въ каждомъ случаѣ титулы, напримѣръ: «Императрица Екатерина II» и т. п., а не одни только имена. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1893 г., январь).

Опредѣленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленіями Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными Товарищемъ Министра, постановлено:

— Книжку: «*А. Тиховъ*. Греческая поэзія до Гомера. Изданіе журнала «Гимназія». Ревель. 1892, стр. 88. Цѣна 75 коп.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ гимназій.

— Книгу: «Руководство по средней исторіи. Составлено преподавателемъ Ананьевской гимназіи *И. Иващенкомъ*. Изданіе 3-е, значительно исправленное и дополненное, Одесса. 1891, стр. 188»,—допустить въ качествѣ учебнаго руководства, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были передѣланы всѣ мѣста, указанныя Ученымъ Комитетомъ.

— Книгу: «Исторія римско-католической церкви для учениковъ старшаго возраста, священника доктора *Антонія Ваплера*. Подъ редакціей законоучителя одесскихъ средне-учебныхъ заведеній священника князя *Д. Туманова* на русскій языкъ перевелъ *Θ. О. Зеньковичъ*. Въ нѣкоторыхъ параграфахъ сдѣланы дополненія по Булинскому, Дарра, Гольцварту и Велье. Одесса. 1892, стр. 285+IX. Цѣна 85 коп.»—допустить въ качествѣ учебнаго пособія, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ ея изданіи весь переводъ этой книги былъ подвергнутъ тщательному исправленію со стороны языка и слога.

— Изданіе «Вѣстникъ славянства. Сборникъ, издаваемый *Владиміромъ Каченовскимъ*: 1) Книга I. Казань. 1888, стр. 164; 2) Книга II. 1888, стр. 165; 3) Книга III. 1889, стр. 144; 4) Книга IV. 1889, стр. 164; 5) Книга V. 1890, стр. 144; 6) Книга VI. Кіевъ. 1892, стр. 142. Цѣна первыхъ пяти книгъ по 1 руб. 25 коп. за каждую, а цѣна послѣдней 1 руб. 50 коп.» — рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ мужскихъ гимназій.

— Книгу: «Русское практическое садоводство и лѣсоводство. Изданіе третье, исправленное и дополненное *И. Р. Цивинскаго*. Мценскъ. 1892. Цѣна 1 руб. 50 коп. 8°. IV и 166 стр.»—одобрить какъ учебное пособіе для учительскихъ институтовъ и семинарій, а также для библіотекъ этихъ

учебныхъ заведеній и сверхъ сего допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ, городскихъ, уѣздныхъ двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ.

— Книгу: «Краткая практическая перспектива для начинающихъ. Съ 81 чертежами на отдѣльныхъ таблицахъ. Составила классный художникъ *Ольга Кочетова*. Спб. 1893. 46 стр. Цѣна 75 коп.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Латинская грамматика съ упражненіями для II и III классовъ гимназій и прогимназій и съ картой Италіи и Греціи. Составилъ *П. Виноградовъ*. Москва. 1892, стр. IV+178. Цѣна 1 руб.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Министерства.

— Книгу: «Рѣчи Демосѳена противъ Филиппа. Для учениковъ гимназій объяснилъ *Іосифъ Добіашъ*. Выпускъ I: введеніе, первая рѣчь противъ Филиппа и три Олинѳскія рѣчи. Кіевъ. 1892, стр. XXX+152. Цѣна 1 руб.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія по греческому языку для гимназій Министерства.

— Книгу: «Иллюстрированное изданіе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями подъ редакціей *Льва Георгіевскаго* и *Сергѣя Манштейна*. Софоклъ. Царь Эдипъ. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 29 рисунками и ключемъ къ лирическимъ размѣрамъ. Объяснилъ *Ѳ. Зелинскій*, профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Часть I. Текстъ.—Часть II. Комментарій. Царское Село. 1892, стр. 80+160. Цѣна 1 руб.»—рекомендовать какъ учебное пособіе по греческому языку для гимназій Министерства.

— Книгу: «Краткій учебникъ русской исторіи въ біографическихъ очеркахъ (Курсъ младшаго возраста). Составилъ *А. Н. Сальниковъ*. Спб. 1892, стр. 138».—допустить въ качествѣ руководства для III класса гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: «Двадцать девять чтеній по русской исторіи, послѣдовательно изложенныхъ. Спб. 1892»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи элементарнаго курса русской исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ, и для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки, младшаго и средняго возраста сихъ заведеній, а также въ учительскія и ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— Журналъ: «Русскій Филологическій Вѣстникъ», издаваемый исполняющимъ должность ординарнаго профессора Варшавскаго университета *Александромъ Смирновымъ*»,—рекомендовать для выписки въ 1893 году въ библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «*В. П. Авенаріусъ*. Васильки и колосья. Очерки и разсказы для юношества. Съ 22 портретами и рисунками. Спб. 1892, стр. 310. Цѣна 1 руб. 25 коп.»—допустить въ ученическія. для младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «*К. Негельбахъ*. Гимназическая педагогика, переводъ съ 3 изданія. *Н. Кораблева*. Ревель. 1889, стр. 117. Цѣна 1 руб.»—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ мужскихъ гимназій.

— Книгу: «*W. Schrader*. Гимназіи и реальныя училища. Воспитаніе и обученіе. Переводъ подъ редакціей *Г. Янчевецкаго*, директора Ревель-

ской гимназіи Императора Николая I. Ревель. 1892, стр. 468. Цѣна 2 руб.»—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Методы и теоріи для рѣшеній геометрическихъ задачъ на построеніе, приложенные болѣе чѣмъ къ 400 задачамъ. Доктора *Юліуса Петерсена*, доцента политехнической школы въ Копенгагенѣ, члена Королевской Датской академіи наукъ. Перевелъ *Ѳ. П. Крутиковъ*, преподаватель Олонецкой гимназіи. Москва. 1892, стр. VIII—114. Цѣна 70 к.»—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ, для старшаго и средняго возраста среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Изданіе: «Ежегодникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, изданный подъ редакціей *А. А. Тилло*, предсѣдательствующаго въ отдѣленіи географіи математической, *И. В. Мушкетова*, предсѣдательствующаго въ отдѣленіи географіи физической, и *А. В. Григорьева*, секретаря Общества: I-й—1890 и II-й съ двумя отчетными картами, составленными генералъ-маіоромъ *Коверскимъ*. 1892, стр. въ 1-мъ—VIII—284; во II-мъ—408»—рекомендовать въ фундаментальныя библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: Cours élémentaire de langue Française par *I. B. Hildebrand* (элементарный курсъ французскаго языка. Составилъ *И. В. Гильдебрандъ*). Спб. 1890—1892. Часть I, стр. 70. Цѣна 30 коп.—Часть II, стр. 176. Цѣна 70 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства по французскому языку для реальныхъ училищъ и женскихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Гигіена обыденной жизни. Доктора медицины *П. Енько*, старшаго врача С.-Петербургскаго вдовьяго дома и врача С.-Петербургскаго Александровскаго института. Спб. 1892, стр. 346».—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ и учительскихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Изданіе: «Журналъ русскаго Общества охраненія народнаго здравія. 1892 г. январь—октябрь (второй годъ). Редакторъ журнала *А. А. Липскій*»—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Изданіе: «Руководство для фельдшеровъ, фельдшерицъ и фельдшерскихъ учениковъ. Составилъ докторъ медицины *Ф. Фейгинъ*, бывшій директоръ фельдшерской школы, членъ многихъ ученыхъ обществъ. Въ пяти частяхъ съ 144 рисунками. Страницъ во всѣхъ пяти частяхъ 1359. Цѣна 3 руб. 50 коп.»—одобрить какъ учебное пособіе для фельдшерскихъ школъ.

Опредѣленія особаго отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленіями особаго отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра постановлено:

— Составленныя *Н. Павловымъ* книги: 1) «Опытъ систематическаго сборника задачъ и численныхъ примѣровъ для начальнаго обученія ариѳметикѣ. Часть *1-я*. Числа первой сотни. Казань. 1892. Въ 8 д. л., 66 стр.

Цѣна 20 коп.» и 2) То-же. Часть *2-я*. Числа любой величины. Изд. 2-е. Казань. 1892. Въ 8 д. л., 118 стр. Цѣна 30 коп.»—допустить въ учительскія и ученическія библіотеки начальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи авторомъ были сдѣланы указанныя исправленія.

— Книгу: «Какъ учить писать. Методика чистописанія *Н. И. Акатова*. Подробное руководство для учителей и всѣхъ лицъ, занимающихся преподаваніемъ чистописанія, а также для самоученія и исправленія почерка. М. 1891. Въ 8 д. л., 96 стр. Цѣна 1 руб. 25 коп.»—одобрить въ учительскія библіотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Составленныя *А. К. Гортовымъ* и *В. И. Рязанцевымъ* книги: 1) «Азбука для обученія чтенію и письму по-русски. Казань. 1886. Въ 8 д. л., 98+IX стр. Цѣна 20 коп.» и 2) «Руководство къ азбукѣ. Для учащихъ. Казань. 1885. Цѣна 10 коп.»—допустить первую къ употребленію въ народныхъ училищахъ, а вторую въ учительскія библіотеки этихъ училищъ.

— Книгу: «Важнѣйшія свѣдѣнія по русскому правописанію. Составилъ *Долибскій*. Спб. 1892. Въ 8 д. л. Въ трехъ частяхъ.—Часть I. Правила и употребленіе звуковъ (буквъ) и измѣненія ихъ. Стр. 31. Цѣна 10 коп.—Часть II. Правописаніе частей рѣчи и правила переноса словъ. Стр. 64. Цѣна 20 коп.—Часть III. Правила постановки знаковъ препинанія и другихъ знаковъ. Употребленіе прописной буквы. Стр. 45. Цѣна 15 коп.»—одобрить къ употребленію въ старшихъ классахъ городскихъ училищъ.

— Разсказы *Н. И. Познякова:* 1) «Святочные разсказы. VI. Изъ милаго далека. Спб. 1892. Въ 12 д. л., 63 стр. Цѣна 20 коп.»— и 2) «Святочные разсказы. VII. Происшествіе. Спб. 1892. Въ 8 д. л., 32 стр. Цѣна 10 коп.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Устройство вселенной. Изложено въ общедоступной формѣ. Составилъ *И. А. Чаплыгинъ*. Спб. 1891. Въ 8 д. л., 54 стр. Цѣна 75 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки старшаго возраста низшихъ училищъ.

— Составленную *Д. Мартыновымъ* книгу: «Русскій грамотей. Книга цыфирь. Учительское руководство для начальнаго обученія ариѳметикѣ. Дѣйствіе въ предѣлахъ сотни. Москва. 1892. Въ 8 д. л., 62 стр. Цѣна 20 коп.»—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: «Сборникъ методически распредѣленныхъ ариѳметическихъ задачъ въ связи съ важнѣйшими ариѳметическими объясненіями и правилами. Составилъ *Фридрихъ Доне*. Часть II. Изданіе второе, исправленное. Рига. 1892. Въ 8 д. л., 152 стр.»—допустить къ употребленію въ начальныхъ школахъ, преимущественно Дерптскаго учебнаго округа.

Его Сіятельство г. Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія изволилъ допустить для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній книгу: Векфильдскій священникъ. Романъ *Оливеръ-Гольдсмита*. Перевелъ съ англійскаго *Яковъ Гердъ*. Спб. 1892, стр. 343. Цѣна 1 руб. 50 коп.».

Вопросъ объ образованіи русскихъ евреевъ въ царствованіе императора Николая I.

Съ изданіемъ Положенія 9-го декабря 1804 г. *), русскіе евреи получили право обучать своихъ дѣтей въ народныхъ училищахъ, гимназіяхъ, университетахъ и академіи художествъ наравнѣ со всѣми подданными русскаго государства. Но въ теченіе всего царствованія императора Александра I они почти не пользовались этимъ драгоцѣннымъ правомъ: лишь очень ограниченное число евреевъ посѣщало общія учебныя заведенія.

Это уклоненіе евреевъ отъ пользованія предоставленнымъ имъ правомъ не оставалось незамѣченнымъ въ правительственныхъ сферахъ. И когда для обсужденія мѣръ, необходимыхъ для приведенія Положенія въ исполненіе, созваны были въ 1809 году депутаты отъ еврейскихъ обществъ, имъ предложенъ былъ, между прочимъ, и вопросъ о томъ, почему евреи не отдаютъ своихъ дѣтей въ общія учебныя заведенія. Депутаты отвѣчали тогда, что для еврейскихъ дѣтей, до вступленія въ общія учебныя заведенія, необходимо учиться въ спеціально-еврейскихъ училищахъ еврейскимъ предметамъ и подготовиться къ русскому языку, который для нихъ совершенно чуждъ. Но дѣло тѣмъ и кончилось, что этотъ отвѣтъ признанъ былъ неудовлетворительнымъ **).

Совершенно иначе отнеслось къ указанному факту русское правительство въ царствованіе императора Николая I.

Къ началу 2-й четверти текущаго столѣтія ясно обозначились отрицательныя стороны характера евреевъ, какъ подданныхъ русскаго государства. Отчужденіе евреевъ отъ окружавшаго ихъ христіанскаго общества въ образѣ жизни, обычаяхъ, языкѣ, одеждѣ и полная зам-

---

*) Полн. Соб. Закон. т. XXVIII, № 21547.

**) Евр. библіот. Ландау. Т. II, стр. 241 и 242.

кнутость еврейской общины [1]), эксплуатація ими крестьянъ, особенно въ помѣщичьихъ имѣніяхъ [2]), умѣнье, когда выгодно, обойти законъ и уклониться отъ исполненія государственныхъ постановленій [3]) — всѣ такія и подобныя имъ несимпатичныя проявленія еврейскаго характера давали полное основаніе считать евреевъ болѣе вредными, чѣмъ полезными гражданами русскаго государства [4]). Когда-же многіе изъ евреевъ въ 1830—1831 гг., примкнувъ къ полякамъ, приняли участіе въ польскомъ мятежѣ [5]), правительство стало смотрѣть на нихъ рѣшительно какъ на вредныхъ подданныхъ.

Но разъ въ правительственныхъ сферахъ установился такой взглядъ на евреевъ, уже невозможно было оставлять ихъ въ томъ положе-

---

[1]) См. весьма интересную статью «Польскіе евреи» въ «Библіотекѣ для Чтенія» за 1838 г. ч. XXVIII.

[2]) Дѣло нерѣдко доходило до того, что евреи становились полными господами въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Сенатъ, узнавъ объ этомъ, въ 1812 году рѣшительно воспретилъ евреямъ владѣть деревнями и помѣщичьими имѣніями. Но евреи нашли-таки способы обойти и этотъ рѣшительный указъ. Одинъ изъ этихъ способовъ, извѣстный подъ именемъ «крестенцій», состоялъ въ томъ, что еврей заключалъ съ помѣщикомъ условія, по которымъ крестьяне должны были снимать съ полей свой хлѣбъ и сѣно, свозить ихъ въ еврейскую винокурню, и притомъ исполнять и всякія другія порученія еврея по винокурнѣ. Такимъ образомъ крестьяне работали на еврея, а помѣщикъ, удовлетворенный выгодными условіями, заключенными съ евреями, фактически отрекался отъ владѣнія крестьянами, которые и переходили всецѣло въ еврейскія руки. Такой способъ владѣнія крестьянами былъ очень распространенъ. Можно судить объ этомъ по тому уже, что по одной Гродненской губерніи оффиціально удостовѣрено существованіе 46 помѣщиковъ-евреевъ, владѣвшихъ въ общей сложности 19.438 душами. Правительствующій Сенатъ, узнавъ объ этомъ въ 1816 году, конечно, приказалъ отобрать у евреевъ крестьянъ и строжайше подтвердилъ, чтобы на будущее время крестьяне и дворовые люди ни добровольно, ни по волѣ помѣщиковъ не работали на евреевъ; но зло этимъ не было остановлено. Извѣстны и такіе случаи, что евреи прямо покупали крестьянъ. (Ист. Мин. Внутр. Дѣлъ, Варадинова. Ч. II, кн. 2, стр. 29—42. См. также «Очерки и изслѣдованія» Оршанскаго, т. I, стр. 296 и слѣд.).

[3]) Пол. Собр. Законовъ т. XL, № 30, 404.

[4]) Пол. Собр. Св. Зак. Т. III, № 2558.

[5]) Любопытныя подробности объ участіи евреевъ въ польскомъ бунтѣ и отношеніи поляковъ къ евреямъ во время возстанія 1831 г. сообщаются Гретцемъ въ его «Исторіи евреевъ» стр. 380—389. Тѣмъ страннѣе, что русскіе писатели-юдофилы стараются обѣлить евреевъ и доказать, что евреи остались вѣрны правительству во время польскаго мятежа. Такъ, Градовскій въ сочиненіи своемъ: «Торговыя и другія права евреевъ въ Россіи» на стр. 178 пишетъ: во время польскаго мятежа, бывшаго въ царствованіе императора Николая I, могли-бы обнаружиться среди евреевъ случаи измѣны; *ничего подобнаго*, однакожъ, не случилось.

ніи, въ какомъ они находились до тѣхъ поръ. Государственные интересы Россіи настойчиво требовали, чтобы разслѣдованы были причины, содѣйствующія тому, что часть русскихъ подданныхъ оказывается вредною, и приняты были серьезныя мѣры къ превращенію евреевъ въ надежныхъ подданныхъ, къ обращенію ихъ на путь полезной дѣятельности.

Одной изъ наиболѣе серьезныхъ и цѣлесообразныхъ мѣръ къ «исправленію» евреевъ самъ государь считалъ тогда распространеніе между евреями образованія. И соотвѣтственно этому вопросы о причинахъ уклоненія евреевъ отъ образованія и о мѣрахъ къ устраненію этихъ причинъ пріобрѣтаютъ въ глазахъ правительства чрезвычайно важное значеніе и занимаютъ его въ теченіе всего долгаго царствованія императора Николая I.

Первымъ по времени проявленіемъ заботливости правительства въ царствованіе императора Николая I о распространеніи между евреями образованія было изданіе Положенія 13-го апрѣля 1835 г., шестая глава котораго говоритъ исключительно объ образованіи евреевъ *).

Законоположеніе это, насколько дѣло касается образованія евреевъ, составлено въ духѣ, благопріятномъ для евреевъ.

а) Положеніе 1804 года открывало еврейскимъ дѣтямъ доступъ лишь въ народныя училища, гимназіи, университеты и Петербургскую академію художествъ; Положеніе 1835 года предоставило евреямъ право обучаться не только въ вышепоименованныхъ учебныхъ заведеніяхъ имперіи, но и во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ имперіи, а равно и во всѣхъ частныхъ училищахъ и пансіонахъ. Такимъ образомъ Положеніе 1835 г. предоставило евреямъ такія-же права относительно опредѣленія своихъ дѣтей въ общія учебныя заведенія, какія принадлежали и христіанамъ.

б) Положеніе 1835 года предоставило евреямъ право учреждать для образованія своего юношества въ наукахъ и искусствахъ и для изученія правилъ еврейскаго вѣроисповѣданія частныя училища на общемъ основаніи съ христіанскими училищами. Въ практическомъ отношеніи было чрезвычайно важно предоставленіе евреямъ этого права—устраивать частныя училища. Существованіе этихъ училищъ могло предоставить возможность дать общее образованіе своимъ дѣтямъ и для тѣхъ изъ родителей, которые не рѣшились-бы пускать ихъ въ общія заведенія, опасаясь, что постоянное соприкосновеніе ихъ дѣтей съ христіанскими дѣтьми въ этихъ заведеніяхъ можетъ ослабить ихъ

*) Пол. Собр. Зак. № 8054.

привязанность къ вѣрѣ отцовъ. Эти заведенія могли оказать евреямъ и другую услугу. Если правду говорили еврейскіе депутаты, объясняя уклоненіе своихъ единовѣрцевъ отъ отдачи дѣтей въ учебныя заведенія тѣмъ, что имъ совершенно незнакомъ языкъ русскій, то теперь, по изданіи закона 1835 года, причина эта могла быть легко устранена: частныя заведенія, на преподаваніе въ которыхъ русскаго языка слѣдовало, по закону, обращать особенное вниманіе, могли сдѣлаться прекрасными подготовительными для еврейскихъ дѣтей школами.

в) Чтобы заохотить евреевъ отдавать своихъ дѣтей въ общія христіанскія заведенія и давать имъ полное, законченное образованіе, законъ предоставлялъ нѣкоторыя права и преимущества тѣмъ изъ нихъ, которые успѣшно окончатъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній. Получившимъ степень студента, кандидата, магистра и художника (академіи художествъ) законъ предоставлялъ право просить почетнаго гражданства личнаго, а получившимъ степень доктора—потомственнаго почетнаго гражданства. Послѣдняго рода лицамъ предоставлялось, кромѣ того, право вступленія въ учебную и гражданскую службу, не иначе, впрочемъ, какъ съ Высочайшаго разрѣшенія. Получившіе ученыя степени по части медицинской, въ случаѣ вступленія на службу, пріобрѣтали право производства по этой собственно части наравнѣ со всѣми другими служащими и право на вольную практику въ имперіи. Наконецъ, всѣмъ тѣмъ, кто поступалъ на службу учебную и гражданскую, присвоялось право пребыванія во внутреннихъ губерніяхъ и столицахъ.

Законъ, повторяю, составленъ былъ въ духѣ, благопріятномъ для евреевъ. И тѣмъ не менѣе слѣдуетъ сказать, что изданіе его не могло, особенно въ ближайшемъ будущемъ, сопровождаться тѣми благодѣтельными результатами, которыхъ, какъ увидимъ ниже, ожидали отъ него. Самъ по себѣ законъ лишь отчасти, въ незначительной степени могъ расположить евреевъ давать своимъ дѣтямъ общее образованіе.

Законъ широко открывалъ евреямъ двери казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеній, но онъ вовсе не обязывалъ евреевъ отдавать своихъ дѣтей въ эти заведенія. Свободной волѣ родителей предоставлялъ онъ рѣшеніе вопроса о томъ, слѣдуетъ-ли въ данномъ случаѣ воспользоваться имъ правомъ, которое давалъ имъ законъ.

При такой постановкѣ дѣла, евреи охотно стали-бы отдавать своихъ дѣтей въ учебныя заведенія лишь въ томъ случаѣ, если-бы они цѣнили общее образованіе само по себѣ, независимо отъ тѣхъ выгодъ,

правъ и преимуществъ, какія оно даетъ, или если-бы права и преимущества, связанныя съ образованіемъ, были дѣйствительно соблазнительны и болѣе или менѣе легко достижимы.

Но общее образованіе для подавляющаго большинства евреевъ тогдашняго времени само по себѣ не имѣло сколько-нибудь важнаго значенія. Единственное образованіе, какое они считали тогда существенно необходимымъ для всѣхъ дѣтей мужескаго пола, это образованіе религіозное, состоявшее въ чтеніи и изученіи молитвъ и талмуда, и это образованіе старался дать своимъ дѣтямъ каждый еврей-отецъ, какъ-бы ни были тяжелы матеріальныя условія его существованія, какъ-бы ни были велики жертвы, которыя онъ долженъ былъ приносить для исполненія этой обязанности. Этого рода образованіе и получали въ большей или меньшей степени всѣ еврейскіе мальчики: имѣющіе родителей—на ихъ счетъ, сироты—на общественный счетъ. Всякое другое образованіе евреи считали если не вреднымъ, то, по меньшей мѣрѣ, не имѣющимъ ни малѣйшаго существеннаго значенія. Въ описываемое время лишь въ нѣкоторыхъ пунктахъ черты еврейской осѣдлости начали обнаруживаться нѣкоторые, хотя и слабые еще признаки, свидѣтельствовавшіе о томъ, что въ воззрѣніяхъ евреевъ на значеніе общаго образованія начинаетъ происходить переворотъ. Такимъ пунктомъ сдѣлалась прежде всего Одесса. Одна изъ еврейскихъ общинъ этого города составилась изъ евреевъ, переселившихся сюда изъ Австріи. Къ этой общинѣ, хорошо знакомой съ общеобразовательными еврейскими школами, существовавшими уже въ первой четверти настоящаго столѣтія въ Австріи, естественно не могла имѣть мѣста нетерпимость къ не-талмудическому образованію. И въ этой именно общинѣ, при содѣйствіи гражданской власти, возникло въ 1826 г. общеобразовательное еврейское училище, содержавшееся на общественный счетъ. По первоначальному плану училище состояло изъ 4-хъ одногодичныхъ классовъ. Предметами ученія были: св. писаніе, древній еврейскій языкъ, талмудъ, чистописаніе, ариѳметика и языки русскій и нѣмецкій. Посѣщали это училище первоначально лишь дѣти той общины, которая основала его. Число ихъ было незначительно: при открытіи училища въ немъ считалось лишь 37 учениковъ. Но скоро и въ другой общинѣ, подъ вліяніемъ постоянныхъ сношеній съ иностранными евреями и съ появленіемъ въ средѣ ея молодыхъ евреевъ, кончившихъ курсъ ученія въ русскихъ и заграничныхъ университетахъ, началъ мало-по-малу ослабѣвать еврейскій фанатизмъ. Скоро стали отпускать дѣтей своихъ въ новую школу и члены этой второй общины. Вслѣдствіе этого число учениковъ быстро увеличи-

лось (въ 1834 г. ихъ было уже 289), а съ увеличеніемъ учениковъ увеличились и средства училища. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, училище сочло возможнымъ значительно расширить свою программу. Съ ноября 1830 г. оно состояло уже изъ трехъ двухгодичныхъ курсовъ и одного приготовительнаго класса. Въ училищѣ тогда стали преподавать: 1) Законъ Божій, 2) языки русскій, нѣмецкій, древній еврейскій и французскій, 3) всеобщую грамматику, 4) ариѳметику, 5) коммерческую бухгалтерію, 6) риторику, 7) географію, 8) всеобщую исторію, 9) общія начала физики, 10) чистописаніе, 11) составленіе гражданскихъ дѣловыхъ бумагъ и 12) талмудъ, отъ изученія котораго ученики могли быть увольняемы по желанію родителей. Независимо отъ этого, въ маѣ 1835 г. при мужскомъ училищѣ открыто было женское отдѣленіе, въ которое въ этомъ-же году поступило 60 дѣвочекъ. Успѣху и процвѣтанію этихъ школъ содѣйствовало, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что во главѣ ихъ стоялъ высокоразвитый и образованный еврей, докторъ Штернъ, и что помощниками его явились люди, дѣйствительно всецѣло преданные своему дѣлу, особенно Финкель, Гуровичъ и Пинскеръ *) Кромѣ Одессы, нужно еще поименовать и Вильну. Въ Вильнѣ, какъ центрѣ умственной, торговой и административной дѣятельности края, въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія выдѣлилось уже нѣсколько семей, сбросившихъ съ себя всѣ внѣшніе признаки еврейской національности и не чуждавшихся образованія. Было здѣсь и нѣсколько молодыхъ евреевъ, получившихъ полное университетское образованіе **). Такимъ образомъ въ Вильнѣ явились условія, благопріятствовавшія появленію здѣсь общеобразовательной школы. И такая школа явилась. Въ 1830 году открыто было здѣсь частное училище для обученія еврейскихъ дѣтей предметамъ приходскаго училища. Содержателемъ его былъ Шевель Перель ***).

Права, какія законъ предоставлялъ съ успѣхомъ кончившимъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, конечно, были соблазнительны, но для полученія этихъ правъ нужно было прожить длинный періодъ времени въ постоянныхъ сношеніяхъ съ обучающимися въ казенныхъ общихъ учебныхъ заведеніяхъ христіанами. А эта перспектива совсѣмъ не улыбалась евреямъ. Масса евреевъ опасалась, да и

*) Жур. Мин. Нар. Просв. 1835 г., ч. VIII, стр. 608—612. Жур. Мин. Внут. Дѣлъ 1846 г., кн. XI, стр. 172.

**) Въ 1819 г. въ Виленскомъ университетѣ было уже нѣсколько евреевъ, оканчивавшихъ тогда курсъ. Сбор. расп. по Мин. Нар. Просв., т. I, стр. 395.

***) Дѣло Канц. Поп. Вил. Уч. Окр. св. 221, № 2045.

имѣла основаніе опасаться, что посѣщеніе ихъ дѣтьми общихъ учебныхъ заведеній весьма легко можетъ охладить ихъ къ вѣрѣ отцовъ, что чрезъ сближеніе съ товарищами-христіанами они усвоятъ себѣ привычки и воззрѣнія, совершенно несогласныя съ завѣтами еврейства. Независимо отъ этого, чтобы предоставить своимъ дѣтямъ возможность пройти полный учебный курсъ, отецъ-еврей долженъ былъ на весь учебный періодъ не только отказаться отъ мысли пользоваться силами своихъ дѣтей, но и еще тратить на нихъ довольно значительныя суммы. А что могло ручаться, что эти расходы не окажутся совершенно непроизводительными? Учебный курсъ длиненъ, и въ продолженіе его могла случиться тысяча обстоятельствъ, которыя могли помѣшать поступившему въ учебное заведеніе дойти до университета и кончить въ немъ курсъ. Но не кончившему курса университета образованіе не давало никакихъ правъ. И деньги, въ такомъ случаѣ, должны были оказаться истраченными напрасно, и время, которое могло быть употреблено на пріученіе молодого еврея къ какой-нибудь практической дѣятельности, совершенно пропущеннымъ.

Весьма понятно поэтому, что масса евреевъ не могла соблазниться правами и преимуществами, которыя обѣщалъ законъ кончившимъ курсъ ученія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и только ничтожное меньшинство евреевъ, болѣе или менѣе свободное отъ предразсудковъ и фанатизма еврейскихъ, могло рискнуть отдать своихъ дѣтей въ общія учебныя заведенія. Но и это меньшинство не всегда могло совершенно свободно располагать образованіемъ своихъ дѣтей. Фанатическая еврейская масса иной разъ была склонна употребить даже насиліе противъ рѣшавшихся посѣщать учебныя заведенія. Извѣстенъ такой случай. Въ 1839 году въ Кейданахъ распространился слухъ, что нѣкто Липманъ, мальчикъ 14 лѣтъ, имѣетъ поступить въ Кейданское дворянское училище. Этотъ слухъ рѣшительно взволновалъ мѣстное еврейское общество, такъ какъ до того времени въ числѣ учениковъ Кейданскаго училища никогда не было евреевъ. Дерзость Липмана въ глазахъ евреевъ была непростительная, и они рѣшились наказать его. Въ томъ-же году они рѣшили отправить мальчика въ Вилькомиръ для сдачи въ рекруты. Сдача, однакожъ, не состоялась, такъ какъ Липманъ нашелъ себѣ защитника въ лицѣ флигель-адъютанта, присутствовавшаго при пріемѣ рекрутовъ. Липманъ возвратился въ Кейданы и, наперекоръ евреямъ, въ январѣ 1840 г. поступилъ въ Кейданское училище. Тогда еврейское общество порѣшило при первомъ случаѣ отдать его въ рекруты, хотя онъ былъ одинъ сынъ у отца *).

*) Дѣло Канц. Поп. Вил. У. Ок. Св. 427, № 3619.

Обратимся теперь къ фактамъ. Они въ достаточной мѣрѣ подтвердятъ наши соображенія.

Въ теченіе пяти лѣтъ, послѣдовавшихъ за изданіемъ Положенія 1835 г., обнародованіе этого закона дало слѣдующіе результаты:

Новыя еврейскія частныя училища на счетъ еврейскихъ обществъ открыты были въ это время въ Умани, Кишиневѣ и Шлокскомъ посадѣ. Предполагалось устроить еще училище въ Вильнѣ, но по обстоятельствамъ открытіе этого училища не состоялось.

Въ Умани открыто было трехклассное училище въ 1835 году. Въ училищѣ этомъ были преподаваемы: Ветхій Завѣтъ съ толкованіями, языки русскій, нѣмецкій и еврейскій, чистописаніе на трехъ языкахъ, ариѳметика и географія. Талмудъ не былъ преподаваемъ въ училищѣ: ученикамъ предоставлялось изучать его дома. Училище это, на содержаніе котораго было отпускаемо до 6.000 р. изъ общественныхъ суммъ, открыто было, благодаря настояніямъ и хлопотамъ доктора медицины Абрамсона, единомышленника и сотрудника доктора Штерна по устройству имъ одесскихъ училищъ.

Въ 1838 г. открыто было училище въ Кишиневѣ. Программа этого училища была тожественна съ программой Одесскаго училища. Содержалось оно на средства мѣстнаго еврейскаго общества. Училище это, какъ и Одесское, прекрасно вело свое дѣло, такъ какъ во главѣ его стояли люди, выдающіеся въ еврейскомъ обществѣ: сначала Эйхенбаумъ, еврейскій поэтъ, затѣмъ врачъ Гуровицъ и докторъ Гольденталь, занявшій впослѣдствіи каѳедру профессора въ Вѣнскомъ университетѣ *).

Въ 1838 г. задумали открыть общественное еврейское училище евреи, жители мѣстечка Шлокки, недалеко отъ Риги. Въ бытность въ Ригѣ графа Уварова, шлокскій кагалъ обратился къ нему съ прошеніемъ о дозволеніи открыть для первоначальнаго образованія евреевъ двухклассное училище на слѣдующихъ основаніяхъ: Въ 1-мъ классѣ дѣти имѣютъ быть обучаемы чтенію и письму по еврейски, нѣмецки и по русски, первымъ началамъ ариѳметики и необходимымъ молитвамъ. Во 2-мъ классѣ предположено преподавать: іудейскую религію по библіи, переведенной на нѣмецкій языкъ Мендельсономъ, грамматики языковъ: еврейскаго, нѣмецкаго и русскаго, географію, ариѳметику и исторію, въ особенности отечественную. При этомъ въ прошеніи выразительно было указано на то, что іудейская религія должна быть преподаваема систематически, и притомъ на основаніи священ-

*) Восходъ. 1888 г. № 8. Совр. лѣтопись, стр. 1.

ныхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ откровеніе Божіе, данное чрезъ пророковъ. Соотвѣтственно требованію закона 1835 г., шлокское общество предполагало организовать свое училище на основаніи общихъ правилъ, и поэтому, подчиняя его вѣдѣнію дирекціи народныхъ училищъ, давало въ прошеніи увѣреніе, что руководства въ немъ будутъ употребляться тѣ-же самыя, какъ и въ христіанскихъ училищахъ, что распредѣленіе уроковъ, производство испытаній будутъ подчинены общимъ правиламъ. Изъ учителей одинъ долженъ быть русскій, двое— мѣстные евреи, а во главѣ школы долженъ быть поставленъ иностранецъ еврейскаго исповѣданія, который былъ-бы «образованъ въ духѣ чистаго просвѣщенія» и который долженъ имѣть свидѣтельства какъ о познаніяхъ, такъ равно и о хорошемъ поведеніи своемъ. Средства училища должны составлять—плата за ученіе съ достаточныхъ родителей по пяти рублей въ полугодіе и сборъ съ каждаго убиваемаго для евреевъ въ пищу животнаго по 50 коп. Благодаря энергичному заступничеству графа Уварова въ Комитетѣ Министровъ и предъ государемъ, шлокскимъ евреямъ разрѣшено было привести въ исполненіе предположеніе объ установленіи особаго сбора, и въ 1839 г. открыто было Шлокское училище *). Во главѣ его поставленъ былъ мюнхенскій еврей, докторъ Лиліенталь. Человѣкъ умный, энергичный, понимавшій всю важность образованія для русскихъ евреевъ, Лиліенталь съ величайшимъ усердіемъ принялся за порученное ему дѣло и въ непродолжительное время успѣлъ поставить школу прекрасно. Еврейская школа въ Ригѣ (т.-е. Шлоккахъ), доносилъ министру 18-го іюля 1840 года профессоръ Розбергъ, такъ недавно возникшая подъ управленіемъ опытнаго, благонамѣреннаго и основательнаго ученаго директора Лиліенталя, уже успѣла развиться и находится въ цвѣтущемъ состояніи. Удовольствіемъ считаю свидѣтельствовать объ изумительныхъ тамъ успѣхахъ въ географіи, исторіи, грамматикѣ нѣмецкой, ариѳметикѣ и даже въ русскомъ языкѣ. Настоящее положеніе этого свѣжаго разсадника просвѣщенія, превосходящаго самыя смѣлыя ожиданія, обѣщаетъ ему радостную, блестящую будущность **).

Въ томъ-же 1838 г., когда возникла мысль объ открытіи училища въ Шлоккахъ, графъ Уваровъ имѣлъ удовольствіе получить и отъ виленскаго кагала заявленіе о желаніи его устроить въ Вильнѣ «уѣздное училище для евреевъ». Заявленію этому данъ былъ надлежащій ходъ; выработанъ былъ и уставъ училища ***). Но открытіе

*) Сбор. постан. по М. Н. П. Т. 11, отд. 1, стр. 1173.

**) Допол. къ сбор. постанов., стр. 707.

***) Дѣло Канц. Поп. Вил. У. О. Св. 356, № 2948.

проектированнаго училища не состоялось за неотысканіемъ источника, изъ котораго можно было-бы почерпнуть суммы, необходимыя на содержаніе училища. Виленское еврейское общество предполагало отпускать на содержаніе училища до 1.250 руб. изъ суммъ коробочнаго сбора; но Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, съ которымъ было сдѣлано сношеніе по этому дѣлу, не нашелъ возможнымъ согласиться на отпускъ суммъ изъ коробочнаго сбора, такъ какъ этотъ сборъ, по правиламъ того времени, могъ быть употребляемъ лишь на уплату общественныхъ долговъ, казенныхъ податей и на исполненіе обрядовъ вѣры, а остатки его подлежали отсылкѣ въ приказы общественнаго призрѣнія для приращенія процентами *).

Но хотя училище не было открыто, тѣмъ не менѣе съ уставомъ его слѣдуетъ познакомить читателя. Составленъ онъ былъ людьми, близко знакомыми съ положеніемъ, нуждами и воззрѣніями еврейскаго общества. Онъ тщательно былъ обсуждаемъ и въ управленіи учебнаго округа, и въ управленіи генералъ-губернатора, и послѣдняя редакція его—результатъ соглашенія учебной и административной власти—представляетъ собой весьма обстоятельный опытъ рѣшенія вопроса о томъ, какія слѣдовало учреждать тогда для евреевъ училища въ виду, съ одной стороны, требованій закона 1835 г., а съ другой—нуждъ и настроенія еврейскаго общества.

Въ Вильнѣ предполагалось тогда основать уѣздное для евреевъ училище съ той цѣлью, чтобы вмѣстѣ съ средствами лучшаго нравственнаго образованія доставить евреямъ тѣ свѣдѣнія, которыя, по образу ихъ жизни, нуждамъ и упражненіямъ, могутъ быть болѣе для нихъ полезны (§ 1). Во главѣ этого училища долженъ былъ стоять смотритель, должность котораго поручалась одному изъ учителей-христіанъ (§ 2). Сверхъ сего, для содѣйствія успѣхамъ училища предполагалось назначить комитетъ изъ пяти членовъ, выбираемыхъ виленскимъ еврейскимъ обществомъ и утверждаемыхъ въ этомъ званіи губернаторомъ (§ 3). Учителями въ училищѣ могли быть какъ евреи, такъ и христіане (§ 4).

Всѣ члены училищной корпораціи должны были, по уставу, считать своей священной обязанностію—пещись о благосостояніи училища, въ частности комитетъ (§ 50) особенно долженъ былъ стараться «истреблять въ евреяхъ своего общества вкорененное въ нихъ предубѣжденіе ко всѣмъ нововведеніямъ и удостовѣрить оное въ важной пользѣ, какую можетъ доставить возрастающему поколѣнію евреевъ

*) Дѣло Канц. Поп. Вил. У. О. Св. 356, № 2948.

прочное образованіе, основанное на правилахъ ихъ религіи». Комитету рекомендовалось также обращать строгое вниманіе на всѣ распускаемые въ кругу евреевъ невыгодные объ училищѣ слухи, а равно и стараться открыть недоброжелательныя лица, распускающія подобные слухи; во всѣхъ публичныхъ собраніяхъ евреевъ объяснять главамъ семействъ истинную цѣль дѣйствій училищнаго начальства въ отношеніи къ воспитанію ихъ юношества.

Религіозныя убѣжденія и чувства учащихся ни въ какомъ случаѣ не могли быть оскорбляемы учащими. И комитетъ, и смотритель должны были тщательно смотрѣть (§ 44), чтобы учителя изъ христіанъ не показывали презрѣнія къ ученикамъ и сослуживцамъ своимъ изъ евреевъ и въ разговорахъ какъ съ товарищами, такъ и съ учениками не касались-бы религіи. Но христіанскому воздѣйствію на училище оставлено было достаточно мѣста. Во главѣ училища долженъ былъ стоять христіанинъ. Онъ могъ въ высшей степени толерантно относиться къ религіознымъ убѣжденіямъ своихъ учениковъ и сослуживцевъ и не позволять себѣ ни слова, ни дѣйствія, которое могло-бы быть истолковано въ смыслѣ неуваженія къ религіознымъ убѣжденіямъ ихъ, и тѣмъ не менѣе онъ легко могъ дѣйствовать въ смыслѣ ослабленія еврейской исключительности, уничтоженія ихъ предразсудковъ противъ христіанъ и сближенія ихъ съ христіанскимъ обществомъ. И вліяніе это могло быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чище былъ нравственный характеръ смотрителя, чѣмъ больше онъ самъ отличался устойчивостію своихъ убѣжденій и энергіей воли. Затѣмъ, его сослуживцами могли быть не исключительно евреи. Преподавателями всѣхъ предметовъ, кромѣ еврейскихъ, могли быть и христіане. А такъ какъ преподаваніе всѣхъ еврейскихъ предметовъ могло быть соединено въ рукахъ одного преподавателя, то отношеніе преподавателей-евреевъ къ преподавателямъ-неевреямъ могло быть очень выгодно для проложенія пути въ училище христіанскимъ идеямъ. И, конечно, чѣмъ больше было-бы христіанъ въ числѣ преподавателей, тѣмъ болѣе учащіеся подвергались-бы и воздѣйствію на нихъ христіанъ.

Постановкой преподаванія уѣздное для евреевъ училище мало чѣмъ отличалось отъ уѣздныхъ училищъ, существовавшихъ по Положенію 1828 года.

Въ трехъ классахъ училища на преподаваніе правилъ еврейскаго вѣроисповѣданія (изученіе молитвъ, чтеніе Пятокнижія Моисея, пророковъ и талмуда съ избранными для послѣдняго комментаріями) назначено было лишь 9 уроковъ (по 3 въ каждомъ классѣ) и на преподаваніе еврейскаго языка по 3 въ 1-мъ и по два въ остальныхъ

классахъ. Всего на всѣ еврейскіе предметы назначено было 16 уроковъ ($24^0/_0$ всего количества уроковъ). Остальные уроки (числомъ 50) предназначаемы были для прохожденія русскаго и нѣмецкаго языковъ, ариѳметики, географіи и исторіи, чистописанія, черченія и рисованія. Изъ нихъ на прохожденіе русскаго языка предназначалось во всѣхъ 3 классахъ 12 уроковъ, географіи и исторіи 14 уроковъ, нѣмецкаго языка 9, ариѳметики 7, чистописанія, черченія и рисованія 8.

Такимъ образомъ, еврейскимъ предметамъ не дано въ учебномъ планѣ преобладающаго положенія, и изученіе общеобразовательныхъ предметовъ могло идти довольно успѣшно. Такое сужденіе приходится высказать особенно въ виду того, что проектъ устава допускалъ учрежденіе при училищѣ приготовительнаго класса; въ этомъ классѣ предполагалось обучать чтенію и письму на русскомъ языкѣ и 4-мъ правиламъ ариѳметики.

Въ случаѣ, «если представятся потребные способы и по мѣстнымъ обстоятельствамъ окажется нужнымъ распространить курсъ ученія, дабы доставить ученикамъ его средства поступать для продолженія наукъ въ высшія учебныя заведенія», проектъ устава допускаетъ открытіе въ училищѣ еще двухъ классовъ и введеніе въ преподаваніе языковъ латинскаго и французскаго, а равно и другихъ предметовъ, назначенныхъ по Положенію о 5-классныхъ дворянскихъ уѣздныхъ училищахъ. Равнымъ образомъ въ проектѣ предусматривается возможность и открытія дополнительныхъ классовъ по тѣмъ предметамъ, коихъ знаніе наиболѣе способствуетъ успѣхамъ въ оборотахъ торговли и въ трудахъ промышленности.

Рѣшеніе вопроса о пріемѣ учениковъ въ училище представляло нѣкоторыя затрудненія. Тогдашній виленскій губернаторъ полагалъ, что нужно было-бы предоставить всѣмъ евреямъ право опредѣлять своихъ дѣтей въ училище. Но генералъ-грбернаторъ и учебное начальство находили, что дозволеніе принимать въ уѣздное училище еврейскихъ дѣтей безъ различія почетнѣйшихъ купцовъ и гражданъ отъ мѣщанъ могло-бы отвратить знатнѣйшихъ и зажиточнѣйшихъ евреевъ отъ воспитанія ихъ дѣтей въ публичномъ училищѣ вмѣстѣ съ дѣтьми мѣщанъ низшаго и необразованнаго класса. Поэтому проектъ устава ставилъ требованіе, чтобы при пріемѣ въ училище было отдаваемо преимущество. дѣтямъ купцовъ и лучшихъ гражданъ, пользующихся добрымъ мнѣніемъ въ обществѣ, противу дѣтей евреевъ низшихъ сословій.

Разумѣется, начальство училища, по недостатку свѣдѣній о сред-

ствахъ просителей и о той репутаціи, какой они пользовались среди своихъ единовѣрцевъ, могло быть поставлено въ затрудненіе при исполненіи этого требованія. Въ предвѣдѣніи этого уставъ предоставлялъ выборъ кандидатовъ для поступленія въ училище комитету. Всѣ, желавшіе помѣстить дѣтей въ училище, должны были заявлять о томъ комитету, а комитетъ, по соображеніи общаго числа просителей и собраніи свѣдѣній о нихъ, избиралъ на вышеизложенномъ основаніи такое число кандидатовъ, какое могло быть принято въ училище.

О частныхъ училищахъ, открытыхъ по изданіи закона 1835 г., у насъ есть свѣдѣнія только по Виленскому учебному округу; но эти свѣдѣнія очень характерны. Оказывается, что дѣло открытія частныхъ училищъ пошло здѣсь успѣшно только въ Вильнѣ.

Обнародованіе Положенія 1835 г. видимо дало обильную пищу для толковъ въ виленскомъ еврейскомъ обществѣ о необходимости и благовременности открытія частныхъ еврейскихъ училищъ. 17 іюля, т.-е. спустя лишь 18 дней по обнародованіи Положенія (31 мая), директоръ училищъ уже доноситъ попечителю округа, что къ нему являются евреи, желающіе заниматься первоначальнымъ обученіемъ русскому и иностраннымъ языкамъ дѣтей своего вѣроисповѣданія, ссылаясь на § 114 Высочайше утвержденнаго въ 13 день апрѣля сего года Положенія о евреяхъ, въ которомъ допускается евреямъ имѣть для дѣтей своего вѣроисповѣданія училища, которыя подчиняются правиламъ общаго училищнаго устава *).

Въ 1835 г. эти толки не имѣли, однакоже, практическихъ результатовъ. Но когда дѣло объ открытіи уѣзднаго для евреевъ училища не получило благопріятнаго рѣшенія, вопросъ объ открытіи частныхъ училищъ въ Вильнѣ видимо пріобрѣлъ особый интересъ. Въ 1840 г. задумалъ открыть такое училище виленскій почетный гражданинъ Нисель Розенталь. По его иниціативѣ и на его средства, кончившій курсъ ученія въ Виленской гимназіи еврей Зейберлингъ, въ компаніи съ тремя другими евреями, испросили себѣ разрѣшеніе на устройство такого училища на степени приходскаго и открылъ его 18 февраля 1841 г. Учащіеся въ этомъ училищѣ изучали начальныя основанія языковъ русскаго, польскаго, еврейскаго, нѣмецкаго и французскаго, ариѳметику и русскую исторію. Со времени открытія училища, по свидѣтельству попечителя округа, Розенталь не жалѣлъ ни личныхъ трудовъ, ни денежныхъ издержекъ для поддержанія этого заведенія и, не смотря на все противодѣйствіе со стороны массы виленскихъ

*) Дѣло Канц. Поп. В. У. О. Св. 356. № 2.948.

евреевъ, упорствовавшихъ въ фанатизмѣ и невѣжествѣ, сумѣлъ довести свое училище до удовлетворительнаго состоянія *).

Въ томъ-же 1841 году открыто было въ Вильнѣ и другое частное училище, точно также на степени приходскаго. Училище это состояло подъ ближайшимъ надзоромъ и покровительствомъ виленскаго купца Клячко; учителями въ немъ состояли Залкиндъ и Гинцбургъ, люди несомнѣнно образованные, заявившіе себя и въ литературѣ. Изъ нихъ Залкиндъ сталъ и лично извѣстенъ Министру Народнаго Просвѣщенія, представивъ ему свою записку «о воспитаніи еврейскаго юношества». Въ этомъ училищѣ были проходимы: библія съ комментаріемъ Мендельсона, еврейскій катихизисъ, начальныя основанія русскаго и нѣмецкаго языковъ, чистописаніе и ариѳметика. Ученики проходили здѣсь, кромѣ того, и талмудъ. Причины, побудившія содержателей школы внести въ курсъ учебныхъ предметовъ преподаваніе талмуда, а равно и объемъ преподаванія, объяснены были содержателями такъ: «извѣстна намъ метода преподаванія талмуда частными наставниками, кои, не постигая сущности самаго предмета, по темнотѣ своей и суевѣрію, многоразличными и неосновательными требованіями до такой степени изуродовали эту науку и отвлекли отъ главнаго основанія, что учащійся не имѣетъ никакой возможности узнать главный духъ ея и невольно пріобрѣтаетъ свѣдѣнія суевѣрныя и исковерканныя; напротивъ-же, учась въ новоучрежденномъ училищѣ, онъ узнаетъ главное таинство этой науки, постигнетъ вѣрнѣйшій и главнѣйшій источникъ религіи нашей и откроетъ себѣ изъ глубины ея путь къ жизни нравственной, моральной. Вторая и главнѣйшая причина та, что, какъ рѣшительно мы можемъ предполагать, родители малолѣтнихъ евреевъ никоимъ образомъ не согласились-бы отдать ихъ въ училище, въ которомъ-бы не преподавался въ числѣ другихъ наукъ и талмудъ. Стремясь къ развитію общаго образованія и побуждаемые вышеозначенными причинами, мы рѣшились ввести преподаваніе талмуда, но талмуда, заключающаго въ себѣ только главные очерки нашего вѣроисповѣданія, совершенно въ первоначальной его чистотѣ, отбросивъ всѣ суевѣрныя и безполезныя прибавленія; дѣйствуя такимъ образомъ, мы угодимъ желанію родителей и этимъ достигнемъ главной нашей цѣли». На преподаваніе талмуда назначено было два часа въ день. Соображенія эти Министръ Народнаго Просвѣщенія призналъ правильными и разрѣшилъ содержателямъ училища преподавать талмудъ **).

---

*) Дѣло Канц. Поп. В. У. О. Св. 433, № 3.671 и св. 473, № 4.185.

**) Дѣло Канц. Поп. В. У. О. Св. 456, № 3.944.

Незначительно было и число учениковъ - евреевъ, посѣщавшихъ общія учебныя заведенія. Изъ одной вѣдомости, составленной въ 1841 году, на основаніи оффиціально-провѣренныхъ данныхъ, видно, что въ 1840 году въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ Виленской губерніи, обнимавшей тогда и нынѣшнюю Ковенскую, обучалось 14 евреевъ, въ Гродненской—7, въ Минской—7 и въ Бѣлостонской области—8 *).

Такъ малозначительны были результаты дѣйствія закона 1835 г. въ теченіе первыхъ 5—6 лѣтъ, протекшихъ со времени его изданія.

Что было-бы впослѣдствіи, если-бы этотъ законъ продолжалъ дѣйствовать неизмѣнно, высказаться рѣшительно, конечно, нельзя. Но есть возможность предполагать, что при этомъ условіи еврейское образованіе пошло-бы у насъ тѣмъ-же путемъ, по которому шло оно въ Пруссіи въ началѣ текущаго столѣтія.

Прусское правительство никогда не брало на себя сложной и хлопотливой задачи—распространять образованіе между евреями. Оно довольствовалось лишь тѣмъ, что съ половины прошлаго вѣка снисходительно смотрѣло на поступленіе евреевъ въ общія учебныя заведенія и не мѣшало имъ заводить свои школы. При такомъ отношеніи правительства къ евреямъ, мысль о необходимости не ограничивать образованіе дѣтей исключительно талмудомъ возникла среди самаго еврейскаго общества, и чѣмъ болѣе усиливался въ средѣ евреевъ контингентъ людей, получившихъ общее образованіе, тѣмъ менѣе привлекательной въ глазахъ евреевъ становилась исключительно талмудическая школа. Въ 1781 году Мендельсоновскій кружокъ въ Берлинѣ имѣлъ уже возможность сдѣлать крупный шагъ: онъ открылъ училище для бѣдныхъ, отличавшееся той особенностью, что предметамъ общеобразовательнымъ въ учебномъ планѣ отведено было болѣе мѣста, чѣмъ предметамъ еврейскимъ. Еврейскій языкъ, талмудъ, библія остались въ числѣ предметовъ преподаванія, и ревнители еврейской обособленности не могли упрекнуть учредителей школы въ томъ, что они игнорируютъ религіозное образованіе; но преподаваніе всѣхъ предметовъ исключительно на нѣмецкомъ языкѣ, съ рѣшительнымъ изгнаніемъ изъ школы жаргона, поведено было такъ, что учащіеся постоянно находились подъ благотворнымъ воздѣйствіемъ общаго образованія. Въ теченіе 10 лѣтъ своего существованія это училище выпустило слишкомъ 500 хорошо подготовленныхъ воспитанниковъ, которые вышли изъ него поборниками «берлинскаго» еврейскаго образованія и повсюду его распространяли. Хорошо извѣстны результаты,

*) Дѣло Канц. Поп. В. У. О. Св. 427, № 3.619.

къ какимъ привело—вмѣстѣ, правда, съ прессой—учрежденіе училищъ съ указаннымъ направленіемъ. Не прошло со времени учрежденія училища и 60 лѣтъ, какъ талмудъ потерялъ въ глазахъ евреевъ то значеніе, какое онъ имѣлъ прежде; еврейскія школы стали обще-образовательными школами и масса воспитанниковъ этихъ школъ частью совершенно добровольно перешла въ христіанство, а частью дала дѣятелей для образовавшейся въ Германіи новоіудейской школы *).

Почему-бы и въ Россіи дѣло образованія евреевъ не могло пойти этимъ испытаннымъ путемъ, хотя-бы и медленными шагами?

То значеніе, какое имѣла для образованія нѣмецкихъ евреевъ берлинская школа, легко могли получить училища Одесское, Шлокское, а равно и другія, открытыя до 1841 года. Это были училища, хорошо организованныя, не только съ обще-педагогической, но и съ русской точки зрѣнія, за исключеніемъ того, что преподавательскимъ языкомъ въ нихъ былъ языкъ нѣмецкій. Училища эти были съ прекраснымъ составомъ преподавателей, всю душу свою влагавшихъ въ педагогическое дѣло и всѣми силами своими стремившихся къ достиженію завѣтной мечты—пріучить своихъ единовѣрцевъ мириться съ общимъ образованіемъ и пріобщить ихъ къ благамъ европейской цивилизаціи. И если-бы этимъ училищамъ предоставлена была возможность дѣйствовать безпрепятственно въ теченіе значительнаго времени, безъ сомнѣнія, изъ нихъ вышла-бы масса евреевъ, поборниковъ общаго образованія въ еврейской средѣ и противниковъ исключительно талмудическаго образованія юношества. Что это не пустая фантазія, даетъ разумѣть намъ и исторія. Не много лѣтъ—до 1841 года—продолжалось существованіе Одесскаго училища, а оно принесло уже свои плоды: Кишиневское и Уманское училища были его родными дѣтищами. Независимо отъ этого, не надо забывать, что и кромѣ упомянутыхъ нами училищъ легко могли, быть можетъ, даже въ непродолжительномъ времени, возникнуть и другія, подобныя имъ, и прежде всего въ Вильнѣ. И въ другихъ мѣстахъ, особенно на Волыни, обстоятельства складывались такъ, что открытіе образовательныхъ училищъ не заставило-бы себя долго ждать. Тамъ, какъ мы увидимъ изъ послѣдующаго разсказа, къ началу сороковыхъ годовъ уже образовалась довольно значительная партія молодыхъ образованныхъ евреевъ, состоявшая изъ кончившихъ курсъ ученія въ университетахъ, русскихъ и заграничныхъ. Эта партія всячески, гдѣ и когда могла, настаивала

---

*) Ист. евреевъ отъ начала Мендельсоновской эпохи до новѣйшаго времени. Проф. Гретца. Пер. Бакста. Спб. 1884 г., стр. 138.

на необходимости устройства для евреевъ общеобразовательныхъ заведенiй. При дальнѣйшемъ усиленiи партiи несомнѣнно и здѣсь появились-бы общеобразовательныя училища.

Конечно, медленно должно было идти дѣло распространенiя образованiя въ средѣ евреевъ. Но смущаться этимъ не было основательныхъ причинъ. Нужно было только дать усилиться въ средѣ евреевъ контингенту получившихъ образованiе, нужно было только дать еврейству свыкнуться съ мыслью о безвредности общаго образованiя въ религiозномъ отношенiи и важности его, нужно было только энергически поддержать частныя школы и наблюдать за ходомъ въ нихъ преподаванiя, и, безъ сомнѣнiя, цѣль, какую преслѣдовало правительство внесенiемъ въ Положенiе о евреяхъ VI главы его, стала-бы мало-помалу осуществляться. Образованiе евреевъ пошло-бы тогда естественнымъ путемъ и приростъ прошедшихъ общеобразовательную школу евреевъ совершался-бы въ такой строгой постепенности, которая давала-бы возможность Министерству Народнаго Просвѣщенiя, при тщательномъ наблюденiи за ходомъ дѣла, регулировать теченiе его въ интересахъ не только еврейскаго, но, что̀ важнѣе всего, и христiанскаго населенiя.

Не этимъ, однако-же, путемъ пошло въ Россiи образованiе евреевъ. Обособленность, исключительность евреевъ и чрезъ пять-шесть лѣтъ по изданiи Положенiя 1835 года такъ-же рѣзала глаза человѣка русскаго, какъ и прежде. Это совершенно естественное явленiе объясняемо было тогда тѣмъ, что положенiе 1835 года обнимаетъ только внѣшнее устройство евреевъ, не касаясь уничтоженiя коренныхъ причинъ, отъ которыхъ проистекаетъ зло. А потому признано было нужнымъ пересмотрѣть Положенiе 1835 г. и выработать мѣры коренного преобразованiя евреевъ. Въ этихъ видахъ въ концѣ 1840 года образованъ былъ, подъ предсѣдательствомъ Министра Государственныхъ Имуществъ, особый комитетъ, членомъ котораго былъ назначенъ и Министръ Народнаго Просвѣщенiя, графъ Уваровъ. Этому комитету, между прочимъ, поручено было обсудить вопросъ объ образованiи евреевъ на основанiи тѣхъ соображенiй, какiя долженъ былъ представить по этому предмету Министръ Народнаго Просвѣщенiя.

А. Бѣлецкiй.

(Продолженiе будетъ).

МАЛЕНЬКІЕ МОРЯКИ.

(Изъ воспоминаній о морскомъ корпусѣ).

I.

— Ты чѣмъ думаешь быть, а?

Такой вопросъ задалъ мнѣ тихимъ, слегка гнусавымъ голосомъ высокій, худой, болѣзненный на видъ старикъ съ коротко остриженной сѣдой головой, съ темными проницательными глазами, отъ взгляда которыхъ вѣяло холодомъ, въ адмиральскомъ сюртукѣ, съ золотыми генералъ-адъютантскими аксельбантами черезъ плечо,—когда однажды послѣ параднаго обѣда съ музыкой, недѣли за двѣ до высадки въ Крымъ союзной арміи, отецъ подвелъ меня, десятилѣтняго мальчугана, къ почетнѣйшему изъ своихъ гостей — главнокомандующему войсками и любимцу императора Николая, князю Меньшикову. Онъ сидѣлъ, прихлебывая кофе, повидимому, хмурый и скучающій, въ числѣ другихъ гостей, на широкомъ балконѣ, выходившемъ въ садъ, обширнаго казеннаго дома командира порта и военнаго губернатора оживленнаго и веселаго Севастополя.

Съ этими словами этотъ непривѣтливый и, какъ мнѣ казалось, важный и надменный старикъ, котораго всѣ присутствующіе какъ будто боялись,—скривилъ свои губы въ подобіе улыбки и, къ удовольствію матери, потрепалъ меня по щекѣ своей сухой, костлявой рукой.

— Инженеромъ,—почему-то вдругъ отвѣтилъ я.

— Инженеромъ? Печи класть, казармы чинить и... и воровать казенныя деньги?—промолвилъ насмѣшливо князь, взглядывая на меня своими умными холодными глазами.—Не совѣтую, мой милый. Не иди въ инженеры! прибавилъ, морщясь, старикъ.

Я, совершенно сконфуженный, молчалъ, рѣшительно не понимая, зачѣмъ мнѣ печи класть и воровать казенныя деньги. Я зналъ, что это нехорошо. Отецъ всегда выражалъ негодованіе противъ тѣхъ,

кто грабитъ казну, и я помнилъ одного безногаго генерала, бывавшаго у насъ въ домѣ, который вдругъ куда-то исчезъ. Говорили, что онъ былъ разжалованъ въ солдаты за то, что обкрадывалъ арестантовъ.

Въ эту минуту самымъ горячимъ моимъ желаніемъ было удрать въ садъ отъ этого непріятнаго старика, который наводилъ на меня страхъ.

— Вы развѣ хотите, любезный адмиралъ, сдѣлать этого молодца Клейнмихелемъ?—спросилъ князь отца все тѣмъ-же своимъ ироническимъ тономъ.

Среди присутствующихъ раздался сдержанный смѣхъ.

— И не думалъ, ваша свѣтлость,—почтительно отвѣчалъ отецъ.— Я отдамъ его въ пажескій корпусъ.

— Все-же лучше,—опять поморщился князь и заговорилъ съ матерью.

Я исчезъ съ балкона и долго ломалъ голову: какая это служба «быть Клейнмихелемъ», надъ которою всѣ смѣялись, и рѣшилъ не быть «Клейнмихелемъ».

Мнѣ довелось еще разъ увидать этого насмѣшливаго старика, котораго потомъ вся Россія бранила за первыя наши пораженія въ Крыму и за ту безпечную неприготовленность, которая обнаружилась во всей своей позорной наготѣ съ первыхъ-же дней войны. Встрѣча эта была въ тотъ самый день, когда отцу принесли съ семафорнаго телеграфа извѣстіе, что непріятельскій флотъ въ количествѣ ста вымпеловъ бросилъ якорь у Евпаторіи и что на немъ десантъ.

Я живо припоминаю взволнованное, полное изумленія лицо отца, когда онъ читалъ депешу и затѣмъ объявилъ эту новость матери. Высадкѣ, какъ кажется, не хотѣли прежде вѣрить. Я помню, какъ у насъ многіе весело говорили, что непріятель не посмѣетъ сунуться. Наканунѣ великой драмы никто, казалось, не провидѣлъ севастопольскихъ развалинъ и вездѣ съ восторгомъ читали модное тогда патріотическое стихотвореніе:

«Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ».

Въ тотъ день послѣ обѣда я ходилъ съ гувернанткой гулять на Графскую пристань. Мы присѣли на скамейку, любуясь красивыми кораблями, стоявшими на рейдѣ. У пристани кого-то дожидался щегольской катеръ. Знакомый молодой морякъ, подошедшій къ гувер-

нанткѣ, объяснилъ, что ждутъ главнокомандующаго, который переѣдетъ черезъ бухту на Сѣверную сторону, чтобы оттуда ѣхать на позицію къ войскамъ.

Дѣйствительно, скоро мы увидѣли у колоннадъ Графской пристани стараго князя. Онъ о чемъ-то говорилъ съ какимъ-то генераломъ и сталъ тихо спускаться по ступенькамъ пристани въ сопровожденіи двухъ адъютантовъ и полковника Вунша, который въ своемъ лицѣ соединялъ и должность начальника штаба, и должность интенданта и потомъ судился, какъ кажется, за злоупотребленія. Старикъ былъ гораздо сумрачнѣе, чѣмъ тогда у насъ на балконѣ. Его блѣдно-желтое лицо то и дѣло морщилось, и губы складывались въ гримасу, точно онъ испытывалъ какую-то боль.

Я не спускалъ съ него глазъ, и мнѣ почему-то вдругъ стало жаль этого совсѣмъ не страшнаго для меня теперь старика. Въ моемъ дѣтскомъ умишкѣ невольно возникало смутное подозрѣніе, что, вѣрно, что-нибудь не совсѣмъ ладное, если князь ѣдетъ встрѣчать непріятеля, котораго, какъ я постоянно слышалъ, мы закидаемъ шапками и уничтожимъ, такой печальный и задумчивый вмѣсто того, чтобы быть веселымъ и радостнымъ.

Онъ проходилъ совсѣмъ близко отъ скамейки, на которой мы сидѣли. Я всталъ и поклонился.

Старикъ на минуту остановился и, ласково усмѣхнувшись, проговорилъ:

— Такъ въ инженеры, а?

— Я не пойду въ инженеры!—рѣшительно отвѣчалъ я.

Но князь, казалось, не обратилъ вниманія на мои слова и тихо, совсѣмъ тихо сказалъ:

— Кланяйся отцу и скажи, чтобъ онъ скорѣе отправлялъ васъ отсюда...

И, потрепавъ меня по плечу, старикъ спустился къ катеру.

Вернувшись домой, я засталъ у насъ нѣсколько человѣкъ гостей. Мнѣ бросилась въ глаза необычайная серьезность всѣхъ лицъ. Разговоры на счетъ высадки непріятеля уже не отличались прежней самоувѣренностью и не сопровождались веселымъ смѣхомъ. Говорили, что у насъ мало войскъ и плохія ружья.

Отецъ сидѣлъ въ кабинетѣ, занятый дѣлами, когда я пришелъ къ нему и передалъ слова князя. Онъ, видимо, смутился и приказалъ никому объ этомъ не говорить. Въ этотъ памятный день къ отцу заходилъ адмиралъ Нахимовъ. Они о чемъ-то долго говорили, запершись въ кабинетѣ. Несмотря на предупрежденія князя, отецъ не дѣ-

лалъ никакихъ распоряженій о выѣздѣ нашемъ изъ Севастополя, хотя многія семьи на другой-же день стали выѣзжать. На вопросъ матери: «не лучше-ли уѣхать?» отецъ отвѣтилъ: «Еще успѣете».

Мои уроки съ этого дня внезапно прекратились. Къ намъ ежедневно ходилъ заниматься со мной И. Н. Дебу, петрашевецъ, отбывавшій наказаніе въ качествѣ солдата. Несмотря на суровое время, севастопольское начальство относилось къ нему замѣчательно гуманно и снисходительно. Моряки, казалось, не умѣли быть жестокими преслѣдователями и безъ того достаточно наказаннаго человѣка. Внѣ службы онъ ходилъ въ статскомъ платьѣ, былъ принятъ во многихъ домахъ и давалъ уроки, между прочимъ, и мнѣ, губернаторскому сыну. И никто не видѣлъ въ этомъ ничего ужаснаго. Объ И. Н. Дебу у меня сохранилась до сихъ поръ благодарная память, какъ о замѣчательно добромъ, мягкомъ учителѣ, прихода котораго я ждалъ съ нетерпѣніемъ. Онъ какъ-то умѣлъ заставлять учиться, и уроки его были для меня положительно удовольствіемъ. Довольно было сказать И. Н. Дебу одно лишь слово: «стыдно», чтобы заставить меня горько сокрушаться о неприготовленномъ урокѣ и просить его не сердиться. Я не только любилъ, но былъ, такъ сказать, влюбленъ въ своего учителя. И вдругъ онъ не пришелъ и больше уже не приходилъ! Мать сказала, что ему нельзя приходить теперь, онъ—солдатъ и, вѣрно, ушелъ съ полкомъ. Впослѣдствіи И. Н. Дебу, бывшій въ числѣ защитниковъ Севастополя, произведенный въ офицеры, вышелъ послѣ войны въ отставку.

Восьмаго сентября, въ день Альминскаго сраженія, цѣлый день до насъ долеталъ отдаленный гулъ орудій. Отецъ былъ взволнованъ, хотя и старался скрыть свое волненіе передъ домашними. Онъ нервно и торопливо шагалъ по кабинету. Въ теченіе этого дня многіе адмиралы пріѣзжали къ отцу за извѣстіями. Но онъ ничего не зналъ объ исходѣ битвы, и почтенные моряки уходили взволнованные и хмурые, казалось, предчувствующіе печальныя вѣсти и безпокоющіеся о судьбѣ любимаго Севастополя и славнаго черноморскаго флота. Въ тотъ день былъ и В. А. Корниловъ,—высокій, худощавый адмиралъ съ необыкновенно умнымъ и выразительнымъ лицомъ, который черезъ нѣсколько дней, когда Севастополь былъ оставленъ на произволъ судьбы, явился организаторомъ защиты и героемъ, ободрявшимъ маленькій гарнизонъ, состоявшій преимущественно изъ матросовъ.

Наконецъ, въ шестомъ часу вечера извѣстія были получены и, видимо, печальныя. Отецъ куда-то уѣхалъ. Мать со слезами говорила сестрамъ, что знакомому адъютанту оторвало руку и что молодой,

только-что пріѣхавшій изъ Петербура офицеръ генеральнаго штаба убитъ... Подъ вечеръ, у рѣшотки сада, противъ балкона, остановился на минуту проѣзжавшій верхомъ знакомый старый генералъ въ солдатской шинели, окликнутый матерью. На вопросъ ея объ исходѣ сраженія, онъ по французски отвѣчалъ, что мы должны были отступить, что такой-то генералъ надѣлалъ глупостей, и что у него въ нѣсколькихъ мѣстахъ прострѣлена шинель.

Проговоривъ все это, онъ раскланялся и поѣхалъ далѣе, понуро опустивъ голову.

За чаемъ тихо говорили другъ другу, что мы разбиты, что войска въ безпорядкѣ бѣжали, что Меншиковъ не могъ остановить бѣжавшихъ и съ поля битвы послалъ своего адъютанта Грейга курьеромъ къ императору Николаю съ однимъ словеснымъ приказаніемъ: доложить государю то, что онъ, Грейгъ, видѣлъ... Разсказывая объ этомъ, всѣ сожалѣли, что бѣдному Грейгу выпала печальная доля огорчить государя. И, помню я, многіе присутствующіе главнымъ образомъ печалились, что будетъ огорченъ государь. О томъ, что погибло много солдатъ въ бою, никто не вспомнилъ. Одинъ изъ гостей, артиллерійскій офицеръ, пріѣхавшій изъ Петербурга, позволилъ себѣ замѣтить, что теперь Севастополь беззащитенъ. Его легко взять, если непріятель будетъ по пятамъ преслѣдовать армію. Отецъ рѣзко сказалъ, что это «вздоръ», и этимъ замѣчаніемъ прекратилъ разговоръ; но мнѣ казалось, что онъ нарочно оборвалъ артиллериста, но что и самъ раздѣляетъ это мнѣніе.

На слѣдующее утро, когда я, по обыкновенію, пошелъ гулять съ гувернанткой, мы увидѣли картину, которая до сихъ поръ жива въ моей памяти. На улицахъ то и дѣло мы видѣли солдатъ,—усталыхъ, измученныхъ, не знающихъ куда идти, гдѣ ихъ части. Они были безъ ружей и шатались небольшими кучками. Многіе протягивали руки за подаяніемъ. «Со вчерашняго дня не ѣли, барчукъ!» Это все были солдаты разбитой арміи. Особенно много было такихъ солдатъ на базарѣ. Раненые, они лежали на землѣ, ютились у стѣнъ лавокъ и стонали... Торговки заботливо давали имъ ѣсть. Цѣлыя безпорядочныя кучи солдатъ стояли на площади передъ Графской пристанью... На самой пристани валялись безъ призора раненые. Никому, казалось, не было до нихъ дѣла.

Къ вечеру въ Севастополѣ кипѣла работа. То и дѣло мимо нашего дома матросы возили на себѣ орудія съ кораблей на бастіоны. Нѣсколько дней прошло въ томительномъ ожиданіи. Меньшиковъ съ остатками своей разбитой арміи не возвращался въ Севастополь и дѣ-

лалъ свое фланговое движеніе, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ сообщеній съ Россіей, предоставивъ Севастополь самому себѣ. Корниловъ геройски рѣшилъ защищать городъ. Матросы и выпущенные арестанты работали день и ночь, возводя укрѣпленія. Непріятельскую армію ждали съ часу на часъ. Я отлично помню, какъ однажды утромъ, когда я пришелъ поздороваться съ отцомъ, онъ сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Въ нашемъ домѣ сегодня можетъ быть Сентъ-Арно.

И съ этими словами отецъ, обыкновенно суровый, какъ-то особенно горячо поцѣловалъ меня.

Но непріятель, не подозрѣвавшій, что сѣверная сторона беззащитна, не приходилъ, и Севастополь былъ на нѣкоторое время спасенъ. Войска союзниковъ обходили городъ, направляясь къ южной сторонѣ, чтобы начать правильную осаду. Съ вышки бельведера въ нашемъ саду я смотрѣлъ въ подзорную трубу, какъ двигалась узенькая синяя лента французскихъ войскъ по Инкерманской долинѣ.

Всѣ ожили. Вернулся и Меньшиковъ съ арміей.

Когда, наконецъ, сѣверная часть была свободна отъ непріятеля, отецъ приказалъ матери собираться къ выѣзду. Въ концѣ сентября наша семья покинула Севастополь. Мы переѣхали въ Симферополь и жили тамъ, нетерпѣливо ожидая вѣсти о побѣдѣ и объ изгнаніи непріятеля и надѣясь снова вернуться въ Севастополь.

II.

Намѣреніе отца сдѣлать изъ меня сухопутнаго воина не осуществилось.

Скоропостижная смерть въ 1857 году старшаго брата, моряка, командовавшаго только-что построеннымъ паровымъ клиперомъ, готовымъ къ уходу въ кругосвѣтное плаваніе, измѣнила мою судьбу. Вмѣсто того, чтобы поступить въ пажескій корпусъ, куда я уже былъ переведенъ изъ перваго, гдѣ, въ ожиданіи вакансіи въ пажи, пробылъ полтора года,—я поступилъ въ морской корпусъ. Отецъ желалъ, чтобъ и я, какъ дѣдъ и какъ онъ самъ, былъ морякомъ и чтобы фамилія наша не исчезла изъ списковъ флота послѣ его смерти. Ему въ это время ужъ было подъ семьдесятъ лѣтъ.

Послѣ двухмѣсячной подготовки изъ математики съ однимъ штурманскимъ офицеромъ, рекомендованнымъ корпуснымъ начальствомъ, инспекторъ классовъ, А. И. Зеленой, проэкзаменовалъ меня у себя на квартирѣ и затѣмъ велѣлъ идти вмѣстѣ съ нимъ въ классы.

Онъ сразу расположилъ къ себѣ—этотъ невысокаго роста, плотный, съ большими баками, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, немного заикающійся, съ скрипучимъ голосомъ и мягкимъ, ласковымъ взглядомъ маленькихъ темныхъ глазъ, блестѣвшихъ изъ-подъ густыхъ взъерошенныхъ бровей, придававшихъ его лицу обманчивый видъ суровости. Мнѣ еще придется въ своихъ воспоминаніяхъ говорить объ А. И. Зеленомъ, любимомъ и уважаемомъ нѣсколькими поколѣніями кадетъ, а пока только замѣчу, что меня, нѣсколько оробѣвшаго тринадцатилѣтняго мальчугана, привыкшаго къ рѣзкости начальства перваго корпуса, необыкновенно пріятно тогда поразила ласковая простота инспектора, безъ всякой примѣси казармы и внѣшняго авторитета грозной власти. Этотъ авторитетъ какъ-то самъ собою чувствовался и признавался, и безъ юпитеровскихъ взглядовъ, и безъ суровыхъ окриковъ, заставляющихъ трепетать мальчиковъ. Онъ былъ добръ и гуманенъ, и не видѣлъ въ отрокахъ, хотя-бы и испорченныхъ, неисправимыхъ преступниковъ, какъ часто видятъ даже и современные педагоги. Онъ понималъ дѣтскую натуру и умѣлъ прощать, не боясь этимъ поколебать свой авторитетъ, и на совѣсти этого добраго честнаго человѣка не было ни одного загубленнаго мальчика.

Мы вошли съ нимъ въ длинный широкій корридоръ, по бокамъ котораго были классы. Посрединѣ корридоръ раздѣлялся большимъ круглымъ пространствомъ, освѣщеннымъ сверху, называвшимся почему-то «пикетомъ» (вѣроятно, оттого, что тамъ находился дежурный офицеръ), гдѣ, во время перемѣнъ, обыкновенно собирались преподаватели. Проходя «пикетъ», инспекторъ замѣтилъ маленькаго кадетика, стоявшаго на пикетѣ, очевидно, за какую-нибудь вину.

— Ты за что, Орѣховъ?—спросилъ инспекторъ, подходя къ маленькому бѣлобрысому мальчику съ бойкими глазами, который, при видѣ инспектора, тотчасъ-же сдѣлалъ постную физіономію невинной жертвы.

— Меня учитель выгналъ изъ класса, Александръ Ильичъ,—жалобно пискнулъ бѣлобрысый кадетикъ, бросая на меня быстрый любопытный взглядъ.

Инспекторъ нахмурилъ брови и казался сердитымъ.

— Вижу, что выгналъ, а ты скажи-ка мнѣ, братецъ, за что?—говорилъ онъ добродушно-ворчливымъ тономъ, далеко не соотвѣтствовавшимъ напущенному имъ на себя строгому виду.

— Право, ни за что, Александръ Ильичъ.

— Такъ-таки и ни за что!?. А ты припомни: можетъ, и напроказилъ, а?

*

— Я нечаянно толкнулъ товарища, Александръ Ильичъ.

— Нечаянно!?—усмѣхнулся Александръ Ильичъ, прищуривая глаза на кадетика.—Ишь ты, какой неосторожный... Нечаянно! Ну, и тебя наказали нечаянно... Постой здѣсь, впередъ будешь осторожнѣе... Да нечего-то жалобную рожу строить. Эка бѣда—постоять!—прибавилъ съ добродушнымъ смѣхомъ Александръ Ильичъ и пошелъ дальше.

Черезъ минуту мы вошли въ первое отдѣленіе (или, какъ у насъ звали, въ первый номеръ) старшаго кадетскаго класса *). При появленіи инспектора человѣкъ тридцать куртокъ съ бѣлыми погонами встали и въ отвѣтъ на привѣтствіе инспектора весело отвѣчали: «здравствуйте, Александръ Ильичъ!» Поднялся сидѣвшій за каѳедрой и «французъ», то-есть, учитель французскаго языка,—плотный, высокій старикъ съ эспаньолкой и усами и горбатымъ носомъ,—видимо не особенно довольный приходомъ инспектора. Инспекторъ приказалъ садиться и, показалось мнѣ, что-то слишкомъ пристально поглядѣлъ на очень красное лицо «француза». Затѣмъ онъ приказалъ мнѣ сѣсть на заднюю скамейку, гдѣ было посвободнѣе, потрепалъ по плечу, выразивъ надежду, что я буду хорошо вести себя и хорошо учиться, и вышелъ, оставивъ меня одного подъ перекрестными любопытными взглядами незнакомыхъ новыхъ товарищей.

Едва вышелъ инспекторъ, какъ въ классѣ поднялся шумъ. Всѣ кричали «новичекъ, новичекъ!», не обращая ни малѣйшаго вниманія на учителя, то и дѣло кричавшаго: «Silence, messieurs, silence!» Наконецъ, въ классѣ наступила относительная тишина, и урокъ продолжался. У каѳедры стоялъ высокій, здоровый малый лѣтъ семнадцати, «старикашка», какъ звали остававшихся въ классѣ на второй годъ и пользовавшихся своей силой кадетъ, и переводилъ изъ хрестоматіи съ французскаго. Переводъ этотъ такъ не соотвѣтствовалъ тексту и полонъ былъ такой импровизаціи, быстро поднявшей температуру веселости класса, что «французъ», хотя и не былъ силенъ въ русскомъ языкѣ, все-же догадался, что стоявшій у каѳедры верзила издѣвается надъ своимъ учителемъ самымъ наглымъ образомъ. И онъ сказалъ довольно добродушно:

— Вы не знайтъ!

— Нѣтъ, знаю,—увѣренно отвѣтилъ импровизаторъ.

— На мѣстъ.

Но вмѣсто того, чтобы идти на мѣсто, верзила съ самымъ невин-

---

*) Всѣхъ классовъ было семь: приготовительный или «точка», три кадетскихъ и три гардемаринскихъ, младшіе, средніе и старшіе.

нымъ видомъ, исключавшимъ, казалось, возможность подозрѣвать какую-нибудь каверзу, подошелъ къ нѣсколько испуганному и тотчасъ-же насторожившемуся старику-французу почти вплотную и началъ было убѣдительно объяснять, что онъ урокъ знаетъ и переводилъ хорошо и что «Ляфоша» будетъ «свинья», если поставитъ ему менѣе восьмерки,—какъ вдругъ учитель, потянувъ носомъ, съ гримасой отвращенія бросился съ каѳедры къ форточкѣ и отворилъ ее, прошептавъ по французски ругательство, при общемъ веселомъ гоготаніи класса, въ то время, какъ верзила торжествующе возвращался на свою скамейку.

Спустя минуту-другую французъ вернулся на каѳедру и съ торжественно-рѣшительнымъ видомъ произнесъ:

— Silence, messieurs!

Всѣ затихли.

— Господа... Chers messieurs! Кто будетъ воняйтъ болше, тому баль меньше, а кто будетъ воняйтъ менше, тому баль болше!.. Vous conçevez!

Признаюсь, я былъ до нельзя изумленъ такой оригинальной оцѣнкой занятій французскимъ языкомъ, но никто изъ класса, казалось, не удивился и въ отвѣтъ на это предложеніе съ разныхъ сторонъ раздались голоса:

— Ладно, знаемъ!

— Не бойсь, не любишь, французскій барабанщикъ!

— Не сердись, Ляфоша... Больше не подвеземъ. Форточку закрой!

Слегка выпившій, учитель, кажется, ужъ не сердился и вызвалъ переводить другого, благоразумно попросивъ его переводить съ своего мѣста.

Потомъ оказалось, что бѣдный французъ, не выносившій скверпаго воздуха, почти каждый урокъ повторялъ свои условія для полученія хорошихъ балловъ, но и эти весьма легкія, казалось-бы, условія хорошихъ успѣховъ далеко не всегда исполнялись кадетами, находившими какое-то жестокое удовольствіе травить этого несчастнаго француза съ тонкимъ обоняніемъ. И онъ терпѣлъ всевозможныя дерзости и униженія, не смѣя жаловаться, чтобъ не лишиться своего тяжелаго куска хлѣба, еслибъ начальство узнало «систему» его преподаванія. А эти отроки-кадеты въ своихъ преслѣдованіяхъ учителей, не умѣвшихъ поставить себя, были изобрѣтательны, злы и безжалостны, какъ хищные звѣрьки.

Надо, впрочемъ, сказать, что этотъ «французъ» въ мое время былъ едва-ли не единственнымъ «педагогомъ», совсѣмъ не заботившимся

о нашихъ занятіяхъ и котораго такъ жестоко травили кадеты. Вообще персоналъ учителей по словеснымъ предметамъ не пользовался особеннымъ уваженіемъ, и всѣ эти предметы были въ то время не въ большомъ фаворѣ, но все-таки учителей строгихъ, не оставлявшихъ безнаказанными шалости, побаивались. Черезъ годъ этотъ «французъ» былъ удаленъ изъ корпуса послѣ того, какъ однажды онъ явился въ классъ, едва держась на ногахъ, и вскорѣ заснулъ на каѳедрѣ, усыпанный мелко-нарѣзанными кусочками бумаги, съ склоненной сѣдой головой, увѣнчанной десяткомъ торчавшихъ въ волосахъ перьевъ и грамматикой Марго на темени. Въ такомъ видѣ его засталъ инспекторъ классовъ.

Вскорѣ потомъ я встрѣтилъ этого бѣдняка зимой на улицѣ, плохо одѣтаго, пьяненькаго, приниженнаго... Онъ отвернулъ отъ меня взглядъ, полный не то ненависти, не то укора. Хотя я лично и никогда не травилъ его, но во мнѣ онъ увидалъ одного изъ тѣхъ «враговъ», которые довели его до бѣдственнаго положенія, и этого было довольно.

Кто былъ онъ, какъ попалъ въ преподаватели—никто изъ насъ хорошо не зналъ. Говорили, что онъ былъ французскимъ барабанщикомъ (что не лишено было правдоподобія), затѣмъ былъ гувернеромъ у какого-то генерала, который за него просилъ директора корпуса, и такимъ образомъ онъ попалъ въ учителя по вольному найму и пробылъ въ корпусѣ учителемъ лѣтъ пять... Добросердечный А. И. Зеленой, вѣрно, догадывался о слабости преподавателя, но едва-ли зналъ, что съ нимъ продѣлывали кадеты и какъ онъ преподавалъ. А, можетъ быть, кое-что и зналъ, но не обращалъ особеннаго вниманія, тѣмъ болѣе, что такому предмету, какъ французскій языкъ, и само начальство того времени не придавало никакого значенія, и онъ, собственно говоря, преподавался для проформы всѣми нашими «французами». Такимъ образомъ, одна лишь случайность—внезапное появленіе инспектора въ моментъ сна пьянаго учителя—была, надо думать, единственной причиной его удаленія.

Пока «французъ» слушалъ переводъ болѣе деликатнаго кадета, мои ближайшіе сосѣди не оставляли меня своимъ вниманіемъ. Меня тихо спрашивали: какъ моя фамилія, откуда родомъ, кто меня экзаменовалъ и т. п. Я отвѣчалъ на вопросы, спрашивая, въ свою очередь, фамиліи новыхъ товарищей, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, получилъ сзади такую затрещину, что у меня посыпались изъ глазъ искры. Обернувшись, я увидалъ того самаго верзилу, который заставилъ француза бѣжать къ форточкѣ.

— Это для перваго знакомства,—проговорилъ онъ съ наглой усмѣшкой, удаляясь на переднюю скамейку.

Учитель ни слова не сказалъ. Всѣ кадеты съ бо́льшимъ любопытствомъ смотрѣли на меня. Никто не протестовалъ противъ нападенія. Я вспыхнулъ отъ негодованія и молчалъ, полный злости на обидчика, чувствуя очень хорошо, что отъ дальнѣйшаго моего поведенія зависитъ мое будущее положеніе среди кадетъ и отношеніе ко мнѣ товарищей... И я рѣшилъ планъ дѣйствій, выжидая конца класса.

Мой сосѣдъ, небольшого роста востроглазый мальчикъ, съ участіемъ посмотрѣлъ на меня и шепнулъ:

— *Онъ* старикашка и сильный... очень сильный... Онъ всѣхъ задираетъ и всегда новичковъ бьетъ, пока они не объявятъ своей покорности... Ты что думаешь дѣлать... Покориться ему?..

— А вотъ увидишь,—отвѣчалъ я прерывающимся отъ злобы голосомъ...

— Неужели сфискалишь?.. Ты этого лучше не дѣлай...—участливо замѣтилъ сосѣдъ.—Это нехорошо. И тогда тебѣ еще хуже будетъ...

— Я не фискалъ,—произнесъ я...

— То-то! —весело проговорилъ мой сосѣдъ, видимо нравственно удовлетворенный.

Прозвонили перемѣну, и «французъ» быстро вышелъ изъ класса, поставивъ всѣмъ отвѣчавшимъ хорошіе баллы. Всѣ шумно поднялись со скамеекъ, собираясь выходить изъ класса, а я, испытывая въ одно и то-же время и отвагу, и трусость, рѣшительно направился къ обидчику, стоявшему у доски. Тогда кадеты остались въ классѣ, ожидая любопытнаго зрѣлища. Въ классѣ наступила торжественная тишина. Это еще болѣе возбуждало мое самолюбіе. «Старикашка», конечно, и не думалъ, чтобы я, небольшой, худенькій мальчуганъ, осмѣлился напасть на него, признаннаго всѣми силача, и когда я, не говоря ни слова, приблизился къ нему и изо всей силы далъ ему пощечину,—онъ, совершенно изумленный, не вѣря такой дерзости, въ первое мгновеніе опѣшилъ. Эффектъ вышелъ поразительный.

— Ай да новичекъ-молодчага!—раздался чей-то негромкій одобрительный голосъ.

«Старикашка», высокій, здоровый, румяный кадетъ съ пробивавшимися усами, успѣлъ уже оправиться и съ презрительнымъ высокомѣріемъ оглядывалъ меня.

— Стань кто-нибудь на часы... Я его проучу... Давай «хлестаться»!

И съ этими словами онъ бросился на меня. Я не оставался въ

долгу, и мы съ ожесточенiемъ хлестались, окруженные тѣснымъ кольцомъ любопытныхъ зрителей этой драки.

Драка была отчаянная и прекратилась по настоянiю присутствующихъ, которые, вѣроятно, нашли, что честь съ обѣихъ сторонъ вполнѣ удовлетворена, и хотя я вышелъ изъ боя въ довольно плачевномъ видѣ: съ разорванной курткой, съ громаднымъ синякомъ и съ болью въ груди, тѣмъ не менѣе, на меня глядѣли не безъ почтительнаго уваженiя...

Эта драка была, такъ сказать, моимъ «крещеньемъ», опредѣлившимъ будущее положенiе въ кадетской средѣ и сразу давшимъ мнѣ права неприкосновенности. Съ этой минуты никто ужъ не смѣлъ нападать на новаго члена суровой кадетской вольницы, зная, что онъ не останется безотвѣтнымъ.

Но горе было-бы новичку, еслибъ онъ на первыхъ порахъ струсилъ и не далъ-бы отпора. Такимъ робкимъ новичкамъ (особенно въ младшихъ ротахъ) грозила тяжкая доля быть въ полномъ подчиненiи у «старикашекъ», откупаясь отъ ихъ побоевъ безотвѣтной покорностью, а то и булками. Вообще всякая трусость и слабость жестоко карались, и «непротивленiе злу» приносило плачевные результаты. А вздумай новичекъ жаловаться—ему предстояла опасность быть избитымъ самымъ серьезнымъ образомъ и прiобрѣсти презрительную кличку «фискалъ», на котораго смотрѣли, какъ на парiя.

«Старикашка», напавшiй на меня, представлялъ собою любопытный, уже вымиравшiй въ то время, типъ закоренѣлаго «битка» — кадета пятидесятыхъ годовъ, продуктъ николаевскаго времени. Семнадцатилѣтнiй здоровый юноша, онъ уже два года сидѣлъ въ классѣ, пробывъ, кажется, по два года въ каждомъ классѣ и, не выдержавъ на третiй годъ экзамена, вышелъ изъ корпуса и поступилъ въ армейскiе юнкера. Мало способный, довольно ограниченный, онъ съ полнымъ презрѣнiемъ относился къ ученiю и былъ пропитанъ самыми крѣпостническими тенденцiями, вынесенными еще изъ медвѣжьяго угла помѣщичьей усадьбы. Онъ былъ хранителемъ старыхъ кадетскихъ традицiй, старался говорить басомъ, напускалъ на себя грубость, по принципу считалъ своимъ долгомъ устраивать всякiя каверзы начальству и говорилъ, что не желаетъ учиться на зло ему. И дѣйствительно, не учился. Но за-то былъ отличнымъ фронтовикомъ, набивалъ себѣ мускулы, закаливалъ себя и былъ рыцарски честенъ и вѣренъ въ словѣ. Наказанiя онъ выносилъ стоически и ложился подъ розги съ видомъ человѣка, собирающагося купаться. Перекрестится—и на скамейку. Закуситъ руку—и ни звука, и послѣ наказанiя смотритъ гоголемъ, точно хочетъ сказать: «что взяли?..»

Послѣ драки со мной онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Молодецъ!..

И, заботливо оглядѣвъ мои синяки, прибавилъ:

— Подбѣли ихъ!

При помощи опытныхъ кадетовъ синяки мои были подбѣлены мѣломъ, куртка приведена въ порядокъ, вихры приглажены. Когда послѣ классовъ мы вернулись въ роту, меня тотчасъ-же одѣли въ новую форму морского кадета, и затѣмъ я явился передъ лицо ротнаго командира.

Это былъ пожилой штабъ-офицеръ съ сѣдыми курчавыми волосами и бѣгающими несимпатичными глазами, бравый и подтянутый служака николаевской выправки. Далеко не строгій, а скорѣе даже «добрый» съ кадетской точки зрѣнія, онъ, однако, не пользовался ни любовью, ни уваженіемъ кадетъ. Его считали несправедливымъ, а главное, далеко не безкорыстнымъ человѣкомъ.

И чуткая брезгливая молодежь, по преимуществу дѣти или родственники моряковъ, которые даже и во времена самаго наглаго казнокрадства въ большинствѣ гнушались такой наживой,—слагала цѣлыя некрасивыя легенды про ротнаго командира. При мнѣ онъ, впрочемъ, былъ недолго. Новыя вѣянія коснулись и корпуса. Этотъ ротный командиръ вышелъ въ отставку и, какъ говорили, едва-ли по своему желанію.

Окинувъ взглядомъ только-что полученную отъ каптенармуса форму и найдя, что все хорошо, онъ затѣмъ освѣдомился на счетъ моихъ синяковъ.

— Дрался съ кѣмъ-нибудь?.. Кто тебя такъ изукрасилъ, а?

Я поспѣшилъ отвѣтить, что упалъ на лѣстницѣ, когда шли изъ классовъ, и расшибся. И даже, для большей убѣдительности, вдался въ нѣкоторыя фантастическія подробности, заслужившія видимое восторженное удивленіе къ моей изобрѣтательности нѣсколькихъ кадетъ, стоявшихъ около.

Само собою разумѣется, что ротный командиръ не повѣрилъ ни одному моему слову. Тѣмъ не менѣе, онъ не только не допытывался далѣе на счетъ дѣйствительной причины моихъ синяковъ, но видимо отнесся съ молчаливымъ одобреніемъ бывшаго моряка-кадета къ моей нахальной лжи и только, весело и лукаво подмигнувъ мнѣ глазомъ, проговорилъ:

— Впередъ, смотри, такъ не падай и такъ не расшибайся!

Нечего и говорить, что товарищи находили, что я вралъ ротному блистательнымъ манеромъ.

III.

Эта тщедушная фигурка блѣднаго, худого, забитаго и приниженнаго четырнадцати-лѣтняго бѣлокураго мальчика съ красивымъ лицомъ и покорнымъ, почти страдальческимъ взглядомъ большихъ сѣрыхъ глазъ,—котораго почти каждый изъ товарищей считалъ своимъ долгомъ такъ, походя, толкнуть, ударить по лицу или презрительно обозвать какимъ-нибудь ругательствомъ, — невольно возстаетъ передо мной при воспоминаніяхъ о первыхъ дняхъ въ корпусѣ. И этотъ мальчикъ N, съ которымъ никто не разговаривалъ, никто не обращался иначе, какъ съ грубымъ словомъ, безмолвно переносилъ всѣ эти пинки, удары и ругательства и только какъ-то безпомощно ежился и умоляющимъ взоромъ просилъ о пощадѣ. Но пощады ему не было. Онъ былъ «парія», «отверженцемъ» среди этихъ веселыхъ, жизнерадостныхъ и жестокихъ кадетъ.

Когда я въ первый-же день поступленія увидалъ, какъ безъ всякой, повидимому, причины бьютъ этого несчастнаго и спросилъ: «за что?», мой сосѣдъ по классу, востроглазый кадетъ Ивановъ, отвѣтилъ тономъ глубочайшаго презрѣнія:

— Наушникъ!

И этимъ словомъ было все сказано и, казалось, все объяснено.

— Ты, смотри, съ нимъ не говори... Съ нимъ позоръ говорить!—замѣтилъ Ивановъ.—Его и начальство не терпитъ... Еще-бы... Кто можетъ терпѣть Іуду предателя!—прибавилъ Ивановъ.

Потомъ я узналъ исторію этого предательства.

Эта печальная исторія мальчика, избалованнаго маменькина сынка, вѣроятно, привыкшаго дома видѣть примѣры наушничества прислуги,—рисуетъ довольно характерно кадетскіе нравы того времени и отношеніе не только кадетъ, но и самого корпуснаго начальства къ тому, что впослѣдствіи многими педагогами поощрялось, какъ похвальная откровенность, и многимъ изъ нашихъ дѣтей не казалась, какъ намъ, старымъ кадетамъ, величайшимъ позоромъ.

Изнѣженный и избалованный, маленькій N изъ подъ крыла матери и изъ атмосферы угодливости крѣпостной челяди богатой помѣщичьей усадьбы прямо попалъ въ нѣсколько спартанскую обстановку разсадника будущихъ моряковъ, по преимуществу дѣтей изъ бѣдныхъ, захудалыхъ дворянскихъ семей. Въ этомъ разсадникѣ крѣпко держалось кадетское «обычное право», существовали свой кодексъ чести, своя этика, которые традиціонно передавались отъ поколѣнія къ поколѣнію и свято хранились кадетами до тѣхъ поръ, пока не

рухнула прежняя система воспитанія. Понятно, что для маленькаго барченка перемѣна обстановки была рѣзка. Эти насмѣшливые, задорные и недоброжелательные на первыхъ порахъ взгляды цѣлой шайки грубоватыхъ, остриженныхъ подъ гребенку, маленькихъ разбойниковъ, которые сразу окрестили новичка кличкой «цынготнаго», что на кадетскомъ жаргонѣ значило: слабый, трусливый, нездоровый,—эти равнодушно-серьезныя лица дежурныхъ офицеровъ и эти строгіе начальственные окрики фельдфебеля и унтеръ-офицеровъ, подчасъ отчаянныхъ тирановъ,—не могли не смутить мальчика, да еще такого тепличнаго. Первая знатная встрепка—«встрепка испытанія»,—заданная ему, какъ новичку, несмотря на доброжелательный совѣтъ какого-то участливаго товарища: «не фискалить»,—заставила его искать защиты у начальства. Какъ прежде дома онъ жаловался на своихъ обидчиковъ матери, увѣренный, что получитъ всегда удовлетвореніе, такъ и теперь онъ думалъ найти защиту у ротнаго командира и дежурныхъ офицеровъ. Это было первымъ шагомъ дальнѣйшихъ бѣдъ мальчика. За него, разумѣется, заступились, но это заступничество было, такъ сказать, формальное. Начальство того времени не особенно поощряло жалобы кадетъ другъ на друга, полагая, и, пожалуй, не безъ нѣкотораго основанія, что мальчики сами лучше разберутся въ своихъ ссорахъ.

Обидчика наказали. Новичекъ торжествовалъ, но не надолго. Въ тотъ-же вечеръ двое кадетъ, на которыхъ выпалъ жребій проучить фискала, въ видахъ его наставленія на путь чести, «подъ фуркой» (т.-е. закрывъ лица платками) жесточайшимъ образомъ избили новичка, при чемъ вновь преподали ему въ краткихъ словахъ условія, необходимыя для честнаго кадета... Но новичекъ въ ужасѣ опять побѣжалъ жаловаться дежурному офицеру. Разумѣется, виновныхъ не нашли. На слѣдующій день избитый мальчикъ пожаловался своему ротному командиру.

Этотъ ротный командиръ Z тоже былъ довольно оригинальный типъ. Самъ до мозга костей «старый кадетъ», рыцарь чести и справедливости, онъ нещадно поролъ своихъ питомцевъ, глубоко убѣжденный, что порка — отличное и единственное педагогическое средство. Онъ былъ грозою кадетъ, которые отлично знали, что разъ попался—пощады нѣтъ: Иванъ Ивановичъ выпоретъ. И только, чего можно было добиться отъ него, это нѣкотораго уменьшенія количества розогъ при обѣщаніи не очень кричать. И онъ на это сдавался.

Выслушавъ жалобу новичка съ видимымъ неудовольствіемъ, Иванъ Ивановичъ по обыкновенію закрутилъ свои длинные усы и, подраги-

вая ногой, стоялъ нѣкоторое время въ задумчивости, какъ быть. Наконецъ, вызвалъ пять человѣкъ изъ самыхъ отчаянныхъ и повелъ ихъ за собой для порки. Онъ хорошо зналъ, что требовать выдачи виновныхъ безполезно, и потому «для примѣра» рѣшилъ наказать кого-нибудь.

Съ тѣхъ поръ новичекъ былъ прозванъ «фискаломъ». Въ общихъ играхъ онъ не принималъ участія. Съ нимъ никто не дружилъ. Только трое кадетъ, падкихъ до угощенія, были близки съ маленькимъ N, приносившимъ изъ «за корпуса» по воскресеньямъ отъ тетки очень вкусныя яства и лакомства. Но и эта близость видимо была корыстная, прекращавшаяся съ понедѣльника, когда всѣ запасы были истреблены, и возобновлявшаяся съ пятницы и субботы. Жизнь новаго кадета была не изъ пріятныхъ. Ему необходимо было заслужить прощеніе товарищей, но, вмѣсто того, этотъ маменькинъ сынокъ, привыкшій быть баловнемъ дома, а теперь обиженный, съ уязвленнымъ самолюбіемъ, озлобленный противъ этихъ сердитыхъ и злыхъ товарищей, совершилъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, поступокъ, едва-ли понимая все его значеніе и не предвидя гибельныхъ его послѣдствій.

Онъ узналъ, что противъ одного дежурнаго офицера, котораго звали «Свирѣпой дылдой», готовится заговоръ. Рѣшено было ночью, когда «дылда» заснетъ въ дежурной комнатѣ, стащить его киверъ и саблю и запрятать ихъ подальше куда-нибудь. Если обстоятельства позволятъ, вдобавокъ и стащить сапоги—для бо́льшаго эффекта. Богъ знаетъ какія побужденія заставили N рѣшиться сообщить о заговорѣ дежурному офицеру. Быть можетъ, желаніе видѣть наказанными своихъ враговъ, быть можетъ, страхъ самому быть наказаннымъ въ числѣ другихъ, а можетъ, и желаніе подслужиться, но только онъ, выждавъ, когда кадеты легли спать, пришелъ къ дежурному офицеру и сообщилъ ему о заговорѣ, назвавъ имена заговорщиковъ, вполнѣ увѣренный, что никто не узнаетъ объ его поступкѣ и что «Свирѣпая дылда» его поблагодаритъ.

Но нравы педагоговъ были въ то время иные.

«Свирѣпая дылда» не только не поблагодарилъ мальчика за «похвальную откровенность», но съ презрѣніемъ оглянулъ его съ головы до ногъ и грубо прогналъ его вонъ, замѣтивъ, что только подлецы выдаютъ товарищей.

Покушеніе не удалось въ эту ночь. «Свирѣпая дылда» отдалъ на храненіе киверъ и саблю дневальному, а когда сдѣлана была попытка снять сапогъ, онъ такъ заворчалъ во снѣ, что кадетъ обратился въ бѣгство... Всѣ недоумѣвали странной предусмотрительности офицера въ эту ночь, но недоумѣніе скоро разъяснилось. На слѣдующее утро,

когда рота стояла во фронтѣ, готовая идти къ чаю, дежурный офицеръ съ негодованіемъ объявилъ при всей ротѣ о поступкѣ N и прибавилъ, что не придаетъ никакого значенія его словамъ и, конечно, не будетъ преслѣдовать оговоренныхъ, пока они не попадутся... А если попадутся, ну, тогда...

Съ этой минуты N сталъ «отверженцемъ». Ротный командиръ Иванъ Ивановичъ, узнавшій объ этой исторіи, косо смотрѣлъ на N и часто на него покрикивалъ. Жизнь тринадцатилѣтняго мальчика стала пыткой.

Прошелъ годъ. Ужъ онъ давно смирился и покорно, не смѣя жаловаться, сносилъ презрительныя ругательства, толчки и побои, надѣясь безотвѣтностью вымолить прощеніе. Напрасно! Клеймо наушника оставалось на немъ и ему не прощали. Напрасно онъ пробовалъ объяснять, что больше фискалить не будетъ, и молилъ о пощадѣ. Ему не вѣрили. Его всегда подозрѣвали.

Всю эту скорбную исповѣдь своихъ страданій разсказалъ мнѣ однажды ночью этотъ несчастный, блѣдный, тщедушный мальчикъ, горько рыдая и прося меня о заступничествѣ передъ товарищами... Наши кровати были рядомъ, и онъ видимо питалъ ко мнѣ благодарное чувство за то, что я не притѣснялъ его. Онъ спрашивалъ, что ему, наконецъ, дѣлать, какъ избавиться отъ этого позорнаго положенія отчужденности. Онъ уже нѣсколько разъ умолялъ въ письмахъ мать взять его изъ ненавистнаго заведенія, но отецъ не соглашался.

Мое ходатайство за него не имѣло большого успѣха. И Богъ знаетъ, чѣмъ-бы кончилъ этотъ отчаявшійся, всѣми презираемый мальчикъ, еслибъ, наконецъ, не пріѣхала мать и не взяла своего сына изъ корпуса.

К. Станюковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Роль семьи и школы въ дѣлѣ воспитанія.

Въ виду существующей въ наше время значительной пропасти между русской семьей и школой, необходимо какъ можно чаще обращаться къ вопросу, который разсматривается въ предлагаемой статьѣ; тутъ нечего бояться повтореній, — напротивъ, повторенія въ этомъ дѣлѣ нужны болѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, такъ какъ пропасть глубока и вопросъ слишкомъ важенъ. Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo—поэтому и повторенія въ столь важномъ дѣлѣ должны-же въ концѣ концовъ благотворно повліять на родителей и педагоговъ. Какой могучій рычагъ для развитія общества представляетъ правильно организованная школа, какія неисчислимыя, благотворныя послѣдствія вытекаютъ изъ нормальныхъ отношеній между школой и семьей,—это настолько сложно, что многіе у насъ только очень смутно представляютъ себѣ всю важность этого вопроса, а между тѣмъ, по справедливому замѣчанію Н. И. Пирогова *), «все будущее жизни находится въ рукахъ школы». Сознаніемъ этой истины особенно прониклись сѣверо-американцы, которые спѣшатъ давать деньги, необходимыя на заведеніе школъ, на прибавленіе классовъ, на покупку классныхъ принадлежностей, на жалованье учителямъ. Налогъ для потребностей школы встрѣчается тамъ съ большимъ одобреніемъ, хотя онъ растетъ постоянно, сообразно съ возрастающими потребностями: на него смотрятъ, какъ на затраченный капиталъ, который сторицей возвратитъ свою стоимость **). За-то американцы стали великимъ народомъ, безъ боязни смотрящимъ на свое будущее, благодаря системѣ своихъ школъ. «Образовать поколѣніе значитъ образовать народъ; вотъ нашъ девизъ, вотъ то, что дѣлаетъ изъ нашихъ школъ связь, дорогую для всѣхъ и священную для всѣхъ», говоритъ пасторъ Нааманъ у Лабулэ ***).

---

*) «Собраніе педагогическихъ статей», 67.

**) Гиппо, «Обществ. образов. въ Соедин. Шт.», 2.

***) «Paris en Amérique», 356.

Указавъ мимоходомъ на важность воспитанія и школы, мы считаемъ необходимымъ остановиться на самомъ опредѣленіи воспитанія. Употребляя терминъ «воспитаніе», нельзя его понимать въ тѣсномъ смыслѣ искусства формировать физическую и нравственную сторону человѣка; сюда необходимо включить и «обученіе»,—формировку умственныхъ способностей, такъ какъ равновѣсіе этихъ трехъ сторонъ и образуетъ нормальнаго человѣка.

«Разумѣть подъ воспитаніемъ только образованіе чувствъ и характера, значило-бы понимать его слишкомъ узко», говоритъ Бенеке *). «Не имѣетъ-ли оно, подобно обученію, также въ виду развитіе способностей воспріятія, наблюдательности, дѣятельности, эстетическаго пониманія, разсудка, сужденія, остроумія, наконецъ, тѣлесной силы и ловкости?» **).

Прежде всего, воспитаніе есть искусство, и искусство тѣмъ болѣе трудное, что примѣнять его нужно не къ неодушевленной матеріи, а къ живымъ организмамъ, безконечно разнообразнымъ между собой по душевнымъ свойствамъ, окружающимъ условіямъ, внѣшнимъ вліяніямъ, предварительнымъ задаткамъ. Вообще, какъ говоритъ Бенеке, предметъ дѣйствія воспитанія—самый совершенный, т.-е. человѣкъ. Вотъ потому-то ни въ одной области человѣческихъ знаній нѣтъ такого множества разнорѣчивыхъ теорій, какъ въ педагогикѣ. Опредѣленіе этого искусства выясняется изъ опредѣленія самыхъ цѣлей воспитанія.

Сравнивая мнѣнія по этому вопросу Шварца, Нимейера, Розенкранца, Динтера, Бенеке и др. извѣстныхъ педагоговъ, необходимо заключить, что задача воспитанія состоитъ въ самосознательномъ вліяніи одной личности на другую съ тѣмъ, чтобы воля, разумъ и чувство этой послѣдней развились самымъ совершеннымъ, достойнымъ человѣка образомъ: то-есть, чтобы воля путемъ свободы могла и хотѣла органически, безсознательно направляться ко всему доброму и отвращаться отъ всего дурного; чтобы умъ усвоилъ знанія, которыя могутъ его изощрить вообще, которыя способны сдѣлать его здоровымъ, полезнымъ и довольнымъ; чтобы чувство обогатилось эстетическими представленіями, усвоило живое чутье ко всему прекрасному и въ звукахъ, формахъ, краскахъ и образахъ могло находить неисчерпаемый источникъ высшихъ наслажденій.

Гербертъ Спенсеръ, со свойственной ему точностью и ясностью,

---

*) «Руковод. къ воспит. и обуч.», т. I, стр. 70.

**) Ibid.

такъ опредѣляетъ задачи воспитанія: «Общая задача, въ которой сливаются всѣ прочія спеціальныя задачи, состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ умѣлъ руководить своими поступками во всѣхъ сферахъ дѣятельности и при всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ; чтобы онъ зналъ, какъ обращаться со своимъ тѣломъ, какъ развивать свой умъ, какъ вести дѣла, какъ воспитывать дѣтей, какъ быть хорошимъ гражданиномъ, какъ пользоваться тѣми благами, которыми надѣлила насъ природа, какъ употреблять наши способности, чтобы доставить наибольшую пользу себѣ самимъ и другимъ людямъ,—словомъ, какъ жить полною жизнью» *).

Не трудно замѣтить, что эти опредѣленія воспитанія страдаютъ нѣкоторой односторонностью и нуждаются въ поправкѣ: они предполагаютъ, что воспитатель имѣетъ дѣло съ tabula rasa, съ бѣлымъ листомъ, на которомъ безпрепятственно можно писать что̀ угодно, упуская изъ виду громадное вліяніе наслѣдственности, на что̀ указалъ французскій ученый Гюйо въ своей недавно вышедшей книгѣ: «Воспитаніе и наслѣдственность». Въ самомъ дѣлѣ, воспитателю очень часто приходится имѣть дѣло не только съ пріобрѣтенными вредными качествами и наклонностями, но и съ унаслѣдованными, которыя, въ силу атавизма, напоминаютъ иногда людямъ нашего времени объ ихъ кровномъ родствѣ съ дикарями до-исторической эпохи. Опредѣлить эти атавистическія свойства, отличить отъ пріобрѣтенныхъ и искоренять ихъ, или, что еще лучше, превращать въ качества полезныя—вотъ новая задача, которая открывается современнымъ педагогамъ.

Какъ извѣстно, впечатлѣнія, привычки и наклонности дѣтства оставляютъ у человѣка неизгладимые слѣды на всю жизнь; поэтому родителямъ всего естественнѣе прививать хорошія наклонности и искоренять дурные задатки. Уже со временъ Коменскаго сдѣлались аксіомой, что воспитаніе начинается тотчасъ послѣ рожденія, и потому родители являются первыми воспитателями; школа только завершаетъ, вѣнчаетъ дѣло, начатое семьей. «Родители,—говоритъ Ушинскій,—являются всегда хотя отчасти воспитателями своихъ дѣтей и полагаютъ первыя сѣмена будущихъ успѣховъ или неуспѣховъ воспитанія» **).

«Слова ничего не значатъ безъ подготовки. Прежде, нежели сѣять, нужно вспахать землю; сѣмена добродѣтели трудно всходятъ; нужна долгая подготовка, чтобъ укоренить ее» ***),—говоритъ Руссо, указы-

*) «Воспит. нравств., умств. и физич.», 13.

**) Сочиненія, 19.

***) Эмиль, 289.

вая на необходимость получить хорошіе задатки въ семьѣ. Кромѣ нравственныхъ задатковъ, и задатки умственнаго развитія должны быть заложены въ семьѣ: «Родители,—говоритъ Спенсеръ,—всѣми мѣрами должны содѣйствовать успѣху саморазвитія въ своихъ дѣтяхъ, должны постоянно заставлять ихъ дѣлать свои собственныя изслѣдованія и выводить свои собственныя заключенія» *).

Итакъ, закладка нравственнаго и умственнаго фундамента—естественное, прямое дѣло семьи. За такую именно подготовку школа должна быть глубоко благодарна семьѣ, а не за формальное знаніе опредѣленнаго числа молитвъ, грамматическихъ и ариѳметическихъ правилъ. Когда почва подготовлена достаточно, то усвоеніе знаній, сообщаемыхъ школой, идетъ легко и быстро, несложныя требованія школы относительно дисциплины и приличія исполняются безпрекословно, потому что онѣ находятся въ полнѣйшемъ согласіи съ привычками, царствующими въ семьѣ, какъ необходимыми для каждаго цивилизованнаго человѣка.

Вотъ первыя нити, связывающія семью со школой; если онѣ существуютъ, то въ дальнѣйшемъ крѣпнутъ сами собой. «Школа,—говоритъ Шлейермахеръ,—*отнюдь не должна* разрывать связей съ семьей. Это особенно относится къ женскому воспитанію» **).

Прежде чѣмъ указать, какъ въ наше время должна выражаться связь школы съ семьей, нужно бросить взглядъ на положеніе этого вопроса въ прошлыя времена, потому что тогда, по нашему мнѣнію, эта идея выражалась цѣлостнѣе.

Въ древнихъ цивилизаціяхъ Востока, изъ вѣка въ вѣкъ упорно сохранявшихъ свои общественныя и бытовыя формы, педагогическіе вопросы ставились и разрѣшались просто и ясно. Въ древней Индіи, гдѣ существовало строжайшее раздѣленіе на касты, дѣтямъ каждой касты давалось опредѣленное воспитаніе, состоявшее въ умѣньи читать, писать и въ знакомствѣ съ священными книгами, степень котораго опредѣлялась положеніемъ касты на общественной лѣстницѣ. Кромѣ того, дѣтямъ каждой касты прививались свойственные ей спеціальные навыки и умѣнья; напр., дѣтямъ воиновъ и ремесленниковъ сообщались необходимыя техническія свѣдѣнія. Нѣчто подобное было и въ Египтѣ, гдѣ переходъ изъ одного сословія въ другое былъ невозможенъ, и каждый былъ обязанъ заниматься тѣмъ-же, чѣмъ и его отецъ. Воспитаніе у древнихъ персовъ состояло, главнымъ обра-

*) Op. cit., 118.

**) Шмидтъ, «Исторія педагог.», т. IV, ч. 2, стр. 392.

зомъ, въ развитіи физической силы и ловкости, чувства правдивости, смѣлости и національной гордости; эти качества очень цѣнились всѣмъ персидскимъ народомъ. Въ Китаѣ основнымъ принципомъ, какъ общественной жизни, такъ и воспитанія, было и есть уваженіе къ авторитету, преданіямъ, родителямъ и предкамъ. Жизнь и воспитаніе древнихъ евреевъ проникалъ крайній теократическій принципъ, особенно послѣ вавилонскаго плѣненія. Такимъ образомъ, въ этихъ архаическихъ цивилизаціяхъ цѣлые вѣка все шло, какъ въ хорошо устроенной и заведенной машинѣ, пока не рухнуло, какъ обветшавшее отъ времени, зданіе. Въ этихъ цивилизаціяхъ школа и не пыталась вносить въ жизнь что-либо обновляющее: школа играла чисто-второстепенную, служебную роль, приготовляя людей быть безвольными, бездушными пѣшками. Такимъ образомъ школа, съ ея опредѣленно поставленными задачами и суровыми порядками, находилась въ полной гармоніи съ жизнью. Нечего и говорить о спартанцахъ, у которыхъ школы были прекрасной подготовкой къ постояннымъ занятіямъ этого народа—военной, лагерной жизни, атлетическимъ упражненіямъ и всевозможнымъ лишеніямъ съ цѣлью закалить тѣло. Нигдѣ, кажется, школа не находилась въ такомъ тѣсномъ единеніи съ жизнью и нигдѣ такъ не интересовались ея бытомъ, какъ въ Спартѣ. Въ Аѳинахъ всѣ предметы школьнаго обученія находили себѣ непосредственное примѣненіе въ жизни отчасти по своей простотѣ, элементарности, отчасти потому, что были направлены на предметы эстетическаго развитія, такъ какъ глубокимъ чувствомъ изящнаго была проникнута вся Эллада. Взрослые люди и старцы постоянно наполняли аѳинскія школы, своимъ примѣромъ, вмѣстѣ съ учителями, показывая образцы подражанія въ музыкѣ, гимнастикѣ, декламаціи. Подростающее поколѣніе видѣло ясно, насколько то, что оно изучаетъ, пользуется общимъ уваженіемъ и интересуетъ ихъ отцовъ, братьевъ, словомъ, всѣхъ гражданъ. Развѣ встрѣчается въ наше время столь поразительное единство въ интересахъ и цѣляхъ между нашими отцами и дѣтьми?

У древнихъ римлянъ школа не играла особенно важной роли и была проникнута, какъ и семья, строго-національнымъ, традиціоннымъ и патріотическимъ духомъ и, какъ древне-римская жизнь, отличалась очень суровой дисциплиной.

Столь полная гармонія между школой и семьей невозможна въ наше время, такъ какъ условія совершенно измѣнились: въ современномъ обществѣ нѣтъ кастъ, оно не основано на рабствѣ; общественная жизнь осложнилась, умственный и нравственный уровень не только

между классами, но и между отдѣльными личностями, сталъ крайне неодинаковъ.

Съ утвержденіемъ христіанства въ Европѣ начался разладъ между семьей и школой: въ теоріи явились новыя умственныя и нравственныя требованія, которыя проводились въ школѣ, но были чужды семьѣ, обществу, еще стоящимъ въ языческихъ понятіяхъ и нравахъ. Школа, сразу подпавшая подъ вліяніе церкви, проводила суровый аскетическій идеалъ, который былъ чуждъ обществу. Съ теченіемъ времени школа все болѣе и болѣе удалялась въ міръ отвлеченностей, схоластики, чуждой семьѣ, обществу, жизни. Главную роль стала играть память; вмѣсто предметовъ стали изучаться слова, вмѣсто представленій и понятій—сухія формулы. Но и въ эти времена схоластики и аскетизма отчужденіе школы отъ семьи не было столь значительно, какъ нѣсколько позже: въ обществѣ, въ руководящихъ классахъ, преобладало теологическое, церковное направленіе; всѣ науки были подчинены богословію, духовенство играло очень видную, вліятельную роль—и въ обществѣ укоренилось уваженіе къ школѣ и ея преподаванію, строго проникнутому теологическимъ духомъ. Въ позднѣйшія времена вторженіе свѣтскаго элемента въ школы, развитіе естественныхъ наукъ, философскихъ ученій и техническихъ знаній, неустойчивость школьныхъ программъ, сильно бьющійся пульсъ общественной жизни произвели глубокій разладъ между семьей и школой и значительно уменьшили ихъ взаимное вліяніе.

Справедливо говоритъ Ушинскій о современномъ русскомъ обществѣ: «Наши предки не понимали прихоти Петра В., гнавшаго ихъ насильно къ просвѣщенію, но и мы сами едва-ли сознаемъ вполнѣ его потребность: чувствуемъ только, что въ настоящее время безъ него обойтись нельзя, что безъ него и въ общественной жизни и, главное, въ службѣ, нашимъ дѣтямъ придется плохо, и со вздохомъ покоряемся злой необходимости. Отсюда происходитъ и тотъ апатическій, мрачный взглядъ, которымъ наше общество до сихъ поръ смотритъ на своихъ педагоговъ: такимъ взоромъ встрѣчаетъ иногда больной цирюльника, который пришелъ вырвать ему зубъ» *). Хотя, конечно, отъ современной русской семьи трудно ожидать тѣсной и плодотворной связи со школой, потому что умственная культура еще недостаточно распространена въ нашемъ отечествѣ,—однако, можно и должно предъявить русской семьѣ нѣсколько элементарныхъ требованій. Прежде всего, отъ семьи, у которой существуетъ связь со

*) Op. cit., 254.

*

школой въ лицѣ дѣтей, должно ожидать уваженія къ умственному труду и его представителямъ и теплаго участія къ школьнымъ дѣламъ. «Нужно очень много любви къ дѣтямъ,—говоритъ Ушинскій,—чтобы въ одиночку думать о нихъ, и общество не имѣетъ права требовать такой любви отъ кого-бы то ни было, если оно само не показываетъ участія къ дѣлу воспитанія» *). Но въ чемъ-же выражается это активное участіе въ воспитаніи? «Отдавая дѣтей на руки воспитателю или помѣщая ихъ въ учебное заведеніе,—говоритъ тотъ-же Ушинскій,—родители, конечно, не избавляются этимъ отъ священной обязанности наблюдать за воспитаніемъ. Но для этого родители должны имѣть самыя ясныя и вѣрныя понятія о томъ, чего они могутъ требовать, съ одной стороны, отъ воспитателя или учебнаго заведенія, съ другой—отъ своихъ дѣтей. Наблюденіе надъ одиѣми отмѣтками, переходомъ изъ класса въ классъ и экзаменаціонными аттестаціями весьма ничтожно. Кто изъ воспитателей общественныхъ заведеній не знаетъ, какъ часто родители воспитанниковъ объясняютъ себѣ совершенно неправильно факты заведенія, касающіеся ихъ дѣтей: то наказываютъ ихъ за то, за что вовсе не слѣдуетъ наказывать, то поощряютъ ихъ сами къ такимъ поступкамъ, противъ которыхъ борется заведеніе, то внушаютъ имъ такой образъ мыслей, который совершенно противорѣчитъ истинно-нравственному воспитанію,—и послѣ сами-же удивляются, почему воспитаніе ихъ дѣтей идетъ такъ дурно, или приноситъ такіе плоды, вкусъ которыхъ кажется имъ горькимъ» **).

Не говоря уже о профессіональныхъ педагогахъ, всѣ лучшіе умы, интересовавшіеся педагогическими вопросами, обвиняютъ родителей въ неуспѣшности нравственнаго воспитанія. «Родители именно,—говоритъ Локкъ, — изъ чрезмѣрнаго потаканія (indulgence) своимъ еще маленькимъ дѣтямъ, сами извращаютъ въ нихъ всѣ природныя начала, и послѣ этого удивляются, видя, что не чисты тѣ ручьи, истоки которыхъ они сами отравили» (emprisonné) ***). «Когда мы начинаемъ судить и рядить дурное поведеніе дѣтей въ дѣтской или въ учебномъ заведеніи,—говоритъ Спенсеръ,—то у насъ почти всегда принимается за правило взваливать всю вину на молодежь и отнюдь не обвинять родителей въ ихъ нравственномъ преступленіи—въ дурномъ воспитаніи ихъ сыновей и дочерей. Это до того несправедливо, что мы, со своей стороны, прямо осуждаемъ родителей, считая ихъ,

*) Op. cit., 14.

**) Op. cit., 14.

***) Pensées sur l'education, 71.

въ большинствѣ случаевъ, причиной семейныхъ безпорядковъ, обыкновенно приписываемыхъ испорченности дѣтей» [1]). Извѣстный французскій педагогъ Жоли даже прямо говоритъ слѣдующее: «Мы не колеблясь скажемъ, что родители чаще вредятъ вліянію учителей, чѣмъ эти послѣдніе вліянію родителей» [2]). «Отъ нихъ (т.-е. учителей),—продолжаетъ онъ,—надѣются, ожидаютъ, наконецъ, требуютъ слишкомъ много; однако, невозможно получить рѣшительно все то, чего желаютъ, и тогда обыкновенно настолько болѣе бываютъ склонны къ суровому порицанію учителей, насколько менѣе способны понимать причины неуспѣха, часто очень сложныя» [3]). Въ самомъ дѣлѣ, чего школа требуетъ отъ семьи? «Точности, уваженія, извѣстнаго довѣрія. Все это, въ общемъ, не имѣетъ ничего преувеличеннаго,—говоритъ Жоли.—Но требованія, предъявляемыя семьей, часто очень велики. Семья требуетъ искорененія всѣхъ привычекъ лѣности, легкомыслія, жестокости, разсѣянности, которыя или сама она вкоренила, или противъ которыхъ не имѣла мужества противостоять; требуетъ признанія за ребенкомъ бóльшихъ способностей, чѣмъ какія онъ имѣетъ, гарантіи для него превосходства надъ 20-ю другими дѣтьми, родители которыхъ ожидаютъ, въ свою очередь, той-же самой привилегіи» [4]).

Всякій ясный и непредубѣжденный умъ долженъ согласиться съ тѣмъ, что нравственное или ненравственное направленіе ребенка или юноши вырабатывается исключительно семьей, особенно при существующей у насъ системѣ открытыхъ учебныхъ заведеній. Въ самомъ дѣлѣ, воспитанникъ больше дышетъ воздухомъ семьи, чѣмъ школы; въ семьѣ онъ видитъ примѣры сужденій и поступковъ отъ тѣхъ, кого онъ болѣе всего любитъ и уважаетъ; жизнь семьи несравненно болѣе интересна, привлекательна и разнообразна, чѣмъ жизнь школы; поэтому вкусы, привычки, наклонности, развлеченія, преобладающіе въ семьѣ, налагаютъ на воспріимчивую душу ребенка несравненно болѣе отчетливую печать, чѣмъ необходимое однообразіе школьной обстановки. «При надлежащихъ условіяхъ развитія,—говоритъ Бенеке,—представленіе родителей почти необходимо должно быть всесильнымъ надъ ребенкомъ, если-же этого нѣтъ, если уже, напр., въ раннемъ возрастѣ замѣчаются проявленія непослушанія, то они, во всякомъ случаѣ, должны быть поставлены въ вину воспитанію» [5]).

---

1) Op. cit., 168.

2) Notions de Pédagogie, 243.

3) Ibid., 245.

4) Ibid., 246.

5) Op. cit., I, 327.

Поэтому глубоко справедливы, хотя и глубоко печальны слѣдующія слова Ушинскаго: «Нужно съ намѣреніемъ закрыть глаза, чтобъ не видѣть, какое ничтожное вліяніе оказываетъ воспитаніе на нравственность общества, какъ мало оно возвышаетъ духъ надъ тѣломъ и выдвигаетъ впередъ духовныя потребности, когда воспитаніе направлено дурно, т.-е. когда духовная сторона людей, подвергнутыхъ воспитательному процессу, не была развита какъ слѣдуетъ. Жажда денегъ, невѣріе въ добро, отсутствіе нравственныхъ правилъ, презрѣніе къ мысли, любовь къ окольнымъ путямъ, равнодушіе къ общественному благу, снисходительность къ нарушенію законовъ чести... вотъ враги воспитанія, съ которыми оно призвано бороться» *). Эта борьба возможна только тогда, когда добрыя начала будутъ переходить въ убѣжденія, убѣжденія въ привычки, привычки въ наклонности, которыми будетъ руководствоваться жизнь ребенка и юноши. Но идущая вразбродъ современная семья, утратившая старинное регулирующее начало — живой религіозный духъ былыхъ временъ и старинный бытовой укладъ, простоту и патріархальность—должна для этого проникнуться живымъ сознаніемъ своихъ священныхъ обязанностей и возвышаться нравственно и умственно; иначе долго еще будетъ продолжаться это печальное время, когда юноши и дѣвушки, по выраженію Лютера, растутъ, какъ деревья въ лѣсу, и годны только на безполезную изгородь да на потѣшные огни, а не на постройку.

Но хотя семьѣ и принадлежитъ преобладающая роль въ дѣлѣ нравственнаго развитія молодого поколѣнія, однако, и школа не лишена возможности вліять на нравственную сторону учащихся. Не говоря уже о томъ, что религіозно-нравственное наставленіе въ Законѣ Божіемъ, при надлежащемъ веденіи дѣла, можетъ значительно содѣйствовать расширенію нравственнаго кругозора; изученіе математики, способное внести порядокъ и стройность не только въ мысли, но и въ чувства и поступки, изученіе исторіи, съ ея великими личностями и великими дѣлами, отечественнаго языка и словесности, съ разборомъ произведеній, ихъ идей и знакомствомъ съ типами, воплощающими эти идеи, — все это, несомнѣнно, дѣлаетъ душу мягче, деликатнѣе, нравственное чувство воспріимчивѣе и открываетъ передъ учащимися цѣлый міръ идей и образовъ...

Но какъ часто случается, что сѣмена этихъ, столь нѣжныхъ, растеній, едва посѣянныя школой, сейчасъ-же гибнутъ въ холодѣ и

---

*) Полн. собр. сочин., 8.

мракѣ семейной обстановки, такъ какъ они не только не имѣютъ съ ней ничего общаго, но часто даже прямо противоположны!

Естественно, что сильное и постоянное вытѣсняетъ слабое и случайное. И теперь даже вполнѣ умѣстно повторить слова Н. И. Пирогова, сказанныя 30 лѣтъ тому назадъ: «Какъ ни желательна гегемонія школы надъ жизнью и какъ ни пошла еще наша жизнь, но она пересиливаетъ, и покуда въ рукахъ школы находится одно только надежное средство вліять на нравственную сторону учащихся—это наука» [1]). Хотя поименованныя выше учебныя дисциплины вліяютъ на нравственную сторону учащихся, но несомнѣнно, что главная задача школы—содѣйствовать ихъ умственной культурѣ. «Если школѣ,—говоритъ Пироговъ,—удастся сдѣлать учениковъ воспріимчивыми къ наукѣ, дать имъ сознательное, научное направленіе, поселить въ нихъ любовь къ самостоятельнымъ занятіямъ наукой, — то больше ничего и требовать нельзя» [2]).

Если обязанности семьи, какъ весьма важнаго воспитательнаго фактора, были подвергнуты выше довольно подробному разсмотрѣнію, то естественно ожидать столь-же внимательнаго отношенія и къ школѣ, потому что нравственное воспитаніе есть результатъ гармоническаго взаимодѣйствія семьи и школы; кромѣ того, это важно для составленія правильныхъ понятій о ближайшихъ задачахъ школы и о практикѣ педагогическаго дѣла. Строго говоря, если школа поставлена вполнѣ правильно и по своей системѣ учебныхъ предметовъ, и по методамъ преподаванія, то малоуспѣшность учениковъ встрѣчается въ ней только какъ результатъ плохого домашняго воспитанія и направленія, или какъ слѣдствіе органическихъ недостатковъ, напримѣръ, врожденной малоспособности. «Нормально направленное упражненіе умственныхъ силъ молодыхъ людей,—говоритъ проф. Пилланс (Pillans),—нравится имъ не менѣе, а часто даже болѣе, упражненія мускульныхъ силъ» [3]). Но и обыкновенная современная школа, хотя и далекая отъ совершенства, можетъ имѣть громадное вліяніе на воспитанниковъ, особенно на ихъ умъ и волю. «Многое значитъ духъ заведенія,—говоритъ Ушинскій,—и этотъ духъ живетъ не въ стѣнахъ, не на бумагѣ, а въ характерѣ большинства воспитателей и оттуда уже переходитъ въ характеръ воспитанниковъ [4]).

Носителями этого духа и передатчиками его молодому поколѣнію

---

[1]) Op. cit., 144.

[2]) Op. cit., 59

[3]) Спенсеръ, op. cit., 159.

[4]) Op. cit., 14.

являются живыя лица—преподаватели и воспитатели, которые, за свой тяжелый и плодотворный трудъ, по справедливости должны-бы пользоваться преимущественнымъ уваженіемъ со стороны общества, если-бъ современное общество доросло до яснаго сознанія этой истины. Пониманіе важной, священной обязанности воспитанія, сознаніе его высокой важности въ государственной и общественной жизни,—все это и на воспитателей налагаетъ извѣстныя обязанности, съ которыми лучше всего познакомиться изъ чистаго первоисточника—черезъ слова философовъ и педагоговъ. «Воспитать въ гуманности,—говоритъ Гердеръ,—можетъ только тотъ, кто самъ обладаетъ ею и проявляютъ ее въ себѣ. Учитель прежде всего да вникнетъ въ величіе лежащей на немъ отвѣтственности: ему поручается форма и образованіе потомства; въ его рукахъ самыя дорогія сокровища родителей, даже человѣчества; юный воскъ представится впослѣдствіи такимъ, какимъ оттиснулъ и образовалъ его учитель» [1]). «Учитель,—геворитъ Шлейермахеръ,—даже народный, долженъ быть самымъ развитымъ и образованнымъ человѣкомъ. Онъ долженъ быть таковымъ оттого, что онъ—самый видный членъ общества, оттого, что всякій существенный успѣхъ всего человѣческаго быта основанъ на воспитаніи» [2]). «Воспитаніе,—говоритъ Тауловъ,—по преимуществу дѣло личности учителя и его примѣра; обогатить положительными знаніями можетъ всякая самая пошлая душа, поддерживать порядокъ—всякій варваръ. Высшій законъ воспитанія—правда и любовь» [3]). Извѣстный педагогъ Кольраушъ относительно этого предмета выражается такъ: «Главное условіе для цѣлесообразнаго развитія гимназіи—ея учителя. Учитель долженъ быть образцемъ совершенства для своихъ воспитанниковъ. Онъ прежде всего долженъ быть цѣльною личностью, потому что только такая личность способна воспитать другую. Онъ долженъ обладать чувствомъ собственнаго достоинства: по скольку ты уважаешь самъ себя, по стольку тебя уважаютъ и другіе. Учитель въ состояніи влiять на своихъ учениковъ и ихъ родителей постольку, поскольку онъ уважается ими» [4]). «Воспитатель (преподаваніе есть одинъ изъ способовъ воспитанія),—говоритъ нашъ педагогъ Ушинскій,—поставленный лицомъ къ лицу съ воспитанниками, въ самомъ себѣ заключаетъ всю возможность воспитанія» [5]). Въ самомъ дѣлѣ, воспитаніе, какъ

---

[1]) Шмидтъ, Ист. педаг., т. IV, ч. 2, стр. 313.

[2]) Ibid., 391.

[3]) Ibid., 98.

[4]) Ibid., 143.

[5]) Полн. собр. сочин., 13

всякая живая и разумная дѣятельность, требуетъ разумныхъ и живыхъ исполнителей. Любовь, справедливость, рвеніе къ своимъ обязанностямъ, внимательное отношеніе къ своему поведенію, постоянное стремленіе къ умственному совершенствованію—вотъ качества, которыя должны быть свойственны всякому человѣку, а тѣмъ въ бо́льшей степени педагогу. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и въ членахъ семьи воспитанникъ долженъ встрѣчать хотя нѣсколько подобныя нравственныя и умственныя качества.

Воспитаніе воли также составляетъ одну изъ видныхъ задачъ школы. Одно изъ преимуществъ общественнаго школьнаго воспитанія состоитъ въ томъ, что оно служитъ подготовительной ступенью къ общественной жизни. Какъ эта послѣдняя должна руководиться закономѣрностью и законосообразностью, такъ и школьная жизнь должна быть подчинена извѣстной дисциплинѣ,—разумной, послѣдовательной и непоколебимой, чтобы съ юныхъ лѣтъ пріучить молодую душу къ закону и порядку. Поэтому, какъ дѣйствія и требованія наставниковъ должны быть проникнуты однимъ духомъ, одинаковыми началами, такъ и семья отнюдь не должна стоять въ противорѣчіи съ требованіями школы. Нужно только сожалѣть о близорукости тѣхъ родителей и родственниковъ, которые доводятъ свою неосторожность до открытаго порицанія школьныхъ порядковъ передъ воспитанниками: это отразится не только сейчасъ-же на успѣхахъ и поведеніи воспитанниковъ, но въ близкомъ будущемъ родителямъ придется пожинать еще худшіе плоды своей неосторожности.

Воспитаніе воли воспитанниковъ не можетъ идти успѣшно при такой дисгармоніи между семьей и школой. Частое и довѣрчивое общеніе родителей съ воспитателями положительно необходимо.

Правильный ходъ религіозно-нравственнаго воспитанія обусловливается опять-таки согласіемъ между тѣми нравственными принципами, о которыхъ ученикамъ приходится слышать въ школѣ, и жизненной практикой семьи, религіозно-нравственныя понятія которой притомъ очень часто бываютъ неудовлетворительны.

Объ успѣшности патріотическаго воспитанія нечего и думать, когда семья не проникнута патріотическимъ духомъ, когда въ ней болѣе интересуются дѣлами своей улицы, чѣмъ судьбами отечества, о самой географіи котораго часто имѣютъ очень смутныя свѣдѣнія, не говоря уже объ его исторіи, о ближайшихъ его цѣляхъ и задачахъ.

Воспитаніе чувства изящнаго еще болѣе зависитъ отъ семьи, чѣмъ воспитаніе религіозное и патріотическое. Въ самомъ дѣлѣ, какое пониманіе эстетическихъ вопросовъ, какой, наконецъ, интересъ къ нимъ

можетъ быть у человѣка, выросшаго въ семьѣ, для которой литература, музыка, художества такъ-же понятны и интересны, какъ китайскій языкъ? А что это дѣйствительно такъ, видно изъ того, насколько незначительно въ учебныхъ заведеніяхъ количество учащихся рисованію, пѣнію и музыкѣ, хотя родителямъ обученіе этимъ искусствамъ почти ничего не стоило-бы. Очевидно, они сами никогда не испытывали того огорченія, которое часто охватываетъ образованнаго человѣка, когда онъ сознаетъ свое неумѣнье воспроизвести какую-нибудь мелодію или набросать какой-нибудь пейзажъ.

Деликатность въ обращеніи и извѣстная утонченность манеръ составляетъ характерное свойство образованаго человѣка. Конечно, воспитатели своимъ безукоризненно-вѣжливымъ и деликатнымъ обращеніемъ могутъ очень способствовать проявленію этихъ качествъ въ воспитанникахъ; однако и тутъ громадную роль играетъ система взаимныхъ отношеній въ обыденной жизни, принятая въ семьѣ, въ которой воспитанникъ проводитъ большую часть своего времени.

Во всемъ предшествующемъ изложеніи мы старались показать, какое множество нитей связываетъ семью со школой, и притомъ такъ, что одна порванная нить вноситъ разстройство во всю систему. Безусловное довѣріе и уваженіе съ одной стороны, любовь и сознаніе своихъ священныхъ обязанностей съ другой—вотъ главныя требованія для полной гармоніи между семьей и школой.

Въ сознаніи своего апостольскаго назначенія, школа должна идти на встрѣчу семьѣ: это ея обязанность, ея право. Она должна стоять вдали отъ преходящихъ треволненій жизни, преслѣдуя свою великую задачу нравственнаго и умственнаго прогресса человѣчества. Только въ этомъ послѣднемъ случаѣ ея представители съ полнымъ правомъ могутъ сказать о себѣ:

«Блаженны мы, что наша доля
Быть представителями дня!»

П. Головачевъ.

ВНѢКЛАССНАЯ ШКОЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

I.

Въ нашей литературѣ имѣются изслѣдованія по школьнымъ вопросамъ, нерѣдко весьма добросовѣстныя, но большая часть ихъ касается школы другихъ государствъ. Основательныхъ, разностороннихъ изслѣдованій о нашей родной средней школѣ, къ стыду нашему, мы почти не имѣемъ, хотя изученіе и, такимъ образомъ, уясненіе внутренняго міра учащихся, по возможности въ его различныхъ стадіяхъ, имѣетъ несомнѣнную важность въ цѣляхъ облегчить достиженіе главнѣйшихъ задачъ школы. Въ нашей литературѣ имѣются и научные, и беллетристическіе труды, предметомъ которыхъ служитъ, наприм., итонская школа; но, кромѣ сухихъ «краткихъ историческихъ записокъ» о состояніи какого-нибудь учебнаго заведенія и «школьныхъ воспоминаній», мы мало имѣемъ произведеній въ томъ-же родѣ о нашихъ родныхъ школахъ. Еще менѣе сдѣлано въ области изслѣдованія *внутренняго міра нашихъ дѣтей*. Несомнѣнно, конечно, что русскій ученикъ, какъ и вообще русскій человѣкъ, рѣзко отличается отъ ученика-нѣмца, англичанина, француза и проч., и какъ-бы основательно русскіе педагоги ни изучали нѣмецкую педагогическую литературу, они не разгадаютъ своихъ учениковъ, пока не изучатъ именно ихъ. Положимъ, русскій человѣкъ изображенъ во многихъ произведеніяхъ нашихъ писателей: Тургенева, Григоровича, Гончарова и друг.; но типовъ русскихъ учениковъ средней школы въ нашей литературѣ очень мало, да и въ имѣющіеся типы преднамѣренно внесено много тенденціозности; таковы, напримѣръ, типы гимназистовъ въ романѣ г. Боборыкина: «Въ путь дорогу». Изъ научныхъ трудовъ, предметомъ которыхъ служитъ внутренній міръ учащихся, въ нашей литературѣ извѣстны: а) «Школьные типы» г. Лесгафта и б) «Характеристики дѣвочекъ» г. Ельницкаго. Г. Лесгафтъ ограничился изображеніемъ шести выдающихся типовъ учениковъ,—типовъ, которые при-

томъ рѣзко выражены уже при появленіи дѣтей въ школѣ. Но это количество, конечно, далеко не отражаетъ въ себѣ дѣйствительности, и самые типы, представляя слишкомъ отвлеченные образы, не даютъ понятія о томъ, съ кѣмъ и съ чѣмъ въ дѣйствительности имѣютъ дѣло воспитатели. Поэтому нужно признать болѣе правильнымъ путь, избранный г. Ельницкимъ, который въ своихъ «Характеристикахъ дѣвочекъ» даетъ намъ не отвлеченные образы, не категоріи, даже предшествующія изслѣдованію, а изображеніе дѣйствительно существовавшаго, не въ крайнемъ отвлеченіи, а въ представленіи, вполнѣ согласномъ съ дѣйствительностью. Но и въ этихъ характеристикахъ нѣтъ того, что называется внутреннимъ міромъ учащихся, и притомъ въ его цѣлости. Зависитъ это отъ того, что г. Ельницкій ограничивался, главнымъ образомъ, внѣшними проявленіями дѣвочекъ, имъ охарактеризованныхъ, притомъ въ сообществѣ ихъ съ другими, а въ такомъ случаѣ, подъ вліяніемъ домашняго воспитанія, наставленій родителей и проч., онѣ явились, конечно, не такими, каковы были на самомъ дѣлѣ. Подъ вліяніемъ внѣшней-же обстановки сложились бурсацкіе типы, изображенные Помяловскимъ. Для того, чтобы въ чистотѣ и глубоко постичь физіономію человѣка, нужно наблюдать его тогда, когда онъ остается наединѣ, предоставляется самому себѣ. Въ такомъ случаѣ онъ сбрасываетъ съ себя тѣ покрывала, въ которыя драпируется для общества. Но, къ крайнему сожалѣнію, въ распоряженіи воспитателя такихъ моментовъ изъ жизни учащихся почти не бываетъ. Однако, онъ можетъ воспользоваться плодами такого уединенія своихъ воспитанниковъ. Подъ этими плодами я разумѣю все то, что воспитанникъ, оставшись наединѣ или въ сообществѣ товарищей, повѣряетъ бумагѣ, то-есть, я разумѣю *внѣклассную школьную литературу*. Для сужденія о внутреннемъ мірѣ воспитанника существеннымъ основаніемъ, особенно цѣннымъ, является именно таковая литература: даже то, что во внутреннемъ мірѣ воспитанника только еще возникаетъ, онъ имѣетъ возможность выразить уже готовымъ литературнымъ произведеніемъ, въ которомъ онъ находитъ откликъ своей собственной душѣ. Едва-ли можетъ быть даже тѣнь сомнѣнія въ важномъ значеніи такой внѣклассной школьной литературы *).

---

*) Подобное-же значеніе имѣютъ ученическая живопись и ученическій театръ, но, по недостатку собраннаго мной матеріала, въ настоящей статьѣ я не касаюсь ихъ.

II.

Подъ внѣклассной, неучебной школьной литературою я разумѣю, во-первыхъ, тѣ произведенія писателей, которыя, не бывъ предметомъ класснаго изученія, распространены между учащимися и даже переписаны ими въ ихъ тетрадки; во-вторыхъ, собственныя произведенія учащихся. Обыкновенно, почти каждый ученикъ имѣетъ тетрадку, въ которую вписываетъ литературныя произведенія, почему-либо ему понравившіяся, а также собственныя произведенія, преимущественно стихи, и произведенія своихъ товарищей. Такія тетрадки сохраняются въ секретѣ и отъ родителей, и отъ воспитателей, главнымъ образомъ, по двумъ причинамъ: а) онѣ откроютъ родителямъ и воспитателямъ такія стороны въ воспитанникѣ, незаконность которыхъ сознается самимъ владѣльцемъ тетрадки; б) открытіе ея обыкновенно влечетъ за собою наказаніе владѣльцу или, по меньшей мѣрѣ, выговоръ ему. Эти мотивы для содержанія тетрадокъ въ секретѣ нерѣдко выражаются ихъ владѣльцами. «Долженъ-ли я,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—упрекать себя въ чемъ-либо? Много-бы я отвѣчалъ на этотъ вопросъ, если-бы не боялся, что тетрадь эта попадется въ руки отца или кого-либо другого, и онъ узнаетъ прежде времени тайну моей жизни съ 14-ти лѣтъ». Такія тетрадки, подъ названіемъ «дневниковъ», «журналовъ», «сборниковъ», и проч. давно извѣстны въ школьной практикѣ, но преимущественно они были распространены въ школахъ XVIII и начала XIX столѣтій *), главнымъ образомъ, въ привилегированныхъ, каковыми были, напримѣръ, Московскій благородный пансіонъ, Царскосельскій лицей, Нѣжинскій лицей и проч. Между воспитанниками Московскаго благороднаго пансіона литературныя занятія были весьма распространены: воспитанники составляли стихи, повѣсти, разсказы, разсужденія и проч. Многія изъ этихъ произведеній помѣщались въ журналахъ, издававшихся воспитанниками пансіона, и въ такихъ-же сборникахъ. Сюда принадлежатъ: «Распускающійся цвѣтокъ», «Полезное упражненіе юношества», «Въ удовольствіе и пользу», «Утренняя заря», «Физическіе и нравственные разговоры», «Калліопа», «Избранныя сочиненія и переводы въ прозѣ и стихахъ». Пансіонъ этотъ, благодаря наклонности воспитанниковъ къ литературнымъ занятіямъ, нѣкоторые называютъ литературнымъ

*) См., напр., Воспоминанія С. Аксакова и приведенные въ нихъ образцы статей изъ рукописнаго журнала, издававшагося казанскими гимназистами и первыми студентами Казанскаго университета.

училищемъ. Такая наклонность развивалась и поддерживалась, въ значительной степени, тѣмъ, что начальство пансіона, профессора и учителя покровительствовали литературнымъ занятіямъ воспитанниковъ. Особенно покровительствовалъ имъ Мерзляковъ. Поправляя стихотворенія своихъ учениковъ, онъ «щедро пересыпалъ ихъ своими прекрасными строчками, иногда совершенно передѣлывалъ, порой оставлялъ только форму, мысль, господствующее въ нихъ чувство...» «Онъ не пренебрегалъ нашими дѣтскими изданіями,—говоритъ одинъ изъ учениковъ Мерзлякова,—онъ помѣщалъ въ нихъ иногда и свои классическія произведенія». Вліяніе Мерзлякова на воспитанниковъ было громадное: онъ развилъ въ нихъ чувство художественное, усилилъ стремленіе къ прекрасному, благородному, образовалъ вкусъ и проч. Литературныя занятія воспитанниковъ Московскаго благороднаго пансіона отражали въ себѣ тотъ духъ, который господствовалъ между ними, благодаря образцовому педагогическому персоналу пансіона, особенно-же благодаря А. А. Прокоповичу-Антонскому, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (съ 1791 по 1824 г.) бывшему главнымъ руководителемъ воспитанниковъ пансіона. Духъ этотъ сказывался и въ томъ нравственномъ отпечаткѣ, съ какимъ выходили изъ пансіона его воспитанники. «Едва-ли какое-нибудь другое учебное заведеніе въ Россіи выпускало изъ своихъ стѣнъ юношей съ такимъ особеннымъ отпечаткомъ, какъ этотъ разсадникъ новаго вѣка». Отличительною чертою этой школы, на дѣлѣ, было направленіе религіозно-нравственное и художественное. Какъ только-что мною сказано, пансіонская литература служила прекраснымъ выраженіемъ этого направленія.

Другимъ характеромъ, какъ извѣстно, отличается литература воспитанниковъ Царскосельскаго лицея. Лицеисты издавали журналы: «Лицейскій музей», «Для удовольствія и пользы», «Неопытное перо» и «Пловецъ», которые переписывались, разрисовывались и переплетались самими издателями. По этимъ журналамъ можно ознакомиться съ кругомъ воззрѣній и предметовъ, занимавшихъ лицеистовъ, хотя нельзя не замѣтить, что ими, по нѣкоторымъ причинамъ, далеко не исчерпывается то, что составляло содержаніе жизни лицеистовъ. Особенныя условія ихъ жизни способствовали тому, что лицеисты рано испытывали чувства ревности, грусти, разочарованія и проч., и все это, какъ извѣстно изъ лицейскихъ стихотвореній А. С. Пушкина («Наташа», «Къ актрисѣ» и проч.), отражалось и на внѣклассной школьной литературѣ лицея. Кромѣ эротическаго содержанія этой литературы, слѣдуетъ отмѣтить то многообразіе предметовъ, которые занимали лицеистовъ, что зависѣло отъ свободы выбора темъ. Сво-

бода, составлявшая особенность жизни *хорошо рожденныхъ* лицеистовъ, можетъ быть, и была полезна имъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но въ выборѣ занятій, равно и во многомъ другомъ все-таки необходимо руководство опытныхъ педагоговъ. Благодаря этому, вліяніе воспитательной стороны лицея для многихъ воспитанниковъ его, напр., для Пушкина, было положительно даже вредно. Дѣйствительно, Царскосельскій лицей не имѣлъ такого солиднаго педагогическаго персонала, какой былъ въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ. Въ лицеѣ были преподаватели ученые, но трудно между ними указать такихъ, въ которыхъ ученость соединялась-бы съ педагогическимъ тактомъ и преданностью дѣлу воспитанія; если-же и были таковые, то дѣятельность ихъ была кратковременна и не могла дать благопріятныхъ результатовъ. Наоборотъ, къ обществу лицейскихъ педагоговъ принадлежали такія лица, какъ Иконниковъ, походившій на сумасшедшаго; Фроловъ, оставившій по себѣ только массу шутовскихъ воспоминаній; Буджи, родной братъ Марата, Пилецкій - Урбановичъ, попавшій въ монастырь за принадлежность къ обществу пророчицы Татариновой и ранѣе того изгнанный изъ лицея своими питомцами, Галичъ, по выраженію Пушкина, «защитникъ нѣги и прохладъ, Эпикуровъ младшій братъ», и друг. Такимъ образомъ, и ученическая литература Царскосельскаго лицея выражала духъ, господствовавшій въ средѣ воспитанниковъ его. Къ тому-же выводу можно придти и по разсмотрѣніи ученической литературы нашихъ гимназій 40 — 50 годовъ. Но нельзя не указать на то, что матеріала для сужденій по этому вопросу очень мало. Такимъ матеріаломъ служатъ: во-первыхъ, школьныя воспоминанія разныхъ лицъ, которыя, особенно въ послѣднее время, печатались въ изобиліи; во-вторыхъ, «Труды воспитанниковъ учебныхъ заведеній», которые напечатаны въ прибавленіи къ «Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 40 — 50 годы и подъ которыми слѣдуетъ разумѣть ученическія сочиненія, признанныя особенно хорошими, и потому достойными печати; въ-третьихъ, «Опыты воспитанниковъ Бѣлорусскаго учебнаго округа» (Вильна, 1838 г.). Но между этими матеріалами нѣтъ того, который въ вопросѣ о внѣклассной ученической литературѣ имѣетъ особенно важное значеніе: нѣтъ тѣхъ тетрадокъ, въ которыхъ отражалась-бы личность ихъ владѣльцевъ. Однако и названные выше матеріалы, которые могли-бы составить книгу болѣе чѣмъ въ 2.000 страницъ, даютъ возможность составить понятіе о томъ духѣ, которымъ отличались наши гимназіи 40—50 гг. На основаніи ихъ можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

а) Нашимъ гимназіямъ 40—50 годовъ не была чужда склонность къ философскимъ и эстетическимъ вопросамъ, которыми интересовалось передовое русское общество того времени. Это обнаруживалось въ выборѣ темъ, которыя разрабатывались учениками; таковы, напримѣръ: «Объ отношеніи философіи къ другимъ наукамъ», «Эстетическій взглядъ на міръ», «О различии между наукой и искусствомъ» и проч.; б) тотъ интересъ къ занятіямъ исторіей, который сообщался студентамъ Московскаго университета его лучшими профессорами, замѣтенъ и въ ученикахъ гимназій, особенно тѣхъ, которые почему-либо тяготѣли къ Москвѣ. Это замѣтно также по темамъ, которыя разрабатывались учениками гимназій, таковы, напримѣръ: «О значеніи доисторическаго быта народовъ», «Воспоминанія о происшествіяхъ 1812 г.», «Вторженіе Наполеона въ Россію» и проч.; в) интересъ къ вопросамъ философскимъ, эстетическимъ и историческимъ далеко не исключалъ собою интереса къ другимъ, большею частью, случайнымъ вопросамъ, не связаннымъ притомъ съ цѣлями воспитательными, такъ что, въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, замѣчается какая-то неопредѣленность въ умственномъ и нравственномъ направленіи учащихся, которая во многомъ зависѣла отъ тогдашняго состоянія педагогики и примѣненія правилъ ея на практикѣ. Такимъ образомъ, чрезвычайная разнохарактерность, многосторонность вопросовъ, которыми занимались учащіеся, несоотвѣтствіе этихъ вопросовъ ихъ силамъ и проч. могутъ служить характерными указаніями на тотъ духъ, который господствовалъ въ средѣ воспитанниковъ гимназій 40—50 годовъ. Къ этому-же выводу приводятъ и темы, разрабатывавшіяся учениками, таковы, напримѣръ, «О значеніи естественнаго человѣка», «О сѣверномъ сіяніи», «Крестный ходъ въ Устюгѣ», «Исторія русской грамматики», «О законахъ мышленія», «Разсужденіе о постоянномъ ходѣ русской словесности», «Литургія», «Разборъ стихотворенія Минаева «Іисусъ Навинъ» и друг. Въ трудахъ на эти темы, избранныя, большею частью, самими учениками, замѣчено было «много ошибокъ даже противъ здраваго смысла».

Такимъ образомъ, связь между ученической литературой, съ одной стороны, духомъ и направленіемъ воспитанниковъ — съ другой несомнѣнно существуетъ, и наиболѣе она проявляется тамъ, гдѣ ученическая литература самобытнѣе. Но для воспитателей имѣютъ особенно важное значеніе, конечно, не тѣ произведенія этой литературы, которыя прошли черезъ цензуру преподавателей и другихъ лицъ, принадлежащихъ къ педагогическому персоналу, и затѣмъ появились въ печати: для нихъ особенно важны произведенія, не предназначен-

ныя для этого и составляющія ученическую литературу въ собственномъ смыслѣ, къ разсмотрѣнію которой я теперь и перейду.

III.

Считаю нужнымъ ознакомить читателя съ тѣми учебными заведеніями, воспитанникамъ и воспитанницамъ которыхъ принадлежатъ произведенія ученической литературы, находящіяся въ моемъ распоряженіи.

Составъ учащихся въ этихъ заведеніяхъ и по религіи, и по національности весьма разнообразенъ; между ними есть, конечно, и евреи. Родители учениковъ занимаютъ разныя положенія: есть между ними высшіе военные и гражданскіе чиновники; много дворянъ и мелкихъ чиновниковъ (около 50%); затѣмъ слѣдуютъ купцы и мѣщане (около 30%), крестьяне и проч. Между учащимися, какъ и вездѣ, есть худые и хорошіе воспитанники и воспитанницы. Въ общемъ поведеніе учащихся признается весьма хорошимъ. Въ отношеніи успѣховъ эти учебныя заведенія стоятъ не на одинаковой ступени: въ мужскомъ учебномъ заведеніи, повидимому, все обстоитъ благополучно, а по нѣкоторымъ предметамъ оно даже выдѣляется изъ ряда другихъ учебныхъ заведеній сравнительно хорошими успѣхами своихъ учениковъ. Что-же касается женскаго учебнаго заведенія, то хотя, повидимому, и здѣсь все обстоитъ благополучно, но нерѣдко проявляются нѣкоторыя ненормальности—то случайныя, то постоянныя, зависящія отъ малаго образовательнаго ценза многихъ учащихъ лицъ. Вотъ каковы, въ общихъ чертахъ, тѣ учебныя заведенія, учащимся которыхъ принадлежатъ произведенія ученической литературы, находящіяся въ моемъ распоряженіи.

IV.

Какъ уже сказано, учащіеся, заведя тетрадки для стихотвореній, сначала вносятъ въ нихъ такія произведенія писателей, которыя чѣмъ-либо имъ понравились; затѣмъ, по мѣрѣ развитія учащихся, въ эти тетрадки вносятся и самостоятельныя ихъ произведенія, какъ собственныя, такъ и принадлежащія перу товарищей. Соотвѣтственно этому и ученическую внѣклассную литературу можно раздѣлить на два періода: періодъ заимствованія, такъ сказать, списательскій, и періодъ самостоятельнаго творчества; послѣдній періодъ, конечно, цѣннѣе перваго.

а) Первый періодъ ученической внѣклассной литературы.

Уже при вступленіи учащихся въ школу нерѣдко полагается начало извращенію нравственнаго міра и эстетическаго вкуса ихъ при помощи особаго сорта литературы. Происходитъ это благодаря тому, что нѣкоторые спекуляторы-книгопродавцы, при покупкѣ книгъ въ ихъ магазинахъ на сумму не менѣе трехъ рублей, даютъ дѣтямъ, только что выдержавшимъ экзаменъ, въ видѣ безплатной преміи, маленькіе сборники стиховъ, въ красивенькомъ переплетѣ, цѣной отъ 10 до 20 коп. за экземпляръ. Родители обыкновенно смотрятъ на этотъ подарокъ, какъ на любезность книгопродавцевъ, а о вредѣ его и не помышляютъ. Сборники эти носятъ различныя названья. Находящійся передо мной сборникъ озаглавленъ такъ: «Росинки съ цвѣтовъ всемірной поэзіи». Интересно предисловіе къ этой книжечкѣ:

«Такъ много стиховъ. Цѣлый томъ стиховъ! И это въ наше архипрозаическое время, когда Гейне, живя въ Россіи(,) долженъ былъ-бы, чтобы не умереть съ голоду, служить по акцизному вѣдомству, Пушкинъ—держать корректуру въ «Русскомъ Инвалидѣ», а Лермонтовъ—просить мѣсто берейтора въ драгунскомъ полку»... «Но мы принадлежимъ къ числу тѣхъ наивныхъ и легкомысленныхъ людей, которые полагаютъ, что хорошіе стихи лучше не только плохой прозы, но даже и плохой жизни»... «Все это—стихи старые, давно напечатанные, давно большинству извѣстные.—Но что-же дѣлать, если у насъ перевелись не только зубры въ бѣловѣжской пущѣ, но и поэты въ русской литературѣ?.. У знакомыхъ стиховъ есть, однако, большая привлекательная способность: гдѣ-бы и когда-бы съ ними ни встрѣчались, всегда ихъ *привѣтствуешь, какъ любимую женщину*». «На этой-то аксіомѣ и создана эта книжка». Въ «Росинкахъ съ цвѣтовъ всемірной поэзіи» рядомъ съ произведеніями А. Пушкина, А. Майкова, М. Лермонтова, Н. Некрасова, Я. Полонскаго, А. Плещеева, А. Толстого и проч., переводными произведеніями Мея, Гербеля, Миллера и проч.,—рядомъ съ ними помѣщены произведенія П. Быкова, М. Прахова, В. Лихачева, К. Павловой, В. Красова, Л. Граве, Вс. Соловьева, Н. Минскаго, П. Кускова, В. Попова, С. Дурова.

Что за сопоставленія: Пушкинъ и какой-то Поповъ, Майковъ и Минскій, Толстой и Прохоровъ!?!

Кромѣ этой особенности, «Росинки» отличаются и другой: въ нихъ изображены спутники любви: тайныя встрѣчи, клятвы въ безконечной любви, счастье наединѣ съ милой, поцѣлуи, объятія, паденіе женщины и проч. Такое начало знакомства учащихся съ поэзіей у кого не вызоветъ ропота, осужденія!.. Кромѣ такихъ книжекъ, въ видѣ безплатной преміи при первой закупкѣ учебниковъ, учащимся иногда даютъ собраніе сочиненій Жюля-Верна, которыя съ жадностью читаются ими...

И вотъ, вкусъ къ чтенію опредѣлился: учащіеся уже набрасываются на извѣстнаго сорта книги, которыя они называютъ «красивыми», «занятными», а въ дѣйствительности это—дрянныя книги, интеллектуальный ядъ; онѣ портятъ и вкусъ, и умъ. Соотвѣтственно такому вкусу, напр., «Отъ земли до луны»—Жюль-Верна—книга красивая, а «Мальчикъ у Христа на ёлкѣ»—нѣтъ. Такимъ вкусомъ учащихся опредѣляется и предпочтеніе, оказываемое ими тѣмъ или другимъ книгамъ; отъ него-же зависитъ и количество требованій на такія книги. Въ одномъ учебномъ заведеній требованія на книги изъ ученической библіотеки, по отношенію къ общему числу требованій, распредѣляется такимъ образомъ:

1) на сочиненія: Жюль-Верна	14%	12) на сочиненія: Шиллера и Маріэтта по	2%
2) » » Купера	11%	13) » » Гончарова и Чистякова по	1,8%
3) » » Вальтеръ-Скотта	11%	14) » » Данилевскаго	1,7%
4) » » Майнъ-Рида	10%	15) » » Жуковскаго, Лермонтова и Карамзина по	1,2%
5) » » Тургенева	8%	16) » » Шекспира	1%
6) » » Эмара	6%	17) » » Гёте	0,8%
7) » » Гоголя	5%	18) » » Некрасова	0,2%
8) » » Григоровича	4%		
9) » » Пушкина	3,3%		
10) » » Полонскаго	3,2%		
11) » » Диккенса	2,8%		

На сочиненія остальныхъ авторовъ, русскихъ и иностранныхъ, требованій было меньше—0,2% общаго числа. Если прибавить къ этому, что въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ библіотеками завѣдуютъ преподаватели иностранныхъ языковъ, нѣмцы и французы, между которыми лица съ удовлетворительнымъ общимъ образованіемъ составляютъ рѣдкость, а такихъ, которые были-бы знакомы съ русской литературой, не относились-бы къ ней съ презрѣніемъ и хотя нѣсколько удовлетворяли тѣмъ требованіямъ, которымъ долженъ удовлетворять завѣдывающій ученической библіотекой, совсѣмъ-таки нѣтъ; если имѣть въ виду, что такіе завѣдывающіе ученическими библіотеками, даже и при хорошемъ составѣ послѣднихъ, болѣе вредны, чѣмъ полезны, то картина вліянія литературы на учащихся сдѣлается еще болѣе мрачною, непригдядною. Нельзя при этомъ не выразить сожалѣнія по поводу того, что въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ обращено весьма мало вниманія на ученическія библіотеки, хотя значеніе ихъ въ учебномъ и воспитательномъ отношеніи громадно. Хорошо организованная библіотека имѣетъ гораздо болѣе значенія для жизни учащихся, чѣмъ всевидящій и вездѣсущій инспекторъ!

Этими двумя условіями, именно постановкою въ нашихъ учебныхъ

*

заведеніяхъ библіотечнаго дѣла и характеромъ премій, даваемыхъ учащимся книгопродавцами, въ значительной степени опредѣляется характеръ внѣклассной ученической литературы перваго періода. Если къ этому присоединить вліяніе нашей семьи, нерѣдко усваивающей себѣ цыганскіе нравы; бойкихъ товарищей, не по лѣтамъ много видѣвшихъ и слышавшихъ, и пр., то этимъ исчерпаются условія, опредѣляющія содержаніе внѣкласснаго чтенія и ученической литературы. Предметомъ ея служатъ: любовь во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ, въ особенности половыя отношенія, благодушный смѣхъ, семейныя отношенія, прожиганіе жизни, жизненная философія, скорбь, злобы дня, наконецъ, вообще русская жизнь и природа.

Любовь, во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ, въ частности половыя отношенія, составляетъ предметъ многихъ произведеній ученической литературы, и такія произведенія встрѣчаются въ 88% тетрадокъ, бывшихъ въ моемъ распоряженіи. Даже хорошіе ученики, окруженные вниманіемъ своихъ родственниковъ, не воздержались отъ того, чтобы не внести въ свои тетрадки хоть одно произведеніе такого рода, иной разъ глупое по содержанію, но пикантное. Таковы, наприм., неблагопристойные акростихи, извѣстные ученикамъ многихъ учебныхъ заведеній. Въ прежнее время, когда сочиненія Пушкина продавались очень дорого, во многія тетрадки тщательно вписывалось письмо Татьяны къ Онѣгину и послѣдняя рѣчь ея къ Евгенію: «Довольно, встаньте...». Вносились въ тетрадки и тѣ мѣста изъ «Полтавы», въ которыхъ говорится о любви Маріи къ Мазепѣ; отрывки изъ «Кавказскаго плѣнника» Пушкина, изъ «Руслана и Людмилы» (со словъ: «Тогда близъ нашего селенья»...), «Бахчисарайскаго фонтана» («Что-жъ полонъ грусти умъ Гирея?»), «Маскарада» (сцена между Ниной и Арбенинымъ) и проч. Нерѣдко стихи изъ этихъ произведеній сопровождаются замѣчаніями переписчицъ, относящимися то къ Евгенію («Какой онъ холодный!» «человѣкъ—ледъ»), то къ Мазепѣ («Какой онъ гадкій!» — «У, противный!») и друг., весьма цѣнными для воспитательницъ.

Впрочемъ, всего до 40 стихотвореній разныхъ поэтовъ относятся сюда; большая часть ихъ повторяется, и особенно посчастливилось въ этомъ отношеніи указаннымъ выше отрывкамъ изъ «Евгенія Онѣгина» и «Полтавы», преимущественно въ тетрадкахъ ученицъ. Нѣкоторыя, правда, немногія, стихотворенія выражаютъ то, что доступно уже возмужалому возрасту, но что, очевидно, доступно и пониманію современнаго 14-лѣтняго мальчика. Я приведу здѣсь наиболѣе типич-

ное изъ такихъ произведеній, именно стихотвореніе Э. П.: «Сердце одной моей знакомой».

«Ваше сердце — точно море —
Поглощаетъ все легко,
И коварно, и бурливо,
И, какъ море, глубоко.
Неизвѣданно, какъ море,
Необъятно, какъ оно.
Всякихъ гадовъ и чудовищъ,
Всякихъ рѣдкостей полно.
Тайнъ его, какъ моря глуби,
Не постигнутъ мудрецы,
Въ немъ, какъ въ морѣ, утопали
И поэты, и купцы».

2) Второе мѣсто по своей распространенности занимаютъ произведенія сатиро-эпиграмматическія. Они встрѣчаются въ 80% всѣхъ тетрадокъ. Содержаніе этихъ произведеній весьма разнообразно. Чаще всего предметомъ ихъ служитъ военный бытъ (40% всѣхъ сатирическихъ произведеній), что объясняется двумя обстоятельствами: во-первыхъ, тѣмъ, что въ мѣстѣ нахожденія учебныхъ заведеній, о которыхъ идетъ рѣчь, квартируетъ много войска; во-вторыхъ, тѣмъ, что въ средѣ учащихся есть значительное число дѣтей военныхъ. Послѣ военнаго быта сатиро-эпиграмматическія произведенія касаются неудачи въ жизни (20%), удачи (5%), разлада слова съ дѣломъ (4%), низкопоклонства и угодничества (4%), увлеченія идеаломъ и отклоненія отъ него (3%) и проч. Сатиро-эпиграмматическія произведенія вообще не отличаются ѣдкостью; скорѣе можно сказать, что въ этихъ произведеніяхъ слышится благодушный смѣхъ, и что именно онъ-то и побудилъ списателя переписать то или другое сатиро-эпиграмматическое произведеніе. Образчикомъ могутъ служить слѣдующія произведенія:

а) На солдатскомъ экзаменѣ,—Л. Д.

— Скажи, братецъ, мнѣ, отчего это ракета летитъ кверху?

— Потому, ваше в—діе, она съ хвостомъ.

— Этакъ, братецъ, значитъ, и корова полетитъ. Ну, а скажи мнѣ, отчего граната лопается?

— Потому, она пустая.

— Отчего-же тогда твоя голова не лопнетъ?

Солдатъ теряется.

б) «Философскія мудрствованія»—Непризнаннаго генія:

О если-бъ звѣрямъ дать языкъ
И человѣка всѣ черты,
Могли-бы выйти и изъ нихъ
На все способные скоты.

3) Третье мѣсто, по своему количеству, занимаютъ описанія русской жизни и природы, которыя встрѣчаются въ 57% всѣхъ тетрадокъ. Описанія эти взяты преимущественно изъ Лермонтова, Некрасова и Никитина. Сюда я отношу и стихотвореніе Лермонтова: «Выхожу одинъ я на дорогу», въ виду того, что истинный смыслъ этого произведенія едва-ли понятенъ 14—15-лѣтнимъ ученикамъ. Это стихотвореніе многими изъ нихъ поется, но никогда не допѣвается до конца.

4) Четвертое мѣсто занимаютъ произведенія, въ которыхъ изображаются семейныя отношенія. Такія произведенія встрѣчаются въ 36% всѣхъ тетрадокъ, изъ которыхъ 8% приходится на свѣтлое изображеніе семьи, а остальные на темное. Образчикомъ могутъ служить отрывки изъ стихотвореній: 1) В. К. «Прежде и теперь» и 2) Непризнаннаго генія «Пѣвецъ».

а) «Прежде, гордостью пылая,
Деспотизмъ онъ презиралъ,
А теперь, семьей играя,
Самъ Абдулъ-Азисомъ сталъ»...

б) Во второмъ стихотвореніи говорится о томъ, что пѣвцу предлагаются вопросы, отчего онъ замолчалъ, когда такъ много «въ дрожь бросающихъ сюжетовъ».

Отвѣчаетъ бардъ печальный:
«Оттого я замолчалъ,
Что съ дѣвицей идеальной
Брачный узелъ завязалъ;
Оттого, что скорбь народа
Ужъ меня не шевелитъ...
И ярмо иного рода
Мозгъ поэта леденитъ».

5) Слѣдующее мѣсто принадлежитъ произведеніямъ, въ которыхъ изображается прожиганіе жизни: питье, ѣда и другія чувственныя наслажденія. Произведенія такого рода весьма распространены и между взрослыми людьми. Безъ пѣнія такихъ произведеній не обходится ни одна компанія, собравшаяся попить-поѣсть. Поютъ эти произведенія и семейные люди. Неудивительно поэтому, что они попали и въ тетрадки учащихся; но я не встрѣчалъ ни одного такого произведенія въ тетрадкахъ ученицъ. Чаще другихъ встрѣчаются два произведенія: а) «Какъ яблочко румянъ» Беранже, въ перев. В. Курочкина, и б) переводъ нѣмецкой студенческой пѣсни «Крамбамбули». И въ томъ, и въ другомъ изображается безконечная веселость, безпечность, питье, кутежи, безшабашность.

Герой перваго произведенія «румянъ, какъ яблочко, не то, чтобъ

очень пьянъ, но веселъ безконечно». Если у него есть деньги, онъ ихъ прокутитъ, если нѣтъ—обойдется и безъ нихъ.

«Шатаясь по ночамъ,
Да тратясь на дѣвчонокъ,
Онъ, кажется, къ долгамъ
Привыкъ уже съ пеленокъ»...

Во второмъ произведенiи говорится о томъ, что «питье является утѣшительнымъ средствомъ» во время грусти и т. п.

Изъ того-же источника, какъ эти произведенія, происходятъ и тѣ разсказы, которыми обыкновенно оживляются веселыя компаніи. Приведу одинъ разсказъ, который напоминаетъ собою легенды.

«Ной пришелъ къ брату своему Лоту и говоритъ ему: Лотъ! а Лотъ!—Чаво?—Потопъ.—Врешь.—Полѣзай скорѣй! И полѣзла за Лотомъ всякая гадина. Вотъ сѣли въ корабль и ѣдутъ. Вдругъ тпрр!! Что такое?—Станція, гора Араратъ! Остановка 5 минутъ. Ной выходитъ изъ ковчега и видитъ: по всему-то небушку вывѣска: «Распивочно и на выносъ». Напился Ной, какъ сапожникъ, и легъ спать».

Однако, такихъ разсказовъ очень мало; въ общей массѣ произведеній внѣклассной ученической литературы они мало замѣтны. Нужно вообще имѣть въ виду, что произведеній атеистическихъ, а равно и такихъ, въ которыхъ осмѣивались-бы религіозные обряды, я не встрѣтилъ. И трудно объяснить это явленіе. Въ самомъ дѣлѣ, чему приписать его: сильной-ли религіозности, или-же религіозному равнодушію?

Произведенія, составляющія пятую категорію, встрѣчаются въ 11% тетрадокъ.

6) Шестое мѣсто надо отвести малочисленнымъ произведеніямъ философическаго содержанія (около 9%), въ духѣ гр. Растопчиной, Жадовской, Плещеева, Грекова, особеннно-же Надсона и проч. Сюда принадлежатъ: «Другъ мой», «Когда-бъ онъ зналъ», «Отчего это рвется душа наболѣвшая», «Вотъ туманная даль», «Вопросъ, «Молитва», «Іуда», «За что» и проч.

Изъ произведеній философическаго содержанія въ тетрадкахъ учащихся чаще всего встрѣчается стихотвореніе «Миръ съ тобой»—

«Закатилася жизнь безотрадная,
Ты покинула съ міромъ борьбу
И спокойно, моя ненаглядная,
Улеглась въ своемъ тѣсномъ гробу...

Умершую точатъ черви: точатъ грудь, сердце, руки,

Даже плечъ и лица не щадятъ...

Сознаніе объ этомъ, говоритъ поэтъ, ужасно.

«Но краснѣе-ли жизнь, моя милая?
Развѣ міръ нашъ не та-же тюрьма?..
. . . .

Развѣ люди не черви голодные,
Развѣ даже не хуже и ихъ
Эти фаты и сплетницы модныя,
Этотъ сонмъ идіотовъ родныхъ?
Развѣ вонь отъ умершаго смрадная
Хуже вони отъ гнили живой?..»

Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что подобнаго рода произведенія встрѣчаются въ тетрадкахъ преимущественно такихъ ученицъ, которыя, по окончаніи курса, благодаря своей внѣшности, мало имѣютъ надежды «пристроиться»; остальныя прямо-таки чуждаются «такихъ сюжетовъ».

Къ произведеніямъ философскаго содержанія слѣдуетъ причислить пословицы, поговорки и разнаго рода изреченія, принадлежащія разнымъ мыслителямъ и народамъ. Учащіеся, очевидно, съ особеннымъ удовольствіемъ вносятъ въ свои тетрадки такія изреченія: число ихъ доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ. По содержанію своему они весьма разнообразны. Вотъ нѣсколько такихъ изреченій.

«Человѣкъ созданъ для труда». «Люби трудъ и презирай барство». «Если ты вкушаешь трудъ рукъ твоихъ, то ты счастливъ, и благо тебѣ». «Когда вору нечего воровать, онъ выдаетъ себя за честнаго». «Не постигнешь того, что любишь, если не снесешь того, что ненавидишь». «Иное зло въ сравненіи съ другимъ есть добро». «Когда обстоятельства не благопріятствуютъ, то тысячи друзей не защитятъ тебя; а когда они благопріятствуютъ, то тысячи враговъ не повредятъ тебѣ». «Смерть умнаго вызываетъ семидневный трауръ, а жизнь глупаго—вѣчный». «Слова умнаго изобилуютъ мыслями, а мысли глупаго—словами». «Не осуждай своего ближняго, не вошедши въ его положеніе». «Товарищъ, указывающій тебѣ на твои недостатки съ глазу на глазъ при каждой встрѣчѣ съ тобою, полезнѣе для тебя товарища, дающаго тебѣ при каждой встрѣчѣ золотую монету». «Велика сердцу скорбь лишиться чтенія книгъ: скучнѣе вѣчной тьмы, тяжелѣе веригъ». Ломоносовъ. «У птицъ есть гнѣздо, у звѣря—логовище, а у еврея одно только кладбище». Байронъ. «Побѣдить природу можно, лишь подчиняясь ей». Беконъ.

7) Весьма малый процентъ составляютъ элегическія произведенія. Скорбь, изображаемая въ такихъ произведеніяхъ, не особенно глубока. Она происходитъ отъ разныхъ причинъ, ничего общаго не имѣющихъ съ ученической жизнью: то воинъ на полѣ битвы мысленно прощается съ своей невѣстой и съ родительскимъ домомъ (стихотвореніе: «Полночь наступаетъ»); то юноша, рано испытавшій много неудачъ и огорченій, скорбитъ, что ему не удастся достигнуть желаемаго; то любящія существа видятъ впереди только тяжелый трудъ, нужды и горькія лишенія, и проч. Такія произведенія встрѣчаются всего въ 6% тетрадокъ.

8) Наконецъ, и наша злоба дня нашла себѣ отраженіе въ ученической литературѣ, что, конечно, станетъ совершенно понятнымъ, если добавить, что эта злоба дня — школьный вопросъ. Я приведу здѣсь одно стихотвореніе Непризнаннаго генія: «Гимназисту-классику».

«Зубри, о юноша, отважно!
Зубри, чтобъ градомъ потъ катился!
Придетъ пора, и ты забудешь,
Чему съ такимъ трудомъ учился.
Весь этотъ адскій трудъ не нуженъ,
И это знаютъ всѣ прекрасно,
Какъ знаю я, что намъ съ тобой
Объ этомъ рѣчь вести напрасно».

С. П. Незлобинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ХАРАКТЕРИСТИКИ УЧЕНИКОВЪ.

Мнѣніе о подвижности и неустойчивости дѣтской природы, о томъ, что дѣти, какъ скоро пріобрѣтаютъ привычки, такъ скоро отъ нихъ и отстаютъ,—вѣрно только до извѣстной степени: вѣрно по отношенію къ раннему возрасту, до-школьному; но, по мѣрѣ развитія ребенка, съ десяти-одиннадцати лѣтъ, когда ребенокъ начинаетъ уже сознавать свои поступки, когда разсудокъ у него вступаетъ въ свои законныя права, при всей физической подвижности, нравственныя и умственныя стороны ребенка, основныя черты его характера довольно устойчивы. Въ младшихъ классахъ гимназіи нерѣдко обрисовывается уже вполнѣ взрослый человѣкъ: складъ ума, черты характера, какъ и черты лица, нерѣдко сохраняются не только въ теченіи всего курса гимназіи, университета, но и въ теченіи всей жизни. Съ дурными сторонами воспитанника, съ дурными привычками приходится уже серьезно бороться, чтобы парализовать ихъ, и борьба оканчивается не всегда успѣшно, въ особенности если эти черты являются продуктомъ наслѣдственности. Распространенное мнѣніе объ утрачиваніи воспитанниками своихъ индивидуальныхъ сторонъ во время пребыванія ихъ въ учебномъ заведеніи—мнѣніе сильно преувеличенное и не оправдывается нашими наблюденіями. Конечно, болѣе сильный вліяетъ не менѣе сильнаго, какъ это бываетъ и не въ одномъ учебномъ заведеніи, общій строй, духъ заведенія, общіе интересы воспитанниковъ, все это дѣлаетъ ихъ похожими одинъ на другого, но это сходство болѣе внѣшнее, чѣмъ внутреннее, болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное. Подобно тому, какъ деревья въ лѣсу болѣе походятъ одно на другое, чѣмъ деревья, которыя растутъ на просторѣ, которымъ ничто не мѣшаетъ расти и въ вышину и въ ширину; но это сходство лѣсныхъ деревьевъ нисколько не говоритъ объ утратѣ индивидуальности каждаго дерева: это только приспособленіе къ окружающимъ условіямъ. Отъ этого приспособленія лѣсныя деревья ничего не теряютъ; напротивъ, они скорѣе

выигрываютъ въ ростѣ и стройности передъ деревьями, растущими одиноко, какъ несомнѣнно выигрываютъ въ нравственномъ, умственномъ и даже физическомъ отношеніяхъ дѣти, воспитывающіяся въ обществѣ себѣ подобныхъ, передъ дѣтьми одиночками. Съ раннихъ лѣтъ, съ первыхъ классовъ гимназіи уже обрисовываются Обломовы, Штольцы, Маниловы, Чичиковы и другіе, хорошо намъ извѣстные типы нашихъ русскихъ классиковъ. Безспорно, «время дѣлаетъ людей», — по выраженію Шекспира,—товарищество, школа, жизнь вліяютъ на человѣка, но основныя черты характера, обусловливаемыя самимъ организмомъ и наслѣдственностью, остаются по существу неизмѣнны: подъ вліяніемъ условій жизни, образованія и воспитанія эти черты сглаживаются или усиливаются, но не перерождаются. Ребенокъ не tabula rasa, на которой можно писать, что угодно, не воскообразное вещество, изъ котораго можно вылѣпить по желанію педагоговъ разныя фигуры. Такіе взгляды на природу человѣка отжили свой вѣкъ и отошли въ область исторіи. Ребенокъ—индивидуумъ; задача воспитанія сводится къ развитію природныхъ силъ индивидуума и къ направленію этихъ силъ на благо. Много такихъ дѣтей, которыя очень поздно развиваются, очень поздно формируются, а бываютъ и такія, которыя и подъ старость остаются не сложившимися дѣтьми: своего мнѣнія не имѣютъ, а куда вѣтеръ дунетъ, туда и они идутъ. Это—такъ называемая трава «Перекати-поле»: неустойчивость—ихъ характерная черта. Народъ такихъ людей называетъ «Переметной сумой».

Упоминая о типахъ Гончарова и Гоголя, мы имѣемъ въ виду основныя черты этихъ типовъ, формальную сторону ихъ, а не матеріальную, не содержаніе ихъ, которое выражается въ убѣжденіяхъ, въ развитіи, въ дѣятельности: Маниловъ можетъ быть честнымъ и нечестнымъ, умнымъ и глупымъ, пустымъ мечтателемъ, художникомъ, сапожникомъ, и всегда оставаться Маниловымъ. Мы только хотимъ сказать, что индивидуальность ребенка проявляется довольно рано и выражается въ извѣстной отзывчивости къ явленіямъ окружающимъ, т.-е. въ темпераментѣ, въ извѣстномъ отношеніи къ дѣлу, въ складѣ ума, въ силѣ воли, и всѣ эти основныя черты характера очень устойчивы.

Широкое поле для наблюденія представляютъ учебныя заведенія: это совершенно отдѣльный міръ со своими законами, обычаями, героями и жертвами, хотя въ немъ въ то-же время, какъ въ зеркалѣ, отражается современное общество со своими хорошими и дурными сторонами. Но, при всемъ разнообразіи дѣтей, въ нихъ много общаго; эти общія, типичныя черты мы и хотимъ выразить въ нашихъ характеристикахъ.

Для большей ясности и для удобства изложенія дѣлимъ учениковъ на три группы, какъ это и бываетъ въ большинствѣ случаевъ въ каждомъ классѣ; существенной разницы между группами нѣтъ, ихъ отдѣляетъ степень успѣшности учениковъ. Къ первой группѣ принадлежатъ наградные ученики, ихъ всего въ классѣ четыре—пять; вторая группа самая большая, это—средніе по успѣхамъ ученики, и, наконецъ, третью группу составляютъ слабые, получающіе въ четвертныхъ вѣдомостяхъ двойки и единицы. Отмѣчая въ нашихъ характеристикахъ воспитанниковъ тѣ черты, которыя много разъ наблюдали, прослѣдимъ также, насколько позволятъ намъ средства, за нѣкоторыми до поступленія ихъ въ школу и по выходѣ изъ нея. До-школьный періодъ, хотя-бы въ общихъ чертахъ, много помогаетъ въ выясненіи личности ученика; послѣ-школьный періодъ даетъ возможность школѣ провѣрить свои взгляды на воспитанника и, подобно земледѣльцу, видѣть плоды своихъ трудовъ.

Наградные ученики.

Къ первой группѣ, какъ мы уже сказали, принадлежатъ ученики, которые переходятъ изъ класса въ классъ съ наградами, кончаютъ съ медалями. Конечно, далеко не всѣ идутъ впереди класса въ теченіи всего курса: нѣкоторые въ младшихъ классахъ переходятъ съ наградами, съ похвальными листами, а при повышеніи изъ класса въ классъ все опускаются и переходятъ въ другую группу; другіе-же, наоборотъ, съ каждымъ слѣдующимъ классомъ все повышаются и повышаются и занимаютъ нерѣдко въ концѣ курса первое мѣсто. Въ большинствѣ случаевъ наградные ученики и въ особенности первые не пользуются симпатіями своихъ товарищей; имъ отдаютъ должное уваженіе товарищи, удивляются имъ, какъ всему выдающемуся, даже гордятся ими, но сердечнаго влеченія къ нимъ не чувствуютъ. Вторые и третьи ученики, конкуррирующіе съ первыми, обыкновенно завидуютъ имъ и втайнѣ не прочь позлорадствовать, порадоваться каждому неудачному отвѣту перваго ученика. Но по мѣрѣ пониженія въ разрядѣ, по мѣрѣ уменьшенія средняго балла за успѣхи, къ чести учениковъ долженъ сказать, зависть и злорадство все уменьшаются и въ послѣднемъ десяткѣ второй группы, съ увѣренностью можно сказать, совсѣмъ исчезаютъ. Первые ученики далеко не всегда бываютъ первыми и по способностямъ и по развитію умственному; очень часто первыми бываютъ съ самыми дюжинными способностями, въ общемъ довольно ограничены и мало развиты, но первыми

въ классѣ ихъ дѣлаетъ прилежаніе, выдержка характера и самолюбіе. Разъ попадаетъ такой ученикъ на первое мѣсто, онъ уже крѣпко держится его, хотя-бы это стоило ему большихъ трудовъ, большихъ лишеній; онъ уже не расчитываетъ, подобно среднему ученику, что завтра его не спросятъ, потому что онъ сегодня отвѣчалъ, и, слѣдовательно, можно смѣло не готовить урока, или приготовить его кое-какъ,—нѣтъ, онъ всегда на сторожѣ, всегда на готовѣ, всегда на высотѣ своего положенія. Но съ усложненіемъ курса очень трудно удержаться на высотѣ ученикамъ съ ограниченными способностями, и вотъ такіе-то бываютъ истинными мучениками науки, мучениками учёбы; въ каждомъ учебномъ заведеніи такихъ учениковъ не мало во всѣхъ группахъ, но болѣе изъ нихъ страдальцы, которые находятся въ числѣ наградныхъ, потому что у нихъ обыкновенно болѣе развито самолюбіе. Остановимся подольше на одномъ изъ нихъ болѣе типичномъ.

Фамилія ученика—Ивановъ; дома звали его Петей. Ивановъ поступилъ въ приготовительный классъ среднеучебнаго заведенія довольно хорошо подготовленнымъ. Физически былъ развитъ хорошо, впечатлѣніе производилъ вполнѣ здороваго мальчика, но только немножко неуклюжаго, неловкаго, не рѣзваго: во всѣхъ движеніяхъ его проглядывала робость, неувѣренность; въ отвѣтахъ — нерѣшительность, монотонность, безжизненность. Хотя мальчикъ отвѣчалъ хорошо, правильно, но отвѣты его были, такъ сказать, казенны, шаблонны. Экзаменаторъ, желая ободрить мальчика, предложилъ ему задачу легкую и въ интересной формѣ, разсчитывая вызвать у экзаменующагося улыбку, но старанія были напрасны: Петя отвѣтилъ также монотонно, и ни одинъ мускулъ не дрогнулъ у него: въ понятіи у мальчика улыбка не совмѣщалась съ ученьемъ, со школой. Родители Пети были люди небогатые: отецъ служилъ въ какомъ-то департаментѣ помощникомъ столоначальника, мать занималась хозяйствомъ, дѣтьми, которыхъ у нея было, кромѣ Пети, еще трое, причемъ Петя былъ самый старшій. Мальчику не разъ приходилось присутствовать при разговорахъ родителей, выслушивать сѣтованія на жизнь, на то, что тяжело дается кусокъ хлѣба, тяжело служить, тянуть лямку, когда впереди никакихъ удучшеній не предвидится, тяжело вѣчно бороться изъ-за насущнаго. Нерѣдко послѣ такихъ бесѣдъ отецъ обращался къ сыну съ нравоученіемъ: «учись, Петя: дипломъ великое дѣло въ жизни, всюду дорога съ нимъ. Корень ученія горекъ, а плоды его сладки. Если-бы меня учили, какъ слѣдуетъ, не пришлось-бы намъ теперь биться, какъ рыбѣ объ ледъ. Мы послѣд-

нія крохи собираемъ на твое ученіе, смотри-же, Петя, оправдай наши надежды». И Петя вполнѣ проникался этою житейскою моралью: учиться для того, чтобы впослѣдствіи получить хорошее мѣсто. Интересъ къ ученью въ немъ никогда не возбуждали, и мальчикъ привыкъ смотрѣть на ученье, на уроки, какъ на работу, въ которой интереса по существу и не должно быть, потому что корень ученія горекъ. Съ нимъ не занимались взрослые въ часы неурочные, не разсказывали ему страшныхъ сказокъ, интересныхъ повѣстей, гдѣ герои проявляютъ необыкновенную силу, ловкость, чудеса храбрости, гдѣ герои защищаютъ слабыхъ, угнетенныхъ, побиваютъ злыхъ, коварныхъ; воображеніе Пети никогда не уносило его на своихъ крыльяхъ выше обыденной дѣйствительности, сердце не испытывало сильныхъ волненій хотя-бы фантастической радости или горя. Товарищей у Пети то-же не было такихъ, съ которыми-бы онъ игралъ съ увлеченіемъ до самозабвенія, какъ могутъ играть только дѣти. Семейная обстановка была сѣренькая, безцвѣтная; дѣтство Пети протекало безрадостно, надъ всѣмъ царила обязанность, все подавлялъ, все леденилъ твердый, какъ сталь, долгъ. Петя былъ очень прилеженъ, очень внимателенъ въ классѣ, безукоризненно велъ себя; съ товарищами былъ всегда остороженъ, ровенъ, не позволялъ себѣ ни шутки, ни фамильярности. Въ перемѣны дѣти, какъ обыкновенно, играли, шалили, дѣлились своими лакомствами; Петя-же или безучастно смотрѣлъ на играющихъ, или-же ходилъ по корридору и мысленно повторялъ уроки. Когда къ нему обращались товарищи съ вопросами, онъ охотно отвѣчалъ на нихъ и былъ даже видимо радъ, что къ нему обращаются, но только всѣ его отвѣты не превышали вопросовъ, а потому разговоръ быстро исчерпывался и прекращался; самъ Петя никогда не начиналъ разговора, никогда не возбуждалъ вопросовъ, и товарищи находили его скучнымъ, неинтереснымъ собесѣдникомъ. Въ первыхъ трехъ классахъ Петя шелъ впереди всѣхъ; много было учениковъ въ этихъ классахъ, которые также хорошо учились, а нѣкоторые даже лучше отвѣчали Иванова, но у каждаго изъ нихъ были свои недочеты: кто въ письменныхъ работахъ былъ небреженъ, дурно содержалъ тетради, книги, кто былъ шаловливъ, невнимателенъ. Петя не имѣлъ этихъ недостатковъ: въ тетрадяхъ, обернутыхъ въ синюю бумагу, писалъ онъ чисто и отчетливо прекраснымъ почеркомъ, унаслѣдованнымъ отъ отца; за вниманіе, прилежаніе, поведеніе всегда получалъ пятерки. При переходѣ изъ класса въ классъ Петя получалъ похвальные листы и книги. Всѣ эти трофеи его дома высоко цѣнились: отецъ и мать при всякомъ

удобномъ случаѣ съ гордостью разсказывали знакомымъ про успѣхи своего сына, причемъ обстоятельно разсматривались наградныя книги и похвальные листы, и бесѣда заканчивалась обыкновенно пророчествомъ блестящей будущности Пети: «далеко пойдетъ онъ у васъ!» говорили знакомые, и счастливые родители только изъ деликатности нѣсколько уклончиво отвѣчали: «какъ-то Богъ дастъ!» Въ сущности-же были увѣрены, что сына ждетъ прекрасная будущность. Всѣ эти разговоры радовали Петю и поддерживали въ немъ энергію. Но въ третьемъ классѣ ему ужъ было трудно удержать за собой первое мѣсто; понизиться-же ему очень не хотѣлось. Въ силу той несодержательной, безцвѣтнооднообразной домашней жизни, всѣ интересы Пети сосредоточились на полученіи пятерокъ, на удержаніи перваго мѣста въ классѣ, на полученіи награды; разговоры родителей, родныхъ и знакомыхъ постоянно возбуждали въ немъ самолюбіе, и мальчику было ужъ очень тяжело получить и принести домой вмѣсто пятерки четверку за отвѣтъ. Сердце болѣзненно сжималось у него при полученіи этой злосчастной отмѣтки, и онъ едва удерживался въ классѣ отъ слезъ, дома-же каждая четверка обливалась горячими слезами. Родители никогда не бранили сына за отмѣтки; напротивъ, они всегда входили въ его положеніе, и каждый по своему старался утѣшить его: отецъ ободрялъ сына, увѣрялъ его, что онъ въ слѣдующій разъ поправится и, Богъ дастъ, пятерка удержится въ четвертныхъ вѣдомостяхъ; мать больше обыкновеннаго гладила сына по головѣ, цѣловала его, иногда подсовывала какой-нибудь леденецъ, но слово утѣшенія боялась произнести: слезы были такъ близки у нея самой, что немалыхъ усилій стоило удержать ихъ. Петя хорошо понималъ, что среди его товарищей есть три ученика, которыхъ способности гораздо лучше его, которымъ легче все дается, которые развитѣе его, и стоитъ имъ только серьезно приняться за дѣло, они свободно могутъ перегнать его. Къ тому-же, этимъ опаснымъ соперникамъ дома могутъ помочь по всѣмъ предметамъ, ему-же приходилось самому доходить до всего. Эти мысли не давали покою Пети, и онъ еще больше прилагалъ старанія къ работѣ, отнималъ часы отъ ночей, минуты отъ послѣобѣденныхъ отдыховъ. Всѣ уроки училъ онъ обыкновенно вслухъ; если въ сосѣдней комнатѣ разговаривали, или играли дѣти, то онъ закрывалъ свои уши, чтобы лучше сосредоточиться. Но чѣмъ болѣе онъ занимался, чѣмъ болѣе зубрилъ, чѣмъ болѣе дрожалъ за пятерку, тѣмъ хуже отвѣчалъ, тѣмъ менѣе отвѣты его производили пріятное впечатлѣніе на слушателей, и учитель, желая быть справедливымъ

передъ классомъ, ставилъ ему четверку, хотя и сознавалъ, что Иванову огромнаго труда стоило приготовленіе урока.

Въ четвертый классъ Петя перешелъ съ наградою второй степени, т.-е. съ однимъ похвальнымъ листомъ безъ книги. На педагогическомъ совѣтѣ говорили про Иванова Петра, что онъ бездарный ученикъ, безъ способностей, но большой работникъ. Товарищи стали звать Петю «зубрилкой», но такъ какъ онъ никогда не задѣвалъ ихъ, то они мало дразнили его; называли одно время его «радушный», потому что онъ разъ смѣшалъ въ отвѣтѣ два слова «радушный» и «равнодушный», долго не могъ понять разницы между этими словами и тѣмъ самымъ насмѣшилъ весь классъ. Дольше другихъ осталось за нимъ прозвище «Цапля»: въ четвертомъ классѣ онъ замѣтно выросъ, вытянулся, похудѣлъ и вылѣзъ изъ своего форменнаго сюртука, такъ что фигура его дѣйствительно чѣмъ-то напоминала птицу. Въ слѣдующихъ классахъ Петя все опускался и опускался: его затрудняла математика, много отнимала времени на приготовленіе уроковъ исторія, не давались сочиненія по русскому языку. По мѣрѣ тѣхъ затрудненій, съ которыми ему приходилось встрѣчаться въ курсѣ, по мѣрѣ его пониженія въ разрядѣ по успѣхамъ, нерѣшительность въ немъ возрастала и дѣлалась основною чертою его характера; недовѣріе къ себѣ, къ своимъ способностямъ дошла до того, что онъ все старался взять на зубокъ, на память. Будучи отъ природы здравомыслящимъ, разсудительнымъ, онъ, вслѣдствіе постоянной погони за хорошей отмѣткой, боязни за свои отвѣты, вслѣдствіе своей неудачи, подорвалъ довѣріе къ себѣ, къ своимъ собственнымъ силамъ, и въ самыхъ простыхъ вопросахъ звучала у него нота сомнѣнія, нота нерѣшительности. Но чѣмъ больше встрѣчалъ онъ затрудненій, тѣмъ больше работалъ. Теперь онъ тянулся изъ-за мѣста уже не съ первыми, а съ десятыми учениками. Только по Закону Божію да по латинскому языку были еще пятерки, по всѣмъ остальнымъ предметамъ спустился на тройки. Желая избѣжать насмѣшекъ товарищей, что онъ много зубритъ, боясь обнаружить всю свою бездарность, которую Петя начиналъ ужъ въ себѣ сознавать, онъ старался не показывать виду, что много занимается: разсказывалъ про себя разныя небылицы товарищамъ, какъ онъ весело наканунѣ время провелъ въ гостяхъ, какъ онъ вообще всю недѣлю баклуши билъ, ухаживалъ за дѣвицами. Онъ старался придавать себѣ видъ веселаго малаго, безпечнаго, развязнаго, но во всѣхъ движеніяхъ его была видна искусственность. Подобно тѣмъ людямъ, которымъ, вслѣдствіе общественнаго положенія, приходится держать домъ на широкую ногу, не имѣя на

это средствъ, и нерѣдко наканунѣ банкротства изображать изъ себя человѣка со средствами, вполнѣ довольнаго и веселаго, хотя внутри сосетъ червякъ,—такъ Пети, то-же мученику общественнаго положенія, приходилось постоянно хитрить, изображать изъ себя не то, что есть, коверкать свою внутреннюю природу. Для такихъ учениковъ, какъ Ивановъ Петръ, отмѣтки, разряды по успѣхамъ, похвальные листы, награды и вообще вся поощрительная система— чистый ядъ. А такихъ Ивановыхъ въ каждомъ учебномъ заведеніи не мало. Отмѣтки есть средство для переговоровъ между родителями учениковъ и школою: родители могутъ слѣдить по отмѣткамъ за занятіями сына. Пользоваться-же отмѣтками, какъ побудительнымъ средствомъ къ занятіямъ учениковъ, едва-ли слѣдуетъ, потому что оно можетъ очень тяжело отзываться на ученикахъ, постоянно возбуждаетъ самолюбіе, а главное—не только не развиваетъ другіе побуждающіе факторы къ ученію, какъ, напримѣръ, пытливость ума, интересъ къ самому предмету, интересъ къ процессу мышленія, но даже заглушаетъ эти важные элементы въ духовномъ развитіи воспитанника. Въ младшихъ классахъ дѣти учатся ради балловъ, дурная отмѣтка страшитъ ихъ, въ старшихъ классахъ ученики хотя и сознаютъ, что отмѣтки дѣло третьестепенное и не въ нихъ суть, но привычка къ такому отношенію все-таки сказывается.

Въ послѣднихъ классахъ Ивановъ очень осунулся: онъ еще выросъ, сдѣлался сутуловатымъ, грудь не развилась пропорціонально тѣлу, щеки ввалились, глаза смотрѣли какъ-то устало. Усердіе въ немъ не ослабѣвало, онъ работалъ, какъ машина: всѣ предметы были для него одинаковы, ни одинъ изъ нихъ не возбуждалъ интереса въ немъ, исключеніе составляли только Законъ Божій и латинскій языкъ, и то только потому, что въ нихъ получалъ пятерки. Не интересовался онъ и вообще чтеніемъ, на все смотрѣлъ безучастными глазами, какъ будто говоря: «что въ этихъ книгахъ хорошаго: вѣдь за нихъ отмѣтки не получишь».

Петя кончилъ курсъ гимназіи среднимъ ученикомъ. Длинными руками, которыя висѣли у него, какъ плети, взялъ аттестатъ свой объ успѣшномъ окончаніи курса гимназіи и едва удержался на ногахъ: голова закружилась, въ глазахъ дрожали слезы радости.

Пети очень хотѣлось идти дальше, въ университетъ, или въ медицинскую академію, гдѣ больше шансовъ получить стипендію, такъ какъ средствъ у него никакихъ не было; ему очень хотѣлось завоевать себѣ положеніе въ свѣтѣ, чтобы утѣшить хоть подъ старость своихъ родителей, но всѣ отсовѣтывали поступать въ высшее учебное заве-

деніе: здоровье его внушало серьезныя опасенія. Онъ поступилъ мелкимъ чиновникомъ на службу, съ усердіемъ принялся за дѣло, но чувствовалъ, что у него силъ нѣтъ, чувствовалъ постоянную усталость.

Ивановыхъ много во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, среднихъ и высшихъ. При болѣе благопріятныхъ домашнихъ условіяхъ, при болѣе крѣпкомъ организмѣ, чѣмъ у нашего Пети, они поступаютъ въ высшія учебныя заведенія и благополучно кончаютъ въ нихъ курсъ. Ивановыхъ можно встрѣтить во всѣхъ сферахъ дѣятельности,—среди медиковъ, учителей и даже среди профессоровъ. Въ большинствѣ случаевъ—это добросовѣстные труженики, прекрасные исполнители; если они дарятъ міру свои ученые труды, то ихъ произведенія обыкновенно обильны фактами, богаты собраннымъ матеріаломъ, поражаютъ иногда кропотливымъ трудомъ, но всегда бываютъ бѣдны идеями.

Въ послѣднее время среди первыхъ учениковъ все чаще и чаще выступаютъ дѣти новой формаціи, которыхъ прежде школа почти не знала, потому что они встрѣчались въ ней, какъ рѣдкое исключеніе. Это—дѣти физически отсталыя, съ вялой мускулатурой, нервныя, чувствительныя, съ слабой волей; они очень рано умственно развиваются, очень рано пробуждается въ нихъ любовь къ чтенію; къ физическимъ-же удовольствіямъ, къ подвижнымъ играмъ обнаруживаютъ нерасположеніе. Прослѣдимъ за развитіемъ такихъ дѣтей на одномъ изъ нихъ, болѣе типичномъ.

Сережа,—такъ звали нашего мальчика,—былъ слабый ребенокъ. Онъ выросъ среди взрослыхъ, которые много имъ занимались и баловали его. Играть съ дѣтьми онъ не любилъ, такъ какъ дѣти не только его возраста, но и моложе, были гораздо сильнѣе, ловчѣе, увертливѣе его. Очень рано онъ научился читать. На шестомъ году Сережа уже читалъ книги Фребелевскаго изданія и разныя русскія сказки. Читалъ онъ съ наслажденіемъ, читалъ нѣсколько разъ одинъ и тотъ-же разсказъ и почти выучивалъ его наизусть. Это занятіе было по немъ: физическаго напряженія, ловкости не требовалось, и въ то-же время вполнѣ удовлетворялась потребность къ дѣятельности, которая присуща каждому живому организму. Съ книгою въ рукахъ онъ чувствовалъ себя прекрасно: его не нужно было занимать, выдумывать для него игры, онъ самъ себя занималъ, всегда былъ въ хорошемъ настроеніи духа, нѣсколько даже приподнятомъ подъ вліяніемъ прочитанныхъ разсказовъ. Читалъ онъ много, но читалъ толково, со смысломъ, выразительно и прекрасно передавалъ прочитанное. Благодаря свѣжей памяти и интересу, съ какимъ онъ относился ко всему, лекси-

конъ его быстро обогащался словами и оборотами вычитанныхъ имъ книгъ, а также выраженіями взрослыхъ, среди которыхъ онъ большею частью находился. Радовались родители блестящимъ способностямъ своего сына, удивлялись родные и знакомые мальчику, и всѣ сошлись во мнѣніи о немъ, что ребенокъ — «феноменъ». Сережа развивался, можно сказать, не по днямъ, а по часамъ; мысль его постоянно работала, и онъ дѣйствительно поражалъ иногда оборотами своей рѣчи, неожиданными сопоставленіями, мѣткими замѣчаніями. Такъ, на седьмомъ году онъ однажды отвѣтилъ отцу, который на него за что-то разсердился и накричалъ: «Юпитеръ, ты сердишься, значитъ ты не правъ». Конечно, эту фразу онъ вычиталъ или услышалъ отъ тѣхъ-же взрослыхъ, но вся сила тутъ въ находчивости, въ удачномъ примѣненіи къ данному случаю. Фантазія у мальчика тоже была богатая: по цѣлымъ часамъ онъ разсказывалъ сестрѣ своей, которая была старше его, цѣлыя исторія, тутъ-же сочиненныя имъ, и сестра съ удовольствіемъ ихъ слушала. Сережа поступилъ въ гимназію въ первый классъ. Онъ быстро завоевалъ себѣ симпатію всѣхъ учителей: отвѣчалъ смѣло, разумно, въ выраженіяхъ не стѣснялся, быстро усваивалъ преподаваемое и умѣлъ прекрасно изложить по своему; на урокахъ слушалъ внимательно, сидѣлъ спокойно, хотя нервныя подергиванія, небольшія ёрзанья были замѣтны со стороны. Въ перемѣны, когда сотни дѣтей высыпало изъ всѣхъ классовъ въ рекреаціонный залъ, Сережа всегда держался въ сторонѣ отъ играющихъ изъ боязни, чтобы его не ушибли; онъ не принималъ участія въ играхъ и даже совсѣмъ не умѣлъ играть, благодаря своей неловкости, физической отсталости; въ перемѣны онъ обыкновенно что-нибудь разсказывалъ, если находился слушатель. Одно горе было у него, это—уроки искусствъ: не давались ему ни гимнастика, ни рисованіе, ни чистописаніе. По всѣмъ остальнымъ учебнымъ предметамъ онъ былъ однимъ изъ первыхъ въ классѣ. Всѣ уроки Сережа обыкновенно выучивалъ въ классѣ, при объясненіи ихъ; дома-же готовилъ только письменныя работы, если задавались. Все-же свободное время дома по прежнему посвящалъ чтенію. Родители у него были люди интеллигентные, и книжнаго матеріала въ квартирѣ было много. Десяти лѣтъ Сережа уже читалъ Гоголя, Гончарова, Тургенева, оригинальные и переводные романы въ періодическихъ журналахъ; ежедневно просматривалъ газету, что давало ему возможность слѣдить за разговорами взрослыхъ и даже иногда самому принимать участіе въ нихъ. Дѣтская литература уже переставала его интересовать, она казалась ему скучной и безцвѣтной. Гимназія на первыхъ порахъ его очень увлекла и оживила: онъ съ

удовольствіемъ ходилъ въ нее, и дома не было конца разсказамъ его про гимназическіе порядки, про учителей и товарищей. Но это увлеченіе продолжалось недолго: уроки перестали интересовать его; они не давали пищи его уму, не будили его мысль, вслѣдствіе чего онъ начиналъ тяготиться ими; товарищи то-же мало занимали его, потому что ихъ интересы въ большинствѣ случаевъ расходились съ его интересами. Только съ однимъ изъ нихъ, Петровымъ, онъ больше сошелся. Здоровый мальчикъ, немножко увалень, немножко флегма, Петровъ также не любилъ подвижныхъ игръ; это обстоятельство, вѣроятно, и способствовало ихъ сближенію. Петровъ сталъ ходить къ Сережѣ и скоро, что называется, былъ своимъ человѣкомъ въ домѣ. Любимой игрой Петрова были шахматы, съ которой онъ познакомилъ и Сережу. Эта игра такъ увлекала ихъ, что они цѣлыми часами сидѣли за шахматной доской. Чтеніе у Сережи отошло на второй планъ, а уроки онъ пересталъ совсѣмъ готовить: онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увлекался игрой, шахматы поглотили все его вниманіе; онъ изучалъ по руководству разныя системы игръ, рѣшалъ задачи и самъ ихъ выдумывалъ. Между тѣмъ, въ гимназіи работы все прибавлялось и прибавлялось, и Сережа сталъ приносить домой дурныя отмѣтки. Родители вооружились противъ шахматной игры, и Сережѣ поневолѣ пришлось бросить ихъ. Благодаря своимъ способностямъ, онъ быстро догналъ своихъ товарищей и съ наградою перешелъ въ слѣдующій классъ. Такіе ученики, какъ Сережа, большею частью учатся неровно, потому что они постоянно чѣмъ-нибудь увлекаются. Во второмъ классѣ Сережа является въ роли редактора ученической газеты «Метеоръ». Онъ увлекается газетой самъ и увлекаетъ за собой другихъ. Закипѣла работа въ классѣ: кто виньетку для газеты рисуетъ, кто статью готовитъ, выдумываетъ стихотвореніе, кто переписываетъ эти статьи въ нѣсколькихъ экземплярахъ, самъ-же Сережа ведетъ отдѣлъ подъ названіемъ «Злоба дня» и редактируетъ всю газету. Сколько разговору, шуму, бѣготни изъ-за газеты. Сережа проявляетъ необыкновенную энергію въ этомъ дѣлѣ; онъ весь отдается газетѣ, живетъ ею и даже, можно сказать, горитъ ею. Не даромъ товарищи дали прозвище ему «пылкій». Это увлеченіе газетой, продолжавшееся больше мѣсяца, не прошло даромъ классу: нѣкоторые поплатились за него двойками и единицами по разнымъ предметамъ, что нелегко отзывается на жизни ученика. Сережа благополучно перешелъ въ третій классъ: двѣ-три недѣли серьезнаго труда достаточно было для него, чтобы пополнить все пропущенное и тѣмъ самымъ искупить свое увлеченіе. Дѣйствительная, реальная жизнь Сережу мало занимала:

онъ жилъ по преимуществу міромъ книжнымъ, вращался въ области фантазіи; чтеніе романовъ иногда производило на него такое сильное впечатлѣніе, что онъ долгое время невольно подражалъ героямъ романовъ; на все онъ смотрѣлъ черезъ книги и выражался по книжному. Чтеніе для него было потребностью: непосредственно воспринимать впечатлѣнія окружающей реальной жизни онъ, можно сказать, почти не умѣлъ, и великая книга природы и жизни была написана на непонятномъ ему языкѣ, а потому и не возбуждала въ немъ процесса мысли; съ малыхъ лѣтъ онъ привыкъ къ иному возбужденію, болѣе пассивному, посредствомъ чтенія, которое вызывало въ немъ калейдоскопическую смѣну представленій, картинъ, которое давало пищу его фантазіи. Безъ книги Сережа скучалъ и долго оставаться не могъ: его тянуло къ ней, какъ пьяницу къ вину; ему не доставало раздраженія мозга, къ которому онъ привыкъ. Или онъ увлекался чѣмъ-нибудь, или читалъ: въ томъ и другомъ случаѣ мозгъ работалъ усиленно, что и было привычнымъ его состояніемъ. Въ гимназіи шли дѣла у Сережи хорошо, не смотря на то, что онъ никогда не обнаруживалъ особаго прилежанія, былъ довольно небреженъ, тетради держалъ въ безпорядкѣ. Но ему многое прощалось за его способности, за его умные и оригинальные отвѣты. Такіе ученики пріятны въ классѣ: они никогда не скажутъ глупости, своими замѣчаніями и вопросами вносятъ оживленіе въ классъ; ихъ отвѣты и сочиненія нерѣдко служатъ примѣромъ ученикамъ. Въ старшихъ классахъ Сережа увлекался исторіей, словесностью, писалъ стихи, сочинялъ повѣсти и романы. Онъ всегда жилъ духовною жизнью; увлеченія дали много ему знаній, расширили его кругозоръ. Благодаря своимъ способностямъ, а главнымъ образомъ тому, что родители не давали ему совершенно отклониться отъ прямой дороги, Сережа кончилъ курсъ гимназіи съ серебряной медалью. Ему было всего восемнадцать лѣтъ, когда онъ поступилъ въ университетъ на юридическій факультетъ; онъ былъ полонъ розовыхъ надеждъ, полонъ самыхъ страстныхъ желаній принести пользу обществу, своему отечеству. Со страстью бросился онъ снова за книги, и въ головѣ его зароилось уже много плановъ и проектовъ на будущее. Но здоровье Сережи далеко было неблестящее.

Родители хорошо знали своего сына, хорошо знали его увлеченія и зорко слѣдили за нимъ. Не задѣвая самолюбія его, незамѣтно для него самого, они постоянно сдерживали его порывы и направляли къ прямой цѣли, постоянно держали его, такъ сказать, на возжахъ, хотя и не натягивали ихъ. Эти возжи Сережѣ были необходимы: безъ

нихъ онъ способенъ былъ отдаться весь своему увлеченію, потерять почву подъ ногами и летѣть на крыльяхъ своего чувства, не разбирая опасностей. Увлеченія въ молодые годы, безъ знанія реальной, дѣйствительной жизни, нерѣдко тяжело отзываются на всей жизни. Жизнь даетъ немало такихъ печальныхъ примѣровъ.

Подобныхъ воспитанниковъ, какъ Сережа, въ большей или меньшей степени даровитыхъ, въ каждомъ учебномъ заведеніи можно встрѣтить. Это люди по преимуществу чувства, темперамента, прямая противоположность тѣмъ воспитанникамъ, представителями которыхъ мы описали въ лицѣ Иванова Петра,—людей по преимуществу разсудка, воли, долга. Воспитаніе такихъ дѣтей и юношей, какъ Сережа, сводится, главнымъ образомъ, къ дисциплинированію воли, къ пріученію владѣть своими чувствами, управлять собою. Тамъ, гдѣ воспитаніе не достигло своихъ цѣлей, юноши сбиваются съ дороги и пополняютъ собою ряды «неудачниковъ».

Среди наградныхъ учениковъ видное мѣсто въ процентномъ отношеніи занимаютъ такіе, которыхъ можно назвать уравновѣшенными натурами. Физически хорошо одаренные, съ здоровыми мускулами, съ крѣпкими нервами, они и въ психическомъ отношеніи представляютъ счастливое сочетаніе душевныхъ силъ. Это—натуры цѣльныя, въ нихъ нѣтъ разлада между умомъ, чувствомъ и волею, натуры, если можно такъ выразиться, болѣе естественныя, нормальныя сравнительно съ другими. Въ сознаніи человѣка слова «дитя» и «юноша» вызываютъ представленія, образы дѣтей и юношей именно этого типа уравновѣшенныхъ натуръ. Это, если можно такъ выразиться, настоящіе, типичные дѣти и юноши. Несомнѣнно, что въ прежнія времена, когда жизнь была менѣе сложна и нервозна, учениковъ этого типа было большинство во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ; въ настоящее время этого далеко нельзя сказать. Такого типа ученики хорошо идутъ въ учебныхъ заведеніяхъ и нерѣдко занимаютъ первыя мѣста по успѣшности, но только при условіи, если въ нихъ физическая природа не преобладаетъ надъ духовной, тѣло не беретъ верхъ надъ духомъ. Въ противномъ случаѣ они поступаютъ въ ряды среднихъ и неуспѣвающихъ, въ ряды лѣнивыхъ учениковъ: физическая природа въ нихъ побѣждаетъ духовную, животная сторона преобладаетъ надъ человѣческой.

Прослѣдимъ за развитіемъ одного изъ этой группы.

Коля былъ мальчикъ здоровый, живой, рѣзвый. Избытокъ му-

скульной силы у него стремился наружу и выражался въ постоянномъ движенiи; цѣлый день онъ проводилъ въ игрѣ. Раскраснѣвшiяся щеки, взъерошенные волосы, нѣсколько учащенное дыханiе отъ бѣготни—вотъ обычный видъ его. Лѣтомъ Коля жилъ въ имѣнiи и, до поступленiя въ гимназiю, оставался въ немъ обыкновенно до октября мѣсяца. Родители только его и видѣли во время обѣда, все остальное время онъ проводилъ въ игрѣ съ деревенскими товарищами внѣ дома: въ саду, въ полѣ, въ рощѣ, на рѣчкѣ. Съ семи лѣтъ начали Колю учить чтенiю, письму и счету. Мальчикъ онъ былъ толковый, смышленый, но заниматься съ нимъ было очень трудно; трудность заключалась, главнымъ образомъ, въ трудности поддержать въ немъ вниманiе, въ прiученiи его къ нѣкоторой усидчивости. Жизнь въ немъ била ключемъ, и ему трудно было посидѣть нѣсколько минутъ спокойно на одномъ мѣстѣ, трудно было удержать вниманiе нѣсколько минутъ на одномъ предметѣ. Муха пролетитъ въ комнатѣ—онъ уже слѣдитъ за ней, щелкнетъ гдѣ-нибудь—онъ уже весь тамъ, прогремитъ экипажъ—онъ уже въ одно мгновенiе около окна. Кончались занятiя, мальчикъ, сломя голову, бѣжалъ играть съ товарищами и все забывалъ. Нелегко было прiучить Колю къ работѣ; примѣнялась родителями и ласка, и увѣщанiе, и строгость, и наказанiе, но всѣ эти педагогическiе прiемы мало влiяли на него. Правда, онъ иногда довольно долго сидѣлъ спокойно за урокомъ, но по глазамъ видно было, что мысль его гдѣ-то далеко носилась; онъ самъ не зналъ, какъ перелеталъ изъ учебной комнаты въ поля, луга, въ рощу, на рѣчку; достаточно было упомянуть хоть одно слово, которое-бы напоминало любимыя его мѣста, какъ ужъ онъ былъ тамъ. Съ трудомъ одиннадцати лѣтъ Коля поступилъ въ первый классъ. Рѣзко выдѣлялся онъ изъ всего класса цвѣтущимъ здоровьемъ, сильными мускулами и жизнерадостными голубыми глазами. Гимназiя подѣйствовала на него хорошо. Новая обстановка, новые товарищи, незнакомые учителя, порядокъ, которому всѣ подчиняются, — все это сдерживало Колю, ко всему онъ присматривался. Занятiя на урокахъ ему тоже понравились: время летѣло на нихъ гораздо быстрѣе, чѣмъ дома на урокахъ; заниматься въ большомъ обществѣ гораздо прiятнѣе, чѣмъ одному. На урокахъ впервые въ немъ пробудилось чувство соревнованiя въ занятiяхъ. Въ играхъ съ этимъ чувствомъ онъ былъ уже давно знакомъ: не проходило дня, даже игры, гдѣ-бы не пришлось состязаться съ товарищами въ ловкости, въ прыганьѣ, въ бѣгѣ, въ силѣ. Нѣсколько удачныхъ отвѣтовъ, похвала учителя зажгли въ Колѣ это чувство. Онъ сталъ серьезнѣе относиться къ дѣлу, внимательно слѣ-

дилъ за ходомъ каждаго урока и дома прилежно занимался. Родители, съ своей стороны, поощряли его занятія, слѣдили за нимъ, помогали ему; такимъ образомъ, незамѣтно, Коля втянулся въ работу, приготовленіе уроковъ вошло у него въ привычку. Въ концѣ учебнаго года онъ былъ одинъ изъ первыхъ въ классѣ по успѣхамъ. Въ свободное время Коля по прежнему бѣгалъ, игралъ, проказничалъ. Особеннаго интереса въ занятіяхъ онъ не находилъ, онъ смотрѣлъ на уроки и на пригововленіе ихъ дома, какъ на обязанность довольно скучную и непріятную, но необходимую. Читать онъ не любилъ и вообще въ духовной пищѣ потребности не ощущалъ. Выдающихся способностей у него не было, ко всему онъ долженъ былъ приложить нѣкоторый трудъ, нѣкоторую усидчивость, но что уже себѣ онъ выяснялъ, то сохранялось въ его памяти прочно. Смотрѣлъ на вещи прямо, просто, разсуждалъ довольно здраво, основательно; не лишенъ былъ наблюдательности и довольно тонко замѣчалъ слабыя стороны въ своихъ товарищахъ, надъ которыми не прочь былъ при случаѣ подтрунить; быстро схватывалъ особенности каждаго учителя и умѣлъ приноровиться къ требованіямъ ихъ. Словомъ, это былъ мальчикъ смѣтливый, ловкій, умѣлъ пользоваться обстоятельствами и былъ, что называется, себѣ на умѣ. Но эта смѣтливость, быстрота соображеній ограничивались только практическою жизнью, реальными предметами; гдѣ-же приходилось имѣть дѣло съ отвлеченными предметами, съ понятіями, гдѣ начинались обобщенія примѣровъ, фактовъ, явленій—быстрота соображеній совсѣмъ исчезала у Коли, и ему съ каждымъ годомъ становилось труднѣе заниматься. Особенно не давалась ему математика, много отнимало времени рѣшеніе математическихъ задачъ.

По мѣрѣ усложненія курса, требованія увеличивались, приходилось все больше и больше работать и почти все внѣклассное время употреблять на приготовленіе уроковъ. Коля занимался прилежно и шелъ впереди класса. Физическихъ силъ у него было много, и онъ не жалѣлъ ихъ. Но сердце его по прежнему не лежало къ занятіямъ, его тянула къ себѣ жизнь простая, деревенская, тянули къ себѣ лѣса, поля; идеалъ его—жить въ имѣніи и заниматься сельскимъ хозяйствомъ. Практическій-же здравый умъ его ясно говорилъ о необходимости занятій, и Коля занимался усердно. Въ старшихъ классахъ, въ особенности подъ конецъ каждаго учебнаго года, подъ вліяніемъ сидячей жизни и отсутствія физическаго труда, подъ вліяніемъ нервнаго раздраженія, стали появляться у него головныя боли; но лѣтніе каникулы въ имѣніи, прекрасныя условія жизни снова возстано-

вляли его силы, и къ началу учебнаго года снова являлся онъ съ здоровымъ румянцемъ на щекахъ.

Коля кончилъ курсъ гимназіи съ медалью. Высшее учебное заведеніе его не тянуло. Онъ поступилъ вольноопредѣляющимся въ полкъ, отслужилъ въ немъ законное число лѣтъ, выдержалъ экзаменъ на офицера и вышелъ въ отставку; онъ поселился въ своемъ имѣніи, въ которомъ и занялся сельскимъ хозяйствомъ.

Этими тремя характеристиками Пети, Сережи и Коли мы и закончимъ характеристику первой группы учениковъ, т.-е. наградныхъ, медалистовъ. Конечно, этими характеристиками далеко не исчерпывается эта группа, въ нихъ мы только хотѣли отмѣтить тѣ черты, съ которыми чаще встрѣчались, которыя намъ казались болѣе типичными.

Ѳ. Матвѣевъ.

(Продолженіе будетъ).

Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.

(Woman's work in America. Edited by Annie Nathan Meyer. New-York. 1891.

Education in the United States, its history from the carliest settlements by R. Boone. (Professor of pedagogy in Indiana university). New-York. 1890.

Fitch. Notes on American schools and training colleges. London. 1890.

Брайсъ. Американская Республика. 3 тома. Москва. 1889—1890 гг.)

Соединенные Штаты Сѣверной Америки показываютъ примѣръ всему міру не только въ однихъ внѣшнихъ знакахъ уваженія къ женщинамъ, но и дѣйствительной готовности признать за ними всѣ тѣ существенныя права, которыя однѣ могутъ доставить женщинѣ возможность чувствовать себя вполнѣ самостоятельнымъ и полноправнымъ членомъ общества. Мы не будемъ касаться вовсе принципіальной стороны вопроса, по поводу котораго было написано много убѣдительныхъ и краснорѣчивыхъ страницъ. Къ тому-же въ глазахъ самихъ женщинъ-американокъ, какъ говоритъ издательница первой изъ вышеназванныхъ книгъ, женскій вопросъ — вопросъ чисто-практическій, жизненный: онѣ желаютъ, чтобы оставили въ сторонѣ всякую сентиментальность при рѣшеніи его. Дѣло идетъ, говорятъ онѣ, не больше и не меньше, какъ объ обезпеченіи за женщиной права на участіе въ повсемѣстно-происходящей борьбѣ за существованіе. Всѣ средства, увеличивающія ея шансы въ этой борьбѣ, и самое важное и достойное изъ нихъ—воспитаніе и образованіе, должны быть въ одинаковой мѣрѣ доступны какъ мужчинѣ, такъ и женщинѣ. Развивающееся въ женщинахъ чувство собственнаго достоинства не позволяетъ имъ находить нормальнымъ явленіемъ, что для многихъ изъ нихъ бракъ представляется чуть-ли не единственнымъ убѣжищемъ. Статистика показываетъ, что большое число женщинъ никогда не выходитъ за-

мужъ. Кромѣ того, при обезпеченіи для всякой, желающей трудиться, женщины нормальнаго пути для приложенія ея энергіи мы рѣже видѣли-бы въ жизни браки, отъ которыхъ заранѣе ничего добраго ожидать нельзя—либо по несоотвѣтствію лѣтъ вступающихъ въ бракъ, либо по другимъ причинамъ, перечислять которыя здѣсь было-бы безполезно.

На такую чисто-практическую почву ставитъ вопросъ и издательница книги «Женскій трудъ въ Америкѣ». Это—большая книга въ 450 страницъ, полная глубоко-интереснаго фактическаго матеріала. Самой издательницѣ принадлежитъ предисловіе и планъ книги; въ составленіи-же книги участвовали 18 женщинъ, изъ которыхъ каждая изложила положеніе женскаго труда въ какой-нибудь изъ довольно многочисленныхъ сферъ его приложенія въ Америкѣ: въ литературѣ, журналистикѣ (изданіе газетъ и журналовъ), медицинѣ, адвокатурѣ, священнослуженіи (проповѣдничествѣ), всѣхъ видахъ филантропіи и даже въ государственной дѣятельности, при чемъ обыкновенно составительница статьи сама имѣетъ какія-нибудь безспорныя заслуги въ описываемой ею сферѣ приложенія женскаго труда. Книга начинается 3-мя главами о современномъ положеніи женскаго образованія, съ историческимъ очеркомъ его развитія.

Съ изложенія этихъ главъ мы и начнемъ, руководствуясь главнымъ образомъ первой изъ названныхъ книгъ и дополняя и разъясняя нѣкоторыя мѣста ссылками и на другія перечисленныя сочиненія.

Однако, прежде чѣмъ излагать исторію женскаго образованія въ Америкѣ, мы укажемъ въ общихъ чертахъ, какіе типы учебныхъ заведеній существуютъ тамъ въ настоящее время. Объ этомъ, конечно, не упоминаютъ американки, имѣвшія въ виду своихъ соотечественниковъ. Элементарное образованіе въ Америкѣ продолжается отъ 6-ти до 14-ти-лѣтняго возраста. Элементарная школа раздѣляется на 2 отдѣленія: первоначальное (primary department) отъ 6-ти до 10-ти-лѣтняго возраста и грамматическое (grammar department, grammar school) отъ 10-ти до 14-ти-лѣтняго возраста. Кромѣ грамматическихъ школъ, во всѣхъ большихъ городахъ есть высшія школы (high schools) для дѣтей отъ 14—15-ти и до 18-ти-лѣтняго возраста. Такимъ образомъ, то, что въ Америкѣ называется высшими школами, соотвѣтствуетъ въ Европѣ скорѣе всего старшимъ классамъ гимназій, только съ извѣстною спеціализаціею занятій. Вотъ, напримѣръ, программа занятій научнаго отдѣленія Вашингтонской высшей школы, одной изъ лучшихъ въ Союзѣ: 1-й годъ. Англійскій языкъ, исторія, алгебра, физика, физіологія, географія и нѣмецкій языкъ.—2-й годъ. Англій-

скій языкъ, исторія и политическая экономія, или химія, геометрія, физика и нѣмецкій языкъ.—3-й годъ. Тригонометрія и съемка, или англійскій языкъ, нѣмецкій языкъ. Для желающихъ: французскій языкъ, ботаника, химія, минералогія, исторія, политическая экономія, высшій курсъ физики. Грамматическимъ-же школамъ соотвѣтствуетъ скорѣе всего курсъ нашихъ прогимназій. Еще выше стоятъ такъ-называемые колледжи и университеты, имѣющіе право раздавать ученыя степени. Однако, далеко не всѣ изъ этихъ колледжей по уровню преподаванія могутъ быть сравниваемы съ европейскими университетами; многіе изъ нихъ совершенно незаслуженно пользуются правомъ раздавать академическія степени. Общественное мнѣніе придаетъ поэтому дѣйствительное значеніе только дипломамъ, полученнымъ въ лучшихъ университетахъ Союза. Но за-то и университетскій дипломъ въ Америкѣ не даетъ его обладателю никакихъ особенныхъ правъ и преимуществъ. Образованіе въ первоначальныхъ и грамматическихъ школахъ даровое: даровое-же оно почти всегда и въ высшихъ школахъ (high schools). Кромѣ того, и высшее образованіе, получаемое въ университетахъ и колледжахъ, также во многихъ мѣстахъ даровое. Низшее образованіе обязательно до 14-ти-лѣтняго возраста для дѣтей обоего пола. Духовенство совершенно устранено отъ низшихъ школъ; множество-же колледжей, наоборотъ, содержится на средства различныхъ религіозныхъ обществъ.

Какъ во многомъ другомъ, такъ и по организаціи образованія женщинъ, Соединенные Штаты Сѣверной Америки можно раздѣлить на 3 главныя части: востокъ, западъ и югъ. Какъ извѣстно, колонизація материка Сѣверной Америки началась англичанами съ восточнаго ея берега (Нью-Гемпширъ, Вермонтъ, Коннектикутъ, Массачусетсъ, Мэнъ). Религіозный энтузіазмъ первыхъ поселенцевъ «Новой Англіи» наложилъ отпечатокъ на организацію и народнаго образованія, которое, за исключеніемъ элементарнаго образованія, было почти чисто-богословское и классическое (латинскій и греческій языки изучались также для богословскихъ цѣлей).

Въ южныхъ штатахъ рабство скоро образовало атмосферу, неблагопріятную для развитія народнаго образованія, для признанія достоинства въ другомъ человѣкѣ, а слѣдовательно и въ женщинѣ.

Когда, въ началѣ этого столѣтія, возникъ женскій вопросъ, восточные штаты Сѣверной Америки уже имѣли почти 200 лѣтъ существованія, общественныя отношенія опредѣлились и относительно окрѣпли; западъ-же только-что сталъ колонизоваться. Здѣсь люди дѣлали опыты общественной статики (если можно такъ выразиться) и,

какъ мы увидимъ далѣе, частью по нуждѣ, частью вслѣдствіе того, что всякій желающій трудиться ни у кого ничего этимъ не отнималъ, западъ оказался наиболѣе способнымъ отнестись безпристрастно къ притязаніямъ женщинъ какъ на образованіе, равное мужскому, такъ и на общественную дѣятельность наравнѣ съ мужчинами.

I. Образованіе женщинъ въ восточныхъ штатахъ. Развитіе сознанія одинаковой необходимости образованія какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Стремленіе женщинъ къ высшему образованію, одинаковому съ мужскимъ.

«Ничего не можетъ быть удивительнѣе,—читаемъ мы въ одной изъ лучшихъ исторій Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки,—той быстроты, съ какою первые поселенцы Массачусетса и Коннектикута принялись за организацію народнаго образованія. Эти маленькія общества, едва перебивавшіяся въ первое время своей жизни въ Америкѣ, организовали народное образованіе такъ, какъ оно не было поставлено нигдѣ въ Европѣ» (A larger history of the United States of America by Wentworth Higginson. 1884 г.). «Можно сказать, что черезъ 20 лѣтъ послѣ высадки переселенцевъ-пуританъ въ Америкѣ уже было организовано и даровое народное образованіе, — читаемъ въ первой главѣ книги г-жи Мейеръ.—Но, требуя устройства первоначальной школы во всякомъ поселеніи, гдѣ число домохозяевъ доходило до 50-ти, и грамматической школы въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ было не менѣе ста, переселенцы имѣли въ виду только мальчиковъ. Это до такой степени казалось само собою понятнымъ, что законъ даже не упоминалъ объ этомъ, говоря объ обязательности народнаго образованія. Около 150-ти лѣтъ продолжалось такое пренебреженіе школьнымъ образованіемъ дѣвочекъ, когда дѣвочка могла лишь кое-чему выучиться либо урывками дома, либо у приходскаго священника, либо у какой-нибудь частной учительницы. Впродолженіе всего XVII и большей части XVIII столѣтія положеніе женскаго образованія въ большинствѣ штатовъ Сѣверной Америки было весьма плохое: женщины, оставлявшія завѣщанія, обыкновенно не умѣли подписать своей фамиліи и ставили вмѣсто своей подписи крестъ. Неграмотны были даже жены нѣкоторыхъ выдающихся общественныхъ дѣятелей. Одна изъ знаменитѣйшихъ американскихъ женщинъ, жена второго президента Соед. Штатовъ Джона Адамса, родившаяся въ 1744 году и принадлежавшая къ одной изъ извѣстнѣйшихъ семей по происхожденію, вотъ что писала въ 1817 году, когда ей было болѣе 70-ти лѣтъ:

«Единственно, гдѣ дѣвушка въ мое время могла умственно развиться,—это при посѣщеніи наиболѣе образованныхъ семействъ въ городѣ или встрѣчаясь случайно съ образованными людьми своего времени. Практически полезныя свѣдѣнія получались отъ матери... Женское образованіе даже въ лучшихъ семействахъ ограничивалось умѣньемъ читать и писать и ариѳметикой; къ этому въ рѣдкихъ случаяхъ прибавлялись музыка и танцы». Если и случалось, что въ нѣкоторыхъ городахъ велось обученіе дѣвочекъ въ школахъ, то это происходило лишь въ то время, когда мальчиковъ отпускали на каникулы, или въ тѣ часы дня, когда прекращались занятія съ мальчиками. Обученіе дѣвочекъ довѣрялось менѣе опытнымъ учителямъ, и самыя программы были гораздо меньше. Однако, уже въ концѣ XVIII вѣка во всѣхъ восточныхъ штатахъ были открыты школы для дѣвочекъ, хотя далеко не въ достаточномъ числѣ и не съ такими программами, какъ для мальчиковъ. Со второй половины XVIII вѣка во многихъ небольшихъ городахъ Америки были основаны такъ-называемыя академіи, т.-е. просто грамматическія школы съ нѣсколько большимъ курсомъ, чѣмъ обыкновенныя. Въ нѣкоторыя изъ этихъ академій были допущены и дѣвочки—для совмѣстнаго обученія съ мальчиками. Во многихъ городахъ тогда-же стали открывать академіи и семинаріи (seminaries) съ такимъ-же курсомъ исключительно для молодыхъ дѣвушекъ. Движеніе, разъ начавшись, очень быстро шло впередъ. «Моравскимъ братьямъ» принадлежитъ честь учрежденія въ 1749 году первой женской семинаріи (съ общеобразовательнымъ курсомъ) въ штатѣ Пенсильванія. Въ большинствѣ-же штатовъ такія учебныя заведенія были открыты лишь почти къ концу XVIII вѣка, иногда на деньги, пожертвованныя частными лицами. Т. Дуайтъ,—ректоръ (president) Yale College,—путешествовалъ въ 1803 году по Новой Англіи, и вотъ что онъ писалъ послѣ путешествія: «учебныхъ заведеній, называемыхъ академіями и готовящихъ для поступленія въ колледжи, въ штатѣ Массачусетсъ 48 и въ Коннектикутѣ 20. Двѣ академіи въ Коннектикутѣ и 3 въ Массачусетсѣ исключительно женскія; нѣкоторыя изъ остальныхъ допускаютъ оба пола». Въ теченіе слѣдующихъ 25 лѣтъ число этихъ академій значительно возрасло (въ одномъ Массачусетсѣ было 854 академіи и частныя школы), затѣмъ стало сразу падать, послѣ того какъ для мужчинъ и женщинъ выработался общій типъ образовательныхъ учрежденій, большею частью содержимыхъ на общественный счетъ, и потому даровыхъ. Этотъ типъ, какъ мы видѣли выше, состоялъ изъ элементарной школы (первоначальной

и грамматической) и высшей; затѣмъ уже слѣдовалъ университетъ или колледжъ.

Для женщинъ явилась теперь новая задача—добиваться допущенія въ университетъ; а для этого необходимо было или совмѣстное обученіе съ молодыми людьми, или сравненіе программъ мужскихъ и женскихъ высшихъ школъ. До послѣдняго времени въ Америкѣ, какъ и въ Европѣ, лучшимъ образованіемъ считалось классическое. Однако въ Америкѣ къ изученію классическихъ языковъ приступаютъ лишь въ высшихъ школахъ (high schools), т.-е. съ 14—15 лѣтъ. Допустить женщинъ туда—значило учить ихъ древнимъ языкамъ, что многимъ казалось нелѣпостью.

Уже давно американки занимались учительскою дѣятельностью въ частныхъ школахъ, и потому стремленіе расширить размѣры женскаго образованія нашло себѣ самое подходящее осуществленіе въ учрежденіи женскихъ учительскихъ семинарій (normal schools). Однако, быстро «нормальныя школы» превратились просто въ среднія учебныя заведенія для женщинъ съ общеобразовательнымъ курсомъ, такъ какъ очевидно нельзя-же было будущимъ учительницамъ довольствоваться знаніями, вынесенными изъ первоначальныхъ школъ.

Было-бы весьма трудно дать общую картину исторіи развитія высшаго женскаго образованія въ Америкѣ, такъ какъ во всякомъ штатѣ, во всякомъ даже городѣ оно шло совершенно своеобразно. Въ настоящее время почти каждый большой городъ штата представляетъ собою совершенно самостоятельную административную единицу въ учебномъ отношеніи. Программы, назначеніе учителей, условія выдачи дипломовъ—все это дѣло исключительно мѣстнаго школьнаго комитета или даже самого учрежденія, если это есть высшее учебное заведеніе, содержимое на средства какого-нибудь религіознаго общества или основанное на пожертвованія частныхъ лицъ. Въ процессѣ развитія женскаго образованія мы можемъ искать настолько общаго между различными штатами, насколько это вполнѣ естественно среди людей, живущихъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ и свободно вліяющихъ другъ на друга неизбѣжнымъ путемъ взаимнаго примѣра.

Говоря о восточныхъ пріатлантическихъ штатахъ, мы имѣемъ дѣло съ самой старой, самой богатой, самой образованной частью Америки, хотя, какъ увидимъ ниже, далеко не наиболѣе свободной отъ предразсудковъ. Посмотримъ, напр., какъ шло дѣло развитія высшаго женскаго образованія въ Бостонѣ, который иногда называется американскими Аѳинами вслѣдствіе изобилія ученыхъ обществъ, учебныхъ заведеній, газетъ, журналовъ и т. п. Когда, въ началѣ нашего столѣ-

тія, одна молодая дѣвушка, выучившаяся греческому и латинскому языку отъ одного студента, жильца ея родителей, явилась въ библіотеку Бостонскаго Атенеума (ученаго общества), этимъ были всѣ шокированы и нашли такой поступокъ крайне неумѣстнымъ; въ настоящее-же время эта громадная библіотека усерднѣе посѣщается женщинами, чѣмъ мужчинами. Англійскій профессоръ Брайсъ ставитъ современныхъ американокъ много выше европейскихъ женщинъ по литературному образованію. Какъ-же совершился такой рѣшительный переворотъ? Мы уже упоминали о существованіи женскихъ учительскихъ семинарій, обратившихся съ самаго начала въ общеобразовательныя учрежденія. Съ 1872 года въ Бостонѣ существовала самостоятельная высшая школа для дѣвушекъ, но въ ней не было преподаванія классическихъ языковъ, т.-е. она не была параллельна такой-же школѣ для мальчиковъ, и потому тѣ дѣвушки, которыя хотѣли-бы продолжать свое образованіе, не могли предъявлять притязаній на принятіе ихъ въ университетъ наравнѣ съ мужчинами. Въ 1877 году образовалось «Массачусетское Общество высшаго женскаго образованія», въ которомъ, кромѣ женщинъ, приняло участіе много выдающихся общественныхъ дѣятелей. Это Общество просило школьный комитетъ *) города Бостона о разрѣшеніи для дѣвушекъ поступать въ Бостонскую латинскую школу для мальчиковъ, указывая, что почти во всѣхъ другихъ городахъ штата (Массачусетсъ) дѣвушка учится въ тѣхъ-же самыхъ высшихъ школахъ, что и мальчики, и такимъ образомъ можетъ подготовиться къ университетскимъ занятіямъ, тогда какъ Бостонъ не даетъ ей до сихъ поръ такой возможности. Въ этомъ-же смыслѣ высказались кураторы (trustees—кураторы, т.-е. лица, которыя распоряжаются матеріальными средствами университета, фондомъ земельнымъ и денежнымъ, который ему принадлежитъ, и всякими другими доходами университета; имъ-же принадлежитъ и высшее наблюденіе за ходомъ учебнаго дѣла) и ректоры (presidents) многихъ колледжей, гдѣ совмѣстно съ мужчинами слушали лекціи и женщины. Ректоры указывали на то, что къ нимъ въ колледжи поступаютъ вполнѣ подготовленныя дѣвицы изъ западныхъ штатовъ, тогда какъ дѣвушки города Бостона лишены возможности готовиться къ поступленію въ высшія учебныя заведенія. То-же самое подтвердили

*) Школьный комитетъ завѣдуетъ народнымъ образованіемъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Лица, составляющія школьный комитетъ, получаютъ свои полномочія самымъ различнымъ образомъ, начиная съ непосредственнаго народнаго избранія ad hoc и кончая назначеніемъ мэромъ города или губернаторомъ штата.

ректоры исключительно женскихъ колледжей. Однако, шесть ректоровъ другихъ колледжей высказались рѣшительно противъ опыта совмѣстнаго образованія дѣвушекъ и юношей въ колледжахъ (Latin school) города Бостона. Портэръ,—ректоръ (presidents) Yale College—полагалъ, что «дѣвушки и юноши между 14-ю и 18-ю годами не должны учиться въ одномъ и томъ-же помѣщеніи. Такія частыя и такія свободныя и нецеремонныя отношенія юношей и дѣвицъ должны быть естественно непріятны для обоихъ. Самое классическое образованіе, будучи въ основѣ одинаково, требуетъ различныхъ пріемовъ въ преподаваніи, смотря по тому, имѣетъ-ли учитель дѣло съ мальчиками или дѣвочками». Мы не будемъ указывать мнѣній другихъ противниковъ совмѣстнаго образованія, высказанныхъ при обсужденіи вопроса о допущеніи дѣвушекъ въ Бостонскую латинскую школу, такъ какъ на этомъ вопросѣ мы остановимся подробно при очеркѣ женскаго образованія на Западѣ, гдѣ совмѣстное образованіе практикуется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и гдѣ въ скоромъ времени не будетъ никакого другого, — скажемъ только, что въ Бостонѣ побѣдили сторонники отдѣльныхъ школъ для каждаго пола, и потому въ 1878 году была открыта «Латинская школа для дѣвушекъ», число учениць которой въ настоящее время превышаетъ 200.

Въ штатѣ Нью-Іоркъ раньше, чѣмъ въ другихъ штатахъ, обнаружилось стремленіе по возможности сравнять мужское и женское образованіе, какъ показываетъ интересная біографія г-жи Виллардъ. Еще въ 20-хъ годахъ этого столѣтія г-жа Виллардъ, послѣ многолѣтней педагогической дѣятельности, въ качествѣ содержательницы частной школы, обратилась въ законодательное собраніе штата съ просьбою оказать ей помощь въ устройствѣ женскаго учебнаго заведенія съ серьезнымъ образовательнымъ курсомъ. Она говорила, что штатъ долженъ относиться одинаково къ дѣтямъ обоего пола и не допускать, чтобы образовательныя учрежденія для дѣвушекъ дѣлались предметомъ «спекулятивныхъ предпріятій частныхъ лицъ». Она высказывала сожалѣніе, что «образованіе одного пола имѣетъ цѣлью только нравиться другому... вслѣдствіе чего изъ женщинъ получаются взрослыя дѣти, которымъ всегда надо дать въ руки какую-нибудь игрушку, чтобы они не надѣлали вреда другимъ или себѣ». Г-жа Виллардъ не требовала для женщинъ вполнѣ одинаковаго образованія съ мужчинами, понимая, что въ такомъ случаѣ не встрѣтила-бы сочувствія въ обществѣ; она только хотѣла, чтобы женское образованіе было значительно улучшено. «Поднять характеръ женщины значитъ поднять впослѣдствіи и характеръ мужчинъ. Многіе писали прекрас-

ные совѣты, чему и какъ слѣдуетъ учить женщинъ, но правительство Штата не открыло до сихъ поръ необходимыхъ учебныхъ заведеній... Хорошо образованныя женщины, вѣроятно, могли-бы быть, въ свою очередь, лучшими учительницами, нежели мужчины. Во всякомъ случаѣ онѣ довольствовались-бы меньшимъ вознагражденіемъ; мужчины-же могли-бы свободно предаваться другимъ, болѣе прибыльнымъ занятіямъ, которыя естественно недоступны женщинамъ, и такимъ образомъ умножили-бы богатства страны»... Какъ мы увидимъ ниже, слова г-жи Виллардъ относительно значенія женскаго труда въ народномъ образованіи оказались пророческими. Г-жа Виллардъ хотѣла сама основать семинарію для дѣвушекъ въ Уотерфордѣ и просила денежной поддержки штата. Просвѣщенные ветераны независимости штатовъ, бывшіе президенты Джонъ Адамсъ и Томасъ Джефферсонъ, выразили письменно сочувствіе предпріятію г-жи Виллардъ; сенатъ вотировалъ ей денежную субсидію, но палата представителей отвергла это предложеніе. Тогда пришло на помощь само общество, какъ это почти постоянно случается въ Америкѣ, и г-жа Виллардъ организовала въ 1821 году новое учебное заведеніе—«Тройскую женскую семинарію» (Troy Female Seminary). Основаніе этого учебнаго заведенія имѣло большое вліяніе на появленіе подобныхъ-же учебныхъ заведеній въ другихъ штатахъ Америки, и въ особенности въ южныхъ штатахъ. Въ книгѣ «Woman's work in America» мы находимъ еще не менѣе интересную біографію другой такой-же энтузіастки—г-жи Леонъ (Leon), мечтой которой было устроить женское учебное заведеніе, въ которомъ дѣвушки могли-бы пріобрѣтать тѣ свѣдѣнія, которыя требовались при поступленіи въ мужской колледжъ. Общество поддержало и г-жу Леонъ, и она, первоначально съ самыми скудными матеріальными средствами, открыла въ 1837 году женскую учительскую семинарію (Mount Holyoke Seminary) въ Коннектикутѣ. Теперь это учебное заведеніе обратилось въ женскій колледжъ съ правомъ раздавать ученыя степени. Такъ или иначе, женское образованіе въ теченіи XIX столѣтія сдѣлало настолько большіе успѣхи, что въ настоящее время въ одномъ штатѣ Массачусетсъ число высшихъ школъ, большею частью доступныхъ обоимъ поламъ, доходитъ до 220.

Но возвратимся къ вопросу о допущеніи женщинъ въ высшія учебныя заведенія страны: мужскіе университеты и колледжи Союза. Западные Штаты, какъ мы увидимъ ниже, рѣшили этотъ вопросъ, хотя и не безъ нѣкоторой оппозиціи, въ смыслѣ предоставленія женщинамъ доступа во всѣ мужскія высшія учебныя заведенія и всѣхъ правъ и преимуществъ, которыми пользовались студенты-мужчины. На Востокѣ

этого достичь было труднѣе: общество уже успѣло образовать прочныя традиціи, и потому тамъ и до сихъ поръ еще ведется борьба за допущеніе женщинъ въ мужскіе университеты. Сначала здѣсь открылось нѣсколько колледжей спеціально для женщинъ; кромѣ того, нѣкоторые университеты, на различныхъ условіяхъ и въ различной мѣрѣ, допускали женщинъ—то къ слушанію лекцій, то къ пользованію библіотеками или лабораторіями и другими подобными образовательными средствами. Такіе колледжи назывались affiliated colleges, т.-е. филіальными отдѣленіями мужскихъ колледжей, имѣющими собственное помѣщеніе, иногда собственныя лабораторіи и научные кабинеты, но профессоровъ такіе филіальные колледжи имѣли большею частью тѣхъ-же, которые читали въ мужскихъ. Первый изъ подобныхъ колледжей былъ Кэмбриджскій, въ штатѣ Массачусетсъ, учрежденный въ 1879 году и находящійся подъ управленіемъ «Общества высшаго женскаго образованія» (The Society for the College Instruction for Women) *). Желающія поступить въ него должны подвергнуться тому-же экзамену, какому подвергаются молодые люди при вступленіи въ Гарвардскій университетъ. Хотя слушательницамъ-женщинамъ читаются лекціи тѣми-же самыми профессорами, что и мужчинамъ, хотя самые курсы предметовъ одинаковы, однако Гарвардскій университетъ не выдаетъ женщинамъ дипломовъ на ученыя степени. Взамѣнъ этого «Общество высшаго женскаго образованія» выдаетъ женщинамъ свидѣтельство въ томъ, что онѣ прослушали курсъ и выдержали экзаменъ, равный тому, который мужчинамъ даетъ извѣстныя ученыя степени. Издательница книги Woman's work in America напечатала форму такого свидѣтельства, надѣясь, что скоро такіе документы станутъ въ Америкѣ преданіями «архаической эпохи». На подобныхъ-же условіяхъ въ 1888 году была открыта Evelyn College при Принстонскомъ (мужскомъ) колледжѣ (Princeton College), тоже одномъ изъ лучшихъ въ Америкѣ. Evelyn College имѣетъ право давать собственною властью ученыя степени.

Третьимъ изъ такихъ филіальныхъ колледжей былъ женскій Barnar College, находящійся въ вѣдѣніи мужской Columbia College въ Нью-Іоркѣ. Исторія возникновенія этого колледжа служитъ намъ новымъ примѣромъ настойчивости американскихъ женщинъ и серьезности ихъ желанія учиться. Съ 1873 года не разъ обращались въ Колумбія-колледжъ женщины, получившія соотвѣтствующее образованіе, съ прось-

---

*) Кэмбриджъ—предмѣстье города Бостона и извѣстенъ, какъ мѣстонахожденіе Гарвардскаго университета — самаго стараго, самаго богатаго и располагающаго наилучшими образовательными средствами университета Соед. Штатовъ.

*

бою о допущеніи ихъ къ слушанію лекцій. Президентъ (ректоръ) колледжа Барнардъ *) и нѣкоторые члены факультета соглашались допустить ихъ, но большинство профессоровъ протестовало. Черезъ нѣсколько лѣтъ одинъ извѣстный женскій клубъ въ Нью-Іоркѣ обратился съ тою-же просьбою въ Колумбія-колледжъ, но тоже безуспѣшно. Впрочемъ, нѣкоторые профессора допускали иногда на свои лекціи частнымъ образомъ вмѣстѣ съ молодыми людьми и женщинъ. Тогда съ 1883 года въ Нью-Іоркѣ образовалось Общество для распространенія высшаго образованія между женщинами. 1.400 человѣкъ, между которыми было множество лицъ съ выдающимся общественнымъ положеніемъ, подписало петицію къ кураторамъ (trustees) колледжа о допущеніи женщинъ къ слушанію лекцій. Кураторы рѣшили допускать женщинъ къ экзаменамъ наравнѣ со студентами, и въ случаѣ вполнѣ удовлетворительнаго окончанія ихъ — давать имъ одинаковыя ученыя степени; однако, получить соотвѣтствующія знанія для такого экзамена женщинамъ предоставлялось гдѣ имъ угодно, только не въ колледжѣ. Экзамены для женщинъ были даже труднѣе, чѣмъ для студентовъ, такъ какъ этихъ послѣднихъ спрашивали только дѣйствительно пройденное въ теченіе курса, а женщины должны были сдавать все по программѣ. Тѣмъ не менѣе, уже въ 1888 г. 28 дѣвушекъ держали такой экзаменъ; одна изъ первыхъ была г-жа Мейеръ, издательница труда, который послужилъ главнымъ матеріаломъ для настоящей статьи. Общественное мнѣніе не могло, однако, удовлетвориться такимъ рѣшеніемъ вопроса. Образовалось Общество для основанія особаго женскаго колледжа, въ которомъ преподаваніе велось-бы тѣми-же профессорами и въ такомъ-же размѣрѣ, что и въ мужскихъ колледжахъ. Подписка дала достаточныя деньги, совѣтъ профессоровъ Колумбіи-колледжа съ удовольствіемъ согласился принять въ свое вѣдѣніе женскій колледжъ, и въ мартѣ 1889 года колледжъ оффиціально открылся подъ именемъ «Колледжа Барнарда», какъ человѣка, которому новое учебное заведеніе столь многимъ обязано, и какъ одного изъ самыхъ выдающихся педагоговъ Америки. Половина кураторовъ (trustees) этого колледжа—женщины. Хотя Барнардскій колледжъ имѣетъ право раздавать дипломы собственною властью, но предпочитаетъ давать ихъ отъ имени Колумбійскаго колледжа, профессора

*) Барнардъ—одинъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей по народному образованію и бывшій редакторъ лучшаго американскаго журнала «American Journal of Education», издающагося съ 1855 года и оказавшаго громадное вліяніе на американское общество. Съ 1867 года Барнардъ былъ назначенъ первымъ директоромъ Американскаго Bureau of Education, по утвержденіи этой должности.

котораго читаютъ и въ женскомъ колледжѣ. Въ указанныхъ трехъ «филіальныхъ отдѣленіяхъ» мужскихъ университетовъ въ учебный 1889—1890 годъ было нѣсколько болѣе 100 женщинъ-слушательницъ, что объясняется, конечно, недавнимъ временемъ ихъ открытія. Однако, до сихъ поръ большинство женщинъ Восточныхъ Штатовъ получаютъ высшее образованіе въ спеціально женскихъ колледжахъ, основанныхъ, какъ это часто бываетъ въ Америкѣ, на пожертвованія частныхъ лицъ. Эти колледжи появились уже въ 60-хъ годахъ. Такъ возникъ въ 1865 году Вассаровскій колледжъ, кураторы котораго при организаціи его исходили изъ той мысли, что «чѣмъ глубже и шире познанія женщинъ, тѣмъ онѣ цѣннѣе какъ для общества, такъ и для собственной семьи». До настоящаго времени этотъ колледжъ выпустилъ около 900 женщинъ, вполнѣ окончившихъ курсъ съ дипломами A. B. (Bachelor of Arts). Нѣсколько позже возникъ подобный-же Смитовскій колледжъ на средства, пожертвованныя г-жею Смитъ, и, наконецъ, въ 1875 году Wellesley College на средства, пожертвованныя Генри Дюрантомъ. При основаніи колледжа имѣлось въ виду «основать высшее учебное заведеніе для женщинъ, не уступающее лучшимъ мужскимъ, и при этомъ обратить самое серьезное вниманіе на физическое здоровье учащихся». Во всѣхъ женскихъ колледжахъ условія жизни очень благопріятны для здоровья: помѣщенія всегда очень обширныя, самыя зданія строятся по возможности въ окрестностяхъ города. Но Wellesley College выдѣляется въ этомъ отношеніи даже изъ американскихъ колледжей. Онъ находится въ великолѣпной мѣстности, среди громаднаго парка съ дубовыми и вязовыми аллеями; въ паркѣ находится небольшое озеро, на которомъ лѣтомъ дѣвушки катаются на лодкахъ, при чемъ, конечно, сами гребутъ, а зимой катаются на конькахъ. Тысячи рододендроновъ и другихъ цвѣтущихъ кустовъ украшаютъ паркъ; весною земля покрывается массою крокусовъ и подснѣжниковъ. Среди этой сказочно-красивой обстановки стоятъ изящныя зданія, настоящіе храмы науки. Наукѣ, музыкѣ и другимъ изящнымъ искусствамъ—всему здѣсь одинаково удобно учиться. Съ восхищеніемъ посѣтитель обходитъ прекрасную библіотеку, большія лабораторіи, пріемныя комнаты и залы слушательницъ. Съ самаго открытія этого колледжа женщины были тамъ ректорами (president), третья часть кураторовъ—то-же женщины.

Въ 1885 году такимъ-же образомъ, т.-е. опять-таки на деньги, пожертвованныя частнымъ лицомъ (Joseph Taylor), возникъ Bryn Mawr College, въ 10-ти миляхъ отъ Филадельфіи. Во всѣхъ упомянутыхъ нами 4-хъ женскихъ колледжахъ и въ Mount Holyoke College учатся

главнымъ образомъ женщины Восточныхъ Штатовъ: всего около 1.500 человѣкъ.

Наконецъ, существуетъ 10 высшихъ учебныхъ заведенiй, въ которыхъ безусловно допускается совмѣстное образованiе студентовъ обоего пола; въ нихъ насчитывается 400 учащихся женщинъ. Читатель, можетъ быть, спроситъ: зачѣмъ-же женщинамъ было хлопотать и добиваться поступленiя въ мужскiе университеты, когда для нихъ, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, были основаны специальные колледжи и, кромѣ того, нѣкоторые вновь основанные университеты (Cornell University, Syracuse University) прямо допускали совмѣстное образованiе? Какъ мы уже сказали, правомъ раздавать ученыя степени пользуются въ Америкѣ нѣкоторыя учебныя заведенiя совершенно незаслуженно, и потому женщинамъ, чтобы показать, что ихъ желанiе высшаго образованiя совершенно серьезно и что онѣ дѣйствительно хотятъ въ этомъ отношенiи сравняться съ мужчинами, надо было добиваться поступленiя въ лучшiе университеты страны (Harvard, Princeton, Columbia), а не довольствоваться возможностью получать дипломы въ специально-женскихъ колледжахъ. Точно также наиболѣе предпрiимчивыя изъ нихъ не могли удовлетвориться возможностью поступить во вновь открытые университеты (Cornell, Syracuse), которые, несмотря на громадныя матерiальныя средства, не могли еще заручиться лучшими умственными силами страны и прiобрѣсти надлежащiй авторитетъ въ общественномъ мнѣнiи.

Конечно, можно возлагать большiя надежды на такую страну, гдѣ находятся столь часто люди, жертвующiя цѣлыя громадныя состоянiя на образовательныя учрежденiя, гдѣ общество такъ охотно беретъ на себя инициативу хорошаго дѣла, если его представители медлятъ приводить въ исполненiе такiя реформы, для которыхъ наступила пора въ сознанiи значительнаго большинства гражданъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой шагъ впередъ сдѣлали Восточные, наиболѣе консервативные, Штаты съ тѣхъ поръ, когда, около 100 лѣтъ тому назадъ, нѣкоторые города заявили, «что не желаютъ нести никакихъ издержекъ для образованiя дѣвочекъ»! Хотя большинство женщинъ Восточныхъ Штатовъ получаютъ высшее образованiе, какъ мы видѣли, въ специально женскихъ учебныхъ заведенiяхъ, нѣкоторая часть ихъ, однако, обучается совмѣстно съ мужчинами. Для насъ естественно возникаетъ вопросъ: каковъ-же результатъ такого совмѣстнаго образованiя? Въ книгѣ г-жи Мейеръ мы находимъ отзывы ректоровъ этихъ совмѣстныхъ для обоего пола университетовъ, въ самыхъ рѣшительныхъ выраженiяхъ подтверждающiе успѣхъ этого опыта совмѣстнаго образо-

ванія. Мы не приводимъ ихъ, такъ какъ остановимся на этой интересной особенности американскихъ образовательныхъ учрежденій при изложеніи исторіи женскаго образованія на Западѣ, гдѣ этотъ опытъ произведенъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Къ нему теперь и перейдемъ.

II. Образованіе женщинъ на Западѣ. Вопросъ о совмѣстномъ образованіи обоихъ половъ въ высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вліяніе совмѣстнаго образованія на общественные нравы.

Условія жизни во вновь заселяемой странѣ совершенно своеобразны. Потребности повседневной жизни въ новой колоніи уничтожаютъ барьеръ, раздѣляющій въ старыхъ странахъ мужской и женскій трудъ. Часто случалось, что при движеніи американцевъ на Западъ *), женщины помогали своимъ отцамъ или мужьямъ при работѣ въ полѣ, въ конторѣ или лавкѣ—просто за недостаткомъ свободныхъ мужскихъ рукъ; то-же самое обстоятельство, т.-е. недостатокъ рабочихъ рукъ, побуждало, наоборотъ, мужчинъ приниматься иногда за женскую работу. Такимъ образомъ, безъ всякаго сознательно принятаго намѣренія, мужчины и женщины выучились помогать другъ другу во многихъ сферахъ труда, считающагося въ болѣе старыхъ обществахъ достояніемъ исключительно одного изъ половъ, а потому на томъ-же Западѣ идея совмѣстнаго посѣщенія сначала школъ, а потомъ и колледжей, могла казаться гораздо болѣе естественной, чѣмъ на давно заселенномъ Востокѣ материка.

Высшее образованіе на Западѣ явилось продуктомъ дѣятельности федеральнаго правительства, правительствъ отдѣльныхъ штатовъ, многихъ религіозныхъ сектъ, а также и частныхъ лицъ. Еще въ 1785 году континентальный конгрессъ (такъ называлось центральное правительство Соединенныхъ Штатовъ до конституціи 1787 года) опредѣлилъ, что $^1/_{16}$ часть земли каждаго сельскаго округа (township) въ сѣверо-западной территоріи (теперешніе штаты: Огайо, Индіана, Иллинойсъ, Мичиганъ) должна быть назначена на содержаніе школъ. Еще черезъ два года появилось распоряженіе, чтобы доходъ отъ пространства земли, равной двумъ округамъ, назначался на содержаніе университета. Благодаря такимъ распоряженіямъ, уже въ 1809 году

*) Западными штатами американцы называютъ слѣдующіе 18 штатовъ и 3 территоріи: Огайо, Индіана, Иллинойсъ, Миссури, Мичиганъ, Іова, Висконсинъ, Калифорнія, Миннезотта, Орегонъ, Канзасъ, Невада, Дакота, Небраска, Утя, Вашингтонъ, Віомингъ.

въ штатѣ Огайо былъ открытъ университетъ, а затѣмъ постоянно въ теченіе столѣтія открывались новые университеты во всякомъ новомъ штатѣ и территоріи по мѣрѣ успѣховъ колонизаціи. До настоящаго времени такихъ государственныхъ университетовъ (State Universitiès) открыто 20. Сначала, конечно, они допускали въ свои стѣны только мужчинъ, но съ 1861 года стали одинъ за однимъ открывать двери и женщинамъ; тѣ-же, которые открылись послѣ 1871 года (8), уже сразу имѣли въ виду совмѣстное обученіе мужчинъ и женщинъ. Съ 1862 года федеральное правительство отпустило большія суммы всѣмъ штатамъ на устройство технологическихъ и земледѣльческихъ институтовъ (на Западѣ ихъ открыто 14), въ которые также допущены женщины. Въ конституціи почти всѣхъ штатовъ, образовавшихся съ конца прошлаго столѣтія, встрѣчается слѣдующій параграфъ: «Такъ какъ религія, нравственность и знанія необходимы какъ для блага человѣчества, такъ и для существованія хорошаго правительства, то должно всегда и всѣми мѣрами поощрять школы и разныя образовательныя учрежденія». За 100 лѣтъ существованія федеральнаго правительства школы получили для своего обезпеченія (до 1876 года) около 125.000 квадратн. миль земли, т.-е. пространство, превосходящее площадь Англіи и Ирландіи и больше половины Франціи. Кромѣ того, много было выдано штатамъ и прямо деньгами.

Религіозный энтузіазмъ различныхъ сектъ также не мало способствовалъ умноженію высшихъ образовательныхъ учрежденій. Изъ 165-ти учебныхъ заведеній, которыя включены въ разрядъ колледжей въ статистическомъ отчетѣ по народному образованію (Report of the Un. St. Commissioner of Education for 1888—1889) и находящихся на Западѣ, только 45 не принадлежатъ никакому опредѣленному вѣроисповѣданію (non sectarian), 120-же принадлежатъ той или другой сектѣ. Конечно, эти послѣднія учебныя заведенія имѣли въ виду болѣе прозелитизмъ, чѣмъ заботу объ общемъ образованіи молодыхъ людей; тѣмъ не менѣе, и они не мало способствовали поднятію умственнаго уровня страны. Нельзя только не пожалѣть, что ихъ слишкомъ много, и потому они не могутъ располагать достаточными средствами, чтобы быть дѣйствительно разсадниками высшаго образованія. Прежде, однако, и самая многочисленность ихъ была благомъ, вслѣдствіе плохого состоянія путей сообщенія. Американцы склонны, кстати сказать, нѣсколько преувеличивать нѣкоторые недостатки въ организаціи своего народнаго образованія. Вотъ какъ профессоръ Брайсъ (III томъ, стр. 357) отзывается объ этихъ малень-

кихъ колледжахъ: «...американцы не сознаютъ, какую важную услугу оказываютъ небольшіе колледжи въ сельскихъ округахъ. Эти колледжи привлекаютъ къ себѣ массу бѣдныхъ людей, которые, можетъ быть, не отправились-бы учиться въ какое-нибудь отдаленное заведеніе. Въ нихъ преподаваніе имѣетъ такую наглядную, ясную форму, какая всего болѣе подходитъ къ умственному развитію сельскаго жителя. Они открываютъ путь для дальнѣйшаго умственнаго развитія многимъ способнымъ людямъ, которые иначе остались-бы на всю жизнь ремесленниками или мелкими торговцами. Они зажигаютъ въ иныхъ селеніяхъ слабый огонекъ, который сначала кажется тусклымъ, но съ превращеніемъ селенія въ городъ, съ увеличеніемъ его денежныхъ средствъ или съ появленіемъ даровитаго преподавателя во главѣ заведенія, этотъ огонекъ можетъ превратиться въ широкое пламя, освѣщающее весь штатъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ небольшихъ западныхъ колледжей встрѣчаются очень даровитые преподаватели, а учащіеся получаютъ если не всегда такое-же обширное образованіе, какъ въ лучшихъ восточныхъ университетахъ, то все-таки не менѣе солидное... Кто знаетъ, сколько труда и энергіи было потрачено западными жителями въ теченіе послѣднихъ 50-ти лѣтъ на развитіе ихъ чисто-матеріальнаго благосостоянія, тотъ пойметъ, что безконтрольная свобода преподаванія и размноженіе мелкихъ учебныхъ заведеній сдѣлали для пользы страны то, чего нельзя было-бы ожидать отъ нѣсколькихъ университетовъ, учрежденныхъ правительствомъ Штатовъ».

Изъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій методистамъ принадлежитъ честь наибольшей готовности предоставить все возможное для образованія женщинъ наравнѣ съ мужчинами. Послѣдній отчетъ по народному образованію въ Соединенныхъ Штатахъ насчитываетъ болѣе 200 высшихъ учебныхъ заведеній во всей странѣ исключительно женскихъ; изъ нихъ только 47 находятся на Западѣ. Изъ 212 высшихъ учебныхъ заведеній на Западѣ, 190 пользуются правомъ выдавать ученыя степени, и изъ нихъ 165 допускаютъ одинаково мужчинъ и женщинъ. Такимъ образомъ, на всемъ Западѣ существуетъ только 25 колледжей исключительно мужскихъ. Почти во всѣхъ женскихъ колледжахъ на Западѣ существуютъ приготовительные классы (preparatory department); почти всегда число слушательницъ этихъ приготовительныхъ классовъ превышаетъ число слушательницъ университетскаго курса колледжа, профессора занимаются обыкновенно и въ коллегіальныхъ классахъ, и въ приготовительныхъ; курсъ наукъ обыкновенно ниже курса мужскихъ колледжей, образовательныя средства

большинства этихъ колледжей, какъ можно думать, судя по ихъ многочисленности, недостаточны. При всемъ томъ, какъ видно изъ словъ Брайса и по отзывамъ составительницы статьи о женскомъ образованіи на Западѣ, эти колледжи приносятъ дѣйствительную пользу, хотя и представляютъ собою нѣчто среднее между современнымъ мужскимъ колледжемъ и прежними женскими семинаріями.

Одно изъ первыхъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній было открыто въ 1842 году («Cincinnati Weslyan Women's College», вызывавшее сначала сильные нападки со стороны болѣе консервативныхъ членовъ общества). Чтобы показать, что дѣвушки дѣйствительно учатся, начальство колледжа устраивало публичныя чтенія кончившими курсъ слушательницами своихъ сочиненій, что первое время вызывало даже скандалы. Скоро, однако, слава заведенія распространилась по всему Союзу, и туда съѣзжались женщины со всѣхъ Штатовъ и изъ Канады для того, чтобы получить высшее образованіе.

Какъ мы уже сказали, на Западѣ только 25 колледжей исключительно мужскихъ; изъ 5.563 женщинъ, получившихъ въ 1887—1888 учебномъ году высшее образованіе, 4.400 учились совмѣстно съ мужчинами. Такимъ образомъ, мы видимъ, какъ прочно стоитъ совмѣстное высшее образованіе въ Америкѣ. Совершилось это постепенно. Весьма часто какая-нибудь секта или даже штатъ открывала колледжъ и при немъ приготовительные классы, не имѣя въ то-же время средствъ построить отдѣльнаго зданія для высшей женской школы; въ этомъ случаѣ дѣвушки допускались къ посѣщенію уроковъ вмѣстѣ съ мальчиками. Окончивъ курсъ такой школы, наиболѣе предпріимчивыя дѣвушки естественно желали продолжать свое образованіе, въ чемъ имъ трудно было отказать, тѣмъ болѣе, что это были почти всегда лучшія ученицы. Такъ случилось, напр., съ Oberlin College въ Огайо: первоначально имѣлось въ виду открыть при немъ женское отдѣленіе въ особомъ зданіи, но зданіе это не было построено за недостаткомъ средствъ, такъ что пришлось допустить женщинъ къ слушанію лекцій вмѣстѣ со студентами. Начальство колледжа не имѣло также намѣренія давать женщинамъ совершенно одинаковое образованіе съ мужчинами; для дѣвушекъ былъ назначенъ «ladies course», т.-е. женскій курсъ вплоть до 1875 года (для женщинъ былъ необязателенъ, напр., греческій языкъ). Однако, при первомъ-же случаѣ, когда женщины, выдержавши экзаменъ, пожелали слушать лекціи наравнѣ со студентами, имъ это было разрѣшено; большинство-же, впрочемъ, продолжало проходить только курсъ для женщинъ (ladies course) и только $^1/_5$ обыкновенно слушала наравнѣ съ мужчинами. Но примѣръ этого кло-

леджа (методистовъ), безъ всякаго желанія съ его стороны, очень повліялъ на разрѣшеніе вопроса о совмѣстномъ высшемъ образованіи: почти всѣ колледжи, допустившіе впослѣдствіи женщинъ въ число слушательницъ, имѣли въ виду примѣръ Oberlin College, а то и прямо запрашивали начальство этого колледжа по этому поводу.

Какъ извѣстно, множество американокъ занимается педагогическою дѣятельностью. Это также много способствовало допущенію ихъ въ колледжи. Часто профессорами университета читались для учителей лекціи по исторіи педагогики и по другимъ предметамъ,—не было никакого основанія не допустить на такія лекціи и женщинъ, такъ какъ громадное большинство преподавателей элементарныхъ школъ, а часто даже и высшихъ школъ (high schools), составляли именно женщины *). Сначала такія лекціи читались нѣсколько недѣль, затѣмъ при нѣкоторыхъ университетахъ (Wisconsin) было даже открыто особое педагогическое отдѣленіе (normal department), куда опять-таки de facto естественными слушательницами могли явиться главнымъ образомъ женщины. Такимъ образомъ мало-по-малу женщины входили въ стѣны университетовъ на равныхъ правахъ съ мужчинами. Не мало способствовало приливу женщинъ въ колледжи введенное въ послѣднее время elective system, т.-е. право студента рѣшать самому, какія лекціи и какъ онъ будетъ слушать; начальство колледжа лишь обязываетъ его къ посѣщенію извѣстнаго минимума лекцій: напр., въ 1889 году читаемъ мы въ статьѣ «Harvard University» (американскій журналъ Harper's Magazine. 1890. № 9): студенты имѣли на выборъ 180 elective studies, т.-е. 180 комбинацій лекцій, причемъ каждый студентъ долженъ былъ прослушать въ недѣлю не менѣе 3-хъ лекцій. «Моя дочь поступила въ Мичиганскій университетъ, — пишетъ одинъ отецъ. — При старыхъ порядкахъ я-бы на это не согласился, такъ какъ я не думаю, чтобы женщина могла выполнить вполнѣ мужскую работу; но при elective system она можетъ учиться, чему пожелаетъ, и можетъ выбрать то-же, чему-бы ее учили въ женскомъ колледжѣ, а такъ какъ здѣсь всѣ профессора — мужчины, то лекціи будутъ читаться много лучше». Авторъ статьи о женскомъ образованіи на Западѣ прибавляетъ: «это письмо написано умнымъ, хотя немного отсталымъ отцомъ; но выраженное имъ мнѣніе относительно elective system раздѣляется многими американцами, и способствовало увеличенію числа слушательницъ въ колледжахъ, допускающихъ совмѣстное образованіе».

---

*) Въ 1887 году во всѣхъ школахъ (элементарныхъ и высшихъ) считалось 104.000 учителей и 191.000 учительницъ.

Приведемъ здѣсь вкратцѣ pro и contra вопроса о совмѣстномъ образованіи, насколько это было выяснено въ Соединенныхъ Штатахъ опытомъ и частью теоретическими соображеніями, тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ одно время занималъ все американское общество, частью подъ вліяніемъ книги доктора Кларка «Sex in education», вышедшей въ 1873 году, частью вслѣдствіе постоянно возобновляемыхъ требованій женщинъ о допущеніи ихъ въ лучшіе университеты страны. Ректоръ (president) Adelbert College, докторъ Кутлеръ, обратился въ 1884 году къ ректорамъ всѣхъ колледжей, гдѣ оба пола обучались совмѣстно, и просилъ ихъ сообщить ему результаты ихъ опыта. Но прежде чѣмъ излагать эти отвѣты ректоровъ, укажемъ доводы, приведенные въ Америкѣ противъ совмѣстнаго образованія и сгруппированные тѣмъ-же докторомъ Кутлеромъ, въ томъ хронологическомъ порядкѣ, въ какомъ они были высказаны въ американской печати.

1) Женщины умственно ниже мужчинъ, и потому ихъ присутствіе неизбѣжно понизитъ умственный уровень университетовъ и колледжей.

2) Физическое здоровье женщины пострадаетъ отъ чрезмѣрной для нея умственной работы, если она не захочетъ отставать отъ мужчинъ.

3) Присутствіе обоихъ половъ въ университетѣ сдѣлаетъ мужчинъ женственными и слабыми, а женщинъ—грубыми.

4) Близость женщинъ возбудитъ эмоціональную сторону мужчины, будетъ отвлекать его отъ работы и можетъ даже вызвать скандалы.

5) Невольная близость, происходящая отъ обученія въ одномъ колледжѣ, будетъ вызывать между молодыми людьми преждевременные браки.

6) Студенты-мужчины не сочувствуютъ допущенію женщинъ въ ихъ среду: имъ не нравится конкуренція съ ними женщинъ.

7) Жизнь въ колледжѣ отучаетъ женщину отъ домашнихъ обязанностей, которыя предстоятъ ей въ случаѣ вступленія ея въ бракъ *).

8) Люди, жертвовавшія деньги на устройство колледжей, имѣли въ виду только мужчинъ; допущеніе въ колледжи женщинъ является нарушеніемъ ихъ воли.

9) Каковы-бы ни были въ дѣйствительности умственныя и физическія способности женщинъ сравнительно съ мужчинами, весь міръ

---

*) Во многихъ колледжахъ устроены общежитія отдѣльно для женщинъ и мужчинъ, такъ что слушатели и слушательницы живутъ на всемъ готовомъ иногда они живутъ въ такъ называемыхъ boarding house, т.-е. меблированныхъ комнатахъ со столомъ: это бываетъ, когда колледжъ находится въ большомъ городѣ.

убѣжденъ, что женщины умственно ниже мужчинъ, а потому допускать женщинъ въ колледжи значитъ злоупотреблять довѣріемъ общества.

Авторъ статьи объ образованіи на Западѣ, по нашему мнѣнію, совершенно умѣстно не приводитъ возраженій a priori противъ этихъ положеній, ссылаясь на недостатокъ мѣста. Результаты совмѣстнаго образованія въ Америкѣ, имѣющаго тамъ уже довольно продолжительное прошлое, могутъ служить лучшимъ возраженіемъ на указанные доводы противъ совмѣстнаго образованія. Докторъ Кутлеръ на свои вопросы, обращенные въ 1884 году къ ректорамъ и профессорамъ колледжей, допускающихъ совмѣстное образованіе, о результатахъ такого образованія, и г-жа Сюаль (авторъ статьи о женскомъ образованіи въ Западныхъ Штатахъ), обращавшаяся съ такими-же вопросами въ 1890 году, получили оба въ суммѣ до 200 писемъ, въ которыхъ корреспонденты всѣ въ одинъ голосъ высказываются въ пользу совмѣстнаго высшаго образованія. Вотъ, что пишетъ Джемсъ Анжель, президентъ Мичиганскаго университета, въ письмѣ отъ 4-го сентября 1884 года: «Женщины допущены къ намъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, противъ желанія многихъ профессоровъ; но я не думаю, чтобы въ настоящее время хоть одинъ профессоръ желалъ удаленія женщинъ. Давно также существуетъ обыкновеніе обучать оба пола вмѣстѣ въ высшихъ школахъ, которыя готовятъ намъ слушателей. Дурныя предсказанія относительно допущенія женщинъ въ мужскіе колледжи въ большинствѣ случаевъ не оправдались. Женщины не потеряли свойственныхъ своему полу качествъ (женственности), успѣшно слѣдили за курсомъ, здоровье ихъ не пострадало; онѣ кончили успѣшно курсы на всѣхъ факультетахъ и многія изъ окончившихъ удачно воспользовались своимъ образованіемъ. Нѣкоторыя служатъ учительницами въ лучшихъ изъ нашихъ высшихъ школъ, 6 или 7 человѣкъ изъ нихъ состоятъ профессорами Wellesley College. Одна изъ окончившихъ была даже ректоромъ (president) этого колледжа, а въ настоящее время состоитъ членомъ школьнаго департамента штата Массачузетсъ (State Board of Education)».

Вотъ, что писалъ 30-го сентября 1884 года профессоръ Тайлеръ изъ Корнелльскаго университета: «Я имѣлъ отношеніе къ Мичиганскому университету до появленія тамъ женщинъ, и при мнѣ-же произошло допущеніе женщинъ въ число слушательницъ. Я наблюдалъ на первыхъ порахъ результаты этого нововведенія, а въ настоящее время четыре года служу въ университетѣ, допускающемъ совмѣстное обученіе. Ручаюсь своимъ словомъ, что не могу припом-

нить ни одного факта, который говорилъ-бы противъ совмѣстнаго образованія. Я удивляюсь, получивъ ваше письмо, такъ какъ мнѣ кажется, нѣтъ болѣе возможности сомнѣваться въ цѣлесообразности этой системы. Я не знаю ни здѣсь, ни въ Мичиганскомъ университетѣ ни одного члена факультета, который желалъ-бы возвращенія къ старому, хотя многіе сначала противились допущенію женщинъ въ университетъ. Мои наблюденія заставляютъ меня сказать, что при новыхъ порядкахъ общій тонъ жизни въ колледжахъ улучшился: замѣчается болѣе усердія въ занятіяхъ, болѣе изысканности и вѣжливости въ манерахъ и скромности въ поведеніи. Женщины—обыкновенно наши лучшія слушательницы и не только не отстаютъ отъ мужчинъ, но могутъ даже служить для нихъ примѣромъ. Онѣ рѣже сказываются больными, чѣмъ мужчины, увѣряю васъ. Есть, правда, молодые люди, которые находятъ неумѣстнымъ присутствіе женщинъ въ колледжахъ; такіе студенты часто уходятъ отъ насъ, но я о нихъ и не жалѣю. Такихъ оказывается немного, и вмѣсто нихъ къ намъ поступаютъ другіе, съ болѣе здоровыми понятіями».

Ректоръ Висконсинскаго университета пишетъ отъ 20-го августа 1884 года: «Совмѣстное образованіе у насъ оказалось вполнѣ удачнымъ. По этому поводу у насъ нѣтъ болѣе разногласій. Мы не находимъ никакого затрудненія поддерживать дисциплину. Женщины хорошо работаютъ; успѣхи мужчинъ нисколько не пострадали отъ присутствія женщинъ. Намъ кажется этотъ вопросъ уже рѣшеннымъ. Эта система имѣетъ много преимуществъ и никакихъ неудобствъ».

Д. Кёммингсъ, ректоръ Сѣверо-Западнаго университета (Northwestern University), пишетъ: «Только одно хорошее можно сказать относительно вліянія совмѣстнаго образованія въ университетѣ на привычки и нравственность мужчинъ и женщинъ. Исторія совмѣстнаго образованія показываетъ, что мужчины и женщины, воспитанные въ такихъ условіяхъ, менѣе поддаются влеченію страстей, чѣмъ тѣ, которые воспитывались отдѣльно въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Женщины менѣе склонны, чѣмъ мужчины, продолжать долго свои занятія наукою, но средній уровень знаній тѣхъ, которыя довершаютъ начатое образованіе, выше средняго уровня окончившихъ студентовъ. Женщины у насъ не мѣшаютъ нисколько успѣшнымъ занятіямъ мужчинъ».

Мы не будемъ приводить письма еще одного ректора университета,—письма, содержащаго тѣ-же самыя мнѣнія. «Мнѣнія ректоровъ Анджель, Уайтъ и другихъ приведены,—говоритъ г-жа Сюаль,—преимущественно передъ другими только потому, что всѣмъ амери-

канцамъ извѣстны ихъ имена, какъ педагоговъ, что университеты, гдѣ они работаютъ, считаются въ числѣ лучшихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и такъ какъ ни одинъ изъ нихъ самостоятельно не вступалъ въ споръ по вопросу о совмѣстномъ образованіи. На слова ихъ надо смотрѣть скорѣе, какъ на показанія свидѣтелей, чѣмъ какъ на защитительныя рѣчи адвокатовъ». Г-жа Сюаль говоритъ также о стремленіи нѣкоторыхъ западныхъ университетовъ устроить общежитія для дѣвушекъ и выражаетъ желаніе, чтобы женщины были допущены также къ занятію профессорскихъ каѳедръ и мѣстъ кураторовъ въ этихъ смѣшанныхъ университетахъ, главнымъ образомъ—для поднятія въ самихъ женщинахъ чувства собственнаго достоинства, а также для того, чтобы худшіе представители болѣе счастливой половины человѣческаго рода не находили больше никакихъ поводовъ для третированія свысока своихъ товарищей-женщинъ. Несомнѣнно, тоже самое вызвало-бы большее усердіе среди наиболѣе одаренныхъ и склонныхъ къ научнымъ занятіямъ женщинъ, такъ какъ сулило-бы имъ впереди широкій и уважаемый путь ученой дѣятельности.

Какъ мы видѣли, совмѣстное образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ на Западѣ существуетъ въ довольно большихъ размѣрахъ около 20 лѣтъ, совмѣстное среднее образованіе началось почти со времени усиленной колонизаціи Запада, т.-е. съ 30-хъ годовъ этого столѣтія. Очевидно, такая крупная особенность общественной жизни не могла не отразиться на всемъ внѣшнемъ складѣ общества. Вотъ, что читаемъ мы по этому поводу у г-жи Сюаль: «Соединеніе мужчинъ и женщинъ въ колледжѣ на началахъ предполагаемаго равенства оставитъ слѣды во взглядахъ молодыхъ людей и въ дальнѣйшей жизни и повліяетъ на нравы всякаго общества, куда въ значительной мѣрѣ вступаютъ такіе молодые люди. Это уже оправдалось на Западѣ. Пріѣзжающіе изъ восточныхъ штатовъ, а также наши заморскіе гости (европейцы) удивляются, видя въ женщинахъ отсутствіе pruderie, а въ мужчинахъ напускной галантности. Вмѣсто сентиментальности у женщинъ и аффектаціи и лести у мужчинъ, между ними наблюдаются взаимное пониманіе и уваженіе. Литературныя и научныя общества, а равно и филантропическія, состоятъ обыкновенно изъ мужчинъ и женщинъ; исполнительные органы этихъ обществъ состоятъ изъ мужчинъ и женщинъ пропорціонально ихъ числу въ обществѣ. Мужчины, воспитывавшіеся вмѣстѣ съ женщинами въ колледжахъ, всегда сочувствуютъ предоставленію женщинамъ доступа къ занятіямъ медицинской практикой, адвокатурой, журналистикой или даже предоставленію имъ государственныхъ должностей».

Такъ говоритъ женщина и американка. Посмотримъ, какого мнѣнія по этому-же вопросу держится мужчина-англичанинъ, профессоръ Брайсъ, авторъ лучшаго, по общему мнѣнію, сочиненія объ Америкѣ: «Общественныя заведенія для образованія дѣвочекъ въ Америкѣ такъ-же многочисленны и такъ-же хорошо устроены, какъ и заведенія для образованія мальчиковъ. Классическія гимназія и высшія школы устроены такъ, что въ нихъ дѣвочки помѣщаются иногда подъ одною кровлею съ мальчиками или даже посѣщаютъ одни и тѣ-же классы, а иногда помѣщаются въ особыхъ зданіяхъ... Достоинъ вниманія тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣвочки не рѣже, а даже чаще мальчиковъ продолжаютъ свое образованіе въ высшихъ школахъ со включеніемъ тѣхъ, въ которыхъ изучаютъ древнихъ классиковъ и естественныя науки; это объясняется тѣмъ, что мальчиковъ отвлекаютъ отъ ученія требованія практической жизни»... Немного далѣе читаемъ по поводу совмѣстнаго образованія, практикуемаго преимущественно на Западѣ, слѣдующее: «Совмѣстное образованіе въ университетахъ западныхъ штатовъ, какъ слышно, даетъ хорошіе результаты. Въ этихъ заведеніяхъ студенты большею частью живутъ на квартирахъ и, стало быть, сходятся съ женщинами только въ часы лекцій; но въ послѣднее время тамъ стала обнаруживаться заботливость объ устройствѣ для женщинъ особыхъ помѣщеній, между тѣмъ какъ студентамъ предоставлялось всегда право самимъ пріискивать для себя помѣщеніе. Властямъ почти вовсе не приходится заботиться о соблюденіи дисциплины или о надзорѣ: онѣ утверждаютъ, что въ надзорѣ не представляется никакой необходимости и что не слышно никакихъ возраженій противъ существующей системы»... «Заведенія для женскаго образованія и болѣе многочисленны, и болѣе удовлетворительны въ Соединенныхъ Штатахъ, нежели въ какомъ-либо изъ европейскихъ государствъ... Обыкновеніе давать лицамъ обоего пола образованіе въ однихъ и тѣхъ-же колледжахъ, такъ какъ оно ставитъ женщинъ на одинъ уровень съ мужчинами, создаетъ не мало общихъ умственныхъ интересовъ между тѣми и другими»... Дальнѣйшія слова Брайса также относятся преимущественно къ западнымъ штатамъ: «Европейцу достаточно провести одинъ вечеръ въ американской гостиной для того, чтобы убѣдиться, что въ Америкѣ обхожденіе мужчинъ съ женщинами не то, къ какому онъ привыкъ въ своемъ отечествѣ, гдѣ онъ обыкновенно выражался тономъ любезной снисходительности, разговаривая съ женщиной о какомъ-нибудь серьезномъ предметѣ. Даже если эта женщина и выше его и по уму, и по характеру, и по общественному положенію, онъ считаетъ себя все-таки выше ея только по-

тому, что онъ мужчина, и, сознательно или безсознательно, говоритъ съ нею свысока; а женщина такъ привыкла къ этому высокомѣрному тону, что не обижается имъ, если онъ не дѣлается слишкомъ рѣзкимъ. Къ такой высокомѣрной самоувѣренности неспособенъ американецъ. Онъ разговариваетъ съ женщиной точно такъ-же, какъ сталъ-бы разговаривать съ мужчиной, но, само собою разумѣется, болѣе вѣжливымъ тономъ, а къ мнѣнію женщины онъ относится съ такимъ-же вниманіемъ, съ какимъ она относится къ его мнѣнію. И американская женщина не ожидаетъ, чтобы мужчина далъ направленіе разговору: она сама выбираетъ тему разговора, сама руководитъ имъ и нерѣдко ведетъ его съ такою игривою живостью, что заставляетъ мужчинъ стыдиться ихъ умственной вялости». Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «Каждый полъ (при совмѣстномъ образованіи) содѣйствуетъ улучшенію другого: мужчины пріучаются къ болѣе изящной манерѣ себя держать, а женщины становятся болѣе мужественными. Иногда зарождаются между учащимися сердечныя привязанности, которыя приводятъ къ заключенію браковъ послѣ окончанія курса. Но что-же въ этомъ дурного? Эти браки основаны на такомъ взаимномъ изученіи характеровъ, какое невозможно въ большомъ свѣтѣ, и, какъ увѣряютъ, почти всегда бываютъ счастливы». Этого слѣдовало ожидать уже a priori, и потому тѣмъ большаго довѣрія заслуживаютъ слова авторитетнаго наблюдателя мужчины и иностранца о благотворномъ вліяніи совмѣстнаго образованія, по возможности одинаковаго умственнаго уровня мужчинъ и женщинъ и свободнаго, основаннаго на взаимномъ уваженіи и довѣріи, обращенія молодыхъ людей другъ съ другомъ. Припомнимъ при этомъ, что говорятъ панегирики Петра Великаго о сближеніи половъ и благодѣтельномъ вліяніи ассамблей, гдѣ сближалась молодежь обоего пола. Ужъ если не вредно сближеніе на ассамблеяхъ, то тѣмъ болѣе не вредно оно на лекціяхъ.

П. Мижуевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О предметахъ преподаванія въ начальныхъ школахъ.

Наблюденія и замѣтки инспектора училищъ.

Начальныя народныя училища, какъ общеобразовательныя учебныя заведенія, всегда имѣли и должны имѣть своею цѣлью утвержденіе въ народѣ религіозныхъ и нравственныхъ понятій и распространеніе первоначальныхъ полезныхъ знаній. Практика и теорія обученія должны способствовать успѣшному достиженію этой цѣли, указывая къ ней наиболѣе прямые и вѣрные пути. Если въ теперешнемъ состояніи народныхъ училищъ заключаются основы для ихъ лучшей будущности, то указаніе отличительныхъ признаковъ этого состоянія не можетъ не имѣть довольно важнаго педагогическаго значенія. Этими соображеніями и вызваны настоящія замѣтки, предлагаемыя вниманію читателей, которые интересуются жизнью нашей народной школы вообще и учебно-воспитательною стороной ея въ особенности.

Настоящія наблюденія и замѣтки касаются лишь небольшой части народныхъ школъ, находящихся въ двухъ приволжскихъ уѣздахъ, и имѣютъ, повидимому, только мѣстное значеніе; но авторъ думаетъ, что они не лишены и общаго интереса, такъ какъ организація всѣхъ нашихъ народныхъ школъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи представляетъ много сходнаго, общаго.

Учебныя занятія въ большей части начальныхъ школъ Симбирскаго и Сенгилеевскаго уѣздовъ начинаются съ сентября мѣсяца и лишь въ немногихъ съ октября и продолжаются до мая, обнимая, такимъ образомъ, восьми-мѣсячный періодъ времени. Обученіе въ русскихъ школахъ продолжается три года, а въ инородческихъ—четыре. Въ первыхъ учащіеся раздѣляются, по подготовкѣ и возрасту, на три группы, или отдѣленія, и пріемъ дѣтей бываетъ ежегодно; во вторыхъ—ученическихъ группъ только двѣ, и пріемъ, а равно и выпускъ бываютъ черезъ годъ. Трехлѣтній курсъ обученія проходитъ,

впрочемъ, меньшинство учащихся, составляющее четвертую или пятую часть общаго числа ихъ, большинство-же остается въ школахъ по одному или по два года, довольствуясь пріобрѣтеніемъ умѣнья читать и писать. Нельзя, однако, не замѣтить, что число дѣтей, проходящихъ полный курсъ начальной школы, годъ отъ году увеличивается.

Ежедневно въ училищахъ бываетъ по шести, а въ короткіе зимніе дни по пяти уроковъ, общая продолжительность которыхъ, за исключеніемъ перемѣнъ, равняется пяти часамъ. Учебныя занятія ведутся примѣнительно къ общему недѣльному расписанію уроковъ, составленному уже шесть лѣтъ тому назадъ. Уроки начинаются въ 8 или $8^1/_2$ часовъ утра и продолжаются до 3 или $3^1/_2$ пополудни.

Обученіе ведется по лучшимъ руководствамъ изъ числа одобренныхъ Министерствомъ Нар. Просв. По *Закону Божію* употребляются учебники прот. Д. Соколова и Пл. Аѳинскаго. *По церковно-славянскому чтенію*—книжка Н. И. Ильминскаго или Грушевскаго, затѣмъ—Евангеліе, Часословъ и Псалтирь; *по русскому* — «Новая Азбука» и «Русскія книги для чтенія» гр. Л. Н. Толстого, курсъ чтенія оканчивается книгою А. Баранова. Въ первыхъ двухъ отдѣленіяхъ нѣкоторыхъ школъ, вмѣсто азбуки и книгъ для чтенія гр. Л. Толстого, читаются «Букварь» Д. Тихомирова и «Родное Слово» Ушинскаго, годъ 2-й. По обученію *чистописанію* — руководства Гербача и Филиппуса. По *начальной грамматикѣ* — книжки Пуцыковича, Тихомирова и Сумскаго. По обученію *ариѳметикѣ*—задачники А. Гольденберга и Т. Лубенца, а въ нѣкоторыхъ школахъ В. Евтушевскаго; пособіями для учителей служатъ методическія руководства А. Гольденберга, Г. Вишневскаго, В. Евтушевскаго и нѣкоторыя др.

Учебные предметы, преподаваемые въ начальныхъ народныхъ училищахъ, можно раздѣлить на *обязательные* и *необязательные*. Къ первымъ принадлежитъ Законъ Божій (краткій катихизисъ и священная исторія), чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати, письмо и первыя четыре дѣйствія ариѳметики; ко вторымъ — церковное пѣніе, гимнастика, черченіе и рисованіе и рукодѣлья.

Главный, основной предметъ начальнаго школьнаго обученія — *Законъ Божій*. Преподаваніе его должно быть направлено къ достиженію прежде всего воспитательныхъ цѣлей. Онѣ состоятъ въ томъ, чтобы возбуждать и развивать въ дѣтяхъ искреннее религіозное чувство, воспитывать у нихъ *сердце чисто* и на воспріимчивой почвѣ благоговѣйнаго дѣтскаго вниманія и настроенія сѣять сѣмена православнаго ученія вѣры и нравственности христіанской, заключающихъ въ себѣ вѣчныя, непререкаемыя истины и спасительныя правила для

человѣческой жизни и дѣятельности. Этими высокими цѣлями опредѣляется и самый характеръ школьнаго преподаванія Закона Божія: оно должно представлять собою бесѣду добраго пастыря съ внимательными дѣтьми объ ихъ обязанностяхъ къ Богу, ближнимъ и самимъ себѣ,—бесѣду задушевную, живую, вполнѣ доступную для только что открывающагося пониманія; это преподаваніе должно дѣйствовать прежде всего на чувство и воображеніе дѣтей, а потомъ черезъ сердце и мысль и на ихъ неокрѣпшую волю. Если дѣти слушаютъ уроки Закона Божія съ вниманіемъ чуткимъ, съ сердцемъ открытымъ, съ настроеніемъ благоговѣйнымъ, если сообщаемые имъ священные разсказы и уроки они воспринимаютъ силою не только мысли, но и свѣтлаго религіознаго чувства, то можно быть увѣреннымъ, что глаголы живота вѣчнаго, что слова жизни и спасенія глубоко западутъ имъ въ душу и, какъ сѣмена притчи Христовой, упавшія на добрую землю, произрастутъ и принесутъ обильный плодъ. Именно эти цѣли, этотъ характеръ преподаванія наблюдаются въ урокахъ многихъ законоучителей нашихъ народныхъ училищъ. Между законоучителями, особенно сельскими, съ годами все чаще встрѣчаются пастыри добрые, разсудительные, искренно преданные школьному дѣлу, относящіеся къ нему, какъ къ одной изъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей. Они часто посѣщаютъ школы, употребляя на занятія не менѣе шести часовъ въ недѣлю, въ преподаваніи стараются быть доступными для пониманія дѣтей, справедливыми, ласковыми и снисходительными въ обращеніи съ ними, стремятся благотворно дѣйствовать не только на пробуждающіяся разсудочныя силы своихъ учениковъ и ученицъ, но и на ихъ чуткое къ добру сердце, на склонную къ послушанію волю. Впрочемъ, есть законоучители, къ которымъ характеристика эта не относится: вмѣсто исправнаго посѣщенія школы, нѣкоторые изъ нихъ бываютъ въ ней даже не каждую недѣлю; вмѣсто постояннаго дѣйствованія на чувство и воображеніе дѣтей посредствомъ живого и задушевнаго преподаванія, они заботятся только о прохожденіи программы, только о запоминаніи дѣтьми истинъ вѣры и правилъ нравственности, только о заучиваніи по книжкѣ однихъ текстовъ, именъ и фактовъ. У такихъ законоучителей дѣти затверживаютъ молитвы, проходятъ священную исторію и катихизисъ, усвояютъ истины христіанской вѣры и правила добродѣтельной жизни; но, къ сожалѣнію, только *проходятъ*, только *заучиваютъ*, какъ и всякія другія свѣдѣнія, напримѣръ, грамматическія или ариѳметическія. Дѣтское сердце въ принятіи божественныхъ глаголовъ, повидимому, участвуетъ весьма мало: даже умъ какъ будто дремлетъ, не сознавая величія святыхъ

истинъ; только память работаетъ неустанно. Въ результатѣ такого обученія получаются лишь формальныя, привременныя, скоро забываемыя знанія. Но вѣдь особенно важно и дорого не механическое усвоеніе религіозныхъ свѣдѣній, не количество ихъ, а качество, усвоеніе сердцемъ, способное быть основаніемъ вѣры непоколебимой, надежды твердой, любви дѣятельной. Къ такому преподаванію способны дѣлатели усердные и хорошо понимающіе свои пастырскія обязанности. Итакъ, главный недостатокъ въ постановкѣ преподаванія Закона Божія, нерѣдко наблюдаемый въ нашихъ начальныхъ школахъ, заключается въ томъ, что законоучители обращаютъ его въ формальный предметъ изученія, какъ будто забывая, что онъ долженъ быть только основаніемъ и живымъ орудіемъ религіозно-нравственнаго воспитанія. Есть и другіе недостатки; укажу изъ нихъ важнѣйшіе. Самымъ труднымъ отдѣломъ въ курсѣ Закона Божія для начальныхъ училищъ является *изученіе молитвъ*, такъ какъ, во-1-хъ, оно производится въ первый учебный годъ дѣтьми самаго младшаго возраста и очень слабаго умственнаго развитія, и, во-2-хъ, имѣетъ своимъ содержаніемъ совокупность отвлеченныхъ мыслей, выраженныхъ на языкѣ славянскомъ, для дѣтей мало понятномъ. Ученики младшаго отдѣленія, въ большей части училищъ заучиваютъ краткія начальныя молитвы со словъ законоучителей, а болѣе обширныя — по книжкѣ, заучиваютъ почти всегда безъ пониманія, а произносятъ поспѣшно, съ искаженіемъ словъ и съ неправильными остановками, ясно показывающими, что дѣти не понимаютъ даже общаго содержанія молитвъ. Этотъ недостатокъ замѣчается въ начальныхъ школахъ едва-ли не чаще всѣхъ другихъ и всегда производитъ на меня тяжелое, грустное впечатлѣніе: ужели въ самомъ дѣлѣ нѣтъ никакихъ средствъ къ тому, чтобы научить дѣтей если не полному и отчетливому пониманію текста молитвъ, то, по крайней мѣрѣ, усвоенію хотя общаго содержанія каждой молитвы и произношенію раздѣльному, толковому и благоговѣйному? Я убѣжденъ, что если-бы дѣти заучивали всѣ молитвы непремѣнно со словъ законоучителя и по частямъ, которыя онъ долженъ предварительно прочитывать выразительно, осмысленно и съ чувствомъ, то они научились-бы произношенію молитвъ раздѣльному и толковому и, по всей вѣроятности, въ состояніи были-бы проникнуть умомъ хотя въ общій смыслъ ихъ, въ общее содержаніе. Правильному усвоенію словъ молитвы и осмысленному ея произношенію много помогаетъ *хоровое заучиваніе* молитвы, запоминаніе ея цѣлымъ отдѣленіемъ учащихся, которые всѣ вмѣстѣ, разумѣется, стоя, громко и раздѣльно произносятъ послѣ законоучителя каждое отдѣль-

ное выраженіе молитвы. Когда она произнесена и заучена по частямъ какъ всею группою дѣтей, такъ и отдѣльными учениками, то обыкновенно приступаютъ къ такому-же заучиванію ея сполна. Это—простѣйшій способъ изученія молитвъ, но имъ пользуются далеко не всѣ законоучители. Существуетъ другой, болѣе цѣлесообразный, но и болѣе трудный, а потому еще рѣже примѣняемый способъ: изученію текста каждой молитвы законоучитель предпосылаетъ бесѣду, которая вводитъ дѣтей въ пониманіе содержанія отдѣльныхъ мыслей, предложеній и словъ молитвы и дѣлаетъ текстъ ея своимъ естественнымъ выводомъ, своимъ выраженіемъ сначала на языкѣ русскомъ, а потомъ на славянскомъ. Такой способъ изученія молитвъ, требующій отъ законоучителей внимательной подготовки къ каждому уроку, практикуется весьма немногими изъ нихъ, а между тѣмъ только онъ можетъ обезпечивать достиженіе всѣхъ цѣлей, соединяемыхъ съ усвоеніемъ молитвъ. *Священная исторія*, которая изучается дѣтьми на второмъ году, представляетъ собою отдѣлъ курса, наиболѣе доступный для усвоенія. Но нѣкоторые законоучители и этотъ отдѣлъ не могутъ или не хотятъ преподавать какъ-бы слѣдовало: они часто жалуются на ограниченность дѣтскихъ способностей, на недостаточность умственнаго развитія учащихся для усвоенія и запоминанія священно-историческихъ разсказовъ. При повѣркѣ этихъ жалобъ часто оказывается, что малоуспѣшность дѣтей въ изученіи священной исторіи зависитъ отъ другой причины: они изучаютъ священную исторію или совершенно самостоятельно, по учебной книжкѣ, часто изложенной языкомъ труднымъ и неудобопонятнымъ, или по разсказамъ законоучителя, слишкомъ подробнымъ, сообщаемымъ заразъ, а не по частямъ и не всегда въ простой, ясной формѣ. Положимъ, законоучитель разсказываетъ такимъ образомъ хоть исторію Благовѣщенія Пресвятой Богородицы и затѣмъ приглашаетъ дѣтей воспроизвести разсказанное. Но изъ нихъ часто не оказывается ни одного, кто могъ-бы исполнить предложеніе законоучителя. И это, по моему мнѣнію, вполнѣ понятно: дѣти еще такъ мало развиты умственно и такъ слабо располагаютъ словеснымъ матеріаломъ, что усвоеніе и устное воспроизведеніе цѣлаго, полнаго разсказа оказывается выше ихъ силъ. Но попробуйте изложить тотъ-же разсказъ сначала какъ можно короче, лишь въ главнѣйшихъ подробностяхъ и самымъ простымъ языкомъ, и вызывайте дѣтей къ воспроизведенію каждой части разсказа, даже каждой мысли, и они, дѣти, легко усвоятъ его и перескажутъ. Упомянутый разсказъ можно изложить хоть такъ: «Одинъ разъ Пресвятая Дѣва Марія читала священное писаніе. Въ это время явился къ

ней архангелъ Гавріилъ. Онъ принесъ Маріи благую, радостную вѣсть, архангелъ сказалъ Пресвятой Дѣвѣ, что отъ Нея родится Спаситель міра». Каждая мысль разсказа должна быть повторена, и непремѣнно по соотвѣтствующимъ вопросамъ, нѣсколькими, сначала лучшими, а потомъ худшими учениками. Неоднократное повтореніе подробностей чрезъ соотвѣтствующіе вопросы особенно полезно для дѣтей малоспособныхъ. Но и для всѣхъ вообще оно представляетъ собою самое дѣйствительное, самое вѣрное средство для лучшаго изученія разсказа, для точнаго запоминанія его надолго: что хорошо усвоено въ дѣтствѣ, часто твердо помнится даже въ глубокой старости. Недаромъ еще древніе считали повтореніе однимъ изъ важнѣйшихъ условій обученія, недаромъ они говорили: repetitio est mater studiorum. Опытъ показываетъ, что только самые даровитые ученики народныхъ школъ могутъ воспроизводить разсказы послѣ однократнаго и цѣльнаго сообщенія, а большинство оказываются не въ силахъ сдѣлать это по слѣдующимъ причинамъ: а) чтобы подробно повторить большой и совершенно новый разсказъ, для этого надобно выслушать его съ сильнымъ напряженіемъ вниманія, а извѣстно, что къ такому напряженію его дѣти, склонныя больше къ разсѣянности, привыкаютъ не вдругъ и съ большимъ трудомъ; б) для подробнаго воспроизведенія большого разсказа требуется довольно значительное развитіе умственныхъ способностей вообще и памяти въ особенности, а этого и недостаетъ дѣтямъ; в) наконецъ, усвоенію и повторенію такихъ разсказовъ препятствуютъ недостатки дѣтской рѣчи, столь бѣдной въ лексическомъ отношеніи, столь несвязной, простой и отрывочной, что учащіеся пользуются ею не смѣло, боязливо, съ большими затрудненіями и ошибками. Когда разсказъ будетъ усвоенъ дѣтьми въ короткомъ изложеніи, такимъ-же порядкомъ должны быть преподаны и повторены и его второстепенныя подробности; усвоить ихъ дѣтямъ будетъ уже гораздо легче. Правда, рекомендуемый нами путь изученія священныхъ разсказовъ—путь медленный, требующій много времени, но за-то онъ долженъ приводить, какъ всегда и приводитъ, къ наиболѣе желательнымъ результатамъ. *Краткій катихизисъ*, изучаемый дѣтьми старшей группы, преподается и усвояется безъ особыхъ затрудненій, потому въ особенности, что дѣло ограничивается здѣсь лишь переводомъ на русскій языкъ символа вѣры, молитвы Господней и заповѣдей. Объясненія подробныя и назидательныя, сопровождаемыя указаніемь соотвѣтствующихъ фактовъ изъ священной исторіи, мнѣ приходилось слышать въ немногихъ училищахъ. Отдѣлъ о *богослуженіи* и *таинствахъ* ученики многихъ

школъ проходятъ въ самыхъ общихъ чертахъ, такъ какъ законоучители начинаютъ знакомить дѣтей съ этимъ отдѣломъ очень поздно, нерѣдко послѣ Пасхи.

Обученіе русской грамотѣ почти во всѣхъ школахъ ведется успѣшно. Учителя и учительницы достаточно ознакомились теоретически и практически съ условіями примѣненія къ этому обученію звукового способа и довольно скоро научаютъ дѣтей читать. Лишь немногія изъ учащихъ лицъ еще не оставили принятаго ими однажды обученія грамотѣ *по способу письма-чтенія*, хотя я и печатно, и при ревизіи школъ неоднократно доказывалъ имъ, что гораздо лучшихъ успѣховъ можно достигать *при раздѣльномъ обученіи чтенію и письму*. Правда, выписываніе дѣтьми буквъ, послѣ ознакомленія съ ихъ внѣшнимъ видомъ и значеніемъ, помогаетъ пріобрѣтенію умѣнья читать. Но такъ какъ, идя параллельно съ изученіемъ печатныхъ буквъ, это выписываніе производится слишкомъ поспѣшно и безъ всякой системы относительно графической стороны буквъ, то и сопровождается очень невыгодными послѣдствіями для успѣховъ дѣтей въ каллиграфіи, невольно привыкающихъ къ торопливому и неправильному изображенію буквъ. Кромѣ этого недостатка, замѣчаются и другіе, болѣе частные. Такъ, большинство учителей и учительницъ уроки *подготовительныхъ звуковыхъ упражненій* начинаютъ прямо съ дѣленія словъ на звуки. Между тѣмъ слѣдуетъ упражнять дѣтей прежде всего въ дѣленіи короткихъ рѣчей (изъ двухъ, трехъ и четырехъ словъ, на составляющія ихъ отдѣльныя слова, затѣмъ въ дѣленіи словъ на слоги и, наконецъ, слоговъ на звуки. Этотъ путь анализа, послѣдовательность котораго очевидна безъ объясненій, облегчаетъ дѣтямъ довольно трудную работу выдѣленія звуковъ. Нѣкоторые учителя думаютъ, что нельзя учить дѣтей дѣленію словъ на слоги, не сообщивъ предварительно понятія о звукахъ вообще и о гласныхъ въ особенности, потому что существенную принадлежность слоговъ составляютъ, какъ извѣстно, гласные звуки. Но это невѣрно: слова гораздо легче дѣлить на слоги, чѣмъ на звуки, такъ какъ первые имѣютъ между собою болѣе ясныя акустическія грани, болѣе простые фонетическіе узлы въ сравненіи съ тѣми, какіе существуютъ между отдѣльными звуками. Возьмемъ хоть слово *мурава:* даже для непосредственнаго пониманія очевидно, что гораздо легче раздѣлить его на такія части, какъ *му—ра—ва*, чѣмъ на такія, какъ *м—у—р—а—в—а*. Нѣкоторые учителя и особенно учительницы требуютъ отъ дѣтей, только-что научившихся разбирать буквы, чтобы каждое слово они прочитывали сначала про себя, а потомъ уже вслухъ. При такомъ порядкѣ дѣти подолгу разбираютъ

слова и часто произносятъ ихъ совсѣмъ невѣрно. Гораздо цѣлесообразнѣе пріучать дѣтей прямо къ длительному произношенію каждаго слова по звукамъ и вслухъ. Со временемъ, когда учащіеся нѣсколько овладѣютъ техникой чтенія, легко отучить ихъ отъ распѣвнаго произношенія словъ, которое какъ-бы само собою сдѣлается излишнимъ. Встрѣчаются учителя, обучающіе дѣтей сначала механическому чтенію, а потомъ уже сознательному. Это—очень важная дидактическая ошибка, иногда влекущая за собою развитіе у ребятъ привычки только разбирать слова, не думая объ ихъ значеніи. Съ самыхъ первыхъ уроковъ обученія грамотѣ слѣдуетъ вызывать въ умѣ читающаго ученика, при помощи краткаго вопроса или намека, представленіе предмета, обозначаемаго словомъ, и чрезъ это постепенно пріучать ребенка къ чтенію сознательному. На урокахъ объяснительнаго чтенія начальные учителя и учительницы не всегда съ должной настойчивостью стремятся къ достиженію двухъ очень важныхъ цѣлей: во-1-хъ, учить ребятъ чтенію выразительному и, во-2-хъ, стараться, чтобы они сознательнѣе усвояли и тверже запоминали содержаніе читаемыхъ ими статей, въ особенности географическихъ, историческихъ и естественно-научныхъ. Умѣнье читать выразительно важно для крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ не столько потому, что возвышаетъ смыслъ и цѣну чтенія для нихъ самихъ, сколько на томъ основаніи, что является необходимымъ условіемъ и могучимъ средствомъ для того, чтобы грамотные могли привлекать къ своему чтенію возможно большее число неграмотныхъ слушателей. Какое громадное значеніе можетъ имѣть въ темной крестьянской семьѣ, напр., толковое и вразумительное, отчетливое и выразительное чтеніе Евангелія на русскомъ языкѣ, совершаемое ежедневно въ долгіе зимніе вечера однимъ изъ грамотныхъ ея членовъ! Тогда люди, доселѣ остававшіеся во тьмѣ, по истинѣ могутъ увидѣть свѣтъ велій!.. Значительную пользу можетъ принести чтеніе и другихъ серьезныхъ книгъ, преимущественно практически-полезнаго содержанія. Еще большую важность имѣетъ другая цѣль чтенія, которую учащія лица нерѣдко опускаютъ изъ вида. Въ начальной школѣ, какъ извѣстно, нѣтъ ни географіи, ни исторіи, ни естествовѣдѣнія, какъ отдѣльныхъ учебныхъ предметовъ. Но по всѣмъ этимъ предметамъ имѣются краткія популярно-научныя статьи въ книгахъ для чтенія, предназначаемыя для усвоенія ихъ дѣтьми. Къ сожалѣнію, читая съ ребятами такого рода статьи, многіе учителя и учительницы имѣютъ въ виду усвоеніе учащимися лишь внѣшнихъ хорошихъ качествъ чтенія, каковы громкость, правильность, бѣглость и сознательность, а на усвоеніе содержанія ста-

тей не обращаютъ должнаго вниманія. Вотъ почему ученики, оканчивающіе въ начальныхъ школахъ курсъ обученія, случается, не могутъ отвѣчать, напр., на слѣдующіе вопросы *по географіи*: какъ называется страна, гдѣ мы живемъ; какіе у насъ столичные города; какъ Россія раздѣляется для управленія; какія у насъ замѣчательныя рѣки, горы, моря и гдѣ они находятся; *по исторіи*: какіе важнѣйшіе историческіе города Россіи; какіе знаменитѣйшіе монастыри; что такое татарская неволя; кто были Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ, Сусанинъ, Петръ Великій, Екатерина Вторая, Александръ Второй; кто были Суворовъ и Кутузовъ и т. п.; *по естествознанію*: отчего происходитъ вѣтеръ; что такое облака, дождь, времена года, день и ночь; какія у человѣка способности; какъ устроено наше тѣло и т. п. Очевидно, усвоеніе дѣтьми подобныхъ научныхъ свѣдѣній можетъ быть достигнуто лишь въ томъ случаѣ, когда учащія лица будутъ сопровождать чтеніе соотвѣтствующихъ статей необходимыми разъясненіями и дополненіями, когда будутъ вызывать дѣтей къ повторительному чтенію этихъ статей въ классѣ и дома и къ письменному воспроизведенію ихъ содержанія, являющемуся однимъ изъ наиболѣе надежныхъ мнемоническихъ средствъ. Объяснительное чтеніе популярно-научныхъ статей должно развивать у ребятъ навыкъ къ чтенію серьезному, дѣловому. Пріобрѣтеніе-же этого навыка имѣетъ очень большую цѣну, такъ какъ въ простомъ народѣ, преимущественно въ юномъ его поколѣніи, особенной популярностью пользуются книжки веселаго повѣствовательнаго содержанія. Люди старческаго и зрѣлаго возрастовъ въ нашихъ деревняхъ высоко цѣнятъ только священныя книги, а грамотная молодежь все еще пробавляется однимъ легкимъ чтеніемъ сказокъ и плохихъ, иногда чудовищно-нелѣпыхъ разсказовъ и повѣстей; до сознанія-же потребности въ чтеніи серьезномъ, практически полезномъ она еще не выросла. Школа хоть немного должна подготовить своихъ учениковъ къ чтенію и пониманію книгъ и статей серьезнаго, элементарно-научнаго содержанія; въ противномъ случаѣ такія книги впослѣдствіи не найдутъ себѣ читателей среди бывшихъ учениковъ народныхъ школъ. Въ связи съ этимъ нельзя не упомянуть, что библіотеки большей части начальныхъ училищъ Симбирскаго уѣзда въ достаточной мѣрѣ снабжены полезными практическими книжками и брошюрами.

Необходимую часть предмета, называемаго русскимъ чтеніемъ, во всѣхъ школахъ составляетъ *заучиваніе стихотвореній*, помѣщаемыхъ въ книгахъ для чтенія. На выразительное произношеніе ихъ (стихотвореній) обращается серьезное вниманіе, и въ резуль-

татѣ преподавательскихъ трудовъ по этой части является если не художественное, то, во всякомъ случаѣ, раздѣльное, внятное и сознательное чтеніе дѣтьми заученныхъ стихотвореній. Къ сожалѣнію, не всѣ преподаватели практикуютъ разучиваніе стихотвореній въ достаточной мѣрѣ, основываясь на томъ, что стихотворенія мало доступны дѣтямъ, какъ по своему содержанію, такъ и по формѣ. На это даны были слѣдующія объясненія. Не всѣ стихотворенія, помѣщаемыя въ книгахъ для чтенія, непремѣнно должны быть заучиваемы, а лишь тѣ, которыя, при простотѣ формы, наиболѣе поучительны и содержательны; таковы, наприм., стихотворенія прежде всего нравственно-религіозныя, потомъ—басни, стихотворенія историческія и художественно-описательныя, заключающія въ себѣ картины отечественной природы. Затѣмъ, чтобы содержаніе стихотвореній сдѣлать понятнымъ для дѣтей, учитель долженъ пользоваться на урокахъ всѣми средствами объяснительнаго чтенія и приступать съ дѣтьми къ заучиванію стихотвореній, только убѣдившись, что они усвоили какъ общее содержаніе этихъ стихотвореній, такъ и значеніе встрѣчающихся въ нихъ, мало понятныхъ и вовсе неизвѣстныхъ, отдѣльныхъ выраженій и словъ. Нѣкоторые учителя, не ясно представляя себѣ воспитательно-образовательную важность заучиванія стихотвореній, находятъ это занятіе излишней роскошью для крестьянскихъ дѣтей, которую они будто никогда не въ состояніи понять и оцѣнить и которая едва-ли когда принесетъ имъ нравственную пользу. Такъ обыкновенно разсуждаютъ люди, которые не понимаютъ и не любятъ поэзіи, у которыхъ слабо развита жизнь сердца, а преобладающею духовною силою является холодный, сухой практицизмъ. Если поэзія есть идеальное воспроизведеніе дѣйствительности и вдохновенное выраженіе высшихъ помысловъ и ощущеній, если она стремится разрѣшить по своему тѣже великіе вопросы, которые составляютъ содержаніе религіи и философіи, если она занимаетъ и увлекаетъ человѣка на всѣхъ степеняхъ его культуры, то было-бы несправедливо лишать учениковъ какой-бы то ни было общеобразовательной школы возможности изучать поэзію въ ея лучшихъ произведеніяхъ. Въ книгахъ для чтенія, принятыхъ въ начальныхъ школахъ, обыкновенно помѣщается сравнительно очень немного стихотвореній, по большей части представляющихъ собою драгоцѣнные перлы родной поэзіи: какъ-же не знакомить съ ними дѣтей, какъ не вводить ихъ въ посильное пониманіе такихъ стихотвореній? При разсмотрѣніи условій и средствъ нравственнаго воспитанія, нельзя опредѣлять ихъ цѣну тѣми способами и пріемами, которые пригодны лишь на базарѣ житейской суеты,—нельзя руко-

водствоваться разсчетами и ожиданіями выгодъ конкретныхъ, очевидныхъ, осязательныхъ, а необходимо быть убѣжденнымъ и терпѣливо ждать, что высокіе уроки, посѣянные на воспріимчивую почву дѣтскаго сердца и ума, принесутъ плодъ по роду своему. Не можетъ быть сомнѣнія въ воспитательномъ значеніи стихотвореній религіознаго и историческаго содержанія, какъ выражающихъ лучшіе, глубокосодержательные моменты душевнаго настроенія; несомнѣнны также педагогическія достоинства басенъ, въ которыхъ правила нравственности изображаются въ живой аллегорической формѣ; не подлежитъ сомнѣнію и воспитательное значеніе художественныхъ описаній природы, которыя раскрываютъ ея красоту и порядокъ и могутъ возбуждать въ ученикѣ благоговѣніе предъ величіемъ Творца вселенной. Если все это справедливо, то заучиваніе стихотвореній, практикуемое въ школахъ съ цѣлью болѣе продолжительнаго сохраненія въ памяти учащихся лучшихъ мыслей и образовъ, никакъ не можетъ быть разсматриваемо, какъ нѣчто не особенно важное и существенное. Слушая въ хорошихъ школахъ осмысленное и выразительное произношеніе заученныхъ стихотвореній и убѣждаясь потомъ, что дѣти понимаютъ ихъ содержаніе въ предѣлахъ своего умственнаго кругозора, я испытывалъ всегда особенное душевное удовольствіе, особенную радость за крестьянскихъ ребятъ, и думаю, что если въ данное время они не уразумѣли заученныхъ стихотвореній во всей глубинѣ и прелести ихъ содержанія, то память сохранитъ для нихъ надолго, что было усвоено въ дѣтствѣ, и, легко можетъ быть, высокія мысли, выраженныя прекрасными стихами, потомъ, въ перспективѣ зрѣлаго ума бывшихъ учениковъ начальной школы, явятся съ болѣе полнымъ значеніемъ, будутъ поняты и истолкованы правильнѣе и шире...

Обученіе церковно-славянскому чтенію, начинаясь во всѣхъ школахъ со второй половины перваго учебнаго года, продолжается до конца курса. Оно поставлено вообще удовлетворительно, и успѣхи въ немъ достигаются хорошіе. На урокахъ этого чтенія дѣти прочитываютъ все Евангеліе съ переводомъ на русскій языкъ; кромѣ того, читаютъ, преимущественно у себя дома, Часословъ и Псалтирь, готовясь къ чтенію въ храмѣ. На урокахъ класснаго чтенія сначала прочитываются изъ Евангелія тѣ мѣста, которыя соотвѣтствуютъ вопросамъ программы по Священной исторіи, затѣмъ по порядку читается уже все Евангеліе. Лучшіе преподаватели на каждомъ урокѣ сначала выписываютъ на классной доскѣ неизвѣстныя дѣтямъ слова и формы съ переводомъ на русскій языкъ, затѣмъ, когда дѣти прочтутъ написанное, начинается чтеніе, переводъ и пересказъ текста по сти-

хамъ и сполна; значеніе неизвѣстныхъ словъ и формъ дѣти узнаютъ при переводѣ изъ короткаго словаря на классной доскѣ; эти слова и формы они записываютъ потомъ въ свои тетради и заучиваютъ. Такая постановка дѣла сопровождается очень хорошими результатами: ребята запоминаютъ значенія многихъ словъ и отличительныхъ грамматическихъ формъ, а чрезъ это въ достаточной мѣрѣ подготовляются къ сознательному чтенію не трудныхъ славянскихъ книгъ, каковы, наприм., Четьи-минеи. Впрочемъ, нѣкоторые преподаватели, по неопытности, допускаютъ на урокахъ названнаго предмета слѣдующіе дидактическіе недостатки: 1) требуютъ отъ учащихся не дословнаго перевода славянскаго текста на русскій языкъ по книжкѣ, а свободнаго пересказа по памяти; 2) не всегда обращаютъ должное вниманіе на запоминаніе дѣтьми значеній славянскихъ грамматическихъ формъ, отличающихся отъ русскихъ, и 3) ограничиваются иногда только переводомъ текста по стихамъ, не вызывая ребятъ къ устному воспроизведенію цѣлаго разсказа или зачала. Навыкъ въ бѣглом̃ъ церковнославянскомъ чтеніи учащіеся пріобрѣтаютъ не только на классныхъ урокахъ, но и при домашней подготовкѣ къ чтенію въ храмѣ. Въ церковномъ чтеніи участвуютъ ученики большей части нашихъ начальныхъ училищъ. Къ сожалѣнію, въ этомъ дѣлѣ школа встрѣчаетъ иногда препятствія съ той стороны, откуда, повидимому, вовсе не должна-бы ожидать ихъ: низшіе члены церковныхъ причтовъ, привыкшіе читать очень скоро, неохотно допускаютъ къ чтенію въ церкви дѣтей-школьниковъ, произносящихъ слова раздѣльно и внятно и тѣмъ замедляющихъ службу. Между тѣмъ участіе дѣтей въ церковномъ чтеніи благотворно дѣйствуетъ и на нихъ самихъ, и на ихъ родителей, возвышая въ мнѣніи послѣднихъ значеніе школы.

Каллиграфія, правописаніе и самостоятельное письменное изложеніе прочитанныхъ статей—вотъ предметы, изъ которыхъ въ начальныхъ школахъ слагается *обученіе письму.* Вслѣдствіе недавняго распоряженія Министерства Народнаго Просвѣщенія, на каллиграфію въ нашихъ школахъ обращается самое серьезное вниманіе преподающихъ лицъ, которыя, вслѣдствіе того, достигаютъ въ общемъ удовлетворительныхъ успѣховъ по этому предмету. Письменныя экзаменныя работы старшихъ учениковъ народныхъ школъ, за немногими исключеніями, заслуживаютъ одобренія, относительно правильности, четкости, красоты и опрятности письма. Принимая во вниманіе, что обученіе въ школахъ продолжается только три зимы, можно утверждать, что учащіеся въ такой сравнительно короткій срокъ достигаютъ порядочнаго умѣнья писать по одной графѣ, не крупнымъ почеркомъ, какъ

подъ диктовку, такъ и самостоятельно. Обученіе каллиграфіи въ школахъ Симбирскаго уѣзда ведется по способу слитнаго письма, а въ школахъ Сенгилеевскаго уѣзда—по способу В. Гербача. Лучшіе успѣхи достигаются при обученіи по первому способу, требующему строго послѣдовательнаго, генетическаго изученія буквъ, которымъ дается самая простая форма, наиболѣе удобная для скораго и слитнаго письма. Система В. Гербача имѣетъ въ виду лишь каллиграфическія цѣли. Дѣти, по ней обучающіяся, при благопріятныхъ условіяхъ достигаютъ очень хорошихъ успѣховъ въ этомъ отношеніи. Но дѣло въ томъ, что по Гербачу научиться хорошему письму очень трудно. Если успѣхи въ этомъ предметѣ, по какому-бы способу онъ ни преподавался, зависятъ отъ числа упражненій, то особенно слѣдуетъ сказать это о способѣ Гербача. Вотъ почему учителя начальныхъ школъ, стремясь достигнуть возможно-лучшихъ успѣховъ въ обученіи письму по этому способу, принуждены бываютъ употреблять слишкомъ много времени на занятія чистописаніемъ, въ ущербъ успѣшному достиженію другихъ цѣлей, обыкновенно соединяемыхъ съ обученіемъ письму въ начальныхъ школахъ: тамъ, гдѣ хорошо поставлена каллиграфія, ученики почти всегда оказываются слабыми въ знаніи правилъ правописанія и въ умѣньи самостоятельно излагать на бумагѣ нетрудныя статьи. Система слитнаго письма удобопримѣнимѣе въ школахъ; она проще каллиграфической системы и скорѣе усвояется дѣтьми, выработывая у нихъ все-же красивый почеркъ. Малоуспѣшность дѣтей въ каллиграфіи, замѣчаемая въ нѣкоторыхъ школахъ, зависитъ прежде всего отъ недостаточности упражненій, а затѣмъ—отъ слабаго, непостояннаго руководительства каллиграфическими занятіями учениковъ со стороны учащихъ лицъ: чтобы дѣти научились писать хорошо, они должны на первыхъ порахъ обученія выписывать каждую букву съ наибольшею тщательностью, до усвоенія совершенно правильнаго, четкаго и красиваго ея изображенія. Всего болѣе вредитъ успѣхамъ въ каллиграфіи торопливое и небрежное письмо, допускаемое, къ сожалѣнію, на первомъ-же учебномъ году: не составивъ себѣ въ началѣ обученія привычки писать неторопливо и старательно, дѣти и впослѣдствіи пишутъ, не соблюдая этихъ условій, и потому къ концу курса не достигаютъ удовлетворительныхъ успѣховъ въ каллиграфіи. — *Изученіе правописанія* въ связи съ краткими свѣдѣніями изъ грамматики, начинаясь въ школахъ со второй половины перваго учебнаго года, продолжается до конца курса. Въ первый учебный годъ дѣти знакомятся съ дѣленіемъ звуковъ (на гласные и согласные, а послѣднихъ на голосовые и безголосовые) и съ значеніемъ буквъ алфавита, пріобрѣ-

таютъ понятія о слогахъ и объ удареніи, усвояютъ правила употребленія прописныхъ буквъ, а также означающихъ переходные звуки. На второмъ году обученія, ознакомившись съ составомъ словъ изъ корней, приставокъ и окончаній, дѣти приступаютъ къ выписыванію и заучиванію словъ съ буквою *ѣ* въ корнѣ; затѣмъ, въ связи съ краткимъ ученіемъ о частяхъ рѣчи, усвояютъ правила употребленія этой буквы въ окончаніяхъ, а также и другія орѳографическія особенности въ обозначеніи частей рѣчи. На третьемъ году курса изучается орѳографія окончаній именъ и глаголовъ, а затѣмъ—правила разстановки знаковъ препинанія. *Диктовка* и *списываніе*—упражненія, служащія для пріобрѣтенія дѣтьми орѳографическихъ навыковъ. Въ тѣхъ училищахъ, гдѣ на эти упражненія употребляется значительное число уроковъ, не менѣе трехъ въ недѣлю, дѣти пріобрѣтаютъ удовлетворительные орѳографическіе навыки. Ученики большей части школъ Симбирскаго уѣзда на выпускныхъ экзаменахъ исполняютъ письменныя работы вообще удовлетворительно въ орѳографическомъ отношеніи, а нѣкоторые ученики, и такихъ всегда два—три изъ восьми или десяти, пишутъ почти вовсе безъ ошибокъ. Въ значительномъ числѣ школъ Сенгилеевскаго уѣзда изучаются лишь важнѣйшія правила правописанія, напримѣръ, о написаніи словъ съ такъ называемыми «сомнительными» звуками, объ употребленіи буквы *ѣ* и т. п. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что грамматическія познанія учениковъ разныхъ начальныхъ школъ неравномѣрны гораздо болѣе, чѣмъ въ другихъ предметахъ: тогда какъ во многихъ училищахъ Симбирскаго у. изучается систематическій, хотя и элементарный курсъ грамматики, и дѣти усвояютъ, въ связи съ теоретическими свѣдѣніями, довольно большое число правилъ правописанія, въ училищахъ Сенгилеевскаго у. начальная грамматика вовсе не проходится, а правила орѳографіи изучаются въ самой незначительной степени, и притомъ независимо отъ какой-либо грамматической теоріи. Такое разнообразіе объясняется преимущественно отсутствіемъ опредѣленныхъ на этотъ счетъ правилъ и требованій. Извѣстно, что условіемъ полученія свидѣтельства на низшую льготу по отбыванію воинской повинности, между прочимъ, считается *умѣнье писать подъ диктовку четко, скорописью, притомъ безъ искаженія словъ и съ соблюденіемъ знаковъ препинанія*. Одни изъ лицъ, производящихъ въ начальныхъ школахъ выпускныя испытанія, понимаютъ это условіе строго и требуютъ отъ учениковъ, прошедшихъ начальную школу, почти безошибочнаго письма какъ въ обозначеніи отдѣльныхъ словъ, такъ и въ раздѣленіи предложеній знаками препинанія. Другія, находя выполненіе такихъ требованій совершенно не-

посильнымъ для учениковъ начальной школы, сами указываютъ въ диктуемомъ отрывкѣ всѣ знаки препинанія, а равно и особенности обозначенія наиболѣе трудныхъ въ орѳографическомъ отношеніи словъ. Въ связи съ такимъ характеромъ требованій, предъявляемыхъ на экзаменахъ къ письму учащихся, и установился въ большей части школъ Сенгилеевскаго у. очень незначительный курсъ орѳографіи, которая изучается механическимъ способомъ, т.-е. безъ всякихъ ссылокъ и указаній на грамматику. По моему убѣжденію, такое изученіе орѳографіи лишено всякаго значенія, какъ не имѣющее теоретическихъ основаній, и можетъ быть вовсе оставлено. Если-же изученіе орѳографіи признается необходимымъ въ начальной школѣ, то это значитъ, что необходимо изучать и грамматику, ибо орѳографія—прикладная часть ея. Даже механическій путь усвоенія орѳографіи непремѣнно долженъ быть освѣщаемъ грамматической теоріей, по крайней мѣрѣ, въ такой степени, какая опредѣляется требованіями начальнаго правописанія. Вообще-же не подлежитъ сомнѣнію, что безъ предварительнаго изученія грамматики нельзя научиться писать орѳографически-правильно. Обобщая и объясняя однородные случаи правописанія, грамматика тѣмъ самымъ способствуетъ ихъ запоминанію, безъ объясненія-же грамматическаго учащіеся принуждены запоминать каждый случай отдѣльно, а это очень трудно. Итакъ, начальная грамматика должна входить въ число предметовъ народной школы, какъ основаніе правописанія. Но и сама по себѣ, а не только по тѣсной связи съ правописаніемъ, она должна-бы имѣть мѣсто въ курсѣ начальной школы, такъ какъ представляетъ собою предметъ высокаго образовательнаго значенія, заставляющій мысль отрѣшаться отъ внѣшнихъ условій и предпринимать работу отвлеченную, которая подчиняется однимъ внутреннимъ законамъ. Чистописаніе и орѳографія только тогда могутъ имѣть цѣну, значеніе, когда учащіеся пріобрѣтутъ навыкъ правильно и безъ особыхъ затрудненій излагать свои мысли на бумагѣ: письменное изложеніе мыслей—вотъ главная цѣль, которую при обученіи письму слѣдовало-бы имѣть постоянно. Въ нашихъ начальныхъ школахъ цѣль эта достигается лишь до извѣстной степени, такъ какъ учащіеся упражняются только въ самостоятельномъ изложеніи священно-историческихъ разсказовъ и статей изъ книгъ для чтенія, а въ составленіи другихъ письменныхъ работъ, каковы, напримѣръ, самостоятельныя описанія и разсужденія, не упражняются, какъ въ виду трудности самыхъ работъ, такъ и за неимѣніемъ времени. Между тѣмъ, едва-ли можно сомнѣваться, что чѣмъ больше ученики народныхъ училищъ будутъ упражняться въ составленіи разнаго рода самостоятельныхъ письменныхъ работъ, тѣмъ

большую пользу будетъ приносить имъ школа. Мальчикъ, учившійся только каллиграфіи и правописанію, можетъ записать что-нибудь съ чужихъ словъ, и записать четко и правильно; но самостоятельно примѣнить къ дѣлу свое графическое умѣнье, напримѣръ, къ составленію письма или какой-нибудь дѣловой бумаги, онъ, разумѣется, будетъ не въ силахъ, если въ школѣ ему не давали подобныхъ работъ, если не подготовляли къ нимъ вовсе.

А. Анастасіевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Бесѣды о преподаваніи географіи въ школѣ.

Бесѣда I. Вступленіе.

Географія, какъ наука.

Географія, какъ извѣстная отрасль знанія, стара, какъ міръ, но надлежащій научный характеръ она получила въ настоящемъ столѣтіи. Путешествія, развитіе сношеній между различными частями земной поверхности, открытіе Новаго Свѣта и знакомство съ невиданными дотолѣ людьми и природою—все это благопріятствовало распространенію географическихъ знаній между людьми. Но всѣ эти знанія не имѣли никакой системы, и только благодаря трудамъ, всеобъемлющимъ знаніямъ и генію двухъ великихъ людей, Александра фонъ-Гумбольдта и Карла Риттера, географическіе факты приведены въ стройное цѣлое. Оба географа стремились изложить географическіе факты во взаимной связи, оба проводили идеи сравнительнаго землевѣдѣнія. Пробудился сильный интересъ къ географическимъ знаніямъ и возникло много вопросовъ. Съ тѣхъ поръ географія пошла впередъ гигантскими шагами и до сихъ поръ продолжаетъ развиваться. Доказательствомъ послѣдняго можетъ служить то, что до сихъ поръ не удалось достигнуть единенія по вопросамъ о сущности, объемѣ, задачѣ и методѣ географіи. Не такъ еще давно нѣкто Маиръ *) совершенно отрицалъ существованіе географіи, какъ отдѣльной науки. Онъ указывалъ на то, что орографія, климатологія, гидрографія, этнографія и т. д. представляютъ самостоятельныя науки, вполнѣ исчерпывающія содержаніе географіи. При этомъ нѣмецкій ученый забылъ, что науки, названныя имъ самостоятельными отраслями знанія,—ничто иное, какъ отдѣлы географіи, изъ которой всѣ онѣ произошли. Многія явленія, изучаемыя въ географіи, представляютъ

---

*) Mayr, Die Stellung der Erdkunde etc. Zeitschrift für Schulgeographie. 1880, p. 253.

предметъ изслѣдованія и другихъ наукъ, но географія обладаетъ особою, дистрибутивною точкою зрѣнія, съ которой она разсматриваетъ явленія на поверхности земли. Другой взглядъ, по которому географія также не имѣетъ самостоятельности, какъ наука, высказанъ профессоромъ Петри *). Онъ также разлагаетъ географію на рядъ самостоятельныхъ наукъ, къ которымъ онъ относитъ даже топографію. Онъ говоритъ, что «географія отнюдь не должна разыскивать какую-либо незанятую и нетронутую область...» и далѣе: «задача географіи—понять существо и жизнь нашей земли. Матеріалъ свой географія получаетъ отъ цѣлаго ряда наукъ естественныхъ, историческихъ, экономическихъ, философскихъ; ея дѣло свести этотъ матеріалъ въ одинъ сводъ, примѣнить его къ полной характеристикѣ земли». Такимъ образомъ, г. Петри отнимаетъ отъ географіи свойственный ей научный матеріалъ, составляющій ея основаніе. Географія беретъ этотъ матеріалъ изъ другихъ наукъ и только комбинируетъ его и обобщаетъ, по выраженію г. Петри, «естественныя и философскія науки»; она есть наука «естественно-философская». Очевидно, что такой взглядъ совершенно уничтожаетъ самостоятельность науки. Занимающійся географіей долженъ, слѣдовательно, только обобщать, если онъ желаетъ, чтобы его почитали за настоящаго географа. Такимъ образомъ, путешественники, изслѣдующіе невѣдомыя страны, работаютъ не на пользу географіи и добываютъ не географическій матеріалъ, если они не обобщаютъ и не философствуютъ. Такой выводъ, прямо слѣдующій изъ словъ г. Петри, намъ кажется парадоксальнымъ. Здѣсь, очевидно, смѣшивается понятіе о научной географіи со способомъ изложенія научнаго географическаго матеріала или такъ-называемой *всеобщей географіей* (allgemeine Geographie, geographie universelle). Впрочемъ, со временъ Риттера всеобщая географія стала называться всеобщимъ землевѣдѣніемъ (allgemeine Erdkunde). Такъ называютъ свою науку тѣ географы, которые желаютъ видѣть въ ней не простое перечисленіе фактовъ по извѣстнымъ отдѣламъ, а связное и по возможности *генетическое* изложеніе. При такомъ изложеніи факты не остаются безсвязными отдѣльностями, а явленіями, зависящими другъ отъ друга. Весьма понятно и почтенно стараніе ввести связь въ географическіе факты, и хорошо, если ограничиваются проведеніемъ связи, гдѣ это возможно, не дѣлая натяжекъ и не прибѣгая слишкомъ часто къ гипотезамъ. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время

---

*) Задачи научной географіи. Извѣстія Имп. Русск. Географическаго Общества. 1887. Вып. V.

*

въ изложеніе фактовъ всеобщей географіи стали вводить множество данныхъ и гипотезъ изъ геологіи. Это замѣчается у обоихъ современныхъ составителей географіи: Реклю и Кирхгофа. Подъ редакціей каждаго изъ нихъ издается огромное сочиненіе, состоящее изъ общей и спеціальной части. Общая часть географіи Реклю представляетъ два отдѣла, давно уже переведенные на русскій языкъ: 1) L'Ocean, l'athmosphere et la vie (Океанъ, атмосфера и жизнь) и 2) La terre (суша). Спеціальное описаніе частей свѣта извѣстно подъ названіемъ: Nouvelle geographie universelle. Оно состоитъ изъ 16 большихъ томовъ и еще не окончено. У Кирхгофа общая часть называется Unser Wissen von der Erde, а спеціальная — Länderkunde. Реклю вводитъ геологическіе факты сравнительно въ малыхъ размѣрахъ, тогда какъ у Кирхгофа находится въ общей части цѣлый, хотя и краткій курсъ геологіи, а въ спеціальныхъ описаніяхъ различныхъ странъ геологическіе факты и гипотезы приводятся въ большомъ количествѣ. Въ Länderkunde Кирхгофа каждое государство раздѣлено на естественныя области или страны (Länder) преимущественно съ геологической точки зрѣнія. Такъ, напримѣръ, при изложеніи географіи Франціи послѣдняя раздѣлена на слѣдующія части: 1) возвышенность средней Франціи; 2) Бретань съ пограничными странами; 3) Пиринеи и бассейнъ Гаронны; 4) Западные Альпы и Юра и 5) сѣверъ и сѣверовостокъ Франціи. Въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ заключается глава, называющаяся исторіей образованія (Entstehungsgeschichte). Это чисто геологическое описаніе, гдѣ идетъ рѣчь объ измѣненіяхъ, происходившихъ съ данною страною въ различные геологическіе періоды и гдѣ дѣйствительно существующіе факты переплетаются съ гипотезами. Намъ кажется, что вся эта «геологическая исторія» имѣетъ очень мало отношенія къ явленіямъ, происходящимъ на земной поверхности въ настоящее время. Можетъ быть, эти факты и интересны, но цѣликомъ относятся къ геологіи, и переносить изъ нея цѣлыя главы въ географію—излишне.

Всеобщая географія дѣлится на двѣ части—общую и спеціальную. Подъ первой нужно понимать изложеніе физическихъ явленій, относящихся къ поверхности земного шара, и въ атмосферѣ, которая неразрывно связана съ поверхностью земли. Физическая географія дѣлится на: 1) ученіе о горизонтальномъ распредѣленіи суши и моря; 2) орографію; 3) климатологію; 4) гидрографію; 5) обозрѣніе органическаго міра. Въ послѣднюю главу входитъ также вопросъ о раздѣленіи человѣческаго рода на расы, племена и народы, а также и распредѣленіе ихъ по поверхности земного шара. Спеціальная часть

географіи есть обозрѣніе поверхности земли по частямъ. Самыми крупными естественными областями нужно считать части свѣта. Указаніе отличительнаго характера каждой части свѣта есть одна изъ задачъ спеціальной географіи. Но для болѣе совершеннаго и полнаго познанія поверхности земли требуется болѣе детальный обзоръ отдѣльныхъ странъ, имѣющихъ естественныя границы. Стремленіе установить такія естественныя области внутри частей свѣта, и даже государствъ, составляетъ отличіе современнаго способа изложенія спеціальной географіи. Дѣленіе поверхности земли на естественныя области имѣетъ громадное преимущество передъ прежнимъ способомъ дѣленія исключительно на основаніи политическихъ границъ. Сумма отличій естественной области основывается на комбинаціи различныхъ условій, къ которымъ относится поверхность, климатъ, растительность и т. д. Чтобы уяснить себѣ значеніе этихъ факторовъ необходимо ихъ разсматривать во взаимной связи, которую гораздо труднѣе указать, если брать искусственныя границы провинцій, губерній и уѣздовъ. Конечно, чтобы быть вѣрнымъ дѣйствительности, необходимо указывать и на политическія границы. Итакъ, описаніе земли по естественнымъ областямъ или *страновѣдѣніе* (Länderkunde) составляетъ отличіе современнаго изложенія спеціальной географіи.

Что касается до математической географіи, то она составляетъ только часть астрономіи и присоединяется къ географіи для полноты свѣдѣній о землѣ.

Конечно, трудно исчислить тѣ условія, при которыхъ изложеніе всеобщаго землевѣдѣнія можно было-бы считать наиболѣе совершеннымъ. Можно развѣ указать на то, къ чему не слѣдовало-бы возвращаться. Такъ, творецъ всеобщаго землевѣдѣнія, Карлъ Риттеръ, въ основаніе своего изложенія ставилъ извѣстную формулу: *географія есть описаніе земли, какъ жилища человѣка*. Еще въ шестидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія было указано на односторонность этой идеи и на телеологическій оттѣнокъ, преобладавшій у Риттера въ развитіи ея. Съ другой стороны, въ самое недавнее время, Герландъ *) выразилъ мысль, что ученіе о человѣкѣ и не принадлежитъ, собственно говоря, области географіи. Эта мысль, очевидно, не могла пустить и дѣйствительно не пустила глубокихъ корней по своей крайности, такъ что Герландъ остался, можно сказать, одинъ съ своею

*) Gerland, Beiträge zur Geophysik. Предисловіе къ первому тому этого изданія. На русскомъ языкѣ въ Извѣстіяхъ И. Р. Географическаго Общества. 1888 г. Выпускъ IV.

идеею. Чтобы избѣжать крайностей, изложенiе всеобщей географiи должно быть, по возможности, объективно. Мы думаемъ, что при этомъ нужно, въ самой широкой степени, воспользоваться сравнительнымъ способомъ изложенiя, который наиболѣе удобенъ для того, чтобы оттѣнить въ сознанiи тѣ сложныя состоянiя признаковъ, которыми характеризуются географическiе факты.

Нужно-ли учиться географiи?

Отъ научной географiи перейдемъ къ географiи, какъ учебному предмету. Первый вопросъ, который можетъ представиться при взглядѣ на географiю, какъ на предметъ обученiя, будетъ состоять въ томъ, нужно-ли преподавать географiю въ школѣ? Вопросъ этотъ сводится, очевидно, на другой, болѣе общiй: нужны-ли географическiя знанiя для человѣка? Для уясненiя этого вопроса вспомнимъ, что нѣтъ человѣка, не обладающаго извѣстнымъ запасомъ географическихъ свѣдѣвiй, и даже дикiе народы хорошо знаютъ мѣстности, ими обитаемыя. Изслѣдователь полярныхъ странъ, Вильямъ Пэрри пользовался указанiями эскимосовъ для отыскиванiя путей среди полярнаго архипелага Америки. Эскимосская женщина, Иличлiукъ, начертила на снѣгу карту ближайшихъ мѣстностей и такимъ образомъ помогла Пэрри въ его изслѣдованiяхъ. Уже молодые культурные народы, каковы ацтеки, оставили довольно хорошiя карты Мексики, что указываетъ на отчетливое представленiе ихъ о странѣ, гдѣ они жили. Тѣмъ болѣе современные образованные народы должны знать родную имъ страну. Кирхгофъ *) говоритъ, что не знающiй своего отечества не можетъ быть хорошимъ патрiотомъ. Въ дальнѣйшемъ смыслѣ вся земля представляетъ родину человѣка. Каждый человѣкъ долженъ стараться выработать себѣ извѣстное мiровоззрѣнiе, которое безъ помощи науки является неточнымъ, зараженнымъ суевѣрiями, и потому вреднымъ. По мѣрѣ увеличенiя географическихъ знанiй расширяется умственный горизонтъ и происходитъ явленiе, подобное тому, какъ если-бы кто совершалъ отдаленныя и продолжительныя путешествiя. Становится возможнымъ сравненiе родной страны съ другими, вслѣдствiе чего яснѣе запечатлѣваются въ сознанiи отличительныя черты родины. Что значенiе географiи въ общемъ образованiи давно уже признано, на это указываетъ тотъ фактъ, что въ курсы всѣхъ общеобразовательныхъ заведенiй, независимо отъ ихъ

---

*) Kirchhof, Schulgeographie. 1882. III стр.

направленія и назначенія, входитъ географія. Собственно говоря, вопросъ о важности и даже необходимости географіи, какъ учебнаго предмета, не слѣдовало-бы и поднимать, такъ какъ рѣшеніе его очевидно и просто. Къ сожалѣнію, въ литературѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ изложенъ взглядъ, совершенно отрицающій необходимость географіи. Этотъ взглядъ принадлежитъ нашему знаменитому поэту и публицисту графу Л. Н. Толстому *). Разказавъ о своихъ неудачныхъ опытахъ преподаванія исторіи и географіи въ школѣ, авторъ почему-то приходитъ вдругъ къ убѣжденію, что преподаваніе географіи совсѣмъ ненужно. «Забавно,—говоритъ онъ,—что всѣми признана несообразность требованія географіи съ духомъ учениковъ всего міра и вслѣдствіе того выдумываютъ тысячи остроумныхъ средствъ (какъ метода Сидова), какъ-бы заставить дѣтей запомнить слова, самая-же простая мысль, что совсѣмъ не нужно этой географіи, не нужно запоминать словъ—никакъ никому не приходитъ въ голову» (стр. 331). Немного выше (стр. 330) авторъ находитъ, что извѣстное мнѣніе Простаковой о безполезности географіи есть нѣчто такое, «сильнѣе чего никогда ничего не было сказано противъ географіи, и всѣ ученые міра не въ состояніи ничего отвѣтить противъ такого несокрушимаго довода. Я говорю совершенно серьезно». Послѣдняя тирада можетъ быть объяснена наитіемъ поэтическаго творчества, когда, начиная фразу, поэтъ не знаетъ, чѣмъ ее кончитъ. Что касается до первой, то въ ней 1) навязано географіи несправедливое требованіе запоминать слова (подразумѣвается—безъ смысла) и 2) упомянуто о признаніи всѣми (кто эти—всѣ?) несообразности требованій географіи. Такіе рѣзкіе и несправедливые нападки на географію можно объяснить себѣ неумѣлымъ и неудачнымъ примѣненіемъ элементарнаго преподаванія географіи въ ненормально поставленной и плохо дисциплинированной яснополянской школѣ гр. Толстого. Раздраженный своими неудачами, нашъ поэтъ сталъ обвинять ни въ чемъ неповинный учебный предметъ.

Положеніе географіи среди другихъ учебныхъ предметовъ.

Географія, подобно всѣмъ общеобразовательнымъ предметамъ, должна служить развитію какъ нравственной, такъ и умственной или познавательной способности учениковъ, причемъ нужно отличать формальное ея значеніе отъ матеріальнаго.

Всякій общеобразовательный учебный предметъ имѣетъ цѣлью,

*) Сочиненія графа Л. Н. Толстого. Изд. 5. 1886. Томъ IV.

кромѣ обученія учениковъ извѣстной отрасли знанія, содѣйствовать на сколько это заключается въ его средствахъ, развитію воли человѣка въ высоко-нравственномъ смыслѣ. Кромѣ того, собственно формальное значеніе учебнаго предмета будетъ заключаться въ пріученіи къ самостоятельной и цѣлесообразной дѣятельности и развитіи извѣстныхъ навыковъ и умѣній. Посмотримъ теперь, насколько географія отвѣчаетъ всѣмъ этимъ требованіямъ. Въ отношеніи развитія высшихъ нравственныхъ чувствъ и понятій, какъ, напримѣръ: религіознаго чувства, патріотизма, стремленія къ идеалу, участія къ ближнему, географія уступаетъ нѣкоторымъ предметамъ обученія, какъ-то: Закону Божію, исторіи, словесности. Подобно математикѣ, географія не служитъ непосредственно для возбужденія нравственныхъ понятій, но она является вспомогательнымъ предметомъ для всеобщей и священной исторіи и, такимъ образомъ, является помощницею въ достиженіи этой цѣли. Нѣкоторые факты, входящіе въ область географіи, какъ, напримѣръ, звѣздное небо, могутъ возбуждать высокое чувство благоговѣнія къ Творцу, такъ какъ мысль о звѣздномъ небѣ соединена съ представленіемъ о безконечномъ пространствѣ, а это представленіе, въ свою очередь, складывается въ понятіе о безконечной причинѣ всего существующаго. Точно также, мысль о солнцѣ, какъ о возбудителѣ и двигателѣ множества жизненныхъ явленій на землѣ, возбуждаетъ въ насъ представленіе о величіи и правильномъ соотношеніи силъ природы. Что касается до правильнаго развитія воли и желаній, то обученіе географіи можетъ служить этому непосредственно, если только примѣняется эвристическій способъ преподаванія, при чемъ заботятся нетолько о простой передачѣ знаній ученикамъ, но предоставляютъ добывать эти факты имъ самимъ,—конечно, при помощи учителя.

Ниже мы увидимъ, что почерпать географическіе факты непосредственно изъ окружающей природы ученики могутъ только въ ограниченномъ масштабѣ. Тамъ, гдѣ эта возможность прекращается, на помощь является карта. Такимъ образомъ, обученіе географіи въ значительной степени сводится къ тому, чтобы пріучить учениковъ брать географическія свѣдѣнія изъ карты. Въ отношеніи развитія познавательной способности, матеріальное значеніе географіи очень велико. Обученіе этому предмету имѣетъ цѣлью сообщить знанія изъ спеціальной области, имѣющія большую практическую, жизненную цѣнность, и съ этой точки зрѣнія, по своему значенію, географія уступаетъ только математикѣ. Впрочемъ, важное значеніе для успѣха курса географ-

фіи въ общеобразовательной школѣ имѣетъ раціональное значеніе учебнаго матеріала.

Обученіе географіи имѣетъ также и формальное значеніе для развитія познавательной способности. Сюда относится усвоеніе различныхъ навыковъ, которые могутъ быть раздѣлены на общіе и частные. Къ первымъ относятся такіе, въ которыхъ ученики упражняются и при обученіи другимъ предметамъ, какъ-то: наблюденіе, преимущественно видѣніе, пониманіе, выводъ, заключеніе, короче—мышленіе вообще; затѣмъ: разсказъ, чтеніе, счисленіе, черченіе. Въ развитіи навыка къ мышленію, особенно дедукціи, географія, безъ сомнѣнія, уступаетъ математикѣ.

Наблюденію учениковъ на урокахъ географіи подлежатъ, главнымъ образомъ, различныя учебныя пособія, какъ-то: глобусы, карты, картины. Поэтому, въ степени развитія наблюдательности географія уступаетъ въ школѣ естествовѣдѣнію, имѣющему дѣло преимущественно съ тѣлами природы. Спеціальный навыкъ, который можетъ быть развитъ только при обученіи географіи,—это пониманіе карты.

Изо всего сказаннаго слѣдуетъ, что самостоятельное положеніе географіи, какъ учебнаго предмета, главнымъ образомъ, опредѣляется тѣмъ, что она сообщаетъ ученикамъ спеціальные факты, имѣющіе большое практическое значеніе. Въ развитіи нравственныхъ понятій, а также способности отвлеченнаго мышленія она играетъ второстепенную роль. При условіи эвристическаго способа обученія, географія несомнѣнно имѣетъ значеніе предмета, образующаго волю и способность къ сознательной цѣлесообразной дѣятельности.

А. Соколовъ.

Авторитетное слово въ области методики математики.

В. П. Ермаковъ. О преподаваніи алгебры. Стр. 32 in magno VIII°. Спб. 1892. Ц. 30 коп.

Извѣстный русскій геометръ, которому математическая наука обязана нѣкоторыми весьма цѣнными пріобрѣтеніями, профессоръ Кіевскаго университета В. П. Ермаковъ, счелъ за благо, съ высоты своего положенія въ наукѣ, подѣлиться съ преподавателями низшей математики нѣкоторыми своими взглядами, на которые эти преподаватели, по нашему крайнему разумѣнію, должны были-бы обратить свое особенное вниманіе. Да не подумаетъ, однако, читатель, что этого вниманія взгляды В. П. Ермакова заслуживаютъ только потому, что они высказываются профессоромъ университета и человѣкомъ науки: читателю, конечно, извѣстно, что ни университетская каѳедра, ни высокое положеніе даннаго человѣка въ наукѣ еще не представляютъ собою абсолютнаго ручательства въ томъ, что книги и учебныя пособія, составленныя этимъ лицомъ для среднихъ учебныхъ заведеній, и взгляды, высказываемые имъ относительно общаго образованія, дѣйствительно отвѣчаютъ потребностямъ этого послѣдняго. Взгляды проф. Ермакова особенно цѣнны не потому, что они высказаны профессоромъ и, въ то-же время, двигателемъ науки, а потому, что этотъ ученый, кромѣ того, среднюю школу знаетъ, ея интересы принимаетъ близко къ сердцу, дѣтей любитъ искренно, правдѣ смотритъ смѣло въ глаза и своихъ взглядовъ не приноравливаетъ ни къ какимъ внѣшнимъ, болѣе или менѣе случайнымъ, требованіямъ и соображеніямъ.

При этомъ особенно назидательнымъ кажется намъ тотъ фактъ, что В. П. Ермаковъ, столь счастливо соединяющій въ себѣ званіе профессора съ правомъ на признаніе за нимъ крупныхъ ученыхъ заслугъ, не только не относится сколько-нибудь презрительно къ педагогикѣ и методикѣ преподаванія низшей математики, но даже нѣкоторымъ образомъ беретъ эти дисциплины подъ свое покровительство.

Къ подобному отношенію со стороны представителей наукъ, не особенно тѣсно соприкасающихся съ этими дисциплинами, послѣднія, какъ извѣстно, не привыкли: нынѣ считается едва-ли не признакомъ наилучшаго тона не только среди людей науки, но даже и среди преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній и руководителей учебнаго дѣла, относиться къ педагогикѣ и къ методикѣ преподаванія различныхъ учебныхъ предметовъ непремѣнно съ усмѣшечкою или, въ лучшемъ случаѣ, совершенно равнодушно. Часто приходится слышать и читать, что «всѣ эти методики, дидактики, психологіи, всѣ эти мечтанія объ улучшеніи преподаванія выдуманы дескать нѣмцами и представляютъ собою сущій вздоръ и пустяки» *). Такъ принято думать, какъ это замѣчено выше, даже въ средѣ педагоговъ по ремеслу; но этой моды не придерживается проф. Ермаковъ, хотя ему, какъ человѣку науки, было-бы если не къ лицу (ибо самодовольное невѣдѣніе никому не къ лицу), то, по крайней мѣрѣ, простительно относиться къ вопросамъ о *способахъ* преподаванія низшей математики и вообще къ вопросамъ педагогическимъ болѣе или менѣе снисходительно, такъ-сказать, сверху внизъ... Поэтому да не удивится читатель, если встрѣтитъ во взглядахъ проф. Ермакова,—того самаго Ермакова, который разрѣшилъ одинъ изъ тончайшихъ вопросовъ высшаго анализа, нашедши единственно могущественный признакъ сходимости рядовъ,—уваженіе къ педагогикѣ, ясное пониманіе разницы между тѣмъ, что должно быть изложено въ учебникѣ, и тѣмъ, что должно быть преподаваемо на урокахъ, и категорическое требованіе относительно того, что отъ дѣтей не слѣдуетъ требовать учености...

Но перейдемъ къ характеристикѣ содержанія брошюры профессора Ермакова. Она представляетъ собою, кажется, пересмотрѣнный оттискъ статьи подъ тѣмъ-же заглавіемъ, помѣщенной въ сборникѣ, изданномъ въ Кіевѣ кружкомъ профессоровъ и литераторовъ въ пользу населенія мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая 1891 года. Взгляды, высказываемые въ брошюрѣ, относятся къ слѣдующимъ четыремъ категоріямъ: къ общему педагогическому міросозерцанію почтеннаго профессора, къ вопросамъ о силѣ математики-науки въ однихъ и безсиліи ея въ другихъ направленіяхъ, къ цѣлямъ *преподаванія* математики и математическаго *самообразованія* и, наконецъ, къ содер-

*) Не далѣе, какъ въ третьемъ году въ одномъ педагогическомъ журналѣ нѣкій, впрочемъ, весьма почтенный педагогъ утверждалъ, что знаніе программы преподаванія начальной ариѳметики, обнародованной однимъ вѣдомствомъ, для учителя совершенно достаточно и что въ разныхъ «методикахъ» собственно надобности никакой нѣтъ и быть не можетъ.

жанію первыхъ страницъ алгебры, какъ этотъ учебный предметъ понимается проф. Ермаковымъ и какъ этотъ предметъ, по его мнѣнію, должно понимать.

Обратимся прежде всего къ замѣчаніямъ педагогическаго содержанія, которыми почтенный профессоръ въ разныхъ мѣстахъ своей брошюры пересыпаетъ свои размышленія о преподаваніи математики. Нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній, можетъ быть, покажутся иному пуристу-преподавателю неумѣстными въ брошюрѣ о преподаваніи *алгебры*; мы-же, напротивъ, въ этихъ замѣчаніяхъ, несмотря на несоотвѣтствіе между ихъ содержаніемъ и заглавіемъ брошюры, видимъ доказательство того, что проф. Ермаковъ исходитъ въ своихъ пожеланіяхъ изъ точки зрѣнія *идеаловъ*, притомъ идеаловъ *педагогическихъ*, и для насъ (а можетъ быть, и для нѣкоторыхъ изъ нашихъ читателей) это не менѣе важно, чѣмъ самое содержаніе предлагаемой проф. Ермаковымъ системы ученій алгебры.

Въ разныхъ мѣстахъ своей брошюры проф. Ермаковъ касается, напр., вопроса о способностяхъ учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ къ математикѣ и по этому поводу высказываетъ нѣсколько прекрасныхъ и проникнутыхъ любовью какъ къ предмету, такъ и къ дѣтямъ, мыслей: «Я утверждаю, что всѣ ученики, способные къ какой-бы то ни было наукѣ *), прежде всего должны быть способны къ воспріятію математики» (стр. 3); «на основаніи собственныхъ опытовъ (проф. Ермаковъ можетъ говорить о таковыхъ, такъ какъ онъ въ теченіе шести лѣтъ преподавалъ въ Кіевскомъ кадетскомъ корпусѣ) я утверждаю, что неослабнымъ вниманіемъ къ своему предмету и ученикамъ педагогъ всегда можетъ подогнать малоспособныхъ учениковъ къ среднему уровню; всегда можно достигнуть того, повидимому, недосягаемаго идеала, чтобы въ классѣ не было неуспѣшныхъ учениковъ» (стр. 7); «при правильной постановкѣ учебнаго дѣла не должно быть неуспѣшныхъ учениковъ» (стр. 5). Приведенныя выше выдержки доказываютъ, что проф. Ермаковъ не отрицаетъ различія въ склонностяхъ учащихся къ изученію математики, — отрицать это значило-бы отрицать очевидный и не подлежащій никакому сомнѣнію фактъ,—онъ только настаиваетъ на томъ, что общеобразовательный

*) Проф. Ермаковъ, не прибѣгая къ термину «учебный предметъ», разумѣетъ здѣсь и во многихъ другихъ мѣстахъ своей брошюры подъ *наукою* именно учебный предметъ, а не науку въ обычномъ значеніи этого слова. Онъ не дѣлаетъ этой оговорки въ виду того, что самое направленіе размышленій, которымъ посвящена брошюра, исключаетъ возможность неумѣстнаго въ томъ или другомъ случаѣ смѣшенія этихъ понятій.

курсъ математики можетъ быть осиленъ всякимъ, не лишеннымъ здраваго смысла ученикомъ, если объ этомъ постарается преподаватель, и противъ этого, конечно, спорить сколько-нибудь убѣдительно невозможно.

Изъ другихъ основоположенiй педагогическаго мiросозерцанiя почтеннаго профессора отмѣтимъ слѣдующiя: «необходимы наблюденiя надъ дѣтьми и семьѣ и школѣ» (стр. 4), и только благодаря наблюденiю надъ ученикомъ, педагогъ можетъ, по мнѣнiю проф. Ермакова, привыкнуть къ мысли, что если ученики чего-нибудь не понимаютъ, то они въ томъ не виноваты, то это еще не значитъ, что они лѣнивы и неспособны къ наукѣ». «Педагогъ не долженъ раздражаться (стр. 5); мало этого: педагогъ долженъ задать себѣ вопросъ, нельзя-ли непонятое мѣсто изложить въ другой болѣе ясной формѣ». Одною изъ причинъ, влiяющихъ на малоуспѣшность занятiй, по мнѣнiю проф. Ермакова, является «несоотвѣтствiе между физическими и душевными силами» (стр. 6)... Нарисовавъ грустную картину домашнихъ занятiй учащихся (картину, къ сожалѣнiю, очень вѣрную), проф. Ермаковъ доходитъ до того, что въ брошюрѣ, посвященной преподаванiю алгебры (къ немалому ужасу, должно быть, многихъ преподавателей математики!), позволяетъ себѣ обратиться къ учащимъ и родителямъ съ слѣдующимъ совѣтомъ: «Мой совѣтъ: если хорошiй ученикъ начнетъ понижаться въ успѣшности своихъ занятiй, то первымъ дѣломъ надо заставить такого ученика употребить болѣе продолжительное время на прогулки; движенiе на открытомъ воздухѣ настолько укрѣпляетъ физическiя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и умственныя силы ученика, что у него явятся бо̀льшая сообразительность и бо̀льшая память, и онъ будетъ тратить меньше времени на приготовленiе уроковъ» (стр. 6)... Подвергнувъ довольно строгой, хотя и не детальной критикѣ наше гимназическое образованiе, проф. Ермаковъ высказывается въ пользу сокращенiя курсовъ различныхъ учебныхъ предметовъ, выражая свое pium desiderium слѣдующимъ образомъ: «Было-бы гораздо лучше, если-бы гимназiи по всѣмъ наукамъ давали лишь такiя знанiя, которыя потомъ никогда не забывались-бы. Для достиженiя этой цѣли необходимо изъ теоретическаго преподаванiя науки исключить массу мелочей и отнести таковыя къ практическимъ упражненiямъ. *Гимназiя можетъ и должна давать прочную систему* знанiй» (курсивъ подлинника, стр. 12 и 13). Тѣмъ-же духомъ проникнуто утвержденiе, высказываемое относительно теорiи предметовъ обученiя и относительно учебниковъ: «теорiя должна быть доведена до минимума; учебники должны быть кратки» (стр. 14).

Мы считаемъ возможнымъ не приводить аргументацію почтеннаго профессора въ пользу только-что приведенныхъ взглядовъ, такъ какъ и самъ авторъ, считая эти взгляды мало нуждающимися въ доказательствахъ, не всегда ихъ доказываетъ. Надѣемся, что и приведенныхъ выдержекъ, однако, достаточно для характеристики симпатичныхъ взглядовъ почтеннаго автора на вопросы педагогическіе. Если къ этому прибавить, что проф. Ермаковъ съ чувствомъ признательности вспоминаетъ о результатахъ дѣятельности не существующаго болѣе «Педагогическаго Общества» и о педагогическихъ опытахъ гр. Л. Н. Толстого въ Ясной Полянѣ, и что почтенный профессоръ скорѣе преувеличиваетъ, чѣмъ игнорируетъ тѣ результаты, которыхъ достигло преподаваніе ариѳметики въ начальныхъ школахъ, то характеристика педагогическихъ симпатій почтеннаго профессора будетъ достаточно полна.

Къ сожалѣнію, не всѣ взгляды проф. Ермакова выражены съ достаточною полнотою и ясностью, и одинъ изъ этихъ взглядовъ (касающійся педагогической литературы) не можетъ быть признанъ во всемъ объемѣ вѣрнымъ, другой-же (изъ области психологіи и физіологіи) не можетъ не быть причисленъ къ числу спорныхъ. Не вдаваясь вообще въ настоящей статьѣ въ полемику, позволимъ себѣ привести цѣликомъ мѣста, относящіяся къ упомянутымъ предметамъ, предоставляя читателю самому разобраться въ этихъ, какъ и во многихъ другихъ, вопросахъ. Съ цѣлью разъясненія необходимости наблюденій надъ дѣтьми, а также съ цѣлью уясненія направленія и духа раціональнаго преподаванія, почтенный профессоръ во главу своихъ размышленій ставитъ и разъясняетъ слѣдующее положеніе: «*Педагогическая литература основана на чистомъ умозрѣніи безъ участія опыта и наблюденія* (курсивъ подлинника). Постараюсь оправдать это положеніе. Припомнимъ, что методики и учебники большею частью (?) пишутся молодыми педагогами, подвизающимися на педагогическомъ поприщѣ два или три (?) года. Быть можетъ, эти педагоги въ столь короткое время успѣли уже запастись педагогическимъ опытомъ? Конечно, нѣтъ, да они объ этомъ и не заботятся (?). Прочитавъ нѣсколько педагогическихъ произведеній, составляютъ собственный методъ преподаванія, выпускаютъ учебникъ, а затѣмъ примѣняютъ свой методъ на практикѣ. Но мнѣ возразятъ, что всякій методъ, выработанный теоретически, повѣряется потомъ на практикѣ. Но такая провѣрка дала хорошіе результаты только (?) въ начальныхъ школахъ, посѣщеніе которыхъ доступно (?) для всѣхъ, интересующихся дѣломъ начальнаго преподаванія; такимъ образомъ, методъ, созданный однимъ

педагогомъ, подвергался (?) критикѣ многихъ лицъ. Не то въ среднихъ школахъ, гдѣ самъ педагогъ является единственнымъ (?) критикомъ своего метода» (стр. 4). Недоказанныя утвержденія нами отмѣчены вопросительными знаками въ скобкахъ и возбуждаютъ тѣмъ больше сожалѣнія, что къ дѣлу относятся весьма отдаленнымъ образомъ; между тѣмъ это мѣсто можетъ подать поводъ къ заподозрѣнію проф. Ермакова въ несочувствіи къ посильной работѣ молодыхъ преподавателей надъ вопросами преподаванія и обученія. Профессоръ-же Ермаковъ, какъ-разъ наоборотъ (какъ мы въ томъ убѣдимся ниже и какъ о томъ можно судить также по приведеннымъ выдержкамъ) педагогической литературѣ сочувствуетъ и разнообразію, какъ и совершенствованію методовъ преподаванія, придаетъ величайшее значеніе. Приведенное выше мѣсто относительно педагогической литературы вообще отличается неясностью изложенія и сбивчивостью пріемовъ аргументаціи: неясно видно—чего именно авторъ хочетъ и откуда имъ почерпнуты свѣдѣнія о возрастѣ лицъ, подвизающихся на поприщѣ педагогической литературы, и о результатахъ, будто-бы, достигнутыхъ въ начальной школѣ. Бѣда не въ томъ, что на поприщѣ педагогической литературы подвизаются только очень юные педагоги, имѣющіе за спиною опытъ лишь, максимумъ, трехлѣтней педагогической практики, а въ томъ, что ни средняя, ни даже начальная школа отъ изобилія (которыми, впрочемъ, вовсе и не можетъ похвастать наша педагогическая литература) учебныхъ книгъ и учебныхъ пособій по предмету математики выигрываетъ очень мало. Ибо не только среди преподавателей начальной школы, но и среди преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній рутина и привычка къ тому или иному учебному пособію играетъ роль болѣе видную, чѣмъ вся наша педагогическая литература и ея указанія, взятыя вмѣстѣ. Преподаватель средняго учебнаго заведенія, какъ это извѣстно всѣмъ и каждому, къ литературѣ своего учебнаго предмета болѣе или менѣе равнодушенъ, самъ «новому» учиться не склоненъ и предпочитаетъ учить по книжкамъ и методамъ, которыя ему извѣстны чуть-ли не съ тѣхъ поръ, какъ онъ самъ еще учился въ гимназіи... Доказательствомъ подобнаго равнодушія служитъ малочисленность работъ и статей, обнародованныхъ нашими преподавателями по предметамъ курса среднихъ учебныхъ заведеній: въ то время, какъ въ Западной Европѣ (въ особенности въ Германіи и Франціи) ежегодно появляются въ свѣтъ сотни журнальныхъ статей, брошюръ и учебныхъ пособій, принадлежащихъ перу преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, у насъ такія статьи и брошюры появляются только десятками. При

этомъ единственнымъ оправданіемъ нашимъ въ такой пассивности и апатичномъ отношеніи къ литературѣ предмета служатъ высокомѣрныя замѣчанія о томъ что «все это, дескать, пустяки, нѣмецкія выдумки, кабинетныя измышленія», что «практика, дескать, и сама научитъ, какъ вести дѣло», что «важнѣе всего практика, а все «это»—однѣ теоріи», и т. д., и т. д.

Возвращаясь къ брошюрѣ проф. Ермакова, мы должны замѣтить, что даже въ случаяхъ, когда онъ высказываетъ взгляды спорные, онъ, тѣмъ не менѣе, ведетъ насъ съ помощью этихъ взглядовъ къ мыслямъ, болѣе или менѣе симпатичнымъ. Такъ, проф. Ермаковъ изъ того не вполнѣ вѣрнаго утвержденія, что педагогическая литература основана, будто-бы, исключительно на чистомъ «умозрѣніи», дѣлаетъ тотъ глубоко вѣрный выводъ, что преподаваніе должно основываться на наблюденіяхъ надъ учащимся и надъ затрудняющими его моментами нашего преподаванія. Точно такъ-же почтенный профессоръ, весьма склонный къ положительному разрѣшенію вопроса о томъ, рождаются-ли дѣти съ одинаковыми способностями на свѣтъ Божій (стр. 7) (вопроса, по меньшей мѣрѣ, спорнаго), продолжаетъ эту экскурсію въ область эмбріологіи и физіологіи очень практичнымъ и важнымъ для педагоговъ, хотя и не основаннымъ на безспорныхъ посылкахъ, выводомъ: «Но я спорить не стану: положимъ, что дѣти дѣйствительно рождаются съ различными способностями. Въ такомъ случаѣ священный долгъ педагога состоитъ въ томъ, чтобы исправить природные недостатки. Велика-ли заслуга педагога, если онъ обращаетъ исключительное вниманіе на способныхъ учениковъ? Нѣтъ, гораздо бо̀льшая заслуга того педагога, который съумѣетъ обучить малоспособныхъ учениковъ». Найдутся, вѣроятно, читатели, которые, въ отвѣтъ на это, скажутъ: «теоріи, кабинетныя выдумки, педагогическія иллюзіи, идеализмъ»... Да, это—идеализмъ, но этотъ идеализмъ только и въ состояніи оправдать мѣсто преподаванія математики въ системѣ общаго образованія, а кто неспособенъ предаваться «иллюзіямъ», правильнѣе—идеаламъ этого рода, тотъ, строго говоря, и не долженъ-бы имѣть честь принадлежать къ сословію преподавателей вообще и преподавателей математики въ частности. Безъ идеаловъ нѣтъ педагогики, нѣтъ образованія, нѣтъ воспитанія.

Обратимся теперь къ взглядамъ почтеннаго ученаго на математику-науку. Въ этомъ вопросѣ онъ, конечно, можетъ претендовать на особенное вниманіе. И читатель жестоко ошибется, если, съ притязаніемъ на особенную проницательность, подумаетъ, что проф. Ермаковъ превозноситъ математику «превыше облака ходячаго» и не соблю-

даетъ мѣры въ своихъ «восторгахъ». Какъ-разъ напротивъ: къ такому восторженному отношенію способны скорѣе дилеттанты, любящіе математику «изъ своего прекраснаго далека», а не серьезный ученый, который всю жизнь свою посвящаетъ изученію и преподаванію ея и споспѣшествуетъ ея прогрессу. Не мало (не только среди образованныхъ людей, но и среди преподавателей математики) встрѣчается такихъ лицъ, которыя думаютъ, что математика есть наука, проникнутая единою руководящею идеею, единою теоріею, что это—наука неразрывная, цѣльная, въ которой все, кромѣ аксіомъ, доказывается, въ которой нѣтъ ничего условнаго, нѣтъ пробѣловъ и несовершенствъ. Другіе, признавая эти качества, думаютъ (впрочемъ, безъ особеннаго сочувствія къ математикѣ), что у математики, дескать, *своя* логика, *свой* здравый смыслъ, будто-бы противорѣчащій здравому смыслу обыкновеннаго человѣка, что у ней *свои* законы мышленія... Проф. Ермаковъ, конечно, является противникомъ обоихъ этихъ взглядовъ.

«Въ настоящее время,—говоритъ достопочтенный профессоръ,—все заражено единствомъ: единство матеріи, единство законовъ и т. д. Педагоги также стремятся создать единую теорію, способную обнять всѣ мелочи данной науки. Но такой теоріи въ математикѣ не существуетъ, да и не можетъ существовать. Полагаю, что и въ другихъ наукахъ едва-ли возможно создать теорію, объединяющую всѣ факты» (стр. 13). Всемогущество математики въ дѣлѣ познанія природы проф. Ермаковъ тоже отрицаетъ во многихъ мѣстахъ своей брошюры. Сдѣлавъ небольшую экскурсію въ исторію этой науки и вспомнивъ о заслугахъ Ньютона, Лейбница и въ особенности объ открытіи Нептуна, сдѣланномъ Леверрье на основаніи однихъ вычисленій, проф. Ермаковъ продолжаетъ: «Математики возликовали. Явилось убѣжденіе, что математика дастъ возможность проникнуть въ тайны міросозданія. Стóитъ только облечь данное явленіе въ математическія формулы (составить дифференціальныя уравненія), вывести при помощи математическихъ законовъ возможныя слѣдствія изъ формулъ и дать надлежащее толкованіе результатамъ, и послѣ этого разсматриваемое явленіе раскроется предъ нами во всей полнотѣ. Такъ думали математики!» Разсказавъ о существованіи дифференціальныхъ уравненій, которыя крайне трудно, а иногда и невозможно разрѣшить, почтенный профессоръ продолжаетъ: «Напрасная мечта! математика можетъ быть примѣнена къ изслѣдованію простыхъ явленій природы; всѣ-же сложныя явленія приводятъ къ такимъ формуламъ, изъ которыхъ часто невозможно вывести никакихъ заключеній» (стр. 8). Въ этомъ направленіи проф. Ермаковъ доходитъ до крайне смѣлаго утвержденія (конечно,

не поддающагося прямому доказательству), что «если представители другихъ наукъ (кромѣ нынѣ уже примѣняющихъ математику) мечтаютъ о примѣненіи математики, то такая мечта является положительнымъ безуміемъ и напрасною тратою времени» (стр. 9). Вообще проф. Ермакова нельзя упрекнуть въ недостаткѣ скептицизма по отношенію къ услугамъ математики-науки, хотя и нельзя утверждать, что всѣ размышленія почтеннаго ученаго обставлены достаточными для его выводовъ аргументами. Свои взгляды на «отрицательныя стороны» математики-науки проф. Ермаковъ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ: 1) математика непримѣнима къ изученію сложныхъ явленій природы, 2) математическіе законы и формулы могутъ привести къ ложнымъ результатамъ *), 3) за исключеніемъ немногихъ наукъ, къ другимъ наукамъ математика непримѣнима, и 4) нѣкоторые высшіе отдѣлы математики не могутъ имѣть никакого примѣненія». Какъ легко видитъ читатель, въ особенныхъ увлеченіяхъ *въ пользу* математики-науки— почтеннаго профессора упрекать не приходится. За-то тѣмъ съ большимъ правомъ онъ является ревностнымъ защитникомъ здраваго смысла математическихъ ученій и сторонникомъ методически-правильнаго математическаго *образованія* въ школѣ и математическаго домашняго *самообразованія* для взрослыхъ.

Какъ-бы въ отвѣтъ на нападки противъ математики, исходящія отъ лицъ, считающихъ математику наукою исключительно символистическою, обладающею, будто-бы, своею собственною логикою и своими законами, иногда лишенными здраваго смысла, проф. Ермаковъ говоритъ: «Если математикъ мыслитъ иначе, чѣмъ остальные люди, то такой математикъ либо психически больной человѣкъ, либо, по меньшей мѣрѣ, плохой мыслитель, плохой ученый... (Многоточія обозначаютъ дѣлаемые нами пропуски въ цитируемомъ текстѣ). Дѣйствуя сообразно математическимъ законамъ и не справляясь съ обыкновенною логикою, мы иногда приходимъ къ ложнымъ заключеніямъ... Каждая формула есть сокращенное мышленіе, выраженное символическими знаками. Хорошій математикъ ни на одну минуту не долженъ забывать истиннаго значенія находимыхъ имъ формулъ; словомъ, математическое разсужденіе должно сопровождаться и провѣряться обыкновеннымъ мышле-

---

*) Въ доказательство этого проф. Ермаковъ напоминаетъ объ извѣстной, такъ-называемой въ теоріи вѣроятностей «Санктпетербургской задачѣ», математическое рѣшеніе которой привело къ сомнѣніямъ въ принципахъ самой теоріи вѣроятностей и къ введенію въ науку понятія о такъ-называемомъ «нравственномъ ожиданіи».

ніемъ». Какъ далека, къ сожалѣнію, педагогическая дѣйствительность съ ея преподаваніемъ математики отъ этого идеала, начертаннаго смѣлою рукою столь крупнаго ученаго и педагога! Какъ много доказательствъ въ низшей математикѣ проникнуты духомъ всепожирающей символистики и мертвящаго формализма (мы говоримъ не объ учебникахъ, гдѣ всякое ученіе должно быть изложено кратко, а потому иногда и сухо, болѣе или менѣе формально,—мы говоримъ о преподаваніи!), —какъ часто преподаваніе чуждо живыхъ представленій и именно здраваго смысла, поневолѣ замѣняемыхъ въ учебникѣ понятіями отвлеченными и логикою формальной! Какъ часто преподаватель вмѣсто того, чтобы предварительно выяснить сущность и разыскать нервъ доказательства какой-нибудь теоремы (хотя-бы, напримѣръ, той извѣстной теоремы, что «объемлемая выпуклая ломаная меньше любой объемлемой»), пишетъ, пишетъ и пишетъ безчисленныя равенства, неравенства, складываетъ, вычитаетъ, подставляетъ и не указываетъ учащемуся никакихъ иныхъ средствъ къ усвоенію этой теоремы, кромѣ памяти и чисто-мнемоническихъ правилъ, считая послѣднее едва-ли не достоинствомъ своего преподаванія! Какъ часто мы, не вдумавшись въ смыслъ (въ здравый смыслъ, доступный каждому человѣку, не лишенному его) данной формулы, данной теоремы или даннаго доказательства, изъ года въ годъ рабски, чуть не дословно, повторяя текстъ учебника, не принимая во вниманіе самой сути дѣла, забываемъ, что въ учебникѣ не только дозволительно, но, для краткости, можетъ быть, и необходимо излагать данный вопросъ такъ, а не иначе, а въ классѣ подобное изложеніе слишкомъ отвлеченно, немотивированно, неожиданно, неблагоразумно, даже прямо нелѣпо!.. Вы скажете, что проф. Ермаковъ защищаетъ права здраваго смысла въ *наукѣ*, имѣя въ виду петербургскую задачу и другія ошибки, въ которыя иногда впадали математики, забывавшіе случайно требованія здраваго смысла. Но если требованія проф. Ермакова, предъявляемыя имъ къ людямъ науки, проникнуты уваженіемъ къ здравому смыслу, то тѣмъ большимъ уваженіемъ къ здравому смыслу учащихся, къ ихъ логикѣ и къ ихъ желанію представлять себѣ то, что они часто принуждены выучивать только на память, должны питать мы, скромные преподаватели низшей математики, гдѣ всѣ ученія такъ просты по своей сущности и такъ общедоступны по своему логическому смыслу. Да и самъ проф. Ермаковъ послѣдняго вопроса касается по поводу того, что «педагогъ не долженъ раздражаться», прибавляя къ этому своему пожеланію еще слѣдующее: «Мало этого. Педагогъ долженъ наблюдать и записывать тѣ именно моменты, когда ученики чего-либо не понимаютъ. Прежде

*

всего нужно задать себѣ вопросъ: нельзя-ли непонятое мѣсто изложить въ другой, болѣе ясной формѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ всегда долженъ быть утвердительнымъ, въ чемъ я убѣдился на основаніи собственныхъ, хотя и малочисленныхъ опытовъ. Непонятое мѣсто всегда можетъ быть изложено иначе — въ формѣ болѣе доступной для учениковъ» (стр. 5.). Эта цитата прямо говоритъ въ пользу сочувствія проф. Ермакова ненавистной многимъ преподавателямъ среднихъ учебныхъ заведеній, видящимъ въ этой ненависти доказательство своей учености, методикѣ *преподаванія* низшей математики. Она идетъ также нѣсколько въ разрѣзъ съ нѣкоторыми точками зрѣнія, впрочемъ, весьма интересной и почтенной работы В. Б. Струве подъ заглавіемъ: «О постановкѣ преподаванія математики въ среднеучебныхъ заведеніяхъ Франціи» («Русская Школа» №№ 5 и 6 за 1892 годъ). «Непонятое мѣсто можетъ быть изложено иначе», говоритъ проф. Ермаковъ, которому не надо свою ученость доказывать выраженіями равнодушія къ методикѣ; въ этомъ простомъ правилѣ преподаванія заключается осужденіе рабскаго слѣдованія какому угодно учебнику и его изложенію; въ этомъ заключается доказательство недальновидности тѣхъ преподавателей, которые думаютъ, что если они къ изложенію какого-либо учебника привыкли и если имъ ясно его изложеніе, то столь-же ясно должно быть это изложеніе ихъ ученикамъ...

Не взирая на ясное пониманіе безсилія математики-науки въ нѣкоторыхъ направленіяхъ, проф. Ермаковъ математическое *образованіе* и *самообразованіе* цѣнитъ очень высоко. «Математика учитъ правильному мышленію» (стр. 12); этимъ почтенный профессоръ желаетъ, конечно, сказать, что изученіе математики прививаетъ уму пріемы, способы, сноровку правильнаго мышленія; онъ идетъ даже далѣе, утверждая, что «правильное занятіе математикою дѣлаетъ человѣка хорошимъ мыслителемъ» (ib.),—утвержденіе, пожалуй, даже не вполнѣ удачное. Отрицая приложимость математики къ наукамъ, не тѣсно съ нею соприкасающимся, напр., къ юриспруденціи, къ филологіи, наукамъ общественнымъ, и считая мечты о примѣненіи математики къ этимъ наукамъ «положительнымъ безуміемъ», проф. Ермаковъ, тѣмъ не менѣе, совѣтуетъ представителямъ другихъ наукъ «либо совсѣмъ оставить математику, либо изучать ее вполнѣ, не заботясь о приложеніяхъ: приложенія найдутся сами собою», считая главнѣйшею цѣлью самостоятельныхъ занятій математикою самообразованіе, воспитаніе своего мышленія. Позволимъ себѣ (совершенно въ духѣ брошюры) процитировать и сопоставить нѣкоторыя мѣста, которыя дадутъ понятіе

о взглядахъ проф. Ермакова на цѣль преподаванія математики въ среднихъ учебныхъ завеніяхъ. Такъ какъ «гимназія можетъ и должна давать прочную систему знаній», такъ какъ, далѣе, «гимназическое преподаваніе должно быть направлено къ развитію мыслительныхъ способностей», и такъ какъ, наконецъ, «въ разнообразіи методовъ и пріемовъ—вся сила и прелесть науки», то «математика наилучшимъ образомъ удовлетворяетъ цѣли развитія мыслительныхъ способностей: ибо эта наука преимущественно предъ другими науками отличается разнообразіемъ методовъ изложенія и пріемовъ рѣшенія задачъ» (стр. 13).

Къ сожалѣнію, мы не можемъ останавливаться на весьма цѣнныхъ, хотя иногда и весьма спорныхъ частностяхъ взглядовъ почтеннаго профессора Ермакова,—частностяхъ, изъ которыхъ каждая могла-бы послужить темою для цѣлой работы по вопросамъ педагогическимъ, психологическимъ, по вопросамъ исторіи математики, школовѣдѣнія и школоустройства, а также по вопросамъ чистой математики: такова уже рука мастера, чуть-ли не расточающая направо и налѣво цѣнные плоды своего опыта и размышленія. Но надѣемся, что даже на основаніи сказаннаго нами выше, читатель не преминетъ согласиться съ тѣмъ, что въ брошюрѣ проф. Ермакова мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, не зауряднымъ въ нашей педагогической литературѣ. О многихъ пунктахъ своего разногласія съ почтеннымъ профессоромъ мы поэтому не считаемъ нужнымъ распространяться.

Въ заключеніе обратимся къ взглядамъ почтеннаго автора на алгебру и ея преподаваніе. Подъ алгеброю проф. Ермаковъ разумѣетъ только науку о тождественныхъ преобразованіяхъ формулъ. Само собою разумѣется, что такъ-называемыя «скобочныя» упражненія онъ исключаетъ изъ курса ариѳметики, которой цѣль, по его мнѣнію, заключается въ томъ, чтобы; «во-первыхъ, научить дѣйствіямъ надъ числами, во-вторыхъ, хорошимъ подборомъ задачъ развить, насколько возможно, мышленіе учащихся. Формулы въ ариѳметикѣ неумѣстны: онѣ служатъ только пугаломъ для посредственныхъ учениковъ» (стр. 15). Не поучительно-ли это? Не поучительно-ли, что учителя ариѳметики и составители ариѳметическихъ задачниковъ и учебниковъ отводятъ скобочнымъ упражненіямъ (Евтушевскій, Верещагинъ) громадное мѣсто и включаютъ въ курсъ ариѳметики также ученіе о пропорціяхъ (ученіе чисто-алгебраическое), въ то время, какъ ученый геометръ, профессоръ университета, считаетъ формулы и скобки совершенно чуждыми ариѳметикѣ?.. Выходитъ такъ, что учителя начальныхъ школъ и среднихъ учебныхъ заведеній желаютъ сдѣ-

лать своихъ учениковъ—тоже въ своемъ родѣ учеными, профессоръже университета, притомъ самъ крупный ученый, отъ учениковъ начальныхъ школъ и отъ воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, пока они учатся ариѳметикѣ, никакой учености не требуетъ. Весьма поучительное qui pro quo.

На вопросъ о томъ—какъ приступить къ преподаванію алгебры проф. Ермаковъ даетъ отвѣтъ довольно оригинальный. Онъ предлагаетъ разрѣшить одну и ту-же задачу, допускающую два способа рѣшенія, двоякимъ образомъ и довести учащихся, путемъ надлежащихъ, конечно, упражненій, до сознанія, что «рядъ однихъ дѣйствій надъ какими-бы то ни было числами можетъ быть замѣненъ рядомъ другихъ дѣйствій надъ тѣми-же числами». Когда учащіеся поймутъ это, имъ можно дать слѣдующее, по мнѣнію проф. Ермакова, точное опредѣленіе алгебры: «Алгебра даетъ правила для замѣны однихъ дѣйствій рядомъ другихъ дѣйствій надъ тѣми-же числами» (стр. 17). Не имѣя намѣренія входить въ подробное обсужденіе этого взгляда на предметъ *всей* алгебры, мы должны, во всякомъ случаѣ, признать, что учащіеся необычайно много пріобрѣтутъ, когда вполнѣ поймутъ это опредѣленіе алгебры и, вмѣстѣ съ нимъ, сущность такъ-называемаго тождественнаго преобразованія, какъ цѣли если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, весьма многихъ ученій алгебры. Не останавливаясь на относящихся къ началу курса алгебры опредѣленіяхъ, не представляющихъ собою ничего особенно оригинальнаго, хотя и не лишенныхъ иногда оригинальности, мы обратимъ вниманіе на тѣ точки зрѣнія, которыя заслуживаютъ особенно сочувствія и изученія со стороны преподавателей алгебры.

Вся математика, по мнѣнію проф. Ермакова, состоитъ изъ положеній (т.-е. аксіомъ и теоремъ), условій (по мнѣнію проф. Ермакова, совершенно, по нашему-же разумѣнію, лишь болѣе или менѣе произвольныхъ), опредѣленій и задачъ. Послѣ разъясненія этихъ понятій, перечисляются положенія, условія и опредѣленія, необходимыя, по мнѣнію почтеннаго профессора, для того, «чтобы составить себѣ ясное понятіе объ алгебрѣ». При этомъ онъ ограничивается въ своей брошюрѣ только первыми тремя дѣйствіями и считаетъ основныя положенія алгебры взятыми изъ ариѳметики и не нуждающимися въ доказательствѣ даже въ ариѳметикѣ. Предоставляя себѣ въ будущемъ вернуться къ этому вопросу, приводимъ систему алгебры, предлагаемую проф. Ермаковымъ, безъ всякихъ съ нашей стороны поясненій (за исключеніемъ краткихъ подстрочныхъ замѣчаній, цѣль коихъ состоитъ въ указаніи отступленій этой системы отъ обычной); при этомъ

пользуемся буквенными обозначеніями во всѣхъ случаяхъ, когда это ведетъ къ сокращенію рѣчи; въ остальномъ-же стараемся не отступать отъ изложенія почтеннаго профессора:

Положеніе I. Величина суммы $a+b+c+\ldots.$ не зависитъ ни отъ порядка дѣйствій, ни отъ перестановки слагаемыхъ *).

Условіе I. Формула $a-b+c-d+e+\ldots..$ выражаетъ рядъ послѣдовательныхъ дѣйствій въ томъ порядкѣ, какъ дѣйствія обозначены.

Положеніе II. $a-b+c-d-e+f=a+c+f-b-d-e$.

Положеніе III. $a-b-c-d=a-(b+c+d)$.

Положеніе IV. $(a\,.\,b)\,.\,c=a\,.\,(b\,.\,c)$ **).

Условіе II. $a\,.\,b:c=a:c\,.\,b$ ***).

---

*) Это положеніе состоитъ изъ двухъ частей: а) величина суммы не зависитъ отъ того, которое изъ слагаемыхъ принято за первое, которое—за второе, которое — за третье, и т. д. и б) величина суммы не зависитъ отъ того, какъ сгруппированы слагаемыя. Первое изъ этихъ предложеній есть аксіома, второе-же можетъ быть доказано.

**) Рядъ теоремъ, относящихся до умноженія, какъ извѣстно, наиболѣе удобенъ въ слѣдующемъ (для алгебры прямо необходимомъ) порядкѣ:

1) $a\,.\,b=b\,.\,a$;

2) $a\,.\,b\,.\,c=b\,.\,a\,.\,c$;

3) $a\,.\,b\,.\,c=a\,.\,c\,.\,b$;

4) $a\,.\,b\ldots.m\,.\,n\ldots.p\,.\,q=b\,.\,a\ldots..m\,.\,n\ldots..p\,.\,q$;

5) $a\,.\,b\ldots.m\,.\,n\ldots.p\,.\,q=a\,.\,b\ldots.m\,.\,n\ldots.q\,.\,p$;

6) $a\,.\,b\ldots.m\,.\,n\ldots.p\,.\,q=a\,.\,b\ldots.n\,.\,m\ldots.p\,.\,q$;

7) сомножители могутъ быть взяты въ какомъ угодно порядкѣ;

8) въ выраженіи, требующемъ исключительно примѣненія дѣйствія умноженія, могутъ быть вставлены въ какомъ угодно мѣстѣ скобки и удалены имѣющіяся уже скобки.

Какъ профессоръ Ермаковъ всѣ эти восемь теоремъ надѣется исключить изъ курса, замѣняя ихъ только однимъ положеніемъ IV, трудно себѣ представить, такъ какъ уже при умноженіи одночлена на одночленъ, напримѣръ, $3a^2b^3c$ на $5a^4b^5c^4d$ придется пользоваться теоремою, помѣщенною нами подъ № 8; ибо

$3a^2b^3c\,.\,5a^4b^5c^4d=15a^6b^8c^5d$ только потому, что

$(3a^2b^3c)\,.\,(5a^4b^5c^4d)=(3\,.\,5)\,.\,(a^2\,.\,a^4)\,.\,(b^3\,.\,b^5)\,.\,(c\,.\,c^4)\,.\,d$; примѣненіе-же теоремы подъ № 8 предполагаетъ всѣ остальныя.

***) Это условіе дѣлается профессоромъ Ермаковымъ въ противоположность тѣмъ авторамъ, которые условились считать, что $a:b\,.\,c$ обозначаетъ частное $a:(b\,.\,c)$, а выраженіе $a\,.\,b:c$ обозначаетъ частное $(a\,.\,b):c$. Условіе профессора Ермакова вноситъ въ дѣйствія (по нѣмецкой терминологіи) второй ступени (der zweiten Stufe), т.-е. въ дѣйствія умноженія и дѣленія полную аналогію съ дѣйствіями первой степени, т.-е. сложенія и вычитанія, которыя всѣми подчиняются условію: $a+b-c=a-c+b$.

Сообразно съ условіемъ II, у профессора Ермакова получается

Положеніе V. $a:b.c:d:e.f = a.c.f:b:d:e$,

Положеніе VI. $a:b.c:d:e.f = \frac{a.c.f}{b.d.e}$ *).

Условіе III. Въ выраженіи, состоящемъ изъ чиселъ, соединенныхъ знаками всѣхъ четырехъ дѣйствій, условились прежде всего производить дѣйствія надъ числами, стоящими рядомъ и соединенными знаками умноженія и дѣленія.

Опредѣленіе I. Совокупность чиселъ, соединенныхъ знаками умноженія, принято называть *одночленомъ*.

Опредѣленіе II (того, что такое многочленъ).

Положеніе VII. $a+b-b=a$.

Опредѣленіе III (по которому «вычитаніе есть дѣйствіе, гдѣ по данной суммѣ и одному слагаемому ищется другое слагаемое» **).

Положеніе VIII. $(a+b).c = a.c+b.c$.

Положеніе IX. $(a-b).c = a.c-b.c$.

Положеніе X. $a-b=(a-c)-(b-c)$.

Положеніе XI. $a.o=o$.

Положеніе XII. $A+(b-c+d)=A+b-c+d$.

Положеніе XIII. $A-(b-c+d)=A-b+c-d$.

Положеніе XIV (относительно умноженія многочлена на многочленъ).

Опредѣленіе IV. Отрицательнымъ двучленомъ называется двучленъ, въ которомъ изъ меньшаго приходится вычитать большее.

Опредѣленіе V. Положительнымъ многочленомъ называется такой многочленъ, въ которомъ всѣ дѣйствія въ указанномъ порядкѣ, отъ лѣвой руки къ правой, возможны.

Не дѣлая новаго условія, проф. Ермаковъ замѣчаетъ, что «алгебра стремится къ простотѣ и общности», и отсюда дѣлаетъ

Условіе IV. $a-(a+b)=(a-a)-(a+b-a)=o-b$.

Условіе V. Выраженіе $o-b$ принято обозначать такъ: $-b$.

---

*) Такимъ образомъ, благодаря условію II, дѣлаемому профессоромъ Ермаковымъ сообразно принятому у очень многихъ иностранныхъ математиковъ обычаю, дѣлается возможнымъ избѣгать (въ весьма многочисленныхъ случаяхъ) разнородныхъ многоэтажныхъ скобокъ, которыя должны употребляться тѣми, кто подобнаго условія не признаетъ, и для кого обозначаемое профессоромъ Ермаковымъ формулою $a:b.c:d:e.f$, должно обозначать такъ:

$$\{([(a:b).c]:d):e\}.f.$$

**) Думаемъ, что опредѣленіе III должно-бы предшествовать положенію VII, ибо въ этомъ случаѣ это положеніе могло-бы вытекать изъ опредѣленія, и вычитаніе не совершалось ранѣе, чѣмъ дано опредѣленіе этого дѣйствія.

Опредѣленіе VI. Число со знакомъ минусъ слѣва называется *отрицательнымъ.*

Опредѣленіе VII. Положительными называемъ обыкновенныя числа, употребляемыя въ ариѳметикѣ, стало-быть, $+a=a$.

Положеніе XV. $a+(-b)=a-b$.

Положеніе XVI. $(-a)+(-b)=-(a+b)$.

Положеніе XVII. $a-(-b)=a+b$. Наконецъ,

Положеніе XVIII (содержитъ въ себѣ правило знаковъ при умноженіи и основано на распространеніи положеній IX, XI и IV на отрицательныя числа).

Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе предлагаемой почтеннымъ проф. Ермаковымъ системы, должно, однако, замѣтить, что *условія*, за исключеніемъ четвертаго, имъ дѣлаются только относительно смысла *записей* того или другого рода, т.-е., если можно такъ выразиться, относительно алгебраической орѳографіи; четвертое-же условіе есть слѣдствіе другого, невысказаннаго и незанумерованнаго, условія относительно распространенія закона неизмѣняемости разности при одновременномъ уменьшеніи уменьшаемаго и вычитаемаго на одно и тоже число на случай отрицательнаго двучлена. Такихъ невысказанныхъ и незанумерованныхъ случаевъ такъ называемаго распространенія законовъ, выведенныхъ для одного условія, на условія совсѣмъ иного рода, читатель, конечно, не мало найдетъ въ основѣ доказательствъ «положеній», устанавливаемыхъ проф. Ермаковымъ. Эти условія едва-ли не важнѣе условій орѳографическихъ, и, можетъ быть, лучше было-бы дѣлать такого рода условія вслухъ, не удовлетворяясь только столь мало обозначающими для учащагося и столь важными въ математикѣ словечками: «распространимъ такое-то положеніе» или «распространимъ такой-то законъ» на такой-то случай. Но во всякомъ случаѣ, системѣ, предлагаемой проф. Ермаковымъ, нельзя отказать въ стройности и устойчивости, относительной простотѣ и опредѣленности. Многіе, можетъ быть, скажутъ, что «все это» давно извѣстно; но проф. Ермаковъ и не претендуетъ на открытія въ этой области, и если онъ счелъ нужнымъ говорить объ этихъ «извѣстныхъ» вещахъ, то только потому, что онъ считаетъ предлагаемые имъ *систему*, форму и распорядокъ «извѣстныхъ» положеній, условій и опредѣленій болѣе или менѣе важными. И онъ совершенно правъ, если онъ такъ думаетъ: ибо его попытка къ краткой систематизаціи ученій первыхъ страницъ алгебры представляетъ собою для насъ лично (и для самого профессора Ермакова, очевидно) нѣчто новое какъ по архитектурѣ своей, такъ и по духу идей, лежащихъ въ основѣ этой

попытки. Часто и не всегда согласно съ истиною цитируемое слово Лакруа о томъ, что всякая попытка новой систематизаціи учебнаго матеріала математики есть заслуга предъ обученіемъ,—слово, которымъ такъ часто оправдываютъ появленіе въ свѣтъ новыхъ учебниковъ ихъ авторы, — въ особенности справедливо въ примѣненіи къ стремленіямъ внести духъ порядка и равновѣсія въ какой-либо учебный предметъ со стороны такихъ корифеевъ науки, какъ проф. Ермаковъ. Это—не авторъ якобы «новаго» учебника,—новаго, но рабски «примѣненнаго» къ требованіямъ тѣхъ или иныхъ оффиціальныхъ программъ; нѣтъ, это—такой авторъ, который не примѣняется, а къ взглядамъ котораго *программы* должны были-бы если не примѣниться, то во всякомъ случаѣ прислушаться. Профессоръ Ермаковъ, можно сказать, выше стремленій къ примѣненію своихъ взглядовъ къ какимъ-бы то ни было практическимъ соображеніямъ.

Дѣленія проф. Ермаковъ въ своей брошюрѣ не касается, заканчиваетъ-же онъ ее разъясненіями терминовъ «положительная величина», «отрицательная величина», «абсолютный нуль» и «нуль относительный». Въ заключеніи брошюры онъ съ полнымъ убѣжденіемъ и безъ всякаго напускного скромничанія говоритъ слѣдующее: «Все изложенное здѣсь я предлагаю гг. педагогамъ въ руководство при первоначальномъ преподаваніи алгебры. Думаю, что мною выяснены мельчайшія подробности начальной алгебры, и въ умахъ учениковъ не останется никакихъ сомнѣній»,—если только, позволимъ мы себѣ добавить отъ своего имени, гг. педагоги, съ намѣченною выше системою въ рукахъ, пожелаютъ послѣдовать за почтеннымъ профессоромъ также и въ его методико-дидактическихъ взглядахъ и соображеніяхъ. Ибо, если они станутъ только *излагать* предлагаемую проф. Ермаковымъ систему «положеній», «условій» и «опредѣленій», не вникая въ трудности ея, не разрабатывая каждое звено этой системы вполнѣ методически и послѣдовательно, вполнѣ сообразно съ развитіемъ и разумѣніемъ учениковъ, то отъ такого пользованія предлагаемою проф. Ермаковымъ системою получатся результаты вовсе не утѣшительные. Предлагаемое проф. Ермаковымъ представляетъ собою лишь *матеріальное* содержаніе того, къ чему *въ концѣ концовъ* надо привести малолѣтковъ, учащихся начальной алгебрѣ, и вовсе не представляетъ собою того, что учитель имъ долженъ непремѣнно слово въ слово преподавать на своихъ урокахъ. Между книжнымъ, отвлеченнымъ изложеніемъ первыхъ страницъ учебника (а почтенный профессоръ въ своей статьѣ далъ именно содержаніе первыхъ страницъ учебника алгебры) и методическимъ преподаваніемъ, къ которому онъ

столь симпатично приглашаетъ гг. педагоговъ,—преподаваніемъ, которое должно быть проникнуто не книжною, а истинною живою мудростію,—есть большая разница и во всякомъ случаѣ не можетъ быть абсолютной тождественности. Говоря иначе: аппаратъ положеній, условій и опредѣленій, предлагаемый проф. Ермаковымъ, представляетъ собою сущность *ученій алгебры*, а не образчикъ *уроковъ по предмету алгебры*; послѣдніе должны привести учащихся алгебрѣ къ пониманію ученій этой послѣдней съ помощью преподаванія, которое не можетъ и не должно ограничиваться дословнымъ изложеніемъ этихъ ученій, какъ они разработаны въ брошюрѣ проф. Ермакова. «Учебникъ долженъ содержать основныя положенія науки, изложенныя въ краткой формѣ», говоритъ проф. Ермаковъ; что-же касается метода преподаванія, то онъ находится въ полной зависимости отъ преподавателя, его вкусовъ, педагогическаго и умственнаго развитія, педагогическаго образованія, любви къ предмету, любви къ дѣлу и сердечнаго отношенія къ дѣтямъ.

Мы ни мало не сомнѣваемся въ томъ, что многіе преподаватели найдутъ крайне труднымъ усвоеніе дѣтьми понятій о томъ, что̀ такое предложеніе, что̀—условіе, что̀—опредѣленіе, а также понятія о томъ, что̀ это значитъ «распространить предложеніе такое-то» на такой-то случай; мы и сами считаемъ усвоеніе этихъ понятій учащимися задачею нелегкою. Но въ то-же время мы усвоеніе дѣтьми этихъ понятій считаемъ вмѣстѣ съ проф. Ермаковымъ вполнѣ возможнымъ и достойнымъ того, чтобы надъ этими понятіями поработать. Мы думаемъ, что безсмысленная игра знаками и буквами, къ которой сводится нынѣшнее обученіе алгебрѣ въ очень многихъ случаяхъ, для дѣтей гораздо труднѣе и гораздо менѣе доступна, чѣмъ усвоеніе какихъ-либо понятій, доступныхъ всякому здравомыслящему человѣку, если только усвоеніе этихъ понятій обставлено благопріятными методическими условіями и пріемами. Если для того, чтобы разработать эти понятія, необходимо затратить такъ-называемый «лишній» мѣсяцъ, два, три, годъ, то лучше отказаться отъ возможности блеснуть фактическими (въ скобкахъ будь сказано — крайне сомнительными) познаніями учениковъ и довести ихъ до пониманія того, въ чемъ суть алгебры, чѣмъ отказаться отъ усвоенія ими этой сути и ограничиваться только одною игрою въ буквы, знаки, символы, доказательства и безсмысленныя вычисленія. Читатель, конечно, не заподозритъ насъ въ сочувствіи къ «разговорамъ» о томъ, что̀ такое положеніе, что̀—опредѣленіе и что̀—условіе, или въ сочувствіи къ отвлеченнымъ опредѣленіямъ этихъ понятій: опредѣленія да и «разго-

воры» не въ состоянiи выработать въ умѣ этихъ понятій. Мы желали-бы, и того-же, конечно, желаетъ проф. Ермаковъ, чтобы примѣрами, непосредственными указанiями преподавателя, вопросами и отвѣтами, однимъ словомъ, всѣми имѣющимися у преподавателя методическими средствами, эти понятiя были разработаны въ умѣ учащагося, притомъ попутно съ содержанiемъ того или иного, въ данный моментъ, нужнаго—опредѣленiя, условiя или положенiя. Если учитель, преподавая данный учебный предметъ, боится выработать въ умѣ учащагося тѣ понятiя, которыя составляютъ основу, суть даннаго учебнаго предмета (для этого вовсе не надо углубляться, какъ нѣкоторые не безъ усмѣшечки говорятъ, въ «философiю предмета»), если преподаватель боится вникнуть съ учащимися, напр., въ логическiй смыслъ алгебры (въ тождественное преобразованiе, по проф. Ермакову), если преподаватель боится дать ученику надлежащее, хотя и простое, понятiе о томъ, что такое «условiе» и что это значитъ «распространить», то, конечно, никто не виноватъ, кромѣ самого преподавателя, въ томъ, что алгебра для большинства учащихся представляетъ собою только игру въ знаки и буквы, притомъ игру даже незанимательную. Нѣчто аналогичное встрѣчается и въ ариѳметикѣ, когда учащiй думаетъ, что различiе между отношенiемъ двухъ именованныхъ чиселъ и частнымъ, происходящимъ отъ раздѣленiя именованнаго на отвлеченное, для учащихся понятiе слишкомъ тонкое; а въ результатѣ получается, что когда учащемуся приходится въ физикѣ усвоивать себѣ понятiя объ удѣльномъ вѣсѣ, влажности или теплоемкости, то онъ далеко не такъ хорошо и вѣрно усваиваетъ себѣ эти понятiя, какъ того желалъ-бы преподаватель физики. И въ ариѳметикѣ еще много такихъ якобы «тонкихъ» пунктовъ, которые гораздо важнѣе пропорцiй, обращенiя перiодическихъ десятичныхъ дробей въ обыкновенные и учета векселей. О геометрiи-же и говорить нечего: если учащiй и вмѣстѣ съ нимъ, конечно, учащiйся ничего не знаютъ о томъ, что въ основѣ геометрiи лежатъ весьма многочисленныя допущенiя (постулаты, факты, гипотезы, требованiя, условiя—называйте какъ хотите: не въ названiи дѣло), то геометрiя является для него въ видѣ, крайне несоотвѣтствующемъ истинѣ (Пишущаго эти строки нисколько не удивило, когда его и въ печати, и въ частной бесѣдѣ упрекали въ томъ, что онъ свой «Учебникъ геометрiи» начинаетъ съ ряда допущенiй. «Помилуйте! учащiйся подумаетъ, что геометрiя—наука, которая не все доказываетъ и которая основана на какихъ-то безчисленныхъ произвольныхъ допущенiяхъ!»—сказалъ намъ одинъ изъ нашихъ доброжелателей.—Что-же дѣлать! пусть думаетъ,—отвѣ-

тили мы,—ибо если онъ это подумаетъ, то это лучше, чѣмъ если онъ ничего не думая, будетъ изучать курсъ геометріи въ теченіе четырехъ лѣтъ и, въ концѣ-концовъ, ни понимать, ни цѣнить ея не будетъ). Пусть учащійся научится понимать—что̀ въ алгебрѣ есть условіе, что̀—опредѣленіе, что̀ — аксіома, что̀ — теорема; пусть онъ научится понимать, что цѣль алгебры часто заключается только въ преобразованіи, и тогда въ умѣ его, какъ на это надѣется профессоръ Ермаковъ, «не останется ни малѣйшихъ сомнѣній...»

Вопросъ о томъ — *какъ* всему этому научить, какими средствами достигнуть того, чтобы подлежащее въ данный моментъ преподаванія усвоено было ученикомъ, усвоено съ полнымъ разумѣніемъ, конечно, еще доселѣ не разрѣшенъ даже и въ брошюрѣ проф. Ермакова; но бѣда не въ этомъ: бѣда въ томъ, что слишкомъ много такихъ преподавателей, которые думаютъ, что онъ уже давно разрѣшенъ, и еще больше такихъ, которые считаютъ его даже недостойнымъ разрѣшенія. Какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ долженъ быть весьма поучителенъ опытъ проф. Ермакова. Кто не думаетъ, что учителямъ математики въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ уже учиться нечему, кто не думаетъ, что они достигли въ своихъ познаніяхъ и въ пріемахъ своего преподаванія полнаго совершенства, кто не думаетъ, что все «это»—нѣмецкія выдумки, кабинетныя иллюзіи и фантазіи, кто, наконецъ, не ищетъ своей апатіи оправданія въ невѣрномъ взглядѣ, будто оффиціальныя программы стѣсняютъ-де учителя, тотъ, конечно, согласится съ нами въ томъ, что опытъ проф. Ермакова на поприщѣ методики математики составляетъ явленіе для нашего времени и поучительное, и достойное всякаго сочувствія со стороны тѣхъ, кому дѣйствительно дороги интересы разумнаго преподаванія математики въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Пункты несогласія читателя и пишущаго эти строки съ нѣкоторыми частностями тѣхъ или иныхъ взглядовъ почтеннаго профессора, конечно, при этомъ не должны приниматься въ разсчетъ. Важны не частности, а общіе идеалы, одушевляющіе почтеннаго ученаго; важны его глубокія познанія, его собственный педагогическій опытъ, его любовь къ дѣлу и къ дѣтямъ, его способность смѣло смотрѣть правдѣ въ глаза, его искренность и нелицепріятность въ вопросахъ математическаго образованія: все это такъ рѣдко встрѣчается въ столь счастливомъ сочетаніи въ нашей педагогической литературѣ.

С. Шохоръ-Троцкій.

Краткій очеркъ начальнаго народнаго образованія въ Орловской губерніи въ 1891 году.

Къ 1-му января 1892 года всѣхъ начальныхъ народныхъ училищъ было 505; изъ нихъ 7 двухклассныхъ и 4 одноклассныхъ образцовыхъ училищъ Вѣд. Мин. Нар. Просв., 5 мужскихъ, 5 женскихъ и 484 для обоего пола сельскихъ начальныхъ училищъ.

По пространству и населенію Орловской губерніи—одно училище приходится на 81,3 кв. вер. и на 4.192 д. об. пола или на 500 съ лишнимъ дѣтей школьнаго возраста, считая таковыхъ 12°/o.

Во всѣхъ этихъ училищахъ въ минувшемъ году училось 35.564 д. об. пола, среднимъ числомъ по 70 учащихся, или *14*°/o дѣтей школьнаго возраста.

Если къ земскимъ училищамъ присоединить: а) церковно-приходскія школы *), каковыхъ было 133 съ 5.688 уч. об. пола, среднимъ числомъ по 44 уч. на школу, да 100 школъ грамотности **) съ 2.334 учен. об. пола по 24 уч. на каждую, то получаемъ, что во всѣхъ школахъ всѣхъ трехъ категорій обучалось 43.586 д. об. пола, по 60 (около) дѣтей школьнаго возраста.

Правда, что въ Орловской, какъ и въ другихъ губерніяхъ, существуютъ *учителя-ходебщики*, заходящіе на зиму въ деревни и устраивающіе *подвижныя школы*. Учителя эти дешевы: иные изъ нихъ обучаютъ дѣтей за теплый уголъ и содержаніе («прокормъ» по-деревенски), переходя черезъ недѣлю-двѣ (смотря по условію) отъ одного домохозяина къ другому и перенося свою «школу» изъ одного угла въ другой; другіе организуютъ постоянную школу (на зиму) въ какой-нибудь избѣ и за обученіе получаютъ съ каждаго мальчика отъ 50 к. до 1 руб. за все время. Сколько было такихъ учителей въ минув-

---

*) Памятная книжка Орловской губ. на 1892 г., изд. Статистич. Комитета.
**) Тамъ-же.

шемъ году, сколько дѣтей училось у нихъ,—объ этомъ у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, такъ какъ обученіе на дому не подлежитъ контролю ни училищныхъ совѣтовъ, ни другихъ лицъ учебнаго вѣдомства.

Хотя подобные *учителя-грамотеи* и сами не знаютъ больше того, чему учатъ, но въ виду, сравнительно, крайне небольшого числа начальныхъ школъ на всю губернію, при общемъ стремленіи учиться, сколько-нибудь правильная организація подвижныхъ деревенскихъ школъ могла-бы принести свою долю пользы дѣлу распространенія грамотности среди народа.

Земскія училища распредѣляются по уѣздамъ очень неравномѣрно; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ ихъ гораздо больше, чѣмъ въ другихъ, и это не зависитъ отъ бóльшей населенности; напротивъ, уѣзды съ бóльшимъ населеніемъ имѣютъ меньше училищъ, чѣмъ слабо населенные.

Слѣдующая, составленная нами, таблица очень наглядно представляетъ это отношеніе:

УѢЗДЫ.	Число училищъ.	Число жителей въ уѣздѣ.	Число дѣтей школьнаго возраста.	Число учащихся въ уѣздахъ *).	% учащихся къ числу дѣтей школьн. возраста.
1. Дмитровскій. . .	41	104.561	12.547	2.879	22,8%
2. Кромскій-	40	116.193	13.941	2.809	20,1%
3. Сѣвскій	38	143.486	17.217	2.769	16,2%
4. Трубчевскій. . .	31	130.206	15.624	2.388	15,2%
5. Брянскій.	42	163.163	19.560	2.949	15,0%
6. Ливенскій	89	352.235	42.267	6.249	14,7%
7. Елецкій	70	291.845	35.019	4.915	14,0%
8. Малоархангельскій.	44	189.690	22.761	3.090	13,5%
9. Орловскій	47	224.635	26.961	3.300	12,6%
10. Болховской . . .	24	151.832	18.219	1.686	9,9%
11. Мценскій.	17	108.213	12.984	1.195	9,2%
12. Карачевскій. . .	19	131.389	15.765	1.335	8,4%
Итого. . . .	505	2.117.448	252.865	35.546	

Не останавливаясь на этихъ цыфрахъ, краснорѣчиво говорящихъ, въ какомъ изъ уѣздовъ существуетъ бóльшая возможность получить начальное образованіе, мы не можемъ не вспомнить при этомъ, что до учрежденія земства и этой возможности не было, а главное—не было повсемѣстнаго къ нему стремленія, вызваннаго организаціею земскихъ школъ. Эта великая заслуга земства передъ народомъ достаточно оцѣнена всѣми, желающими блага «меньшей братіи»... Когда въ народѣ пробудилось сознаніе въ пользѣ и необходимости образованія, то во-

*) Въ каждомъ училищѣ принято среднее число 70 учениковъ.

просъ объ удовлетвореніи этой насущной потребности -- вопросъ времени и матеріальныхъ средствъ...

Несмотря на тяжелый, въ экономическомъ отношеніи, минувшій 1891 годъ вслѣдствіе неурожая, было, однако, открыто *десять* училищъ на счетъ сельскихъ обществъ, съ пособіемъ отъ земства и частныхъ лицъ; для одного изъ нихъ (въ Кромскомъ уѣздѣ) сельское общество построило *особое зданіе*. Это не единичный фактъ; во всѣхъ уѣздахъ есть училища, имѣющія свои собственные дома, спеціально для нихъ построенные.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, «собственныхъ помѣщеній» показано 474, что на 505 составляетъ 93%. Но подъ этими «собственными помѣщеніями» разумѣются безплатныя училищныя помѣщенія— то въ *волостныхъ правленіяхъ*, то въ *церковныхъ караулкахъ*. Хотя завѣдывающія начальными училищами лица и признаютъ подобныя помѣщенія «болѣе или менѣе удовлетворительными», мы, однако, не раздѣляемъ ихъ взгляда и находимъ, что эти помѣщенія совсѣмъ непригодны тамъ, гдѣ совершаются всякаго рода взысканія съ *отцовъ*, *матерей*, дядей, братьевъ и пр., нельзя устраивать училище для дѣтей, наставляемыхъ въ любви, милосердію къ ближнему, поучаемымъ правдѣ и добру... «Волостное правленіе» и «народное начальное училище», имѣющее цѣлью «религіозно-нравственное воспитаніе дѣтей»—два учрежденія, совершенно несовмѣстимыя...

Церковныя караулки могутъ, конечно, служить помѣщеніемъ для училищъ, но и ихъ нельзя признать удовлетворительными уже потому, что въ нихъ нерѣдко совершаются нѣкоторыя церковныя «требы» (особенно въ зимнее время), прерывающія ученіе; такими помѣщеніями завѣдываетъ уже не учитель, а церковный причтъ, отъ котораго и училище находится въ зависимости. Съ другой стороны, повсемѣстное открытіе церковно-приходскихъ школъ, которыя, конечно, воспользуются церковными караулками, лишитъ училища этихъ «собственныхъ» помѣщеній. Это дѣйствительно уже и случилось въ одномъ изъ уѣздовъ (Ливенскомъ): восьми земскимъ училищамъ, помѣщавшимся въ церковныхъ караулкахъ, предположено *отказать* въ помѣщеніи съ начала наступившаго учебнаго года, о чемъ и сообщено училищному совѣту. Очень может быть, что и въ другихъ уѣздахъ послѣдуютъ такіе-же отказы.

Такимъ образомъ, если исключить изъ числа «собственныхъ» училищныхъ помѣщеній эти двѣ категоріи ихъ, то число ихъ значительно понизится, на сколько?—данныхъ для этого мы не имѣемъ въ настоящее время.

Въ минувшемъ году на ремонтъ училищныхъ помѣщеній сельскими обществами *израсходовано 8.365 руб.* Вмѣстѣ съ открытіемъ десяти новыхъ училищъ, въ минувшемъ году закрылось ихъ *семь*; изъ нихъ два—вслѣдствіе отказа землевладѣльцевъ въ помѣщеніи и содержаніи; четыре—въ уѣздахъ, пострадавшихъ отъ неурожая, лишившаго мѣстное населеніе возможности содержать ихъ и устроить лучшія помѣщенія, и одно—за отказомъ общества, вслѣдствіе недорода, платить жалованье законоучителю.

Во всѣхъ 505 начальныхъ училищахъ въ минувшемъ году училось 35.564; изъ нихъ мальчиковъ 31.865, дѣвочекъ 3.699, 10,4% всѣхъ учившихся. По сравненію съ предыдущимъ годомъ число учившихся въ 1891 г. увеличилось на 1.758; мальчиковъ 1.072, или 3,4%, а дѣвочекъ 686, или 19%.

Прибыль учащихся значительно уменьшилась сравнительно большимъ числомъ выбывшихъ до окончанія курса: мальчиковъ выбыло 6.769, или 21,2%, а дѣвочекъ—1.077, или 29%. Впрочемъ, значительный процентъ выбывшимъ представляетъ обыкновенное явленіе въ жизни начальныхъ сельскихъ училищъ.

Сельское населеніе, въ большинствѣ крайне бѣдное, довольствуется для своихъ дѣтей двумя годами обученія и на третій годъ оставляетъ только ради полученія ими льготнаго по воинской повинности свидѣтельства. Что касается дѣвочекъ, то для нихъ два года обученія—норма, такъ какъ очень немногія, болѣе или менѣе состоятельныя, по собственной охотѣ къ ученію, остаются и на третій годъ; но въ минувшемъ году замѣчается значительный прогрессъ въ этомъ отношеніи. А все это какъ нельзя болѣе подтверждаетъ вообще чрезвычайно малое число оканчивающихъ курсъ. Въ минувшемъ году таковыхъ было: мальчиковъ 2.087, или 0,6%, а дѣвочекъ 211, или 5,8% *).

Почти всѣ окончившіе курсъ мальчики, именно 2.081, получили право на льготу по отбыванію воинской повинности; изъ нихъ 60—учениковъ двухклассныхъ образцовыхъ училищъ 3-го разряда, 2.021—4-го разряда.

Экзаменъ на льготное по воинской повинности свидѣтельство въ начальныхъ училищахъ то-же, что въ гимназіяхъ на *аттестатъ зрѣлости*; на немъ, главнымъ образомъ, сосредоточивается вниманіе учителей, и уже съ января мѣсяца въ большинствѣ училищъ учитель работаетъ преимущественно съ третьимъ отдѣленіемъ, удѣляя остальнымъ двумъ сравнительно немного времени.

*) Процентное отношеніе учащихся обоего пола выведено изъ числа учившихся мальчиковъ и дѣвочекъ отдѣльно.

Такое предпочтеніе занятій съ оканчивающими курсъ учениками становится совершенно понятнымъ, если принять во вниманіе, что по числу учениковъ, получившихъ льготное свидѣтельство, составляется мнѣніе и о *способностяхъ* учителя и о его дѣятельности. Во всѣхъ уѣздахъ—*этотъ критерій* неизмѣненъ. Учитель хорошъ, если представляетъ много учениковъ къ экзамену, и они выдерживаютъ его, и дуренъ—при обратномъ явленіи. Конечно, этотъ критерій имѣетъ за собой нѣкоторое основаніе; но слѣдовало-бы помнить при этомъ, что, во-первыхъ, учитель очень часто бываетъ не въ состояніи удержать учениковъ въ училищѣ до экзамена: несмотря на его усиленныя просьбы—«Христа ради» не брать ихъ изъ училища (нерѣдко самыхъ лучшихъ),—родители не соглашаются и берутъ, оставляя хорошаго, дѣльнаго учителя съ 3—4 худшими учениками *), и, во-вторыхъ, что экзаменъ на льготное свидѣтельство по той спѣшности, съ которою онъ обыкновенно производится, ни въ какомъ случаѣ не можетъ выказать ни знаній и развитія учителя, ни его педагогическихъ способностей. А большинство членовъ училищныхъ совѣтовъ, за исключеніемъ инспектора народныхъ училищъ, знаютъ учителей только по *экзаменамъ*, такъ какъ въ учебное время очень рѣдко кто изъ нихъ посѣщаетъ одно-два училища, какъ-нибудь «проѣздомъ». Есть, конечно, личности, живо интересующіяся дѣломъ народнаго образованія, но такихъ очень и очень немного... Этотъ недостаточно основательный критерій оцѣнки учителей выработалъ особый, довольно несимпатичный типъ учителей - *ремесленниковъ*, дѣятельность которыхъ, главнымъ образомъ, сосредоточивается на подготовкѣ возможно бо́льшаго числа учениковъ, представляемыхъ къ экзамену на льготное свидѣтельство. Хорошо изучившіе всѣ требованія экзамена въ данномъ уѣздѣ (а требованія эти неодинаковы въ разныхъ уѣздахъ, хотя для всѣхъ служитъ данная закономъ программа), они, эти *отличные*, по мнѣнію многихъ, учителя мало обращаютъ вниманія на умственное развитіе учениковъ, на сообщеніе и разъясненіе даже тѣхъ свѣдѣній, которыя помѣщаются въ книгахъ для чтенія. Мы имѣли случай познакомиться съ нѣсколькими такими учителями и учительницами, и насъ поражало невѣжество ихъ по многимъ вопросамъ, относящимся къ ихъ профессіи...

Небезъинтереснымъ представляется въ Орловской губерніи и самый способъ производства экзаменовъ.

Извѣстно, что по правиламъ выдачи «свидѣтельствъ окончив-

---

*) Нѣкоторые учителя даже *платятъ* ученикамъ за согласіе держать экзаменъ.

шимъ курсъ ученія» экзамены должны производиться въ *самыхъ училищахъ* (§ 3) или «по распоряженію подлежащаго Совѣта, ученики, оканчивающіе курсъ, могутъ, *въ случаяхъ крайности*, быть собираемы для производства имъ испытаній изъ нѣсколькихъ училищъ въ одно изъ сосѣднихъ съ ними въ наиболѣе центральномъ пунктѣ училище» *).

Въ Орловской губерніи практикуется и третій способъ: собираютъ на 3—4 дня оканчивающихъ курсъ со всѣхъ училищъ въ городъ (Болховъ, Мценскъ, Карачевъ, Дмитровскъ, Кромы), въ училищномъ Совѣтѣ котораго и производится экзаменъ въ нѣсколькихъ коммиссіяхъ. Этотъ способъ, по мнѣнію экзаменаторовъ, тѣмъ, будто-бы, удобенъ, что позволяетъ дѣлать сравнительную оцѣнку въ познаніяхъ учениковъ разныхъ училищъ, причемъ и съѣзжающіеся учителя имѣютъ случай обмѣняться мыслями по поводу своихъ спеціальныхъ занятій. Но если принять во вниманіе, что многія училища отстоятъ отъ города на 60—80 верстъ; что экзамены производятся преимущественно въ маѣ, во время полевыхъ работъ, когда достать подводу для поѣздки трудно въ деревнѣ и за деньги, тѣмъ болѣе безплатно «подъ учениковъ и учителя», то представляется вѣроятнымъ, что многимъ ученикамъ приходится совершать это путешествіе и пѣшкомъ (особенно на небольшихъ разстояніяхъ), съ котомкой книгъ за плечами. Правда, что земства обезпечиваютъ учениковъ подводами, но не всегда это вѣрно: въ данный день (экзамены назначаются въ заранѣе опредѣленное число) можетъ и не случиться въ деревнѣ достаточнаго количества лошадей. Даже и въ тѣхъ уѣздахъ (Сѣвскій, Брянскій, Ливенскій, Орловскій и Малоархангельскій), въ которыхъ экзамены производятся въ опредѣленныхъ пунктахъ (въ центральныхъ училищахъ), не всѣ ученики и учителя пріѣзжаютъ въ эти пункты; изъ ближайшихъ мѣстъ, вѣроятно **), приходятъ пѣшкомъ.

Самый раціональный способъ экзаменовъ практикуется въ двухъ уѣздахъ: Елецкомъ и Трубчевскомъ. Въ Елецкомъ уѣздѣ всѣ училища (70) распредѣляются между членами училищнаго Совѣта, его предсѣдателемъ и помощниками его (какъ предводителя дворянства) по наблюденію за начальными училищами, на основаніи § 7 Правилъ Каждое изъ этихъ лицъ, въ качествѣ предсѣдателя, производитъ экзамены отдѣльно въ *каждомъ училищѣ*, назначая для того опредѣленные дни. Число училищъ, назначаемыхъ Совѣтомъ каждому

*) Правила «О порядкѣ и пр.» «Сводъ главныхъ законоположеній и пр.». Н. Анина, изд. 1890 г.

**) Этотъ вопросъ такъ мало интересуетъ экзаменаціонныя коммиссіи, что собрать какія-либо свѣдѣнія относительно *путешествій* не было возможности.

председателю, различно: отъ 1 до 12, что зависитъ отъ того, на сколько свободенъ данный председатель отъ другихъ общественныхъ обязанностей.

О результатахъ произведенныхъ испытаній председатели обязаны представить *письменный докладъ* училищному Совету, который назначается исключительно для заслушанія докладовъ въ первыхъ числахъ сентября. Доклады эти печатаются со всеми статистическими сведеніями объ училищахъ и представляются въ виде «сообщенія» очередному земскому собранію.

Въ прошломъ году мы присутствовали на подобномъ заседаніи училищнаго Совета и вынесли самое отрадное впечатленіе отъ всего слышаннаго. Не говоря уже объ интересе самыхъ докладовъ, представляющихъ не только результаты испытаній *всехъ* учениковъ даннаго училища (а не однихъ только оканчивающихъ курсъ, какъ въ остальныхъ уездахъ), насъ особенно удивило то обстоятельство, что все присутствовавшіе (14 человекъ) въ заседаніи знаютъ все *училища не по одному лишь названію* (какъ въ большинстве Советовъ), а со всеми ихъ хорошими и дурными условіями и тутъ-же предлагаютъ те или другія меры для устраненія последнихъ. Это всестороннее знакомство съ положеніемъ училищъ объясняется темъ, во-1-хъ, что председатели экзаменаціонныхъ коммиссій ежегодно меняются въ однихъ и техъ же училищахъ, во-2-хъ, темъ, что какъ члены Училищнаго Совета, такъ и помощники предводителя дворянства по наблюденію за начальными училищами время отъ времени посещаютъ училища и въ учебное время; свои наблюденія они сообщаютъ въ заседаніяхъ училищнаго Совета.

Чтобы дать читателю возможность судить, насколько интересны доклады председателей экзаменаціонныхъ коммиссій, мы прилагаемъ при этомъ два изъ нихъ; въ поясненіе-же ихъ считаемъ необходимымъ сказать, что Елецкій училищный Советъ ввелъ прекрасную меру для привлеченія окончившихъ курсъ учениковъ и ученицъ къ продолженію занятій въ училище и после окончанія трехлетняго курса: учившимся 4-й годъ выдается похвальный листъ, а посещавшимъ училище и 5-й годъ и оказавшимъ хорошіе успехи — *книга*, более или менее ценная, изъ одобренныхъ для библіотекъ начальныхъ училищъ. Эти награды настолько привлекательны для учениковъ, что почти въ каждомъ училище можно встретить 4—5-летнихъ учениковъ, которымъ иногда учитель поручаетъ занятія письмомъ или чтеніемъ въ младшемъ отделеніи.

Въ Елецкій уѣздный училищный Совѣтъ.

Предсѣдателя Совѣта С. С. Бехтѣева.

Докладъ.

Производство повѣрочныхъ испытаній въ Хмѣлинской школѣ, несмотря на перемѣну учительницы въ теченіе зимы, дало тѣ-же удовлетворительные результаты, какъ и въ предшествующіе годы при учительницѣ Поповой, нынѣ назначенной классной дамой Орловскаго епархіальнаго училища.

Такое удовлетворительное состояніе училища по отношенію къ успѣхамъ учениковъ можетъ быть объяснимо, съ одной стороны, прочностью знаній, въ нихъ вложенныхъ Поповою, а съ другой стороны—засвидѣтельствованными попечителемъ училища стараніями теперешней учительницы Бойковой, очень опытной въ дѣлѣ обученія юношей, но, къ сожалѣнію, ранѣе сего навлекшей на себя неудовольствіе училищнаго Совѣта нѣкоторою неаккуратностью въ занятіяхъ съ дѣтьми. Впрочемъ, г-жа Бойкова объясняетъ эту неакуратность тогдашней болѣзнью ея матери и ея собственнымъ нездоровьемъ. Оставляя прошлое, я не могу не выразить свое полное удовольствіе по отношенію къ теперешнимъ занятіямъ Бойковой и просилъ-бы училищный Совѣтъ не отказать, какъ ей, такъ и законоучителю отцу Василію Голубеву, въ нѣкоторомъ поощреніи и назначеніи помощника учительницы. Дѣятельность ихъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: всѣхъ учениковъ въ истекшемъ учебномъ семестрѣ было 100, изъ нихъ въ младшемъ возрастѣ 40, въ среднемъ 38 и въ старшемъ 22. Изъ числа послѣднихъ на экзаменъ явилось 16, получили свидѣтельства 9, отказано въ полученіи оныхъ двумъ, не признаны достойными 5.

Не могу не высказать сожалѣнія, что слишкомъ большое число дѣтей старшаго возраста не явилось, и, къ сожалѣнію, это не есть особенность Хмѣлинскаго училища, но это замѣчается и въ другихъ училищахъ. Интересно знать, является-ли это послѣдствіемъ равнодушія крестьянъ къ полученію свидѣтельствъ, необходимость-ли то оставить школу для поступленія на работы по хозяйству дома или по найму, или-же не есть-ли это мѣропріятіе учителей, не желающихъ выставлять на экзаменъ слишкомъ большое число слабо подготовленныхъ. Такъ или иначе, но фактъ на лицо, что свидѣтельства объ окончаніи курса въ начальныхъ училищахъ получаютъ небольшой процентъ поступающихъ въ училище. При предстоящихъ въ будущемъ году экзаменаціонныхъ испытаніяхъ, какъ кажется, слѣдуетъ обратить вниманіе на изслѣдованіе этого явленія.

Обращаясь вновь къ Хмѣлинской школѣ, долгомъ считаю сообщить

Совѣту, что лучшіе результаты получены при диктовкѣ: сравнительно небольшое число ошибокъ, сдѣланныхъ всѣми учениками, свидѣтельствуетъ несомнѣнно о старательности учительницы; хороши также знанія по ариѳметикѣ; далѣе слѣдуютъ познанія по Закону Божію и въ заключеніе чтеніе русское и славянское; на эту сторону обученія въ будущемъ году слѣдуетъ обратить усиленное вниманіе.

По всѣмъ предметамъ пятерки получили 4 ученика, о награжденіи коихъ похвальными листами ходатайствую передъ Совѣтомъ.

Въ нынѣшнемъ году, какъ и въ прежніе годы, мнѣ приходится свидѣтельствовать объ отличной и особо ревностной службѣ попечителя училища, К. И. Ѳедорова. Благодаря его необыкновенной заботливости, Хмѣлинская школа, нынѣ очень уже тѣсная по количеству 100 дѣтей, блещетъ чистотой, опрятностью, полнымъ внѣшнимъ благоустройствомъ и даже довольствіемъ. Жаль только, что она не можетъ быть расширена соотвѣтственно числу учениковъ. Съ К. И. Ѳедоровымъ мы обсуждали вопросъ объ упраздненіи въ зданіи школы квартиры учительницы и постройкѣ отдѣльнаго для нея домика. Если крестьяне на сіе согласятся и исполнятъ, то возможно будетъ допустить наличность 100 учениковъ, въ противномъ случаѣ придется ограничить число учениковъ семьюдесятью и даже пятьюдесятью лучшими. Въ этомъ отношеніи примѣръ Хмѣлинской школы не единственный. Казалось-бы, что и во всѣхъ другихъ мѣстныхъ училищахъ слѣдовало-бы ограничивать число учениковъ, устраняя въ первый-же мѣсяцъ наиболѣе неспособныхъ изъ младшаго, а иногда и изъ средняго класса.

Въ Елецкій уѣздный училищный Совѣтъ.

Помощника предводителя дворянства по наблюденію за училищами В. А. Варгунина.

Отчетъ объ экзаменахъ.

По порученію училищнаго Совѣта мною были произведены экзамены въ училищахъ: Рождественскомъ, Асламовскомъ, Хмѣлевскомъ, Грызловскомъ, Хитровскомъ, Должанскомъ, Свишенскомъ, Чернавскомъ женскомъ, Стрѣлецкомъ, Стегаловскомъ, Домовинскомъ и Чернавскомъ мужскомъ.

1) Рождественское училище (экз. 2-го мая).

Въ Рождественскомъ училищѣ во второмъ полугодіи текущаго учебнаго года произошла перемѣна учительницы. Вообще перемѣна пре-

подавателей затрудняетъ веденіе дѣла въ школѣ; если-же новый преподаватель вступаетъ въ свои обязанности среди учебнаго года, то успѣхи учениковъ всегда страдаютъ. Этимъ объясняется, что къ небольшому успѣху, сдѣланному Рождественской школой въ прошломъ году, ничего не прибавилось въ нынѣшнемъ. Правда, школа имѣетъ лучшій видъ, чѣмъ три-четыре года тому назадъ, но все-же остается желать многаго. Видно, что во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ ученики много занимались по Закону Божію. Въ младшемъ отдѣленіи (28 у.) твердо знаютъ молитвы; въ среднемъ (15 у.) разсказываютъ вкратцѣ Св. Исторію, а старшіе хорошо отвѣчали по всему курсу, но знанія всѣхъ носятъ характеръ заученности: какъ будто главную роль въ преподаваніи играла книжка, а не живое слово преподавателей. Весьма желательно, чтобы преподаватели Закона Божія руководились разъясненіемъ Святѣйшаго Синода, приложеннымъ къ программѣ по Закону Божію для начальныхъ училищъ. За послѣдніе два года ученики стали лучше писать, но ошибокъ въ диктантѣ дѣлаютъ не мало. Читаютъ по русски во всѣхъ отдѣленіяхъ порядочно, а выпускные и по славянски читали хорошо. Ариѳметику младшіе и средніе знаютъ удовлетворительно, но старшіе ученики не могутъ рѣшать задачи по всему курсу. Изъ 10 учениковъ, подвергавшихся экзамену, удостоены свидѣтельствъ шестеро. Кромѣ того, три ученика, кончившіе курсъ въ прошломъ году, сдали экзаменъ на похвальный листъ.

2) Асламовское училище (4-го мая).

Изъ одиннадцати учениковъ младшаго отдѣленія только семь могли читать по русски. Умственныя задачи на малыя числа рѣшались удовлетворительно лишь немногими. Молитвы дѣти знали хорошо, но передавать содержаніе молитвъ по русски не могли. Ученики средняго отдѣленія удовлетворительно читали по русски. По Закону Божію кромѣ молитвъ читали наизусть Символъ Вѣры и заповѣди. Изъ четырехъ старшихъ учениковъ—одинъ написалъ диктантъ хорошо. Законъ Божій всѣ знали, читали по русски и славянски хорошо, но самостоятельно рѣшать задачи могъ только одинъ.

Вообще Асламовское училище, только-что поправившееся въ прошломъ году, когда младшее и среднее отдѣленія были хороши, опять стало падать.

3) Хмѣлевское училище (8-го мая).

Въ прошломъ году познанія учениковъ Хмѣлевскаго училища были очень плохи. Съ половины октября текущаго учебнаго года поступилъ

новый учитель, но о его дѣятельности пока нельзя еще судить. Одно, что говоритъ въ пользу новаго учителя, это наплывъ учениковъ въ училище, чего раньше не замѣчалось.—35 мальчиковъ и 2 дѣвочки младшаго отдѣленія (кромѣ шестерыхъ) научились порядочно читать, но считаютъ недостаточно хорошо. Молитвы знаютъ хорошо. Среднее отдѣленіе (10 мальч. и 1 дѣв.) разсказывали о главнѣйшихъ событіяхъ изъ Св. Исторіи, порядочно рѣшали умственныя задачи и довольно хорошо читали. Изъ 6 учениковъ старшаго отдѣленія четверо хорошо написали диктантъ; всѣ читали по славянски хорошо, но по русски недостаточно свободно. Познанія-же по ариѳметикѣ положительно недостаточны: ученики производятъ дѣйствія надъ числами и рѣшаютъ задачи чисто механически, легко сбиваются. Необходимо обратить особенное вниманіе на методъ преподаванія ариѳметики.

4) Грызловское училище (11-го мая).

Несмотря на очень плохое помѣщеніе, тѣсноту, духоту, отсутствіе пособій, недостатокъ въ учебникахъ и прочія неудобства, познанія учениковъ въ Грызловскомъ училищѣ, какъ и всегда, очень хороши. О познаніяхъ младшихъ и среднихъ учениковъ, впрочемъ, полнаго понятія составить не могъ, такъ какъ на экзаменъ явилось лишь изъ младшихъ 8 мальчиковъ и 1 дѣвочка, а изъ среднихъ только 5 мальчиковъ, но явившіеся отвѣчали хорошо по всѣмъ предметамъ. Старшее отдѣленіе состояло изъ восьми учениковъ, но двое не достигли 11-ти лѣтъ отъ роду. Они написали диктантъ и отвѣчали по всѣмъ предметамъ хорошо, а потому заслуживаютъ награды похвальнымъ листомъ.

Изъ шести учениковъ, внесенныхъ въ экзаменаціонный списокъ, всѣ признаны коммиссіей вполнѣ достойными свидѣтельствъ, а трое изъ нихъ достойны похвальныхъ листовъ. Кромѣ того, 2 ученика, кончившіе курсъ въ прошломъ году, успѣшно выдержали испытаніе на похвальный листъ, а третій, уже кончившій курсъ съ похвальнымъ листомъ, выдержалъ экзаменъ на награду книгой. Отвѣты всѣхъ по Закону Божію, какъ и прошлые года, были замѣчательно полны и толковы. Читали по русски и славянски всѣ хорошо. Диктантъ написали четко, многіе красиво, и ошибокъ сдѣлали очень мало. Послѣднее объясняется тѣмъ, что г. учитель проходитъ со старшимъ отдѣленіемъ краткую грамматику. Задачи рѣшались тоже хорошо. Принимая во вниманіе, что при стѣснительныхъ обстоятельствахъ

школа ведется такъ хорошо, надо полагать, что о. законоучитель и г. учитель и его помощникъ очень много трудятся; а потому и заслуживаютъ награды въ высшемъ размѣрѣ. Сверхъ того, законоучитель, о. Петръ Никольскій, какъ попечитель, заслуживаетъ благодарности за свои заботы объ училищѣ.

5) Хитровское училище (12-го мая).

Ученики старшаго отдѣленія (6 мальч.) и двое кончившихъ въ прошломъ году написали диктантъ очень хорошо, четкимъ почеркомъ, но въ каллиграфическомъ отношеніи можно пожелать большаго. Законъ Божій знаютъ хорошо. Читаютъ по славянски хорошо, а по русски не всѣ достаточно бѣгло. На это обстоятельство г-жѣ учительницѣ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе: мальчикъ, не привыкшій бойко читать, послѣ школы неохотно возьмется за книжку; чтеніе для него самаго и для слушателей будетъ скучно и онъ скоро забудетъ грамоту. Также и на ариѳметику должно обратить вниманіе: познанія учениковъ недостаточны и ученики, производя ариѳметическія дѣйствія, не всегда даютъ себѣ отчетъ—для чего что̀ дѣлается. Необходимо съ младшаго отдѣленія наблюдать, чтобы ученики отвѣчали на ариѳметическіе вопросы вполнѣ сознательно. Младшее (9 уч.) и среднее (6 уч.) отдѣленія отвѣчали по всѣмъ предметамъ удовлетворительно.

Многіе изъ недостатковъ школы объясняются неудобствомъ помѣщенія и недостаткомъ пособій; общее-же впечатлѣніе отъ бесѣды съ учениками получается хорошее: видно, что дисциплина достигается внушеніемъ нравственныхъ правилъ, а не суровыми мѣрами. Г-жа учительница и о. законоучитель заслуживаютъ наградъ.

6) Должанское училище (14-го мая).

Изъ пяти учениковъ, державшихъ экзаменъ на свидѣтельство, четверо признаны достойными получить оное. Одинъ ученикъ, кончившій курсъ въ прошломъ году, выдержалъ экзаменъ на похвальный листъ. Познанія учениковъ по Закону Божію и ариѳметикѣ хороши, но въ чтеніи слѣдуетъ достигать большей увѣренности и выразительности. Въ диктантѣ сдѣлано не очень много ошибокъ, но почеркъ необходимо измѣнить,—это совсѣмъ не трудно, если держаться простой методы Гербача. Почеркъ Должанскихъ учениковъ весьма оригинальный, четырехъ-угольныя буквы не имѣютъ наклона вправо. Ученики средняго отдѣленія (3 мал. и 1 дѣв.) хорошо знаютъ, что слѣдуетъ, по программѣ; они написали вмѣстѣ со старшими диктантъ на аспид-

ныхъ доскахъ очень порядочно. Младшее отдѣленіе (5 уч.), кромѣ ариѳметики, по всѣмъ предметамъ отвѣчало хорошо.

7) Свишенское училище.

Съ прошлой осени въ Свишенское училище вновь поступила П. А. Реверская. О ея педагогической дѣятельности мнѣ не приходится судить, такъ какъ школа сохранила еще хорошіе качества и недостатки, укоренившіеся за четырехъ-лѣтнее отсутствіе г-жи Реверской. Экзаменаторы-же, производившіе испытанія при г-жѣ Реверской, всегда относились съ большой похвалой къ ея дѣятельности (см. отчеты 1884—1885 гг. и ранѣе).

Шесть выпускныхъ учениковъ хорошо знали Законъ Божій, хорошо читали и писали, а трое изъ нихъ хорошо рѣшали и объясняли задачи. Остальные-же трое оказались по ариѳметикѣ слабоваты. Въ текущемъ году это никоимъ образомъ не можетъ ставиться въ вину учительницѣ, ибо при ея предшественникѣ дѣти знали ариѳметику неудовлетворительно, что мною и было отмѣчено въ прошлогоднемъ отчетѣ. Новой учительницѣ пришлось вводить и новый методъ преподаванія, а потому пройти весь курсъ оказалось невозможно. Средніе (12 м. и 4 д.) вполнѣ хорошо знаютъ свой курсъ, а младшіе (10 м. и 4 д.) всѣ научились читать и понимать прочитанное, знаютъ молитвы и рѣшаютъ задачи на числа до 20.

Двое мальчиковъ, кончившихъ курсъ въ прошломъ году, выдержали экзаменъ на похвальный листъ, а третій, имѣющій уже похвальный листъ, выдержалъ испытаніе на награду книгою. Кромѣ учениковъ Свишенской школы, на экзаменъ явились 4 мальчика изъ с. Пониковецъ—для испытанія на свидѣтельство. Двое изъ нихъ признаны достойными полученія свидѣтельства.

8) Чернавское женское училище (16-го мая).

Познанія ученицъ всегда были неудовлетворительны по всѣмъ предметамъ, кромѣ Закона Божія; въ нынѣшнемъ-же году четыре дѣвочки научились порядочно писать. Но ариѳметику знаютъ очень плохо. По Закону Божію отвѣчали хорошо. Читали по русски и славянски то-же хорошо. Изъ девяти ученицъ старшаго отдѣленія, только пять признаны достойными свидѣтельствъ.

Среднее отдѣленіе (12 дѣв.) знало, что полагается по программѣ, младшія-же дѣвочки произносили молитвы и читали шепотомъ, и притомъ такъ тихо, что не могу судить объ ихъ познаніяхъ. По ариѳ-

метикѣ всѣ дѣвочки знаютъ мало, и если г-жа учительница не обратитъ вниманія на этотъ предметъ, то нельзя будетъ выдавать свидѣтельства ея ученицамъ.

Главнымъ образомъ надо ввести въ преподаваніе хорошій методъ: ни одна цыфра не должна писаться ученицею безотчетно.

9) Стрѣлецкое училище (18-го мая).

Ученики младшаго отдѣленія (17 у.) всѣ научились читать, понимая прочитанныя предложенія, всѣ хорошо знаютъ молитвы и хорошо считаютъ. Въ среднемъ отдѣленіи (10 у.) дѣти разсказывали о двунадесятыхъ праздникахъ, знали Сѵмволъ Вѣры и Заповѣди; читали и рѣшали задачи хорошо.

12 мальчиковъ держали экзаменъ на свидѣтельство. Изъ нихъ восемь хорошо написали диктантъ, почти всѣ хорошо знали Законъ Божій, хорошо читали по русски и славянски, а также рѣшали и толково объясняли задачи. При русскомъ чтеніи надо-бы побольше выразительности. Вообще познанія учениковъ нѣсколько меньше, чѣмъ прежніе года. Г-жа учительница объясняетъ это недостаткомъ письменныхъ принадлежностей въ теченіе года и холодомъ въ школѣ, вслѣдствіе отсутствія топлива. Мальчикъ и дѣвочка, кончившіе курсъ въ прошломъ году, успѣшно выдержали экзаменъ на похвальный листъ. Г-жа учительница и от. законоучитель достойны наградъ.

10) Стегаловское училище (19-го мая).

На этотъ разъ познанія учениковъ Стегаловскаго училища оказались вполнѣ хорошими. Ученики младшаго (17 у.) и средняго (24) отдѣленій по всѣмъ предметамъ оказались хорошо подготовленными. Семь выпускныхъ учениковъ вообще хорошо отвѣчали по всѣмъ предметамъ и хорошимъ почеркомъ, не сдѣлавъ много ошибокъ, написали диктантъ. Отвѣты по Закону Божію не имѣли характера заученности, а были вполнѣ сознательны. Также и рѣшеніе задачъ сопровождалось толковымъ объясненіемъ. Видно, что г. учитель, умѣя преподавать, много занимался съ учениками, а потому и достоинъ награды въ высшемъ размѣрѣ. Законоучитель и попечитель училища, о. Владиміръ, заслуживаетъ благодарности. Училище очень нуждается въ учебникахъ, по всѣмъ предметамъ. Эту нужду училища необходимо удовлетворить, въ виду серьезнаго отношенія г. учителя къ своему дѣлу.

11) Домовинское училище (23-го мая).

Младшіе 19 мальчиковъ и 3 дѣвочки всѣ научились читать, но многіе изъ нихъ привыкли не дочитывать слово до конца, а угадывать окончаніе словъ, что, конечно, имъ не всегда удается. Молитвы также всѣ знаютъ и понимаютъ, о чемъ молятся. Устныя задачи (до 20) рѣшались удовлетворительно. Въ среднемъ отдѣленіи (14 м. и 1 д.) дѣти разсказывали о двунадесятыхъ праздникахъ; читали довольно бойко, но не обращали должнаго вниманія на знаки препинанія; написали удовлетворительно, но безпорядочно: вкривь и вкось; по ариѳметикѣ-же сносныя познанія имѣютъ лишь 4—5 учениковъ. Безпорядочность письма замѣчается и у старшаго отдѣленія (10 м. и 1 д.), кромѣ того, у старшихъ и ошибокъ много. Законъ Божій ученики знаютъ и читаютъ по славянски хорошо, но по русски—ужъ слишкомъ монотонно. Чрезвычайно удручающее впечатлѣніе производятъ познанія учениковъ по ариѳметикѣ: ихъ никогда не пріучали разсуждать. Благодаря природной сметкѣ, одинъ ученикъ старшаго и одинъ средняго отдѣленій хорошо рѣшали задачи, но отвѣты остальныхъ очень плохи и нелогичны.

12) Чернавское мужское училище (25-го мая).

Изъ 65 учениковъ младшаго отдѣленія, только пять не научились правильно читать: они проглатываютъ окончанія, или, прочитавъ первый слогъ правильно, не читаютъ остальные слоги, а догадываются. 60 учениковъ читаютъ очень хорошо для младшаго отдѣленія, понимая прочитанное; изъ ариѳметики хорошо рѣшаютъ устныя задачи на 4 дѣйствія надъ малыми величинами и толково произносятъ молитвы.

Хорошо и среднее отдѣленіе (26 м.); все, что требуется по программѣ, дѣти хорошо знаютъ. Не такъ хорошо старшее отдѣленіе (10 уч.). Перемѣна учителя оказала тутъ вліяніе. Знанія по Закону Божію хороши, читаютъ по русски и славянски тоже хорошо, но диктантъ только у трехъ хорошъ, остальные написали весьма посредственно—и по правильности почерка, и въ грамматическомъ отношеніи. Но болѣе всего требуетъ вниманія учителя ариѳметика: хорошо-бы достигнуть тѣхъ успѣховъ, какіе были въ Чернавскомъ училищѣ у его предшественниковъ. Вообще-же хорошіе успѣхи въ младшемъ и среднемъ отдѣленіяхъ, принимая во вниманіе многолюдность училища, показываютъ, что г. учитель старается привести училище въ

порядокъ, а потому прошу училищный Совѣтъ обратить особое вниманіе на замѣчанія г. учителя о нуждахъ школы. Двое изъ державшихъ на похвальный листъ признаны коммиссіей достойными получить эту награду.

Списокъ учениковъ, признанныхъ коммиссіями достойными полученія похвальныхъ листовъ.

Въ Рождественскомъ училищѣ: Павелъ Петрищевъ, Павелъ Меренковъ, и окончившіе въ прошломъ году: Сергѣй Лукинъ, Иванъ Петрищевъ и Кириллъ Рощупкинъ.

Въ Асламовскомъ училищѣ: Алексѣй Сенчаковъ.

Въ Хмѣлевскомъ училищѣ: Иванъ Деминъ и Петръ Шайкинъ.

Въ Грызловскомъ училищѣ: *Василій Меркуловъ*, Дмитрій Толстыхъ, Алексѣй Стрѣльниковъ и не достигшіе 11 лѣтъ Леонидъ *Никольскій* и Василій *Булгаковъ*, кромѣ того, имѣющій уже похвальный листъ, Тихонъ Меркуловъ, выдержалъ испытаніе на награду книгой.

Въ Хитровскомъ училищѣ: Василій Романовъ и Иванъ Хитрыхъ.

Въ Должанскомъ училищѣ: кончившій въ прошломъ году Иванъ Гайторовъ.

Въ Свишенскомъ училищѣ: кончившіе въ прошломъ году Григорій Полосинъ, Яковъ Филатовъ, а имѣющій уже похвальный листъ Егоръ Полосинъ, выдержалъ испытаніе на награду книгою.

Въ Чернавскомъ женскомъ уч.: Елена Туртыгина и Анна Матвѣева.

Въ Стрѣлецкомъ училищѣ: Ефимъ Кривоносовъ, Митрофанъ Крюковъ, Афанасій Дерюгинъ и, кончившіе въ прошломъ году, Ксенія Гладышева, Митрофанъ Парфеновъ и Тимофей Мясоѣдовъ.

Въ Стегаловскомъ училищѣ: Сергѣй Савинъ и Ефимъ Рощупкинъ.

Въ Чернавскомъ мужскомъ уч.: Иванъ Луневъ и кончившіе въ прошломъ году: Василій Макѣевъ и Илья Барыбинъ.

В. А. Варгунинъ.

Преподавательскій персоналъ въ 1891 году состоялъ изъ 461 законоучителя, 229 учителей и 238 учительницъ, всего изъ 1.028 лицъ.

Меньшее число законоучителей относительно числа начальныхъ училищъ (505) объясняется отчасти тѣмъ, что многіе изъ учителей, какъ окончившіе курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, преподавали законъ Божій, а отчасти и тѣмъ, что къ концу 1891 года въ нѣсколькихъ училищахъ, за смертью и выбытіемъ мѣстныхъ священниковъ, не были еще назначены новые законоучители.

По образованію учительскій персоналъ распредѣляется на нѣсколько

категорій. Такъ, окончившихъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ было 115 чел., около 35%, окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—73 чел. или 22%, не окончившихъ въ нихъ курса, но имѣющихъ право на учительское званіе—140 чел. или 43% и неимѣющихъ этого права 1.

Такое-же разнообразіе представляютъ и учительницы по своему образованію; изъ 238 учительницъ—10 или 4% получили спеціальную педагогическую подготовку на педагогическихъ «*курсахъ*», 125 или 52% окончили курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, 101—не окончили въ нихъ курса, но получили права на званіе учителя и 2—преподаютъ безъ всякаго формальнаго права, но, вслѣдствіе многолѣтней практики, пріобрѣли таковое своею опытностью въ начальномъ обученіи.

Не можемъ не сказать здѣсь, кстати, что далеко не во всѣхъ уѣздахъ при назначеніи учителей и учительницъ училищные Совѣты руководствуются ихъ образовательнымъ цензомъ; во многихъ изъ нихъ существуютъ по этому поводу свои спеціальныя соображенія, совсѣмъ не педагогическаго характера.

Въ тѣхъ уѣздахъ (напр.), гдѣ есть женскія прогимназіи (Козловъ, Брянскъ), вакантныя мѣста замѣщаются преимущественно окончившими въ нихъ курсъ воспитанницами, посѣщавшими какое-либо начальное училище въ теченіе полугода, по удостовѣренію о томъ инспектора народныхъ училищъ; въ одномъ изъ уѣздовъ (Елецкомъ) назначаютъ по *порядку подачи* прошенія, для чего ведется особый и очередной списокъ. Этотъ принципъ «справедливости» такъ примѣняется строго, что отступленій никакихъ не дѣлается: кто раньше подалъ прошеніе, тотъ и получаетъ мѣсто, хотя-бы замѣщаемый кандидатъ имѣлъ только свидѣтельство на начальнаго учителя, а слѣдующій за нимъ «N» было лицо, блестящимъ образомъ окончившее курсъ въ среднемъ учебномъ заведеніи. Этотъ принципъ справедливый въ смыслѣ «гуманномъ» вообще, въ высшей степени не соотвѣтствуетъ интересамъ народнаго образованія, которые, казалось-бы, должны были-бы стоять на первомъ планѣ въ такомъ дѣятельномъ и энергичномъ училищномъ Совѣтѣ.

Вслѣдствіе разнаго рода подобныхъ соображеній, руководящихъ училищными Совѣтами въ вопросѣ о назначеніи учителей, масса лицъ (преимущественно женщинъ), получившихъ законченное среднее образованіе, тщетно добивается *какого-нибудь* учительскаго мѣста и въ августѣ осаждаетъ дирекцію своими просьбами, и, конечно, просьбами безполезными, такъ какъ дирекція удовлетворить ихъ не можетъ. И

если-бы училищные Совѣты руководствовались только интересами и пользою учебно-воспитательнаго дѣла въ подвѣдомыхъ имъ начальныхъ училищахъ, то давно уже учительскій персоналъ состоялъ-бы изъ лицъ, получившихъ законченное среднее образованіе.

По педагогической подготовкѣ между учителями первое мѣсто занимаютъ воспитанники учительскихъ семинарій, но по своему *общему* образованію они уступаютъ окончившимъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ. Вообще-же, сравнивая учебно-воспитательную дѣятельность учителей и учительницъ, мы не можемъ не признать, что она у послѣднихъ гораздо интенсивнѣе и плодотворнѣе. Терпѣніе, энергія, настойчивость, съ мягкостью и привѣтливостью обращенія съ учениками,—всѣ эти неоцѣненныя качества учительницъ неотразимо вліяютъ на нравственность дѣтей, смягчая ихъ, иногда, грубые, примитивные нравы, развивая въ нихъ привычку къ порядочности, опрятности, вѣжливости, любовь къ школьнымъ занятіямъ и привязанность къ школѣ. Мы не разъ были свидѣтелями того, какъ учащіеся по окончаніи уроковъ обращались къ учительницамъ съ жалобной просьбой позволить имъ придти «вечеркомъ позаниматься въ училищѣ и почитать». Если учительницы вообще менѣе искусно учатъ, за-то онѣ несравненно лучше воспитываютъ.

Вознагражденіе преподавателей въ начальныхъ училищахъ чрезвычайно различно въ разныхъ уѣздахъ и держится въ предѣлахъ *150—400* руб. Послѣдній окладъ, впрочемъ, существуетъ не болѣе, какъ въ десяти училищахъ и составляется изъ содержанія, назначаемаго земствомъ и доплачиваемаго попечителями изъ собственныхъ средствъ.

Въ училищахъ, гдѣ есть квартиры для учителя, онъ еще можетъ кое-какъ существовать на 14—16 рублей въ мѣсяцъ, благодаря дешевизнѣ деревенской жизни; но гдѣ приходится изъ этого скуднаго жалованья еще платить и за квартиру, его трудовая жизнь—сплошное бѣдствіе, переносимое съ терпѣніемъ. Надо удивляться, что при такомъ бѣдственномъ существованіи учителя и учительницы въ высшей степени добросовѣстно дѣлаютъ свое дѣло; многіе дѣлаютъ его съ увлеченіемъ, совсѣмъ забывая о своихъ вопіющихъ нуждахъ.

А что это дѣло дѣлается дѣйствительно хорошо, мы имѣемъ оффиціальныя данныя подъ руками: въ минувшемъ 1890—1891 учебномъ году гг. инспекторами народныхъ училищъ осмотрѣно 363 начальныхъ училища во всѣхъ уѣздахъ, и только въ 20 изъ нихъ успѣхи учащихся были найдены неудовлетворительными; болѣе половины изъ этихъ не-

удовлетворительно занимавшихся учителей были *новички* въ дѣлѣ элементарнаго обученія; черезъ годъ-другой они пріобрѣтутъ опытность и сравняются съ другими учителями. Если принять во вниманіе, что народные учителя предоставлены самимъ себѣ; что надъ ними нѣтъ постояннаго *надзора*, отмѣчающаго малѣйшія уклоненія отъ расписанія времени занятій, то нельзя не признать, что народный учитель представляется у насъ, среди тысячъ quasi-педагоговъ разныхъ ранговъ, едва-ли не единственнымъ настоящимъ педагогомъ, душу свою полагающимъ на дѣло народнаго образованія.

Особенно тяжело положеніе учительницъ, не имѣющихъ квартиры при училищѣ; имъ нерѣдко приходится жить въ избахъ и переносить всякаго рода неудобства неприглядной крестьянской жизни. Лучше всѣхъ уѣздовъ учительскій трудъ оплачивается въ *Трубчевскомъ уѣздѣ* (300—240 р. съ квартирой при училищѣ) и Сѣвскомъ (240 р. и квартира или квартирныя деньги). Въ эти два уѣзда постоянно стремятся учителя изъ другихъ уѣздовъ, но немногимъ это удается, потому что рѣдко освобождается тамъ какое-нибудь мѣсто.

Вообще сѣвское земство не скупится на расходы по народному образованію, а земская управа, какъ распорядитель кредита, очень аккуратно отпускаетъ всю сполна сумму, назначенную на училища, чего, къ сожалѣнію, не дѣлается въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, гдѣ *бываютъ остатки* отъ скудныхъ школьныхъ ассигновокъ.

Содержаніе всѣхъ 505 сельскихъ училищъ въ минувшемъ году стоило 203.018 руб.; изъ нихъ государственное казначейство израсходовало 10.529 р. или 5,1%, земство 105.267 р. или 51,8°, сельскія общества 64.539 р. или 31,7% и частныя лица 21.259 р. или 10,4%. Если изъ общей суммы расходовъ исключить содержаніе 11 образцовыхъ училищъ вѣд. Мин. Нар. Просв. (12.473 р.), какъ вполнѣ обезпеченныхъ, то получаемъ, что на каждое изъ остальныхъ 494 сельскихъ училищъ издержано, среднимъ числомъ, около 386 р. (385 р. 90 к.).

Но эта средняя стоимость содержанія не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Въ то время, какъ большинство училищъ имѣютъ годовой бюджетъ 200—250 руб., у нѣкоторыхъ изъ нихъ, весьма, впрочемъ, немногихъ, онъ въ нѣсколько разъ болѣе.

Къ числу такихъ счастливыхъ училищъ, обставленныхъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошо и снабженныхъ прекрасными учебными пособіями, относятся: а) въ *Болховскомъ уѣздѣ* Кривцово-Лавровскія, муж. и женск.; на содержаніе ихъ М. А. *Лаврова* ежегодно расходуетъ *1.590* руб.; въ Елецкомъ уѣздѣ *шесть* училищъ для обоего пола, попечитель которыхъ, В. А. *Варгунинъ*, кромѣ земской ассигновки по 200 руб. на жалованье

учителю, расходуетъ свыше 2.000 руб. на доплату жалованья учительницамъ, до 400 р. на библіотеки, учебники и самыя цѣнныя учебныя пособія. Для одного изъ этихъ училищъ—*Петрищевскаго*, г. Варгунинъ въ минувшемъ году выстроилъ на свой счетъ прекрасный каменный подъ желѣзной крышей домъ, стоющій, при безплатной доставкѣ мѣстными крестьянами кирпича и другихъ матеріаловъ, 5.000 рублей. Въ *Брянскомъ уѣздѣ*, на содержаніе Бѣжецкихъ: мужскаго съ двумя смѣнами и вечерними занятіями для взрослыхъ и женскаго училищъ рельсо-прокатный заводъ израсходовалъ 4.100 руб.; въ Малоархангельскомъ уѣздѣ г-жи Клушина и Ханыкова издержали на училища, гдѣ онѣ состоятъ попечительницами, по 600 руб.; въ Орловскомъ уѣздѣ отъ графа Орлова-Давыдова поступило на содержаніе мужскаго и женскаго училищъ 1.065 руб., отъ Чернышева-Круглова на Точинское училище 450 р. и отъ бр. Нобель на Домнинское 450 р. Къ этимъ *шестнадцати* училищамъ, хорошо обезпеченнымъ частными лицами, мы присоединяемъ 38 училищъ Сѣвскаго уѣзда, совершенно обезпеченныхъ земствомъ денежными средствами. Такимъ образомъ, изъ 494 училищъ *56* (11,4%) представляютъ желательный и для остальныхъ образецъ народной школы, спокойной въ данное время за свое безбѣдное существованіе.

Правильныя занятія въ народной школѣ, кромѣ учителя, зависятъ отъ всей школьной обстановки, которая въ большинствѣ школъ не удовлетворяетъ самымъ скромнымъ педагогическимъ требованіямъ. Выше мы говорили уже о помѣщеніяхъ, такъ-называемыхъ «собственныхъ». Кромѣ указанныхъ нами неудобствъ, необходимо прибавить, что они неудовлетворительны еще и потому, что въ большинствѣ зимою до того *холодны* (особенно церковныя караулки), что въ нихъ *замерзаетъ вода*. О наемныхъ помѣщеніяхъ и говорить нечего: крестьянская изба со всѣми ея специфическими особенностями ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть удобна для училища.

По отношенію къ училищной обстановкѣ заслуживаетъ вниманія отчетъ одного изъ инспекторовъ народныхъ училищъ за прошлый учебный 1890—1891 г. Земство одного уѣзда отпускаетъ на содержаніе училищъ по 285 р. на каждое: 200 руб. на жалованье учителю, 50 р. законоучителю и 35 руб. на учебныя пособія; всѣ-же расходы по содержанію его лежатъ на обязанности общества даннаго училища. Но оно исполняетъ ихъ неаккуратно, вслѣдствіе чего накопляется много недоимокъ. Училищному сторожу, напр., уплачивается или деньгами (рѣдко) или натурою (40—60 мѣръ ржи). Хозяйственною частью завѣдываетъ особый уполномоченный, избираемый обществомъ, часто съ

торговъ (кто возьметъ *меньше* опредѣленной обществомъ на это суммы), что понижаетъ сумму, отпускаемую на содержаніе училища. Такой порядокъ сопровождается многими злоупотребленіями со стороны уполномоченныхъ. Инспектору много разъ приходилось выслушивать жалобы учителей на недостатокъ дровъ, несвоевременную доставку воды, на отсутствіе сторожа (что весьма естественно, когда свое жалованье онъ долженъ собирать по дворамъ въ видѣ зернового хлѣба). Хотя на ремонтъ училищныхъ помѣщеній и отпускаются деньги, но они не ремонтируются. Въ виду такого полнаго неустройства, *извѣстнаго училищному Совѣту*, лучшіе учителя бѣгутъ изъ этого уѣзда, и мѣста ихъ замѣщаются воспитанницами епархіальнаго училища—дочерьми и родственницами мѣстнаго духовенства.

Классная мебель *стараго образца* (*высокій* прямой столъ съ *низенькими* скамейками: когда мальчики сидятъ на нихъ, то касаются поверхности стола *подбородками*. Не угодно-ли научить ихъ письму на такой «стараго образца» мебели?), но и той недостаточно; въ нѣкоторыхъ училищахъ недостаетъ бумаги, чернилъ, перьевъ, досокъ, грифелей; недостатокъ учебниковъ (т.-е. книгъ для чтенія) восполняется тѣмъ, что одну книгу разрываютъ поперекъ—и выходятъ двѣ съ *полустатьями*, съ полусловами. Эти тоже «образцовыя» учебныя пособія намъ показывалъ инспекторъ, чтобы иллюстрировать положеніе училищъ въ одномъ изъ уѣздовъ его участка... Конечно, и въ этомъ уѣздѣ есть нѣсколько вполнѣ благоустроенныхъ училищъ, благодаря участію въ нихъ попечителей. Все сказанное здѣсь объ училищной обстановкѣ въ одномъ изъ 12 уѣздовъ не можетъ быть всецѣло примѣнено ко всѣмъ уѣздамъ; но замѣченные въ немъ недостатки отчасти наблюдались и въ нихъ. Поэтому мы считаемъ возможнымъ сказать, что вообще училищная обстановка большинства сельскихъ училищъ Орловской губерніи «оставляетъ желать весьма и весьма многаго» какъ относительно классной мебели, въ массѣ которой «старый образецъ» преобладаетъ, такъ и по отношенію *учебныхъ пособій*. Подъ учебными пособіями мы разумѣемъ *не классныя доски, не счеты, не письменныя* принадлежности или разрѣзные «подвижные» алфавиты:—безъ всѣхъ этихъ вещей немыслимо и учить; учебными пособіями мы называемъ: географическія карты, священно-историческіе атласы раскрашенныхъ картинъ, такой-же историческій атласъ; картины (большого формата) физическихъ явленій, зоологическія, ботаническія (въ особенности вредныхъ и полезныхъ человѣку животныхъ и растеній) и множество другихъ *наглядныхъ* пособій, безъ *книги* сообщающихъ ученикамъ множество необходимыхъ и

полезныхъ свѣдѣній... Вотъ этихъ-то настоящихъ учебныхъ пособій, за исключеніемъ очень немногихъ училищъ, совсѣмъ нѣтъ, о чемъ нельзя не пожалѣть; безъ нихъ самая лучшая школа, съ отличными учителями не въ состояніи достигнуть желаннаго развитія учениковъ; одна книга говоритъ только уму, но не затрогиваетъ ни сердца мальчика, ни его чувства и не вызываетъ любознательности... Намъ вспоминается при этомъ одинъ учитель, котораго мы видѣли много лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ училищъ Курской губерніи. Съ согласія законоучителя, онъ время-отъ-времени занимался съ учениками на урокахъ Закона Божія, и, не руководствуясь *текстомъ учебника*, разсказывалъ имъ по священно-историческимъ картинамъ различныя событія священной исторіи, и мы, какъ теперь видимъ, эти внимательно-сосредоточенные взоры массы (85) учениковъ, затаившихъ дыханіе, обращенные на картину... Когда учитель окончилъ разсказъ (Христосъ благословляетъ дѣтей), мы предложили одному изъ учениковъ младшаго отдѣленія объяснить, что изображаетъ другая картина «Преображеніе Спасителя»;—и ученикъ очень толково разсказалъ изображенное событіе, а нѣсколько другихъ учениковъ, уже безъ картинъ, разсказали двѣ-три исторіи изъ Ветхаго Завѣта, къ большой радости учителя. Правда, для подобнаго результата надо имѣть и талантъ *разсказывать*, которымъ далеко не всякій учитель обладаетъ, но во всякомъ случаѣ, имѣя подъ руками пособія, наглядно поучающія ученика, и безталанный учитель съумѣетъ объяснить, что нужно къ данному изображенію.

Если во многихъ училищахъ всѣхъ уѣздовъ недостаточно было даже учебниковъ по числу учениковъ, то *объ ученическихъ библіотекахъ* и говорить нечего: за исключеніемъ вышеназванныхъ училищъ, имѣвшихъ очень богатыя собранія книгъ для *внѣкласснаго чтенія* *), въ остальныхъ — подобныхъ книгъ было очень мало. При этомъ считаемъ необходимымъ сказать, что, по оффиціальному отчету, въ вѣдомости о «состояніи библіотекъ» показано, что въ начальныхъ училищахъ Орловской губерніи въ минувшемъ году состояло *157.332* т. книгъ, на сумму *54.722 р.*; но подъ словомъ «книгъ» разумѣются въ данномъ случаѣ *одни учебники*, употребляемые на урокахъ; хранятся они въ библіотечныхъ шкафахъ и считаются «библіотекой». Потребность въ книгахъ для внѣкласснаго чтенія—громадна; во всѣхъ училищахъ просятъ такихъ книгъ, но просьбы остаются безъ удовлетворенія. Только въ началѣ минувшаго года орловская дирекція учи-

*) Одобренныхъ Мин. Нар. Просв. и Св. Синодомъ для начальныхъ училищъ.

лицъ сдѣлала починъ снабженія училищъ книгами для внѣкласснаго чтенія, а также и руководствами для учителей, всего на сумму до 2.050 рублей. Кромѣ того, положено было основаніе организованныхъ учительскихъ библіотекъ: былъ составленъ дирекціею списокъ книгъ по всѣмъ отдѣламъ каталога, издан. Мин. Нар. Просвѣщенія, и отправленъ г-жѣ *Калмыковой*, спеціально посвятившей свой книжный магазинъ составленію и разсылкѣ, по заказу, ученическихъ библіотекъ для сельскихъ училищъ. Полученная библіотека (на сумму до 50 р.) была отослана въ Елецкій училищный Совѣтъ—для передачи ея въ какое-либо центральное училище съ тѣмъ, чтобы ею могли пользоваться и ученики другихъ ближайшихъ училищъ. Къ сожалѣнію, библіотека эта, какъ извѣстно частнымъ образомъ, и до настоящаго времени находится въ складѣ книгъ земской управы, потому, какъ намъ говорили, что училище (Стрѣлецкое), куда она назначена была въ январьскомъ засѣданіи Совѣта, получило до 200 книгъ отъ другого учрежденія, и снабжать его еще библіотекою признано было излишнимъ въ виду того, что большинство другихъ училищъ того-же уѣзда не имѣютъ книгъ для чтенія.

Впрочемъ, въ Елецкомъ уѣздѣ въ минувшемъ октябрѣ, во время очередного земскаго собранія, сдѣланъ былъ починъ къ основанію сельскихъ библіотекъ: земство ассигновало на этотъ предметъ 100 руб., къ которымъ присоединились пожертвованія гласныхъ и составилась сумма для выписки отъ г-жи Калмыковой *тринадцати* библіотекъ, по 25 р. каждая. Надо надѣяться, что елецкое земство на этомъ не остановится, и черезъ два-три года каждое училище этого уѣзда будетъ имѣть *дѣйствительную* ученическую библіотеку.

Несмотря на неблагопріятныя условія многихъ земскихъ училищъ Орловской губерніи, во всѣхъ, однако, учебныя занятія шли правильно; ученики распредѣлялись на три группы, для которыхъ составлялось еженедѣльное росписаніе уроковъ заблаговременно, въ началѣ учебнаго года. Это начало было весьма различно: въ образцовыхъ училищахъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія 1-го сентября; въ земледѣльческой полосѣ—въ началѣ и волжской—въ концѣ октября и даже въ началѣ ноября. Окончаніе учебныхъ занятій происходило въ обратномъ порядкѣ: въ министерскихъ училищахъ въ концѣ мая и даже въ началѣ іюня; въ черноземныхъ уѣздахъ—въ половинѣ мая, а въ лѣсныхъ—въ концѣ апрѣля. Такимъ образомъ, въ этихъ послѣднихъ уѣздахъ все учебное время продолжалось не болѣе *4 мѣсяцевъ*, что за три учебные года составитъ ровно *учебный годъ*. Несмотря, однако, на такой короткій срокъ ученія, въ большин-

ствѣ училищъ программа выполняется удовлетворительно, и желающіе выдерживаютъ экзаменъ на льготное по воинской повинности свидѣтельство,—благодаря, конечно, усердію учителей.

Единственное искусство, доступное ученикамъ сельскихъ училищъ и любимое народомъ — пѣніе церковное—преподавалось въ 120 училищахъ, гдѣ были организованы правильные хоры, пѣвшіе въ церквахъ. Въ большинствѣ этихъ училищъ пѣнію обучали сами учителя по нотамъ или при помощи скрипки или «съ голоса»; особые регенты нанимались только въ очень немногихъ, богато обставленныхъ школахъ. Учителя за занятіе съ дѣтьми церковнымъ пѣніемъ получали отъ общества или попечителей добавочную плату отъ 50 до 100 руб. въ годъ, что, конечно, значительно улучшало ихъ матеріальное положеніе.

Большинство *учителей-регентовъ* окончило курсъ въ учительской и духовной семинаріяхъ, которыя, обращая вниманіе на это искусство, доставляютъ своимъ питомцамъ бо̀льшую возможность къ безбѣдному существованію въ качествѣ народныхъ учителей.

Нельзя не пожалѣть, что учительницы лишены этого ресурса: изъ 238—ни одна не обучала пѣнію, хотя многія изъ окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, безъ сомнѣнія, играютъ на фортепіано, слѣдовательно, знакомы съ основными музыкальными познаніями. Отчего-бы начальницамъ этихъ учебныхъ заведеній не обратить вниманіе на важный пробѣлъ въ образованіи воспитанницъ? Вѣдь въ каждой гимназіи, а тѣмъ болѣе въ епархіальномъ училищѣ, доставляющемъ значительный контингентъ учительницъ, преподается пѣніе; стоило-бы только усилить это преподаваніе, по крайней мѣрѣ, для желающихъ и способныхъ.

Въ заключеніе этого краткаго и далеко, сознаемъ, не полнаго очерка (за отсутствіемъ многихъ данныхъ) «начальнаго народнаго образованія въ Орловской губерніи въ минувшемъ 1891 году», мы считаемъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать, что оно все-же улучшается и идетъ, хотя и медленно, по пути прогресса. Это доказывается сравненіемъ минувшаго года съ предшествующимъ, 1890 годомъ.

Сопоставляя данныя этихъ двухъ годовъ, мы находимъ слѣдующее:

а) число училищъ увеличилось на три; это, правда, немного, но необходимо помнить, что разразившійся надъ нѣкоторыми уѣздами неурожай принудилъ нѣкоторыя сельскія общества и двухъ землевладѣльцевъ закрыть 7 *училищъ;* безъ этого—число начальныхъ училищъ увеличилось-бы на десять;

б) число учащихся увеличилось на 1.758, т.-е. на 4,7%;

в) число преподавателей увеличилось на 24 *);

г) учебное дѣло нѣсколько улучшилось, вслѣдствіе чего получившихъ свидѣтельство на льготу 4-го разряда было болѣе предшествовавшаго года на 107 человѣкъ;

д) средства содержанія увеличились, отъ земства на 2.068 руб. и отъ частныхъ лицъ на 3.060 руб., всего на 5.128 рублей.

Всѣ эти данныя указываютъ, что дѣло народнаго образованія въ минувшемъ году и въ учебномъ, и въ матеріальномъ отношеніяхъ было лучше, чѣмъ въ предшествовавшемъ. Правда, что во многихъ отношеніяхъ оно далеко еще не достигло того развитія, чтобы его можно было признать удовлетворительнымъ; многое въ немъ требуетъ упорядоченія и приведенія въ правильно-организованную систему. Но такое великое и сложное дѣло, требующее единодушныхъ усилій всѣхъ классовъ общества, и не можетъ, при данныхъ условіяхъ русской жизни, идти быстро по пути прогресса; если оно на этомъ длинномъ пути каждый годъ будетъ подвигаться впередъ «по полсаженки»—и то слава Богу.

С. Бобровскій.

---

*) Во многія училища назначены помощники учителя.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Андреевскій, С. А. Литературныя чтенія. 2-е изд. С.-Петербургъ 1892 г. Ц. 1 руб.

Чтеніе художественныхъ произведеній доставляетъ намъ всегда невыразимое наслажденіе. Искусной кистью художникъ рисуетъ предъ нами картину жизни; раскрывая сострадающей рукой сердца людей съ ихъ радостями и печалями, онъ овладѣваетъ мало-по-малу вашими чувствами и мыслями, заставляетъ биться ваше сердце и мучиться вашъ умъ: страданія поэта и его героевъ становятся вашими страданіями, мысли и думы, мучащія ихъ, мучаютъ и волнуютъ васъ. Словомъ, читатель отдается весь, всей душой испытываемымъ имъ впечатлѣніямъ, ищетъ въ нихъ отвѣта на безпокоющіе его вопросы, старается почерпнуть въ нихъ силъ для жизненной борьбы. Но не всякій читатель въ состояніи самъ найти этотъ отвѣтъ, часто его восторгъ безсознателенъ, онъ не можетъ себѣ дать отчета, что именно его приводитъ въ такой восторгъ, такъ-ли онъ понялъ мысль поэта и т. д. Тогда на помощь ему приходитъ критика. Она отвѣчаетъ на вопросы: почему и что̀ изъ этого произведенія слѣдуетъ, она указываетъ, въ чемъ его прелесть, гдѣ правда и красота его. Коротко говоря, безсознательный восторгъ она превращаетъ въ сознательное и тѣмъ высшее наслажденіе. Отсюда само собой понятно громадное значеніе критики (мы указываемъ здѣсь только, конечно, на одну изъ сторонъ этого значенія). А между тѣмъ многія изъ образцовыхъ произведеній русской литературы до сихъ поръ остаются почти безъ всякаго критическаго освѣщенія, и потому невполнѣ или даже неправильно понимаются многими изъ насъ. Поэтому съ большимъ удовольствіемъ отмѣчаемъ мы появленіе вторымъ изданіемъ небольшой книжечки г. Андреевскаго, заключающей въ себѣ шесть критическихъ очерковъ. (Баратынскій, Достоевскій, Гаршинъ, Некрасовъ, Лермонтовъ, Левъ

Толстой). Г. Андреевскій—поэтъ и мастеръ слова: языкъ его образенъ, но не высокопаренъ, слогъ его подчасъ приподнятый, но не напыщенный, его коротенькія фразы звучатъ какъ музыка, сравненія красивы и оригинальны; къ тому-же, г. Андреевскій психологъ и умный критикъ, онъ любитъ и понимаетъ русскую литературу. Все это позволяетъ намъ обратить вниманіе читателей на эту книжку. Она начинается очеркомъ, посвященнымъ Баратынскому. Г. Андреевскій сѣтуетъ на то, что поэзія Баратынскаго находится въ забвеніи, и забвеніи незаслуженномъ. Виноваты тому, какъ говоритъ г. Андреевскій, «во-первыхъ, глубина его поэзіи, во-вторыхъ, Бѣлинскій съ своимъ ложнопрогрессивнымъ разборомъ его произведеній и, въ-третьихъ, хрестоматіи—эти истинныя губительницы поэтовъ негромкихъ, но содержательныхъ» (стр. 3). Намъ кажется, что г. Андреевскій не правъ. Вѣдь и поэзіи Лермонтова свойственны «глубина и недоступность для массы», а между тѣмъ она не предана забвенію. Дѣло, слѣдовательно, не въ этомъ, а именно въ томъ, на что указываетъ Бѣлинскій въ своемъ, какъ выражается г. Андреевскій, ложнопрогрессивномъ разборѣ произведеній Баратынскаго. Что-же такое сказалъ Бѣлинскій и почему г. Андреевскій называетъ его разборъ ложнопрогрессивнымъ? У Баратынскаго есть стихотвореніе «Послѣдній поэтъ», заключающее слѣдующія строки:

Воспѣваетъ простодушный
Онъ *) любовь и красоту,
И *науки, имъ ослушной,*
Пустоту и суету.
Мимолетныя страданья
Легкомысліемъ цѣня,
Лучше, смертный, въ дни *незнанья:*
Радость чувствуетъ земля.

Бѣлинскій со свойственной ему силой и страстностью показалъ всю ложность этой мысли, разсматривающей «жизнь, какъ добычу смерти, разумъ, какъ врага чувства, истину, какъ губителя счастья» (т. VI, стр. 308). Въ другомъ мѣстѣ (т. I, стр. 245) Бѣлинскій упрекаетъ Баратынскаго въ томъ, что его поэзія холодна, что въ ней нѣтъ огня и современности—этого необходимаго условія, составляющаго инстиннаго поэта. Этотъ приговоръ г. Андреевскій считаетъ неправильнымъ, расходясь съ Бѣлинскимъ въ основныхъ взглядахъ на отношеніе мысли къ искусству. «Просвѣтительное назначеніе литературы,—говоритъ г. Андреевскій,—вовсе не въ томъ, чтобы люди воспитывались въ тѣхъ

*) Поэтъ.

общественныхъ и нравственныхъ идеалахъ, которыхъ желаетъ извѣстное меньшинство, присвоившее (?) себѣ руководящую роль»... «...Вовсе не въ тенденціи—мѣрило цѣнности произведенія, и не въ *идеѣ*—заслуга автора, потому что изящная литература имѣетъ своею единственною задачей изображеніе и передачу, посредствомъ творческаго генія, внутренней и внѣшней жизни человѣчества. Первое условіе въ ней — вѣрность жизни» (стр. 33). Но вѣдь вѣрное изображеніе жизни человѣческой, да еще внутренней, можетъ проявиться во всей полнотѣ лишь въ *художественномъ*, но и *идейномъ* произведеніи, а не въ поэзіи, воспѣвающей «шопотъ, робкое дыханье, трели соловья». Жизнь есть борьба, рядъ страданій за вѣру, истину, науку и т. п., а не «сладкое журчанье соннаго ручья», и только тотъ можетъ воспѣвать однѣ лишь эти прелести, чье сердце глухо къ людскимъ страданіямъ, чей умъ чуждъ мыслей, волнующихъ человѣчество во всѣ времена. Міръ держится и живетъ не картинками, а идеями,—идеями правды, любви, поэтому литература, являющаяся отраженіемъ жизни, не есть забава, а святое дѣло, служители ея должны, по выраженію поэта, «глаголомъ жечь сердца людей», будить ихъ совѣсть, питать ихъ умъ, указывая тѣмъ самымъ путь къ достиженію человѣческихъ идеаловъ, а не усыплять ихъ красивыми, лишенными мысли, напѣвами, ибо, какъ прекрасно замѣтилъ Бѣлинскій, «что такое искусство безъ мысли?—то-же самое, что человѣкъ безъ души,—трупъ...», и какъ человѣкъ силенъ и великъ только своей душой, такъ и созданія его (литературныя, напр.) велики идеей, духомъ, ихъ проникающимъ, и чѣмъ выше эта идея, и чѣмъ художественнѣе ея выраженіе, тѣмъ больше его значеніе и вліяніе. Поэтому и будутъ жить вѣчно лишь тѣ литературныя произведенія, которыя, при художественной формѣ, одухотворены мыслью,—этимъ величайшимъ человѣческимъ даромъ. Что это такъ, лучше всего подтверждается словами самого Андреевскаго. «Содержаніе поэзіи Баратынскаго,—говоритъ онъ,—преходимость всего земного, жажда вѣры, разладъ разума и чувства и какъ послѣдствіе этого непримиримаго разлада—глубокая печаль» (стр. 13). Эти-же черты г. Андреевскій признаетъ характерными и для Лермонтова. А между тѣмъ, какъ великъ еще до сихъ поръ Лермонтовъ и какъ мало осталось теперь отъ поэзіи Баратынскаго! А почему? А потому, между прочимъ, что въ поэзіи Лермонтова отразились вѣчно повторяющіяся страданія и думы цѣлаго поколѣнія, а въ поэзіи Баратынскаго этого отраженія почти не видать. А то, что проникнуто у Баратынскаго мыслью, осталось еще и теперь (напр., «Водопадъ», «Финляндія», «Не искушай меня безъ нужды», «На смерть Гете»). Второй

очеркъ въ «Литературныхъ чтеніяхъ» посвященъ разбору «Братьевъ Карамазовыхъ». Достоевскій—писатель наименѣе оцѣненный русской публикой; между тѣмъ какъ одни имъ восторгаются и считаютъ его самымъ замѣчательнымъ изъ русскихъ писателей, другіе смотрятъ на его произведенія лишь какъ на плодъ больного воображенія и очень мало его читаютъ. Конечно, послѣднему мнѣнію далеко до истины, и если трудно сказать, кто изъ «стаи славной» писателей 40-хъ годовъ наиболѣе замѣчателенъ, потому что каждый изъ нихъ великъ и замѣчателенъ въ своемъ родѣ, то безспорно и надо думать, что скоро объ этомъ не будетъ двухъ мнѣній, что Достоевскій, несмотря на односторонность своего творчества, великій самобытный талантъ. Разборъ «Братьевъ Карамазовыхъ» является однимъ изъ лучшихъ очерковъ въ книжкѣ г. Андреевскаго. Чрезвычайно ярко и рельефно выяснена основная идея этого произведенія, извѣстная подъ именемъ «карамазовщины». «Подъ нимъ разумѣется высшій животный эгоизмъ, изгоняющій все трогательное, милое, поэтическое, этическое, самоотверженное и возвышенное ради всего осязательнаго, питательнаго и лакомаго» (стр. 122). Всѣ лица романа обрисованы съ большимъ искусствомъ и пониманіемъ ихъ характерныхъ чертъ. Словомъ, очень хорошій, талантливый очеркъ. Особенно-же выдѣляется среди другихъ блестящая характеристика Лермонтова—это восторженный дифирамбъ, по силѣ и яркости красокъ напоминающій собой пламенныя рѣчи Карлейля. Въ этомъ очеркѣ болѣе всего проявилась удивительная способность г. Андреевскаго двумя, тремя штрихами нарисовать портретъ во всю величину («этотъ молодой военный, въ николаевской формѣ, съ саблей чрезъ плечо, тонкими усиками, выпуклымъ лбомъ и горькою складкою между бровей, былъ одною изъ самыхъ феноменальныхъ поэтическихъ натуръ»,—такъ начинается статья о Лермонтовѣ), равно какъ умѣнье многое сказать въ немногихъ, къ тому-же очень красивыхъ, словахъ (см., напр., стр. 221, 238). Своимъ воодушевленіемъ онъ захватываетъ чувства читателя и заставляетъ его, хотя-бы на минуту, смотрѣть на все своими собственными ярко сіяющими, но не всегда вѣрными, глазами. Съ сужденіями его вы подчасъ, можетъ быть, и не согласитесь, но ихъ оригинальность заставитъ васъ призадуматься, ихъ художественная форма доставитъ вамъ большое эстетическое удовольствіе. То-же самое можно сказать и объ остальныхъ трехъ очеркахъ (Некрасовъ, Гаршинъ, Толстой),—всѣ они полны мѣткихъ сужденій, красивыхъ мыслей, облеченныхъ въ великолѣпную, но вмѣстѣ съ тѣмъ безыскусственную форму. На каждой страницѣ чувствуется, что это пишетъ человѣкъ, любящій и восторгающійся

тѣмъ, о чемъ онъ говоритъ, на каждомъ шагу вы встрѣчаете что-нибудь новое, свѣжее, изящное, каждое слово западаетъ вамъ въ душу, ударяетъ въ соотвѣтствующую струну вашего сердца и доставляетъ вамъ минуты удовольствія, какія можетъ только дать музыка или рядъ музыкальныхъ мыслей.

Поэтому, предостерегая нашихъ читателей отъ невѣрныхъ (по нашему мнѣнію) теорій г. Андреевскаго (объ отношеніи искусства къ мысли, науки къ жизни, поэта къ дѣйствительности, стр. 33, 34, 215, 225), непріятно поражающихъ въ его талантливой книжкѣ, мы, тѣмъ не менѣе, совѣтуемъ прочесть ее—она доставитъ читателю много, много удовольствія. **Ал. Остр—скій.**

Дѣтская библіотека. Изданіе А. А. Дѣтство и юность Веніамина Франклина. А. Н. Анненской. Спб. 1893 г. Цѣна 60 к. 254 стр.

Книга эта принадлежитъ къ числу рѣдкихъ книгъ, дающихъ серьезный, здоровый и интересный матеріалъ для чтенія дѣтямъ лѣтъ 12—13-ти. Можетъ быть, она не заинтересуетъ тѣхъ изъ читателей, которые привыкли къ чтенію книгъ, изобилующихъ заманчивыми разсказами о всевозможныхъ приключеніяхъ, интересными анекдотами и болѣе или менѣе яркими описаніями грандіозныхъ картинъ природы. Подобнаго внѣшняго интереса въ трудѣ г-жи Анненской не найдутъ; самъ герой ея не изъ такихъ, которые плѣняютъ юношеское воображеніе своими подвигами; въ его жизни, полной упорнаго, настойчиваго труда на пользу науки и общества, нѣтъ никакого блеска, никакого эффекта. Но тѣмъ важнѣе задача составителя біографіи—привлечь вниманіе юнаго читателя къ подобной личности и научить почувствовать ея величіе. Какъ намъ кажется, цѣль эта въ предлагаемой книгѣ достигается вполнѣ. Въ ней дается если не очень яркій, то вполнѣ законченный образъ Франклина. Передъ дѣтьми проходитъ жизнь этого великаго человѣка, съ самыхъ раннихъ лѣтъ упорно, настойчиво стремившагося къ свѣту, къ знанію, умѣвшаго во всемъ отказывать себѣ для достиженія намѣченной цѣли, умѣвшаго пробиться въ жизни безъ всякой поддержки, исключительно силою своего ума и характера. Энергичность, настойчивость, практичность, соединенная съ высокой честностью, умѣнье постоять и за себя и за свою родину, умѣнье позаботиться и о личномъ благосостояніи и объ общественномъ благѣ, постоянная всю жизнь, до старости не прекращавшаяся забота о самоусовершенствованіи и наблюденіе за своей внутренней жизнью безъ замыканія,

однако, въ свою келью, дѣятельное участіе въ обширной общественной дѣятельности, выразившейся главнымъ образомъ въ содѣйствіи распространенію образованія въ родной странѣ и защитѣ ея свободы и учрежденій,—со всѣми этими характерными чертами великаго американца познакомятся дѣти по этому умѣло составленному очерку. Можетъ быть, не совсѣмъ понята будетъ ими политическая дѣятельность Франклина, такъ какъ причины и поводъ борьбы американцевъ за независимость изложены вскользь, недостаточно выяснены, но это не мѣшаетъ общему прекрасному впечатлѣнію, производимому книгой. Эпиграфомъ для своего настоящаго труда г-жа Анненская выбрала: правила нравственности—списокъ тѣхъ качествъ, которыя стремился развить въ себѣ Франклинъ и которыя онъ считалъ необходимыми всѣмъ, работающимъ надъ своимъ нравственнымъ усовершенствованіемъ. Многія изъ этихъ добродѣтелей большинству молодыхъ читателей покажутся узкими и непривлекательными, какъ, напр., молчаливость, воздержность, порядокъ и опрятность, но тѣмъ-то и хороша разбираемая книга, что она ясно показываетъ значеніе и этихъ неблестящихъ личныхъ качествъ, безъ которыхъ Франклинъ, однако, не могъ-бы добиться многихъ изъ своихъ цѣлей. Написана книга хорошимъ языкомъ, не очень ярко и живо, но интересно и просто. Съ большой пользой прочтется она нашими дѣтьми, которымъ такъ чуждо представленіе о человѣкѣ, умѣвшемъ быть и простымъ рабочимъ, и прославленнымъ представителемъ своей родины, и смиреннымъ, и сознающимъ свои достоинства, умѣвшемъ практично и честно устроить свои личныя дѣла, не забывая при этомъ ни заботы о своихъ внутреннемъ мірѣ, ни служенія интересамъ науки и человѣчества.

«Дѣтская радость». Разсказы изъ дѣтской жизни *В. П. Андреевской.* Съ 6-ю раскрашенными картинами. Спб. 1892 г. Изд. Битепажа. Ц. 1 р. 50 к.

Забавы маленькихъ дѣтей. Двѣнадцать разсказовъ для мальчиковъ и дѣвочекъ *В. Смирновой.* Съ 6-ю раскрашенными картинами. Изд. Битепажа. Ц. 1 р. 50 к.

Обѣ книжки вполнѣ однородны и по виду, и по содержанію, и по характеру. Это—обыкновенныя нарядныя книжки для рождественскихъ подарковъ, въ которыхъ главную роль играетъ внѣшность, а не содержаніе. Ни въ «Дѣтской радости» нѣтъ никакой радости, ни въ «Забавахъ маленькихъ дѣтей» никакой хорошей забавы. Авторы даютъ

разсказы о милыхъ и дурныхъ дѣтяхъ, которыя получаютъ или награды, или наказанія—кто чего заслуживаетъ. Милыя дѣти подаютъ нищимъ двугривенные, или яблоки, за что тотчасъ-же и награждаются тройнымъ количествомъ противъ отданнаго; дурныя дѣти гримасничаютъ, когда ихъ фотографируютъ, и въ наказаніе выходятъ уродами на портретѣ, мучатъ животныхъ, обижаютъ сестеръ, вообще—совершаютъ всякіе непохвальные проступки, но за-то быстро раскаиваются и немедленно-же исправляются. Ничего живого, ничего занимательнаго, ровно ничего поучительнаго! И вотъ, съ такого рода книгъ начинаютъ пріучать дѣтей къ чтенію; удивительно-ли, если получаются печальные результаты: привычка не выносить ничего изъ чтенія, а только читать для процесса чтенія, привычка не брать ничего отъ книги и ничего не отдавать ей изъ своей души—все это готовитъ лишь будущихъ читателей фельетонной литературы. Пора задуматься надъ этимъ и посерьезнѣе отнестись къ чтенію дѣтей, особенно тщательно выбирая книги для первоначальнаго чтенія. Пусть лучше дѣти читаютъ мало; но пусть каждая книга будетъ для нихъ пріобрѣтеніемъ: пусть каждая оставитъ свой слѣдъ въ душѣ ребенка и возьметъ отъ него часть его души. Желательно, чтобы книги, подобныя этимъ изданіямъ Битепажа, поскорѣй перевелись въ нашей дѣтской литературѣ.

Разсказы для маленькихъ дѣтей. Быковой. Ц. 25 к. Стр. 63. Спб. 1892 г.

Разсказы г-жи Быковой навѣрно доставятъ большое и хорошее удовольствіе маленькимъ читателямъ. Написаны всѣ разсказы очень просто, вполнѣ доступно для малыхъ дѣтей, хорошимъ языкомъ и чрезвычайно симпатичны по всему тону и содержанію. Въ большей части разсказовъ описывается жизнь животныхъ; есть также разсказы о растеніяхъ, о производствахъ и, наконецъ, разсказы изъ дѣтской жизни. Изъ этихъ послѣднихъ навѣрно особенно заинтересуютъ маленькихъ дѣтей два разсказа: «Какъ Ваня забавлялъ Катю» и «Молодцы дѣтки». Ваня, для забавы больной сестры, изобрѣталъ самодѣльныя игрушки: рыбную ловлю, охоту, птичій дворъ; въ разсказѣ даны подробныя описанія, какъ приготовить эти игрушки самимъ дѣтямъ, безъ помощи взрослыхъ; и все описано такъ просто и такъ живо, что навѣрно каждому ребенку захочется подражать Ванѣ. «Молодцы дѣтки!»—разсказъ о находчивости мальчика, который съумѣлъ отвлечь вниманіе злой собаки отъ маленькой сестры и тѣмъ далъ ей

возможность добраться до доктора, котораго нужно было привести къ больной матери. Да и всѣ разсказы прочтутся охотно дѣтьми и заставятъ ихъ заинтересоваться окружающимъ міромъ.

Изданія Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности.

Въ настоящее время, когда, благодаря народной школѣ, уже имѣется довольно значительный контингентъ читателей изъ народа, вопросъ о томъ, что читать этому народившемуся читателю, долженъ считаться вопросомъ первой важности. Чтобы убѣдиться въ томъ, насколько быстро растетъ число читателей изъ народа, стоитъ обратить вниманіе на то громадное количество книгъ, которое ежегодно производитъ одинъ Никольскій рынокъ въ Москвѣ. Данный моментъ поэтому является очень важнымъ въ духовной жизни народа. Невольно возникаетъ вопросъ: чѣмъ удовлетворяется въ большинствѣ случаевъ эта жажда знанія въ народѣ? Легко можетъ статься, что литературный вкусъ новаго читателя уже испортился подъ вліяніемъ чтенія разныхъ «Разбойниковъ Чуркиныхъ» и т. п. произведеній лубочной литературы, и такимъ образомъ доброе вліяніе школы до нѣкоторой степени уже парализовано. Бороться съ этимъ можно только путемъ конкурренціи съ лубочниками, т.-е. увеличивать насколько возможно больше число хорошихъ изданій для народа. Вотъ, по нашему мнѣнію, та задача, которую должна поставить теперь себѣ наша интеллигенція. Починъ въ этомъ дѣлѣ былъ сдѣланъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, извѣстной издательской фирмой «Посредникъ», которая такимъ образомъ первая выступила на раціональный путь борьбы съ лубочниками. До нея борьба эта исчерпывалась однимъ лишь презрѣніемъ, съ которымъ мы относились къ лубочной литературѣ. Изданія «Посредника» уже въ достаточной степени извѣстны публикѣ, такъ какъ ихъ вышло уже болѣе ста нумеровъ. Затѣмъ, два года тому назадъ, было предпринято изданіе новой серіи народныхъ книжекъ подъ девизомъ «Правда». Мы не будемъ долго останавливаться на этой серіи, такъ какъ въ литературѣ *) уже былъ отзывъ о нихъ, замѣтимъ только, что задача издателей этихъ книжекъ, какъ это видно по вышедшимъ нумерамъ, состоитъ въ изданіи произведеній нашихъ образцовыхъ писателей и популярно-научныхъ статей по разнымъ областямъ знанія. Въ дѣлѣ изданія произведеній образцо-

---

*) «Русское Богатство» 1892 г. Августъ.

выхъ писателей много тормозитъ законъ о литературной собственности, въ силу котораго приходится издавать частью лишь отрывки, частью передѣлки. Не смотря на указанное затрудненіе, издатели «Правды» прекрасно справляются съ своей трудной задачей: вышедшія до сихъ поръ книжки, въ большинствѣ случаевъ, представляютъ собою сборники, дающіе прекрасный матеріалъ для чтенія. Достаточно указать на то, что произведенія Гоголя, Некрасова, Г. Успенскаго, Короленка (конечно, въ отрывкахъ) нашли себѣ мѣсто на страницахъ «Правды». Что касается научныхъ статей «Правды», то достаточно указать на только-что вышедшую книжку: «Начатки знанія», представляющую элементарный курсъ физики и химіи, чтобы судить, насколько серьезно и умѣло издатели отнеслись къ принятой ими на себя задачѣ.

Въ настоящей замѣткѣ мы остановимся на изданіяхъ «Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности». Издательская дѣятельность этого Общества началась сравнительно очень недавно и до сихъ поръ вышло въ свѣтъ 11 книжекъ: 6 беллетристическаго содержанія, 3 научнаго и 2 имѣющихъ практическій характеръ. Внѣшность изданій опрятная. Цѣна каждой книжки 3 коп.

Книжки беллетристическаго содержанія. № 1-й «Среди французовъ». Заключаетъ въ себѣ два небольшихъ разсказа А. Додэ: «Тайна стараго мельника» и «Обезьяна». Въ первомъ разсказывается, какъ старый мельникъ Корнилъ, со введеніемъ паровыхъ мукомолокъ, лишился заработка на своей старой мельницѣ, на которой прожилъ 60 лѣтъ. Теплое отношеніе односельчанъ къ Корнилу, потерявшему отъ безработицы голову, составляетъ всю прелесть разсказа. Содержаніе второго разсказа взято изъ жизни фабричныхъ рабочихъ. Обезьяна—жена рабочаго, прозванная такъ товарищами мужа за свою некрасивую внѣшность,—обезличенное и задавленное нуждой существо. Для разсказа взятъ моментъ, когда «обезьяна» въ одинъ изъ субботнихъ дней отыскиваетъ по кабакамъ своего мужа, прогуливающаго съ товарищами трудовые гроши, на которые надо одѣть и накормить дѣтей. Внутреній міръ бѣдной женщины изображенъ довольно ярко. Разсказъ производитъ сильное впечатлѣніе. Переводъ сдѣланъ хорошимъ языкомъ. Книжка заслуживаетъ полнаго одобренія.

№ 3-й. «Несчастная». Магда, красивая и здоровая крестьянка западнаго края, какъ волъ работаетъ на свою семью и до безумія любитъ своего пьяницу-мужа, который прогуливаетъ послѣднюю копейку и, не смотря на свою физическую слабость, бьетъ свою великаншу-жену и всячески издѣвается надъ старымъ дѣдомъ и дѣтьми.

Несчастная женщина все сноситъ со смиреніемъ и безъ ропота; но когда Андрей (мужъ) ведетъ къ шинкарю послѣднюю корову, то она не выдерживаетъ и, въ изступленіи, обломкомъ колеса наповалъ убиваетъ Андрея. Рабская покорность и страстная любовь Магды къ мужу-негодяю для читателя остаются совершенно непонятными; непонятнымъ также является и то обстоятельство, что Магда остается безучастною зрительницею возмутительной расправы мужа съ немощнымъ дѣдомъ и беззащитными дѣтьми и приходитъ въ изступленіе лишь тогда, когда онъ рѣшается увести со двора корову. Все это указываетъ на нѣкоторую дѣланность разсказа. Въ общемъ разсказъ производитъ тяжелое впечатлѣніе. Со стороны языка также остается желать многаго. Вообще, эта книжка не изъ удачныхъ.

№ 4-й. Параска. Разсказъ Щабельской. Параска — сноха Ивана Шершня, старшины Маліивки. Петръ, сынъ Шершня, души не чаетъ въ своей женѣ—красивой, умной, работящей и доброй бабѣ. Параска пользуется любовью и уваженіемъ за свои хорошія качества не только со стороны мужа и другихъ членовъ семьи, но и со стороны сосѣдей. Только старый Шершень не любитъ снохи: ему кажется, что она отбила у него сына, хотя изъ разсказа этого не видно, такъ какъ Петръ все время остается послушнымъ и почтительнымъ сыномъ. Старикъ изощряется на всѣ лады, чтобы обвинить въ чемъ-нибудь Параску и поссорить ее съ мужемъ, но, не смотря на всѣ усилія, ему не удается этого сдѣлать: сынъ попрежнему любитъ свою красивую и умную жену. Скоро подошли выборы въ старшины. Старый Шершень былъ въ полной увѣренности, что міръ снова выберетъ его, но потерпѣлъ фіаско. Свою неудачу старикъ почему-то приписалъ снохѣ и, не долго думая, такъ поучилъ ее, что она отдала Богу душу. Разсказъ оканчивается раскаяніемъ и недоумѣніемъ старика, за что онъ погубилъ сноху. Этотъ-же вопросъ невольно возникаетъ и у читателя. Книжку эту мы считаемъ совершенно безполезною: кровавыхъ сценъ по возможности слѣдуетъ всячески избѣгать въ народныхъ книжкахъ даже и тамъ, гдѣ онѣ имѣютъ хотя какой-нибудь смыслъ; книжки должны давать народу преимущественно свѣтлые, облагораживающіе образы, такъ какъ кровавыхъ сценъ и безъ того много въ дѣйствительности, въ самой жизни темнаго люда. Разговорная рѣчь въ разсказѣ передана на малороссійскомъ языкѣ, что значительно съуживаетъ кругъ читателей книжки, о чемъ, впрочемъ, не приходится сожалѣть.

№ 5-й. Миронъ и Галька. Щабельской. Гораздо большаго вниманія со стороны содержанія заслуживаетъ другой разсказъ Щабель-

ской «Миронъ и Галька». Савенко, молодой солдатъ изъ штрафованныхъ, любитъ и рѣшается жениться на Галѣ — батрачкѣ сельскаго священника. Передъ этимъ Галя полюбила фатоватаго унтеръ-офицера Вишнякова, который не замедлилъ грубо оттолкнуть ее, какъ только увидалъ, что она скоро должна сдѣлаться матерью. Сердечное отношеніе Савенка къ бѣдной дѣвушкѣ пробуждаетъ въ читателѣ хорошее чувство. Книжка заслуживаетъ полнаго одобренія.

№ 7-й. Друзья. А. Додэ. Содержаніемъ книжки служитъ трогательная исторія мальчика и собаки, умирающихъ съ голоду среди большого города. Переводъ сдѣланъ хорошимъ языкомъ; по содержанію книжка подходитъ больше для малолѣтнихъ читателей.

№ 8-й. Прекрасная Нивернеза. А. Додэ. Разсказъ этотъ, какъ и вообще разсказы Додэ, изданные Харьковскимъ Обществомъ, заслуживаютъ полнаго вниманія: онъ еще разъ показываетъ, какой богатый матеріалъ для народныхъ изданій представляетъ намъ западная литература. Содержаніе разсказа не сложно. Викторъ, сынъ состоятельнаго плотника Можандра, въ дѣтствѣ былъ похищенъ нищими и потомъ брошенъ ими среди улицы. Малютку взялъ на воспитаніе добродушный Луво, владѣлецъ старой барки, перевозящей лѣсъ по Сенѣ. Викторъ выростаетъ среди семьи Луво, какъ родной сынъ. Впослѣдствіи, когда дѣла Луво разстроились и барку его продали за долги, Можандръ, въ благодарность за воспитаніе сына, купилъ Луво новое судно. Разсказъ оканчивается помолвкой Виктора съ Кларой, дочерью Луво, съ которой онъ провелъ свое дѣтство на «Старой Нивернезѣ» (названіе барки). Разсказъ написанъ очень тепло; пробуждая хорошія чувства, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ знакомитъ читателя съ образомъ жизни и обстановкой, среди которой живетъ бѣдный людъ въ Парижѣ. По содержанію своему книжка пригодна и для малолѣтнихъ читателей.

Книжки научнаго содержанія. № 2-й. Дѣва Орлеанская. Живымъ увлекательнымъ языкомъ передана исторія Орлеанской дѣвы. Жанна д'Аркъ изображена, какъ личность, приносящая себя въ жертву за благо родины. Образъ кроткой, прекрасной дѣвы, смиренно идущей на костеръ за свою милую Францію, несомнѣнно, возвышающимъ образомъ дѣйствуетъ на душу читателя. Книжка производитъ сильное впечатлѣніе и должна быть причислена къ лучшимъ народнымъ книжкамъ, не только по содержанію, но и по простотѣ и легкости изложенія.

№ 9-й. Швейцарія. Книжка эта смѣло можетъ быть причислена къ лучшимъ книгамъ, когда-либо изданнымъ для народа. Въ сжатой и понятной формѣ изложены здѣсь достаточно полныя свѣдѣнія о

Швейцаріи. Природа и климатъ страны, образъ жизни, занятія, обычаи и общественное устройство швейцарцевъ — вотъ содержаніе этой интересной книжки. Послѣдняя глава заключаетъ въ себѣ краткую исторію возникновенія и развитія Швейцарскаго Союза, а также и сказаніе о Вильгельмѣ Теллѣ. Написана книжка простымъ, яснымъ, мѣстами увлекательнымъ языкомъ. Отъ души можемъ пожелать ей самаго широкаго распространенія.

№ 10-й. Желѣзныя дороги. Заключая въ себѣ описаніе устройства паровыхъ машинъ отъ самыхъ простыхъ, когда онѣ только-что были изобрѣтены, до самыхъ сложныхъ, каковы теперешніе локомотивы, книжка вмѣстѣ съ тѣмъ знакомитъ съ исторіей изобрѣтенія и усовершенствованія ихъ; нѣсколько страницъ посвящено біографіи Стефенсона. Не оставлена безъ вниманія также польза и значеніе желѣзныхъ дорогъ въ жизни отдѣльнаго человѣка и цѣлаго народа. Къ книжкѣ приложено нѣсколько рисунковъ; читается она довольно легко.

Книжки практическаго содержанія. № 6-й. Сибирь и переселенцы. Книжка носитъ дѣловой, практическій характеръ; составлена она довольно толково. Насколько намъ извѣстно, это—первый опытъ дать народу въ доступной для него формѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія по такому важному вопросу, какимъ является вопросъ переселенческій. Кромѣ введенія, гдѣ излагаются причины, побуждающія крестьянъ переселяться, книжка содержитъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) климатъ и почва Сибири; 2) сибирскіе старожилы и ихъ отношеніе къ переселенцамъ; 3) какъ устраиваются переселенцы въ Сибири; 4) переселенцы въ дорогѣ и 5) помощь переселенцамъ. Въ книгѣ указаны также пути и способы передвиженія, при помощи которыхъ удобнѣе добраться до Томской и Тобольской губерній, даже вычислена стоимость проѣзда и продовольствія. Языкъ довольно понятный. Книжкѣ можно пожелать самаго широкаго распространенія.

№ 11-й. О шелкѣ. Какъ и откуда добывается шелкъ. Енька. Книжка эта является уже во второмъ изданіи: въ первый разъ она была составлена и издана по порученію черниговской губернской земской управы; настоящее, второе, изданіе является дополненнымъ А. Ѳ. Брандтомъ. Достоинство ея, по нашему мнѣнію, заключается, между прочимъ, въ томъ, что въ беллетристической формѣ въ ней излагаются способы выводки шелковичныхъ червей и полученія коконовъ. Несомнѣнно, что книжки этой далеко недостаточно для того, кто хотѣлъ-бы по ней научиться шелководству, но она имѣетъ то важное значеніе, что пробуждаетъ интересъ къ этому дѣлу. Для лицъ, желающихъ серьезно познакомиться съ этимъ промысломъ, въ концѣ

книги указаны руководства по этому предмету и адресы, куда можно обратиться всякому, желающему пріобрѣсти тутовыя деревья и яички шелкопряда. Книжка читается съ большимъ интересомъ.

Вотъ все, что выпущено до сихъ поръ Харьковскимъ Обществомъ распространенія грамотности въ народѣ. Въ общемъ, его изданія производятъ очень хорошее впечатлѣніе. Видно, что Общество вполнѣ серьезно отнеслось къ своей задачѣ: изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами книгъ нѣтъ ни одной, про которую можно было-бы сказать, что она *«составлена»* для народа, т.-е. написана исковерканнымъ *народнымъ* языкомъ, какъ это часто встрѣчается въ народныхъ изданіяхъ; языкъ вездѣ самый простой, но ясный и точный. Содержаніе въ большинствѣ случаевъ или прямо взято изъ жизни, или-же представляетъ добросовѣстную обработку въ популярной формѣ данныхъ изъ той или иной области знанія. Въ такой постановкѣ дѣла мы видимъ большую заслугу общества. Съ другой стороны, отраднымъ явленіемъ въ этихъ изданіяхъ являются переводы изъ иностранной литературы; такимъ образомъ проложенъ новый путь къ матеріалу для народныхъ изданій, которымъ до сихъ поръ пользовались или мало, или неумѣло. Это—вторая заслуга Харьковскаго Общества. Въ заключеніе не можемъ не упомянуть, что цѣны книжекъ нѣсколько высоки. Если «Посредникъ» и «Правда» находятъ возможнымъ продавать по 1 руб. и даже по 95 коп. сотню листовокъ, то цѣна въ 3 коп. за листовую книжку Харьковскаго Общества намъ кажется слишкомъ высокою,—тѣмъ болѣе, что первое условіе успѣшной конкурренціи съ лубочниками—именно дешевизна книжекъ.

Н. Тулуповъ.

Т. Лубенецъ. Зернышко. Первая послѣ азбуки книга. Годъ первый. Спб. 1892 г. Ц. 30 коп.

Вышеназванная книжка уже нашла себѣ сбытъ и отмѣчена одобреніемъ со стороны общества, такъ какъ выходитъ *четвертымъ* изданіемъ. И по содержанію, и по формѣ хрестоматійка г. Лубенца представляетъ собою копію съ первыхъ нашихъ педагогическихъ опытовъ въ этомъ родѣ. «Зернышко» много напоминаетъ все то-же «Родное Слово» и даже непосредственно пользуется матеріаломъ изъ книгъ неистощимаго Ушинскаго. Въ 25 своихъ отдѣлахъ составитель постепенно переходитъ отъ «отца» и «матери» къ «семьѣ», отъ «избы» къ «селу», и отъ животныхъ къ растеніямъ и минераламъ. Въ заключеніе, согласно современнымъ программамъ, въ довольно обшир-

ныхъ размѣрахъ дана и «церковно-славянская грамота». Но, вопреки нѣкоторымъ моднымъ крайностямъ, авторъ ничуть не брезгаетъ и природовѣдѣніемъ и сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній по прикладнымъ знаніямъ. Г. Лубенецъ помѣстилъ въ книжкѣ статейки: «Пчелиный рой», «Таблица полезныхъ и вредныхъ животныхъ» (съ французскаго), «Какъ чередовать посѣвъ огородины», «Маслобойный заводъ» (Блинова) и пр. Для каждаго отдѣла предложены свои «письменныя задачи», не вносящія, впрочемъ, накакихъ новшествъ. Представлена въ «Зернышкѣ» съ должною полнотою и собственно «художественная» часть. Но, какъ и большинство составителей сборниковъ для начальныхъ школъ, г. Лубенецъ счелъ своею обязанностью превратиться въ поэта. Рядомъ съ извѣстными мелодичными строфами Жуковскаго о зародышѣ поставлено стихотвореніе «Зернышко», вѣроятно, собственнаго производства составителя. Нельзя не сказать, что и вообще эстетическіе вкусы г. Лубенца какъ-то странно направлены. Онъ помѣщаетъ стихотворенія Дмитріева, Мерзлякова, т.-е., писателей, во всякомъ случаѣ не первостепенныхъ и устарѣлыхъ, много пользуется далеко не яркою музою А. Н. Плещеева, приводитъ рѣшительно безцвѣтные стихи г. Дрожжина и другихъ подобныхъ, и, наконецъ, нерѣдко отдается очевидно «самостоятельному» творчеству, безъ котораго весьма удобно обошлось бы недурное «Зернышко». Г. Лубенецъ видимо прилагалъ старанія, чтобы книжка его по своему содержанію вышла доступною, занятною для дѣтей. Статейки даны по преимуществу коротенькія. Практики, пожалуй, впрочемъ, замѣтятъ, что въ Сборникѣ ощущается нѣкоторый недостатокъ въ матеріалѣ для чисто механическаго чтенія. Въ такъ-называемыхъ «дѣловыхъ» статейкахъ авторъ старается соединять простоту съ интересомъ и содержательностью, чѣмъ «Зернышко» и выдѣляется изъ среды иныхъ дѣтскихъ сборниковъ. Съ любопытствомъ и пользою, думается намъ, прочтутъ ученики отрывки, скомпилированные или позаимствованные составителемъ—о гадюкѣ, о бѣленѣ, дурманѣ и пр. Планъ книги выполняется г. Лубенцомъ съ толкомъ и стройностью. Напрасно лишь на стр. 20 допущено составителемъ выраженіе—«*незнамши* грамотѣ». Такое «народничанье» совершенно излишне. Также и разговоръ учителя съ учениками на стр. 60 имѣетъ свой raison d'être скорѣе въ классѣ, чѣмъ въ книгѣ. Въ заключеніе, позволимъ себѣ нѣсколько словъ о «морали» иныхъ статеекъ «Зернышка». Къ чему, напр., эти какъ-бы обязательныя для хрестоматій басни «Чижъ и голубь» и «Крестьянинъ и змѣя», какъ разъ далеко не отличающіяся высокой гуманностью своего содержанія? На стр. 47

«Комаръ и мотылекъ»—оба погибаютъ, причемъ дается выводъ: «и дѣло—впередъ высоко не поднимайся». Не для дѣтей также написано четырехстишіе Пушкина о могуществѣ золота и булата. Намъ всегда казалось, что и мораль общеизвѣстной басни «Пѣтухъ и жемчужное зерно» нѣсколько сложна для непосредственной натуры ребенка. Г. Лубенецъ-же не только помѣщаетъ эту пьеску, но, какъ-бы въ придачу, ставитъ тутъ рядомъ и басню Нахимова «Дуракъ и драгоцѣнный камень» (имѣющуюся, впрочемъ, и въ «Родн. Словѣ»).

Издано «Зернышко» до извѣстной степени даже нарядно; очень чистенькіе и рисунки. Желательно было-бы, чтобы книжка отличалась болѣе крупною печатью. **А. Н.**

И. Т. Яхонтовъ. «Руководство по (къ?) церковно-славянскому чтенію со сборникомъ задачъ для самостоятельнаго перевода съ церковно-славянскаго языка на русскій и краткимъ церковно-славянскимъ словаремъ. Учебное пособіе для церковно-приходскихъ школъ и начальныхъ народныхъ училищъ». Цѣна 25 коп. Новгородъ. 1892 года, стр. XV+183 in-8°.

Книжка г. Яхонтова, напечатанная на хорошей бѣлой бумагѣ, разборчивыми, но довольно мелкими шрифтами, можетъ быть отнесена къ числу очень порядочныхъ руководствъ къ обученію церковно-славянскому чтенію. Она представляетъ собою хотя и не первый, но довольно удачный способъ примѣненія къ названному предмету требованій раціональной дидактики. Вслѣдъ за матеріаломъ для чтенія, авторъ даетъ толково составленный сборникъ задачъ для самостоятельнаго письменннаго рѣшенія ихъ дѣтьми, а въ концѣ книжки—краткій церковно-славянскій словарь.

Прочитывая книгу, мы не замѣтили въ ней существенныхъ недостатковъ; но за-то авторъ допускаетъ, вслѣдъ за другими, не мало погрѣшностей второстепеннаго значенія. Такъ, филологи пишутъ не «а́построфъ», а «апо́строфъ» (греч. ἀπόστροφος), не «простая титла», а «простое титло». *Ерикъ* (а не «ерокъ») и *паеркъ* (а не «паерокъ») суть названія не одного знака, какъ утверждаетъ авторъ, а двухъ разныхъ: первый означаетъ ъ въ предлогахъ, стоящихъ по большей части отдѣльно, а второй замѣнялъ въ старину ъ. Службы церковныя начинаются, какъ извѣстно, «вечернею», а у г. Яхонтова (см. стр. 9) счетъ ихъ начинается съ утрени. Въ «Словарѣ» мы не нашли многихъ словъ, встрѣчающихся въ книжкѣ; таковы, напримѣръ, *схимонахъ*, *игуменъ*, *минея*, *тріодь*. Въ числѣ опечатокъ не указано мно-

гихъ ошибочныхъ написаній; сюда прежде всего относятся слова въ заголовкахъ, напечатанныя безъ всякихъ надстрочныхъ знаковъ, затѣмъ—обозначеніе родит. падежа прилагательныхъ съ простымъ *о* на концѣ, тогда какъ слѣдовало-бы печатать съ двойнымъ (см., напр., стр. 8, стр. 9 сверху, слово *честнаго*), и, наконецъ, такія написанія, какъ «данныя примѣры» (см. стр. 125). Нѣкоторыя славянскія слова приводятся авторомъ въ чуждой имъ категоріи, какъ, наприм., *доска* въ числѣ словъ съ полногласіемъ (см. 87 стран.). Съ устраненіемъ какъ недостатковъ, такъ и другихъ подобныхъ имъ, книжка г. Яхонтова будетъ значительно лучше. **А. Анастасіевъ.**

Н. Санчурскій. Краткая грамматика латинскаго языка, составленная примѣнительно къ программамъ 1890 года. Часть 2-я: синтаксисъ. Спб. 1892 г. IV+130.

Достоинство латинскаго синтаксиса, предназначеннаго для средней школы, опредѣляется: 1) выборомъ и расположеніемъ матеріала; 2) ролью отечественнаго языка при обработкѣ этого матеріала и 3) степенью соотвѣтствія между объемомъ книги и количествомъ времени, отведеннаго программами изученію грамматики.

Учебный латинскій синтаксисъ является сводомъ правилъ и указаній, формулирующихъ наиболѣе типическія явленія языка, въ періодъ его полнаго расцвѣта и самостоятельности, съ нѣкоторыми неизбѣжными, конечно, исключеніями. Изъ уклоненій могутъ быть сюда включены также тѣ, которыя, проходя черезъ всю группу поэтическихъ произведеній, составляютъ, нѣкоторымъ образомъ, особый отдѣлъ такъ называемыхъ «Особенностей поэтической рѣчи» (Acc. limit, dat. направленія, infinit при verba monendi, rogandi и мн. др.).

Родной языкъ въ такомъ учебникѣ не слѣдуетъ разсматривать исключительно какъ средство для редакціи правилъ и перевода отдѣльныхъ выраженій. Его роль гораздо шире и важнѣе. Должно, гдѣ только это возможно, стремиться къ сближеніямъ, устанавливать связь между явленіями обоихъ языковъ. Разработка латинскаго матеріала должна постоянно давать поводъ къ раскрытію тѣхъ или другихъ свойствъ родного языка,—вотъ наиболѣе вѣрный путь къ осуществленію программъ.

Наконецъ, объемъ книги долженъ быть разсчитанъ такъ, чтобы усвоеніе ея въ трехлѣтній срокъ (III—V классовъ) сдѣлать возможнымъ безъ особенныхъ усилій, не прибѣгая для этого къ экстраординарной мѣрѣ, въ родѣ, напримѣръ, увеличенія, насчетъ древнихъ

авторовъ, числа уроковъ грамматики, но въ то-же время безъ ущерба полнотѣ, въ видѣ сокращеній, пропусковъ, вычеркиваній.

Разбираемая книга, составляющая 2-ю часть предпринятаго г. Санчурскимъ труда *), въ общемъ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Свидѣтельствуя о способности автора оріентироваться въ подавляющей массѣ данныхъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ умѣнье его разграничивать въ выбранномъ матеріалѣ явленія общія отъ частныхъ, болѣе или менѣе случайныхъ. Редакція правилъ вообще отличается краткостью и отчетливостью. Элементъ терминологическій, обыкновенно испещряющій грамматики и вносящій съ собою нѣкоторую сухость и излишній формализмъ, въ нашемъ «Синтаксисѣ», и къ его, конечно, выгодѣ, значительно ослабленъ. Точкой отправленія служитъ автору отечественный языкъ, причемъ обычныя латинскія названія слѣдуютъ за русскими или заключаются въ скобки, будучи такимъ образомъ отодвинуты на второй планъ. Особенно удачно этотъ методъ проведенъ и выдержанъ въ главѣ о дательномъ надежѣ.

Учебникъ изобилуетъ сопоставленіями латинскихъ выраженій съ церковно-славянскими и русскими; нерѣдко также встрѣчаются сравненія съ языками греческимъ и новыми. Такой пріемъ является, на нашъ взглядъ, не только не лишнимъ, но, напротивъ, съ дидактической точки зрѣнія, даже въ значительной мѣрѣ полезнымъ **): онъ будитъ воображеніе, переноситъ учащагося въ болѣе близкую ему область, стало быть, оживляетъ и заинтересовываетъ, содѣйствуя въ то-же время упроченію въ памяти того или другого явленія.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, считаемъ своевременнымъ обратиться къ указаніямъ на отдѣльныя мѣста и §§, требующіе, по нашему мнѣнію, исправленія или дополненія.

§ 14, I. Обобщеніе намъ кажется нѣсколько рискованнымъ: помогать—auxiliari, заботиться—consulere и др. сочиняются съ дательнымъ падежемъ. Кромѣ того, слова «и т. п.» ничего не говорятъ ученику. Далѣе, почему рядомъ съ *volo* не упомянуты adipiscor, impetro, attingo (tango), cupio? Вообще, мы предложили-бы изъ этой группы выдѣлить и подвести подъ данное правило (т.-е. сочетаніе съ accus.) глаголы, требующіе по-русски *родительнаго падежа*.

§ 17 прим. 1, § 18, в, § 22 прим. 2, § 23, в, § 48 прим., §§ 49 и 50. Полезно было-бы уклоненія, представляемыя pronomina средняго рода, объединить и формулировать въ болѣе общемъ видѣ.

§ 27. Въ этотъ рядъ глаголовъ слѣдовало-бы внести *ignosco*.

*) 1-я часть—Этимологія (См. «Русск. Шк.», 1892, апрѣль).

**) Попытка въ этомъ направленіи уже сдѣлана въ 1-й части. См. приложеніе.

§ 52. *Afficere* gaudio, poena и др. есть только *перифразъ* глаголовъ *радовать, наказывать* и др., а потому, пріурочить его къ данному § неумѣстно.

Выдѣленіе обстоятельственныхъ словъ въ особую главу считаемъ излишнимъ.

§ 76 прим. 3. Пониманіе правила въ такой редакціи для ученика нѣсколько затруднительно. Вообще, въ вопросѣ о consecut. temp. мы склоняемся къ тому мнѣнію, что графическій или символическій способъ скорѣе достигаетъ цѣли. Сверхъ того, при современной постановкѣ древняго языка въ гимназіяхъ, сокращеніе и упрощеніе этого обширнаго отдѣла представляется весьма желательнымъ и возможнымъ.

§ 90. Весьма цѣлесообразно обобщить правила при quum temporale и historic. примѣнительно къ ученію о видѣ русскаго глагола.

§§ 97—99. Въ главѣ объ условныхъ предложеніяхъ ничего не сказано о способѣ перевода *будущаго времени* въ протазисѣ зависимаго условнаго періода. Не мѣшало-бы въ этомъ случаѣ сдѣлать, по крайней мѣрѣ, ссылку на отдѣлъ о consecut. temp., а именно на § 78.

Въ отдѣлѣ стилистики крайне полезнымъ было-бы расширеніе IV-й главы (§ 144)—о глаголѣ.

Отсутствіе въ главѣ «о метрикѣ» важнѣйшихъ лирическихъ размѣровъ у Горація является нѣкоторымъ пробѣломъ, въ виду того, что чтеніе лирическихъ пьесъ этого поэта обязательно.

Во всякомъ случаѣ, «Латинская грамматика» г. Санчурскаго— трудъ весьма почтенный, составляющій крупный вкладъ въ нашу учебную литературу. Ему несомнѣнно предстоитъ занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ среди учебниковъ новаго направленія и оказать дѣлу преподаванія латинскаго языка немалую услугу.

Нельзя также не отмѣтить внѣшнюю изящность изданія, и по цѣнѣ весьма необременительнаго для учащихся. **М. Р—нъ.**

Исторія среднихъ вѣковъ. (Курсъ систематическій). Примѣнительно къ послѣдней примѣрной программѣ, утвержденной г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Составилъ К. А. Ивановъ, преподаватель Спб. Пятой гимназіи. Спб. 1892 г. (стр. VIII+217 in 8⁰).

Средневѣковому періоду всеобщей исторіи особенно посчастливилось за послѣднее время въ нашей учебной литературѣ: послѣ трудовъ гг. Рождественскаго, Беллярминова, Функе и Иващенка книга г. Иванова является по счету четвертой попыткой дать нашей школѣ

новое руководство по средней исторіи, взамѣнъ извѣстной всѣмъ и пережившей самое себя книги Д. И. Иловайскаго *). Послѣдняя, не смотря на всѣ свои достоинства, доставившія ей исключительное господство въ нашей школѣ въ продолженіе болѣе чѣмъ 25-ти лѣтъ, имѣетъ и недостатки, дѣлающіе желательнымъ появленіе новаго руководства, тѣмъ болѣе, что и постановка курса средней исторіи въ послѣднее время значительно измѣнилась, а по этой причинѣ и требованія отъ учебной книги по этому отдѣлу исторіи стали иныя. Не касаясь недостатковъ учебника Иловайскаго по существу, мы не можемъ не указать на одно немаловажное, на нашъ взглядъ, неудобство при употребленіи этой книги въ настоящне время. При той группировкѣ историческаго матеріала, какую представляетъ книга Иловайскаго, прохожденіе многихъ частей курса средневѣковой исторіи вызываетъ необходимость въ отдѣльныхъ случаяхъ набирать подходящій матеріалъ для урока изъ нѣсколькихъ параграфовъ, помѣщенныхъ въ разныхъ отдѣлахъ книги: эти отдѣльные параграфы надобно затѣмъ пригнать, такъ сказать, одинъ къ другому, согласовать ихъ между собою, и на это дѣло совершенно непроизводительно тратится не мало времени, котораго въ распоряженіи преподавателя исторіи въ V-мъ классѣ гимназіи, гдѣ проходится курсъ средневѣковой исторіи, такъ мало, что имъ надобно пользоваться крайне бережливо и разсчетливо. Возьмемъ для примѣра вопросъ о происхожденіи свѣтской власти римскихъ папъ. Примѣрная программа, приложенная къ учебному плану исторіи, рекомендуетъ ознакомленіе учениковъ съ этимъ вопросомъ начать съ изложенія иконоборства въ Византіи, которое имѣло, между прочимъ, своимъ слѣдствіемъ «паденіе императорской власти въ Италіи и возвышеніе римскаго епископа»; далѣе требуется изложить «просвѣтительную дѣятельность св. Бонифація въ Германіи» и указать «значеніе ея для папства»; въ это-же время, какъ извѣстно, съ новою силою проявились завоевательныя стремленія лангобардовъ, которыя заставили папъ войти въ тѣсныя сношенія съ франками, и вотъ программа даетъ далѣе такое указаніе: «начало новой династіи у франковъ», основатель которой и помогъ папѣ въ борьбѣ съ лангобардами и предоставленіемъ папѣ равеннскаго экзархата положилъ начало свѣтской власти римскихъ папъ (въ программѣ: «походы Пипина Короткаго въ Италію и начало свѣтской власти папъ»). Въ книгѣ

---

*) Въ этотъ счетъ не входитъ книга Я. Г. Гуревича («Обзоръ главныхъ явленій средней исторіи по вѣкамъ»), изданная въ 1885 г., такъ какъ она не можетъ быть разсматриваема какъ учебникъ.

Иловайскаго относящійся къ этому вопросу матеріалъ разбросанъ по слѣдующимъ §§: 15 (иконоборство въ Византіи, но безъ указанія вліянія его на положеніе дѣлъ въ Италіи), 12 (св. Бонифацій), 10 (начало династіи Каролинговъ у франковъ, но безъ указанія связи этого факта съ положеніемъ дѣлъ въ Италіи), 9 (походы Пипина Короткаго и начало свѣтской власти папъ). Такая разбросанность историческаго матеріала, недостатокъ систематизаціи фактовъ, находящихся другъ съ другомъ въ причинной связи, и вслѣдствіе этого отсутствіе освѣщенія внутренняго смысла историческихъ фактовъ,—вотъ, по нашему мнѣнію, главный недостатокъ книги Иловайскаго, дѣлающій употребленіе ея въ школѣ затруднительнымъ въ настоящее время, когда на эту сторону дѣла обращается особое вниманіе (см. Учеб. пл. изд. 1890 г., стр. 120). Но вѣдь—могутъ намъ возразить—освѣщеніе историческихъ фактовъ, выясненіе ихъ внутренняго смысла, установленіе между ними причинной связи—все это составляетъ прямую задачу преподавателя, который выполняетъ эту работу путемъ бесѣды съ учениками въ классѣ; учебникъ-же долженъ содержать только сырой матеріалъ въ видѣ ряда фактовъ, послужившихъ предметомъ классной бесѣды преподавателя. Не говоря уже о томъ, что при такомъ взглядѣ учебникъ долженъ превратиться, такъ сказать, въ голый скелетъ историческихъ фактовъ, хотя-бы и подробно разсказанныхъ, намъ кажется, что самое назначеніе учебника—облегчать ученику домашнее приготовленіе заданнаго урока—требуетъ помѣщенія въ немъ всего того (въ какой степени подробно—это другой вопросъ), о чемъ шла рѣчь въ классѣ, тѣмъ болѣе, что при громадномъ матеріалѣ, который долженъ быть пройденъ изъ исторіи въ сравнительно короткое время *), очень часто приходится преподавателю предоставлять прохожденіе той или другой части курса самимъ ученикамъ, безъ предварительнаго разъясненія урока со стороны преподавателя **); въ такихъ случаяхъ учебникъ долженъ обязательно дать ученику все, что необходимо для всесторонняго усвоенія заданнаго урока, а, слѣдовательно, и разъясненіе какъ причинной связи, такъ и внутренняго смысла фактовъ.

Не вдаваясь въ критику учебниковъ, появившихся на смѣну книги Иловайскаго, обратимся къ новой, недавно изданной, «исторіи среднихъ вѣковъ», составленной К. А. Ивановымъ.

---

*) На прохожденіе всего систематическаго курса исторіи (всеобщей и русской) въ гимназіяхъ Мин. Нар. Просв. дается, какъ извѣстно, 9 уроковъ въ недѣлю въ четырехъ старшихъ классахъ; курсъ VIII-го класса, какъ курсъ по преимуществу повторительный, мы не принимаемъ въ разсчетъ.

**) Это небезполезно и въ смыслѣ пріученія учениковъ къ самодѣятельности.

Въ этой книгѣ, содержащей въ себѣ 217 страницъ текста, весь матеріалъ по исторіи среднихъ вѣковъ разбитъ на 5 отдѣловъ, изъ которыхъ каждый, въ свою очередь, распадается на отдѣльные параграфы (общее число послѣднихъ 127). Заглавія какъ отдѣловъ, такъ и большей части параграфовъ заимствованы изъ примѣрной программы по исторіи, помѣщенной въ новыхъ «Учебныхъ планахъ» (стр. 103—108). Такимъ образомъ, первая, бросающаяся въ глаза, особенность книги г. Иванова та, что она составлена, какъ сказано на заглавномъ листѣ, «примѣнительно къ послѣдней примѣрной программѣ, утвержденной г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія». Хотя, безспорно, благодаря этому мы находимъ въ книгѣ г. Иванова ту систематизацію въ распредѣленіи историческаго матеріала, о необходимости которой мы говорили выше, однако особой заслуги въ этомъ со стороны составителя книги мы не видимъ, такъ какъ онъ въ данномъ случаѣ слѣпо слѣдовалъ готовымъ указаніямъ программы. Только внимательное ознакомленіе съ содержаніемъ книги г. Иванова можетъ дать намъ основаніе судить о ея достоинствахъ, какъ учебной книги. Она была уже на разсмотрѣніи Ученаго Комитета Министер. Нар. Просв. и послѣднимъ одобрена какъ руководство для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ при прохожденіи курса средневѣковой исторіи (Журн. Мин. Нар. Просв. 1892 г. Сентябрь). Это обстоятельство заставило насъ отнестись съ особымъ интересомъ къ книгѣ г. Иванова, въ которой мы ожидали найти готовое разрѣшеніе вопроса о необходимости дать нашей школѣ дѣльное, толково составленное, цѣнное какъ въ научномъ, такъ и въ педагогическомъ отношеніи, руководство по средневѣковой исторіи, и были нѣсколько смущены сдѣланнымъ намъ предложеніемъ дать объ этой книгѣ отзывъ, полагая, что иного отзыва, кромѣ похвальнаго, дать о ней нельзя... Но эти ожиданія постепенно улетучивались по мѣрѣ того, какъ подвигалось впередъ наше ознакомленіе съ содержаніемъ книги г. Иванова.

Прежде всего, разсматривая эту книгу съ внѣшней стороны, мы видимъ, что текстъ (за исключеніемъ подстрочныхъ примѣчаній) отпечатанъ отъ начала до конца однообразнымъ крупнымъ шрифтомъ. Естественнымъ является предположеніе, что весь историческій матеріалъ, заключающійся въ книгѣ, имѣетъ одинаковое значеніе и предназначается цѣликомъ для усвоенія его учениками. Между тѣмъ мы находимъ въ книгѣ г. Иванова такія мѣста, которыя, очевидно, помѣщены съ цѣлью «сообщить изложенію живость и интересъ» (Предисл., VII) и предназначаются для прочтенія учениками, а никакъ не для заучиванія (напр., на стр. 7—отрывки изъ Евсевія и одного рескрипта

имп. Константина, на стр. 16—17—подробности о взятіи Рима Аларихомъ, на стр. 33—34—о происхожденіи Ѳеодоры, супруги имп. Юстиніана, на стр. 35—37—о константинопольскомъ мятежѣ 532 г., на стр. 40—41—о распространеніи христіанства у англо-саксовъ, на стр. 48—объ образѣ жизни халифа Абу-Бекра и о поѣздкѣ Омара въ Іерусалимъ, на стр. 49—о гибели послѣдняго персидскаго царя Іездегерда, на стр. 87—о битвѣ при Гастингсѣ, на стр. 93—94—о короновании Оттона I въ Ахенѣ, на стр. 197—198—объ установленіи въ Миланѣ тираннiи и о происхожденіи фамиліи Сфорца, на стр. 199—объ устройствѣ флорентійской республики и т. д.). Если ужъ помѣщать подобные эпизоды въ руководство, то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ, какъ это принято въ настоящее время и за-границею, и у насъ, печатать ихъ особымъ шрифтомъ, выдѣляя ихъ изъ остальнаго разсказа, заключающаго въ себѣ обязательный для учениковъ матеріалъ.

Переходя къ вопросу о содержаніи книги г. Иванова, мы должны сказать, что и въ этомъ отношеніи она представляется намъ не вполнѣ удовлетворительною: есть въ ней и фактическіе промахи, но главнымъ ея недостаткомъ, на нашъ взглядъ, является какое-то непонятное пренебреженіе автора къ тѣмъ требованіямъ, которымъ долженъ удовлетворять всякій учебникъ, тѣмъ болѣе учебникъ по исторіи. Та книга, которая предназначается для употребленія въ школѣ въ качествѣ учебника или руководства, должна, по нашему мнѣнію, содержать въ себѣ согласное съ выводами науки изложеніе тѣхъ фактовъ, которые входятъ въ составъ установленнаго по тому или другому предмету курса; но ограничиться изложеніемъ только одной фактической стороны не можетъ авторъ учебника по исторіи въ виду особенностей самого предмета: не одни факты въ ихъ хронологической послѣдовательности должны быть усвоены учениками изъ курса исторіи, но «курсъ этотъ,—говоря словами объяснительной записки къ учебному плану исторіи,—долженъ, главнымъ образомъ, развить въ ученикахъ способность къ пониманію связи между событіями — къ различенію причинъ и слѣдствій, побужденій и поводовъ, и подготовить ихъ настолько, чтобы они могли впослѣдствіи читать съ полнымъ пониманіемъ лучшія историческія произведенія отечественной и иностранной литературъ» (Учеб. пл. стр. 120). Для содѣйствія къ достиженію этой цѣли учебникъ по исторіи долженъ содержать въ себѣ, кромѣ чисто-фактической стороны, и характеристику фактовъ, и объясненіе ихъ взаимодѣйствія, причиной связи и послѣдовательности историческихъ событій, однимъ словомъ, все то, что содѣйствуетъ пониманію историческихъ явленій, а не одному механическому усвоенію

фактовъ. Само собою разумѣется, что выборъ фактическаго матеріала для учебника долженъ быть сдѣланъ самый тщательный какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи, такъ какъ далеко не всѣ историческіе факты должны имѣть мѣсто въ общеобразовательномъ курсѣ. Не касаясь этого вопроса по существу, замѣтимъ только, что для лица, берущаго на себя трудъ составленія учебника, дѣло это въ значительной степени облегчается тѣмъ, что всѣ необходимыя указанія онъ можетъ найти въ существующихъ учебныхъ планахъ и программахъ. Другое дѣло—изложеніе того матеріала, который долженъ составить содержаніе учебника. Тутъ все зависитъ отъ составителя, который долженъ, помимо своей эрудиціи въ предметѣ, имѣть въ виду и тѣ общія педагогическія требованія, которыя обязательно должны быть положены въ основу школьнаго преподаванія. Изложеніе должно отличаться ясностью и живостью, быть чуждо всякой тенденціозности и напыщенности; въ передачѣ подробностей о томъ или другомъ фактѣ слѣдуетъ соображаться со степенью его важности: факты главные, имѣющіе первостепенное значеніе, должны быть изложены болѣе подробно и обстоятельно, чѣмъ факты второстепенные.

Нельзя сказать, чтобы книга г. Иванова удовлетворяла всѣмъ этимъ требованіямъ.

Поставивъ себѣ «главною цѣлью своей выработку текста» (Предисл. VIII), г. Ивановъ, повидимому, не считалъ для себя обязательнымъ соблюдать строгую послѣдовательность и соотвѣтствіе между тѣмъ, что онъ говоритъ на одной страницѣ, и тѣмъ, что онъ затѣмъ повторяетъ чрезъ нѣсколько страницъ о томъ-же самомъ фактѣ. Такихъ противорѣчій въ книгѣ г. Иванова встрѣчается не мало: 1) назвавъ на стр. 29 именемъ «поморянъ» всю группу славянъ прибалтійскихъ (включая сюда-же и славянъ полабскихъ), онъ на стр. 65 употребляетъ это имя въ смыслѣ названія только одной части этой группы: «подъ балтійскими славянами разумѣются бодричи, лютичи, поморяне, т.-е. славяне, обитавшіе въ земляхъ прибалтійскихъ, по Эльбѣ и Одеру, и далѣе на востокъ»; 2) тутъ-же, на стр. 29, перечисляя отдѣльныя славянскія племена, авторъ относитъ «словенцевъ» («въ нын. австрійскихъ провинціяхъ Штиріи, Каринтіи и Истріи») къ славянамъ южнымъ; а изъ дальнѣйшаго изложенія оказывается, что они составляютъ одну изъ группъ славянъ западныхъ (на стр. 32 сказано о южныхъ славянахъ, что имъ, какъ и восточнымъ славянамъ, «суждено было войти въ непосредственныя сношенія съ восточной Римской имперіей», тогда какъ словенцы (см. стр. 67) были поко-

ревы Карломъ Великимъ и, слѣдовательно, вошли «въ непосредственныя сношенія» не съ восточною Римскою имперіею, а съ германскимъ міромъ. См. объ этомъ въ «Лекціяхъ по всемірной исторіи» проф. Петрова; т. II, стр. 107); 3) на стр. 57 находимъ извѣстіе о томъ, что Карлъ Великій воевалъ съ славянскимъ племенемъ «вильцевъ», имѣя своими союзниками «оботритовъ», и подчинилъ своей власти «племя каринтійцевъ, жившее на склонахъ восточныхъ Альповъ»; а въ другомъ мѣстѣ, гдѣ снова идетъ рѣчь объ отношеніяхъ Карла Великаго къ славянамъ, эти имена замѣнены другими: первые названы «лютичами», вторые — «бодричами», третьи — «хорутанами», «словенцами» (стр. 65 — 67); 4) на стр. 88 — 89 о Людовикѣ Нѣмецкомъ сказано: ему «приходилось вести продолжительную борьбу на два фронта: съ сѣвера и сѣверозапада нападали на его владѣнія норманны, съ востока—славяне (моравы). Людовикъ прославился не только обороной границъ своего государства» и т. д.; а раньше, на стр. 67 находимъ извѣстіе о полной неудачѣ этого короля «возстановить свою власть надъ отпавшими моравами и чехами»: врядъ-ли можно назвать то пораженіе, которое испыталъ Людовикъ Нѣмецкій отъ чеховъ, принудившихъ его «къ позорному миру» (стр. 67), дѣяніемъ, «прославившимъ» царствованіе этого короля; 5) на стр. 97 находимъ слѣдующее извѣстіе о чехахъ: «съ прекращеніемъ династіи Карла Великаго, прекратилась зависимость чешской земли отъ Германіи»; а раньше, говоря о велико-моравской державѣ, образованіе и процвѣтаніе которой относится къ концу IX вѣка, слѣдовательно, ко времени послѣднихъ Каролинговъ (Святополкъ моравскій умеръ въ 894 г.), онъ упоминаетъ и о чехахъ, какъ составномъ элементѣ этого государства (стр. 70), и слѣдовательно, признаетъ фактъ независимости чеховъ отъ Германіи уже раньше «прекращенія династіи Карла Великаго» въ Германіи,—что случилось, какъ извѣстно, въ 911 г.; наконецъ, 6) на стр. 2-й находимъ указаніе на то, что «нынѣшняя романская раса» образовалась путемъ романизаціи древнѣйшаго населенія Галліи и Испаніи (кельтовъ и кельт-иберовъ); а изъ дальнѣйшаго изложенія оказывается, что для образованія націй, называемыхъ романскими, потребовалась еще примѣсь пришлаго германскаго элемента: «изъ слiянія пришельцевъ,—говоритъ г. Ивановъ на стр. 28,—и туземнаго населенія образовались съ теченіемъ времени новыя націи, которыя получили названіе романскихъ».

Другой недостатокъ, рѣзко бросающійся въ глаза при чтеніи книги г. Иванова, заключается въ отсутствіи, такъ сказать, чувства мѣры при изложеніи событій: въ то время, какъ факты первостепенной

важности излагаются кратко и настолько неполно, что не могутъ быть ясно поняты и усвоены учениками, второстепеннымъ событіямъ авторъ отводитъ слишкомъ много мѣста въ своей книгѣ, излагая ихъ съ такими подробностями, которыя, по меньшей мѣрѣ, излишни въ учебной книгѣ. Чтобы не навлечь на себя обвиненія въ голословности нашего замѣчанія, приведемъ факты. Что, напримѣръ, говоритъ г. Ивановъ въ своей книгѣ по вопросу о происхожденіи феодализма? Сдѣлавъ въ первый разъ упоминаніе о «феодальней системѣ» на стр. 61 по поводу распаденія имперіи Карла Великаго (прим. 24), онъ, правда, посвящаетъ этому вопросу цѣлую главу (1-я глава въ III отдѣлѣ, стр. 79—84), озаглавленную такъ: «Происхожденіе феодализма и начало рыцарства», но особенно о происхожденіи этого политическаго строя, характеризующаго средневѣковой періодъ, не говоритъ ни слова. Сначала онъ дѣлаетъ «характеристику феодальнаго порядка» (§ 48), затѣмъ даетъ «понятіе о феодѣ» (§ 49), принимая существованіе феода, такъ сказать, уже за наличный фактъ *) и противопоставляя ему понятіе объ аллодѣ, какъ о «такой землѣ, которую владѣлецъ ея ни отъ кого не получилъ» (стр. 80); далѣе идетъ рѣчь о «взаимныхъ отношеніяхъ сюзерена и вассаловъ» (§ 50), о наслѣдственности бенефицій и графскихъ должностей» (§ 51) и т. д. Точно также и происхожденіе рыцарства не выяснено въ книгѣ г. Иванова, который опять только отмѣчаетъ фактъ: «но изъ среды этого-же феодальнаго общества,—такъ начинается § 55, посвященный этому вопросу,— въ которомъ господствовала грубая матеріальная сила, возникло рыцарство, задавшееся возвышенными цѣлями»... Далѣе, крайнею неполнотою отличается и изложеніе вопроса о «разселеніи славянъ», которому посвященъ § 18 (стр. 29). И здѣсь г. Ивановъ отмѣчаетъ только фактъ, не указывая на то, благодаря какимъ обстоятельствамъ произошло разселеніе славянъ. Правда, проф. Петровъ, которому г. Ивановъ слѣдуетъ въ изложеніи этого вопроса, повторяя даже ошибки своего оригинала, говоритъ, что «прослѣдить въ точности этотъ процессъ географическаго расширенія славянства нѣтъ никакой возможности» (Лекц. II, стр. 84); но здѣсь и не требуется какая-нибудь особенная «точность», а только указаніе главныхъ фактовъ, повліявшихъ на разселеніе славянъ (движеніе герман-

*) Нѣкоторый намекъ на то, что этотъ видъ землевладѣнія установился не сразу, а развивался постепенно, можно, пожалуй, видѣть въ замѣчаніи автора о томъ, что «въ старинныхъ латинскихъ документахъ вмѣсто слова феодъ употребляется равнозначущее (?) съ нимъ слово бенефицій» (beneficium); но дальше намека авторъ не идетъ.

цевъ на западъ, господство аваровъ). Также невыясненнымъ остается въ книгѣ г. Иванова и такой крупный историческій фактъ, какъ коронованіе Карла Великаго императорскою короною въ Римѣ (объ этомъ говорится на стр. 57—58). «Въ предѣлы этого государства (т.-е. созданной Карломъ В. обширной монархіи),—разсуждаетъ г. Ивановъ,—входила большая часть земель, составлявшихъ западную Римскую имперію, что невольно вызывало мысль объ имперіи. Поэтому въ 800 году Карлъ Великій принялъ титулъ римскаго императора, тогда какъ до этого времени назывался патриціемъ Рима»... Нашъ авторъ совершенно пренебрегъ тѣми указаніями, которыя по этому вопросу сдѣланы въ объяснительной запискѣ къ учебному плану исторіи: «коронованіе Карла Великаго императорскою короною разсматривается а) по отношенію къ западному романо-германскому міру—какъ выраженіе его единства, и б) по отношенію къ Византіи—какъ выраженіе его обособленія и полной самостоятельности, при чемъ, однако, слѣдуетъ упомянуть о стараніяхъ Карла Великаго получить признаніе отъ Ирины и ея преемниковъ, вслѣдствіе сознаваемаго имъ нарушенія правъ Новаго Рима» (учеб. пл. стр. 127) *).

Въ то-же время нашъ авторъ любитъ останавливаться на незначительныхъ (разумѣется, только съ точки зрѣнія требованій школьнаго курса исторіи) фактахъ, которые въ учебникѣ могли-бы безъ всякаго вреда для дѣла быть опущены, съ замѣною ихъ болѣе существенными и важными. Для примѣра, укажемъ на слѣдующія страницы: 1) на стр. 27 г. Ивановъ говоритъ объ экспедиціи Теодеберта, внука Хлодвига, въ Италію, «куда призывалъ франковъ остготскій король Виттесъ для совмѣстной борьбы съ Византіей»; о завоеваніяхъ-же франковъ послѣ смерти Хлодвига, исключая Бургундіи, не упоминаетъ вовсе; вслѣдствіе чего остаются невыясненными какъ причины столкновенія, которое произошли между франками при кор. Дагобертѣ съ чехами, у которыхъ тогда правилъ Само (стр. 67), такъ и отношенія франковъ къ баварцамъ, герцога которыхъ Тассилона низложилъ Карлъ Великій (стр. 57); 2) на стр. 48 находимъ подробности о томъ, какъ жилъ халифъ Абу-бекръ; но нигдѣ во всей книгѣ

---

*) Довольно оригинально понято г. Ивановымъ и то мѣсто объяснительной записки, гдѣ говорится, что въ исторіи Византіи «слѣдуетъ отмѣтить періодъ отъ Маврикія до Ираклія, ознаменованный борьбою съ аварами и славянами на Дунаѣ и съ Ново-Персидской монархіей на востокѣ и распространеніемъ славянъ на Балканскомъ полуостровѣ» (Учеб. пл. стр. 126). То, что говорится объ этомъ времени на стр. 41—42, далеко не соотвѣтствуетъ требованіямъ объяснительной записки.

не говорится о битвѣ при Пуатье въ 732 г., которую, надо думать, г. Ивановъ относитъ къ числу «фактовъ второстепенныхъ», которые можно «или совсѣмъ опустить (что и сдѣлано въ данномъ случаѣ), или указать только вскользь, чтобы не нарушались, по возможности, законы перспективы» (Предисл., VII); 3) на стр. 64 находимъ подробное описаніе границы, раздѣлявшей владѣнія датчанъ въ Англіи отъ англосаксонскихъ при королѣ Альфредѣ Великомъ; а перечня тѣхъ французскихъ провинцій, которыя принадлежали англійскимъ королямъ до временъ Іоанна Безземельнаго, не находимъ, исключая довольно неопредѣленнаго указанія на то, что «кромѣ Нормандіи, онъ (Генрихъ II Плантагенетъ) владѣлъ еще другими обширными землями во Франціи: ему принадлежала цѣлая треть французской территоріи, тогда какъ въ рукахъ его современника, Людовика VII, была едва 1/15» (стр. 131). Въ виду важной роли, какую играли вассальныя отношенія англійскихъ королей во взаимныхъ отношеніяхъ Англіи и Франціи, сдѣлать такой перечень для автора учебника было обязательно, во всякомъ случаѣ важнѣе, чѣмъ перечислять тѣ маленькія рѣчки, которыя служили границею между владѣніями англо-саксовъ и датчанъ при кор. Альфредѣ; 4) на стр. 73 г. Ивановъ говоритъ о болгарскомъ князѣ Владимірѣ, который наслѣдовалъ Борису и «прокняжилъ только недѣлю: онъ былъ свергнутъ за свое недостойное поведеніе и правленіе отцомъ», а дальше, на стр. 183 подробно останавливается на распряхъ между сыновьями великаго жупана Сербіи Стефана Немани (Стефаномъ и Волканомъ); между тѣмъ дѣятельность двухъ, наиболѣе выдающихся юго-славянскихъ монарховъ: Симеона болгарскаго и Стефана Душана сербскаго изображена довольно безцвѣтно (стр. 74, 184—185).

Нельзя признать удовлетворительнымъ и то, что сообщаетъ г. Ивановъ о бытѣ древнихъ германцевъ (стр. 8—9). Останавливаясь подробно на религіи древнихъ германцевъ, по поводу которой онъ считаетъ важнымъ говорить и о Нифльгеймѣ, и о Муспельгеймѣ, и объ Инирѣ, онъ слишкомъ мало отводитъ мѣста изображенію другихъ сторонъ древне-германскаго быта. Взявши точкою отправленія въ этомъ вопросѣ описаніе Тацита, имя котораго упоминается нѣсколько разъ, г. Ивановъ ни слова не говоритъ объ особенностяхъ экономическаго быта древнихъ германцевъ (общинное землевладѣніе: ср. Tac. Germ. XXVI); а то, что онъ сообщаетъ объ ихъ государственномъ бытѣ, и не совсѣмъ вѣрно, и крайне неполно, и изложено сбивчиво. Сказавъ сперва о раздѣленіи германскихъ племенъ на такъ-называемыя civitates, онъ затѣмъ упоминаетъ о подраздѣленіи послѣднихъ

на «волости, называемыя словомъ гау»; а дальше, говоря о различныхъ видахъ народныхъ сходокъ, упоминаетъ еще о «сотняхъ» («соединеніе нѣсколькихъ деревень назыв. сотней»): но вѣдь то, что названо раньше словомъ «гау» и есть «сотня» (у Тац. pagus, по русски волость). Затѣмъ г. Ивановъ насчитываетъ четыре вида народныхъ сходокъ, не опредѣляя компетенціи каждой изъ нихъ въ отдѣльности; но въ древне-германскомъ бытѣ можно различить только два вида такихъ собраній: собраніе цѣлой народности (civitas), имѣвшее политическое значеніе, и собраніе отдѣльной волости (pagus, Gau), имѣвшее судебное значеніе (ср. Tac. Germ. XI, XII). Далѣе, г. Ивановъ ни слова не говоритъ о судебныхъ порядкахъ древнихъ германцевъ, о правѣ личной мести, о вирахъ, о судѣ Божіемъ, да и вопросъ о сословіяхъ изложенъ не вполнѣ правильно: излагая этотъ вопросъ по Тациту, г. Ивановъ говоритъ о рабахъ и вольноотпущенныхъ, какъ объ отдѣльныхъ сословіяхъ, забывая, что въ этомъ вопросѣ нельзя принимать слова Тацита буквально, такъ какъ онъ, не имѣя на своемъ языкѣ особаго термина для обозначенія третьей сословной группы у германцевъ, употребилъ наиболѣе близкое по значенію латинское слово (libertini); это былъ классъ полусвободныхъ, зависимыхъ людей (литы или лассы), которые, по всей вѣроятности, были потомками первобытныхъ обитателей средней Европы — кельтовъ или народовъ туранскаго происхожденія, покоренныхъ германцами; а источникомъ рабства была, конечно, война.

Нельзя сказать, чтобы автору разбираемой книги особенно посчастливилось и въ дѣлѣ «выработки текста», что, по собственнымъ его словамъ, онъ поставилъ «главною цѣлью своей» *), такъ какъ во многихъ мѣстахъ изложеніе его сильно страдаетъ туманностью и, подчасъ, неумѣстною въ книгѣ, назначаемой для учениковъ, высокопарностью и, такъ сказать, наклонностью къ фразѣ. Такъ, 1) на стр. 61, разсказавъ о распаденіи монархіи Карла Вел., авторъ продолжаетъ такъ: «но дѣло Карла Великаго не пропало даромъ. Самое распаденіе его монархіи повлекло за собою образованіе трехъ главныхъ народностей западной Европы—нѣмецкой, французской и итальянской. Каждая изъ нихъ образовала свое государство или правильнѣе — группу одноплеменныхъ государствъ и каждая въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи пошла особымъ историческимъ путемъ»... О какомъ дѣлѣ Карла

---

*) Если, конечно, не понимать это въ смыслѣ заботы объ избѣжаніи грамматическихъ и стилистическихъ ошибокъ, хотя и въ этомъ отношеніи слогъ г. Иванова не безупреченъ.

Великаго, которое «не пропало даромъ», тутъ идетъ рѣчь, рѣшительно неясно; вѣдь не думаетъ-же г. Ивановъ внушать своимъ ученикамъ, что «образованіе трехъ главныхъ народностей западной Европы», бывшее слѣдствіемъ распаденія монархіи Карла Великаго, входило въ его планы и составляло цѣль его политической дѣятельности? *) Далѣе, послѣдняя фраза изъ приведеннаго отрывка совершенно не согласуется съ предъидущею. Если она вполнѣ умѣстна въ «лекціяхъ» проф. Петрова (II, 27), который объясняетъ распаденіе монархіи Карла Великаго вліяніемъ «племенныхъ и мѣстныхъ интересовъ земель и народностей, собранныхъ имъ воедино», то для автора книги, который видитъ въ образованіи отдѣльныхъ народностей слѣдствіе распаденія монархіи Карла Великаго, такая фраза необязательна и только можетъ подать лишній поводъ съ недоразумѣніямъ; 2) въ изложеніи вопроса о наслѣдственности бенефицій г. Ивановъ крайне непослѣдователенъ, называя эти земли то феодами, то бенефиціями, то ленами, какъ будто всѣ эти термины означаютъ одно и то же. И раньше, на стр. 80 находимъ такія слова, которыя подтверждаютъ наше предположеніе, что г. Ивановъ не признаетъ различія между этими терминами: «феодъ— говоритъ онъ,—иначе еще назывался лэномъ», а слово «бенефицій» было «равнозначущее» со словомъ феодъ. Насколько въ этомъ вопросѣ г. Ивановъ вѣренъ выводамъ исторической науки, предоставляемъ судить спеціалистамъ; 3) на стр. 89 г. Ивановъ говоритъ о «созидательной работѣ Людовика» (нѣмецкаго), которую дальше онъ называетъ «объединительною дѣятельностью» (стр. 91); но въ чемъ она заключалась, неясно; немного пойметъ ученикъ изъ того, что объ этомъ сказано въ книгѣ г. Иванова: «созидательная работа (иначе: «объединительная дѣятельность») Людовика заключалась въ болѣе прочномъ соединеніи этихъ племенъ, въ томъ, что онъ укрѣпилъ въ

---

*) Быть можетъ, авторъ хотѣлъ этимъ сказать то, что объединеніе различныхъ народностей подъ властью Карла Вел. пріучило ихъ къ нѣкоторому сознанію своего единства, смягчило, такъ сказать, рѣзкость ихъ прежней раздѣльности и тѣмъ способствовало зарожденію въ отдѣльныхъ племенахъ того чувства солидарности, общихъ интересовъ, которое было первою ступенью къ развитію въ нихъ національнаго сознанія: все это должно было отразиться на послѣдующемъ выдѣленіи изъ состава Карловой монархій чисто германскихъ элементовъ и образованіи нѣмецкой народности, въ отличіе отъ французской и итальянской народностей романскихъ. Если такъ слѣдуетъ понимать слова г. Иванова («дѣло Карла Вел. не пропало даромъ»), то во всякомъ случаѣ употребленный имъ оборотъ недостаточно ясенъ, и врядъ-ли ученики V класса, зная все, что разсказано о Карлѣ Вел. на предъидущихъ страницахъ, могутъ додуматься до того, что хотѣлъ сказать авторъ.

нихъ сознаніе единства своего происхожденія» и т. д.; 4) на стр. 92, по поводу воцаренія въ Германіи Генриха I, г. Ивановъ указываетъ (въ примѣчаніи) на особую важность замѣны франконской династіи саксонскою, не выясняя, въ чемъ заключалась это «очень важное обстоятельство», а ограничиваясь по этому поводу неяснымъ замѣчаніемъ: «вмѣстѣ съ этимъ стали господствовать новые по существу политическіе взгляды». Къ этому-же разряду недостатковъ книги г. Иванова мы относимъ и такія мѣста, какъ 1) на стр. 139: «Въ Германіи Фридрихъ много возвысилъ императорскую власть (чѣмъ?), поправилъ финансы (а) какими мѣрами? б) о разстройствѣ финансовъ въ предъидущую эпоху не сказано ни слова), стремился ввести однообразное законодательство (что-же вышло изъ этихъ стремленій?), давалъ различныя привиллегіи нѣмецкимъ городамъ» (какія?), или 2) на стр. 143: «Фридрихъ (II) отличался большимъ образованіемъ, любилъ науку и поэзію... Особыя заботы онъ обратилъ на Неаполитанское королевство. По его порученію, для Неаполитанскаго королевства былъ составленъ законодательный сборникъ... Обладая тонко развитымъ умомъ, онъ унаслѣдовалъ отъ своего отца и дѣда чрезвычайную подвижность и храбрость. Онъ былъ поклонникамъ всего прекраснаго и любилъ пышность»... Много во всемъ этомъ недосказаннаго (о законодательномъ сборникѣ), много и громкихъ, но мало говорящихъ фразъ (какъ, напримѣръ: «онъ былъ поклонникомъ всего прекраснаго»).

Немаловажнымъ недостаткомъ книги г. Иванова, какъ книги учебной, слѣдуетъ считать переполненіе текста собственными именами. Въ этомъ отношеніи г. Ивановъ просто не знаетъ мѣры, такъ какъ, съ одной стороны, приводитъ множество такихъ именъ, которыя совершенно излишни въ учебномъ курсѣ исторіи, а съ другой—опускаетъ такія, которыя необходимы даже въ элементарномъ курсѣ (напримѣръ, онъ не называетъ имени королевы лангобардской Теоделинды—стр. 40, а приводитъ имя Ирменгарды, супруги Людовика Благочестиваго — стр. 60, Гизели, дочери короля Карла Простого — стр. 85. Такихъ примѣровъ въ книгѣ г. Иванова можно найти множество). Одинъ только заключительный отдѣлъ въ книгѣ г. Иванова, посвященный «Эпохѣ возрожденія» (стр. 191 и сл.), изложенъ, сравнительно, лучше другихъ и производитъ отрадное впечатлѣніе вслѣдствіе болѣе или менѣе удачной группировки данныхъ, касающихся этого вопроса, и научной доброкачественности сообщаемаго по этому вопросу матеріала, хотя и тутъ встрѣчаются вольныя и невольныя прегрѣшенія составителя. Такъ, на стр. 192 и 193 онъ упоминаетъ имена историческихъ пи-

сателей Запада и Востока въ первое время среднихъ вѣковъ; но не думаемъ, чтобы характеристики этихъ писателей были понятны ученикамъ V класса, еще незнакомымъ съ произведеніями древней исторіографіи (о Кассіодорѣ, Іорнандѣ, Григоріѣ Турскомъ, Бедѣ Досточтимомъ г. Ивановъ говоритъ: «но ни одинъ изъ нихъ не можетъ идти въ сравненіе съ извѣстными греко-римскими историками», и дальше: «Историкъ Юстиніана Прокопій стоитъ неизмѣримо выше Григорія Турскаго и другихъ западныхъ историковъ-лѣтописцевъ»): на стр. 195, говоря о тѣхъ благотворныхъ послѣдствіяхъ, которыя имѣли для западно-европейскаго просвѣщенія крестовые походы, авторъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о появленіи новаго рода школъ—городскихъ, изъ которыхъ многія сдѣлались съ теченіемъ времени знаменитыми университетами и вмѣстѣ съ тѣмъ пріютомъ для новой образованности, явившейся на смѣну отжившей свой вѣкъ и выродившейся схоластики; на стр. 202, говоря о Данте, авторъ останавливаетъ свое вниманіе исключительно на его «Божественной комедіи», совершенно умалчивая о его прозаическихъ произведеніяхъ, написанныхъ на латинскомъ языкѣ и имѣвшихъ очень большое значеніе для современниковъ, въ смыслѣ внушенія имъ любви къ литературнымъ памятникамъ древняго Рима; на стр. 207, въ § 122 о «возрожденіи наукъ и искусствъ въ Италіи» находимъ довольно безцвѣтное изображеніе этого явленія, притомъ безъ указанія тѣхъ послѣдствій, какія оно имѣло къ научномъ и художественномъ отношеніи (новая наука—гуманизмъ, новое искусство): «Если мы ко всѣмъ этимъ явленіямъ прибавимъ еще широко распространившееся меценатство и появленіе художниковъ, изучавшихъ древніе образцы, мы получимъ довольно вѣрное представленіе объ этой эпохѣ»,—такими словами заканчиваетъ г. Ивановъ изложеніе этого вопроса.

Укажемъ въ заключеніе нѣкоторые изъ фактическихъ промаховъ и недосмотровъ, замѣченныхъ нами въ книгѣ г. Иванова.

Стр. 11, въ числѣ «главнѣйшихъ божествъ германцевъ» названы и такія, какъ «три норны, ткущія нити судьбы, и валькиріи—дѣвы-щитоносицы Одина»; между тѣмъ ни слова не сказано о культѣ той богини (земли), о которой упоминаетъ Тацитъ (Germ. XL).

Стр. 12, начало враждебныхъ отношеній между германцами и римлянами авторъ относитъ ко времени Юлія Цезаря, не упоминая вовсе о нашествіи кимвровъ и тевтоновъ въ концѣ II-го вѣка до Р. Х.

Стр. 20, въ объясненіи вопроса, почему Аттила оставилъ въ покоѣ восточную имперію и пошелъ на западную, авторъ довольствуется

указаніемъ на то, что Аттила «испугался такого энергическаго отвѣта», какой далъ имп. Маркіанъ.

Стр. 26, послѣ разсказа о крещеніи Хлодвига и франковъ, авторъ говоритъ: «одновременно съ принятіемъ христіанства, Хлодвигъ одержалъ побѣду надъ аллеманами». Изъ этихъ словъ трудно заключить, до или послѣ битвъ произошло крещеніе Хлодвига.

Стр. 27, «Нейстріею» названы (въ примѣчаніи) всѣ «западныя владѣнія» (франковъ), которыя были подѣлены между остальными (за исключеніемъ старшаго) сыновьями Хлодвига.

Стр. 28, говоря о «перемѣнахъ, происшедшихъ въ бытѣ германцевъ послѣ поселенія ихъ въ предѣлахъ имперіи, авторъ беретъ вопросъ слишкомъ узко: «болѣе утонченныя формы быта постепенно перенимаются ими». Здѣсь, очевидно, рѣчь должна идти не столько о «болѣе утонченныхъ формахъ быта», сколько объ измѣненіяхъ въ сферѣ суда и законодательства, а также о началѣ частнаго землевладѣнія у германцевъ, которые стали дѣлить между собою занятыя въ предѣлахъ имперіи земли и селиться на нихъ на правахъ полныхъ собственниковъ (начало аллодіальнаго владѣнія).

Стр. 29, о мѣстѣ жительства сербовъ находимъ слѣдующій курьезъ: они жили «къ югу и юго-востоку отъ хорватовъ во всемъ почти сѣверо-западномъ углу Балканскаго полуострова до того мѣста, гдѣ Дунай круто заворачиваетъ на югъ»...

Стр. 31: «съ теченіемъ времени славяне очень многому научились у римлянъ и византійцевъ. У нихъ явились осадныя машины, желѣзные тараны, большія метательныя машины и т. под. Такимъ образомъ и славяне испытали на себѣ дѣйствіе греко-римской культуры»... Не знаемъ, какой моментъ изъ жизни славянъ имѣетъ въ виду авторъ; но въ ту пору ихъ существованія, о которой идетъ рѣчь въ данномъ мѣстѣ, ничего подобнаго у славянъ не было *).

Стр. 32, извѣстія о религіи славянъ крайне скудны (Сварогъ, Дажбогъ, Перунъ, Святовитъ не различаются у нашего автора; всѣ эти названія отнесены къ одноиу «верховному божеству») и не совсѣмъ вѣрны: «русалки» и «вилы» названы «женскими божествами водъ».

Стр. 34, «сводомъ права» (corpus juris) авторъ называетъ то «полное собраніе римскихъ законовъ», которое было только первою частью этого сборника и называлось «Codex Justinianeus», а составлено оно

*) Объ этомъ ничего не сказано и въ томъ описаніи древнѣйшаго быта славянъ, изъ котораго г. Ивановъ заимствовалъ свои свѣдѣнія объ этомъ вопросѣ (Бестужевъ-Рюминъ, Русская Ист., т. I, стр. 60—63).

не въ 528 г., какъ указываетъ г. Ивановъ, а только въ слѣдующемъ году. Тутъ-же находимъ странное замѣчаніе: «къ концу среднихъ вѣковъ «сводъ права» Юстиніана получилъ значеніе дѣйствующаго законодательства почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ».

Ст. 39, невѣрно указаны предѣлы распространенія въ Италіи лангобардовъ (г. Ивановъ почему-то вездѣ пишетъ: лонгобарды): «послѣ неудачной попытки взять Римъ, они проникли въ южную Италію и скоро утвердились тамъ».

Стр. 49, сунниты и шіиты разсматриваются только какъ партіи религіозныя, образовавшіяся въ средѣ арабовъ въ половинѣ VII вѣка, не указывается ихъ политическое значеніе (по отношенію къ вопросу о достоинствѣ халифа).

Стр. 52: «Пипинъ Короткій, низложившій съ престола послѣдняго изъ меровинговъ, нуждался въ томъ, чтобы переворотъ этотъ былъ утвержденъ духовною властью». Изъ этихъ словъ можно заключить, что Пипинъ Короткій обратился за помощью къ папѣ уже послѣ совершеннаго имъ переворота: а посольство его къ папѣ Захаріи и отвѣтъ послѣдняго?

Стр. 54, исторія походовъ Пипина Короткаго въ Италію изложена очень неясно: ничего не сказано о личномъ посѣщеніи короля франковъ папою Стефаномъ II, а упоминается только о посланіи этого папы, которое, какъ извѣстно, вызвало уже второй походъ франкскаго короля.

Стр. 61, г. Ивановъ называетъ р. Мозель въ числѣ тѣхъ рѣкъ, которыя составляли западную границу земли, полученной Лотаремъ по Верденскому договору (вмѣсто Мааса и Шельды).

Стр. 71, смерть императрицы Ирины отнесена къ 802 г., тогда какъ въ этомъ году произошло только низложеніе ея съ престола.

Стр. 76, начало союза римскихъ папъ съ франкскими правителями г. Ивановъ относитъ ко времени лангобардскаго короля Ліутпранда, современникомъ котораго былъ Карлъ Мартелъ; но извѣстно, что обращеніе папъ за помощью къ этому правителю франковъ окончилось неудачею, и только послѣ смерти Карла Мартела для папъ явилась надежда на осуществленіе ихъ плана.

Стр. 93, прозвище «Птицелова», даваемое обыкновенно королю Генриху I, г. Ивановъ объясняетъ тѣмъ, что «послы, отправленные къ Генриху умирающимъ Конрадомъ, застали саксонскаго герцога... за кормленіемъ птицъ».

Стр. 96, коронованіе Оттона I въ Римѣ показано невѣрно — въ 961 году.

Стр. 101, опредѣленіе «Божьяго мира» (такъ переводитъ г. Ива-

новъ выраженіе treuga Dei) не совсѣмъ точно: не «съ четверговаго вечера» воспрещались военныя дѣйствія, а «отъ заката солнца четвертаго дня, т.-е. среды, до восхода солнца втораго дня, т.-е. понедѣльника» (см. Стасюл. Ист. сред. вѣк. изд. 1864 г., стр. 955, 959, 960).

Стр. 128: «въ рукахъ Іоанна (Безземельнаго) осталась только Аквитанія (юго-западная Францiя)». Это не совсѣмъ точно: одна изъ составныхъ частей Аквитаніи (Пуату) цѣликомъ, а другая (Гіень)— значительною своею частью отошла къ Филиппу II Августу.

Стр. 179: Базельскій соборъ «былъ созванъ преемникомъ Мартина Евгеніемъ IV». Правда, открытіе этого собора послѣдовало при этомъ папѣ, но созванъ онъ былъ папою Мартиномъ V, который еще буллою 12-го марта 1424 г. опредѣлилъ созваніе собора въ Базелѣ чрезъ семь лѣтъ и затѣмъ подтвердилъ это распоряженіе по поводу гусситскихъ дѣлъ 1-го февраля 1431 г.; но, не дождавшись открытія собора, умеръ 20-го февраля 1431 г.

Стр. 197, папа Николай V названъ «предшественникомъ Пія II»; но между ними былъ еще папа Калликстъ III (1455—1458); притомъ заслуга этого папы, какъ «основателя знаменитой Ватиканской библіотеки», врядъ-ли даетъ право сказать о немъ, что онъ «замѣчателенъ своими заботами о Церковной области».

Стр. 209, «первою книгою», отпечатанной Гуттенбергомъ, названа латинская Библія 1455 г.; но еще за годъ до этого была напечатана Гуттенбергомъ въ Майнцѣ книга подъ заглавіемъ: «Eine Mahnung der Christenheit wider die Türken» (единственный экземпляръ ея сохраняется въ Мюнхенской библіотекѣ).

Оканчивая на этомъ обзоръ книги г. Иванова, мы считаемъ своимъ долгомъ, въ интересахъ справедливости, сказать, что она имѣетъ и хорошія стороны (удачная группировка матеріала, сдѣланная по указаніямъ новой примѣрной программы; нѣкоторая свѣжесть этого матеріала, удачное на многихъ страницахъ изложеніе); но этихъ хорошихъ сторонъ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало, чтобы книга г. Иванова могла по праву занять первое мѣсто въ числѣ нашихъ руководствъ по средневѣковой исторіи. Недостатки въ книгѣ г. Иванова перевѣшиваютъ ея достоинства, и мы увѣрены, что и самъ авторъ, пользующійся репутаціею хорошаго преподавателя исторіи, убѣдится въ этомъ, употребляя свою книгу при прохожденіи съ своими учениками этого курса исторіи. Равнымъ образомъ убѣдится онъ и въ томъ, что ему слѣдуетъ приняться за серьезную переработку своей книги на указанныхъ выше основаніяхъ для того, чтобы она могла получить то значеніе, какое желаетъ придать ей авторъ. Жаль только, что

г. Ивановъ поторопился и слишкомъ рано «рискнулъ взяться за перо, чтобы закрѣпить свой курсъ на бумагѣ» (Предисл., VII): въ интересахъ его авторской репутаціи было бы лучше, если-бы его руководство еще нѣкоторое время просуществовало «незримо, неосязаемо для другихъ» (ibid.), кромѣ самого автора. **М. А.**

Einführung in die Elektricitätslehre. Vorträge von Bruno Kolbe. 1893.

Ученіе объ электричествѣ пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе какъ въ практической жизни, такъ и въ наукѣ, а между тѣмъ всѣ преподаватели физики затрудняются изложеніемъ статьи объ этомъ ученіи, потому что въ учебникахъ она написана такъ, что ученикъ, усвоившій статью объ электричествѣ, не только не будетъ подготовленъ къ изученію названной отрасли физики, но, напротивъ того, свѣдѣнія, пріобрѣтенныя изъ учебника, будутъ служить ему тормазомъ для истиннаго пониманія представленій, господствующихъ въ настоящее время въ наукѣ и техникѣ. Въ виду такихъ обстоятельствъ мы горячо рекомендуемъ всѣмъ преподавателямъ и физики и всѣмъ интересующимся этою наукою книгу, заглавіе которой мы выписали и которая въ скоромъ времени появится въ переводѣ на русскомъ языкѣ.

Съ книгою г. Кольбе мы имѣли удовольствіе познакомиться еще въ рукописи, а съ приборами, описанными въ ней, производили большое число опытовъ. Книга эта принята въ германской учебной литературѣ весьма сочувственно.

Авторъ задался цѣлью, опираясь исключительно на опытъ, выяснить основныя понятія электростатики: плотность, потенціалъ, емкость и т. д., и, нужно отдать ему справедливость, исполнилъ свою задачу блистательно. Съ ясностью, не уступающею знаменитому Тиндалю, г. Кольбе съ небольшимъ числомъ имъ-же утроенныхъ приборовъ успѣлъ преодолѣть всѣ трудности элементарнаго изложенія электростатики посредствомъ опытовъ, остроумно придуманныхъ, которые могутъ быть демонстрированы въ большой аудиторіи.

Изложеніе отличается оригинальностью, и въ книгѣ описано много самыхъ разнообразныхъ и интересныхъ опытовъ. Приборы, устроенные г. Кольбе, съ которыми мы имѣли случай преподавать, отличаются простотою устройства и демонстративностью. Его два электроскопа и электрометръ, съ помощью которыхъ онъ производитъ почти всѣ опыты, отличаются отъ другихъ подобныхъ-же приборовъ тѣмъ, что они весьма долго удерживаютъ заряды, ими полученные: такъ,

листочекъ электрометра въ теченіе двухъ-трехъ часовъ указываетъ одно и то-же отклоненіе; то-же нужно сказать объ электроскопахъ съ красными бумажками, расхожденіе которыхъ видно издали.

Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести вкратцѣ нѣсколько примѣровъ изложенія г. Кольбе.

Для выясненія понятія объ электрической плотности и потенціала г. Кольбе употребляетъ уединенный метал. цилиндръ съ двумя конусами: однимъ, входящимъ внутрь цилиндра, другимъ—выходящимъ. Двигая по этому тѣлу маленькій уединенный электроскопъ, состоящій изъ метал. стержня съ двумя укрѣпленными къ нему бумажками, г. Кольбе показываетъ, что отклоненіе листочковъ будетъ наибольшее на вершинѣ выходящаго конуса и равное нулю во входящемъ конусѣ; въ другихъ-же точкахъ тѣла отклоненіе листочковъ среднее. Если соединить любую точку этого тѣла, а также и точки, лежащія во внутреннемъ входящемъ конусѣ, посредствомъ уединенной тонкой проволоки съ электрометромъ, то отклоненіе листочка будетъ постоянно.

Первый опытъ показываетъ, что въ разныхъ точкахъ этого тѣла *электрическая плотность* различна; второй—что *потенціалъ* въ любой точкѣ поверхности тѣла и внутри его—одинъ и тотъ-же.

Чтобы вычертить, такъ сказать, въ воздухѣ равнопотенціальныя поверхности, г. Кольбе заряжаетъ уединенный шаръ и соединяетъ свой электрометръ посредствомъ тонкой платиновой проволочки съ пламенемъ восковой свѣчи и проводитъ пламя вокругъ шара въ нѣкоторомъ постоянномъ разстояніи: одинаковое отклоненіе листочка электрометра во все время движенія показываетъ, что потенціалъ этой поверхности одинъ и тотъ-же. Приближая и удаляя пламя и повторяя тотъ-же опытъ, не трудно убѣдиться, что потенціалы равнопотенціальныхъ поверхностей постоянны и возрастаютъ съ приближеніемъ къ наэлектризованному шару. Подобнымъ-же пріемомъ г. Кольбе показываетъ, что показанія электрометра зависятъ отъ разности потенціаловъ листочка и ящика, въ которомъ онъ помѣщенъ. Этими двумя примѣрами мы и ограничиваемся, отсылая любознательнаго читателя къ самому сочиненію. По нашему мнѣнію, эта книга должна быть настольною книгою для каждаго преподавателя физики при изложеніи электричества. Если преподаватель и не послѣдуетъ за авторомъ въ его изложеніи, то во всякомъ случаѣ можетъ воспользоваться богатымъ опытнымъ матеріаломъ, годнымъ при всякомъ изложеніи электростатики въ современномъ ея состояніи.

В. Розенбергъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Нѣкоторыя данныя о положеніи учебнаго дѣла въ королевствѣ Сербскомъ.

I. Высшее образованіе.

Единственное высшее учебное заведеніе въ Сербіи—это «Велика Школа» въ Бѣлградѣ.

Въ 1890—1891 г. «Велика Школа» имѣла на всѣхъ четырехъ отдѣленіяхъ: филологическомъ, естественномъ, юридическомъ и техническомъ—562 слушателя, на 98 больше, чѣмъ въ предшествующемъ году; каѳедръ имѣла 71. Онѣ были распредѣлены между 35 преподавателями. Каѳедры русскаго языка и словесности, педагогики, этнографіи и географіи—пустовали. На содержаніе «школы» истрачено 274.004,21 динаровъ, т.-е. франковъ. При «школѣ» состоитъ 6 студенческихъ обществъ, преслѣдующихъ научныя, литературныя и благотворительныя цѣли. Одно изъ нихъ— литературное «Побратимство» начало въ 1892 г. издавать свой журналъ подъ такимъ-же названіемъ: «Побратимство».

II. Среднее образованіе.

	Число заведеній.	Основныхъ и параллельныхъ классовъ.	Учениковъ.	Ученицъ.	Учащихся обоего пола.
4-хъ-класная, «богословиjа», т.-е. духовная семинарія	1	2	63	—	63
7-ми-классныя гимназіи	8	74	2.758	478	3.236
Реальныя училища (пятиклассныя)	2	14	413	37	450
6-ти-классная «Виша Женска Школа», т.-е. гимназія	1	16	—	809	809
4-хъ-классныя прогимназіи	16	68	2.215	364	2.579
Учительскія школы	2	10	480	10	490
Общіе итоги	30	184	5.929	1.698	7.627

Такимъ образомъ, королевство имѣетъ одно среднеучебное заведеніе, приблизительно, на 63.000 жителей и на 1.619 кв. километровъ, одного учащагося, приблизительно, на 250 головъ населенія.

Самая большая по числу учащихся и по числу параллелей гимназія— въ Крагуевачѣ, въ центрѣ Сербіи. Въ ней 431 ученикъ и 90 учениць при 13 параллеляхъ, а среднимъ числомъ на гимназію приходится по 404,405 и на классъ по 43,44 учащихся, на прогимназію-же по 161,162 и на прогимназическій классъ по 37,38 учащихся.

Въ 1891—1892 г. Шабагская гимназія праздновала свое пятидесятилѣтіе. Она основана въ 1838 г. и юбилей свой должна-бы отпраздновать еще четыре года тому назадъ, но въ 1888 г. мѣшали политическія обстоятельства. Вообще эти политическія обстоятельства, т.-е. борьба партій, много мѣшаютъ правильному ходу развитія учебнаго дѣла Сербіи. Въ 1891 г. въ Вѣну, Парижъ и Петроградъ, какъ говорятъ сербы, послано отъ министерства по нѣскольку преподавателей среднеучебныхъ заведеній для личнаго ихъ усовершенствованія и для изученія устройства и дѣятельности такихъ заведеній въ Австріи, Франціи и Россіи. При этомъ одному изъ нихъ поручено также изученіе положенія начальныхъ школъ Австріи. Въ Прагу на выставку посылались учителя не только среднихъ, но и низшихъ учебныхъ заведеній. Затѣмъ, нѣкоторыми воспитанниками бѣлградской II-й гимназіи совершена, совмѣстно съ нѣсколькими преподавателями, съ образовательною цѣлью поѣздка по Сербіи и Босніи. Эта поѣздка уже вторая по счету. Отчетъ о ней напечатанъ въ Гласникѣ.

Въ королевствѣ только одно женское среднеучебное заведеніе «виша женска школа» *) въ Бѣлградѣ, и этимъ объясняется то обстоятельство, что въ настоящее время въ бѣлградскихъ гимназіяхъ, прогимназіи, реалкѣ и учительской школѣ нѣтъ учащихся женскаго пола, вообще-же дѣвочки учатся вмѣстѣ и наравнѣ съ мальчиками и прежде, пока не основалась и не выросла «виша женска школа», такъ дѣлалось и въ Бѣлградѣ. Еще въ 1888—1889 г. въ V и VII классахъ бѣлградской I-й гимназіи было 3 ученицы. Приведемъ нѣсколько цыфръ.

Шабагская гимназія	141	ученица,	274	ученика.	Всего	415
Парачинская прогимназія. . .	50	›	115	›	›	165
Ужичская реалка	37	›	212	›	›	249
Нишская учительская школа. . .	10	›	187	›	›	197

Старшіе V—VII классы гимназіи посѣщаетъ 51 дѣвица изъ 889 дѣвицъ, учащихся въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реалкѣ. Въ V и VI классахъ высшей женской школы числится 244 изъ 809 ученицъ этой школы. Слѣдовательно, въ Сербіи довольствуются большею частью низшимъ и среднимъ образованіемъ женщины.

Наши данныя относятся къ январю 1891 г. и заимствованы изъ правительственнаго изданія «Просветни Гласник» (Вѣстникъ Просвѣщенія). 1891. III.

Расходъ на содержаніе перечисленныхъ нами среднеучебныхъ заведеній утвержденъ на 1891 г. въ размѣрѣ 861.384 динаровъ, что на каждое составитъ почти по 28.713 дин. Высшій учительскій окладъ — 6.000, низшій—1.500.

*) Такія-же школы у православныхъ сербовъ Венгріи — въ Новисадѣ, Панчевѣ и Сомборѣ, въ нихъ въ началѣ 1888—1889 учебнаго года 288 ученицъ. Такая-же школа открыта въ 1890—91 въ Сераевѣ.

Существуетъ предположеніе преобразовать бѣлградскую духовную семинарію въ академію. Преобразованіе-же прочихъ среднеучебныхъ заведеній въ настоящее время болѣе или менѣе заканчивается. Учебные планы для гимназій и прогимназій выработаны уже во всѣхъ подробностяхъ и уже въ 1890—1891 учебномъ году эти заведенія должны были сообразоваться съ главными основаніями новыхъ плановъ (распоряженіе министерства отъ 15 дек. 1890 г.). Планы выработаны или вырабатываются при содѣйствіи преподавательскихъ силъ соотвѣтствующихъ среднеучебныхъ заведеній. Для гимназій они таковы:

Учебный матеріалъ распредѣленъ на 8 классовъ (прежде 7). Курсу первыхъ четырехъ придана по возможности извѣстная законченность. Они образуютъ низшую гимназію.

Законъ Божій преподается въ I—IV классахъ. I—III классы, какъ въ нашихъ гимназіяхъ. Катехизисъ вкратцѣ. Исторія церкви не проходится и это мы считаемъ большимъ упущеніемъ. Кромѣ того, въ I — II классахъ читается (по 2 часа, на законъ тоже по 2 часа); «мораль», т.-е. нравственныя обязанности къ себѣ и къ другимъ: къ семьѣ, къ школѣ, къ отечеству, къ Богу; политическое и гражданское устройство королевства.

Сербскій языкъ. I—IV классы—грамматика; V и VI—церковно-славянскій языкъ и теорія словесности; VII и VIII — исторія сербской словесности; VIII—кромѣ того, повтореніе сербской и церковно-славянской грамматики. На все это 32 часа.

Французскій и нѣмецкій языки по 26 часовъ со II класса, по выбору. Въ IV—одинъ часъ на нѣмецкіе разговоры; въ VII—отвѣты по-нѣмецки. Нѣмецкая словесность — въ VII; французская XVIII и XIX столѣтій въ VII и VIII.

Латинскій языкъ съ V класса—19 часовъ. Въ VIII читаются избранные отрывки изъ Цезаря, Вергилія и Овидія.

Землепись,—13 часовъ. Въ I классѣ — видъ земной поверхности и главнѣйшіе государства и города, II классъ—математическія, физическія, политическія свѣдѣнія, III—сербскія и сосѣднія съ ними земли: Австро-Венгрія, Италія, Балканскій полуостровъ. Въ IV—остальная Европа, Азія, Африка. Въ V—остальныя части свѣта. Астрономическія свѣдѣнія.

Исторія—22 часа. III и IV классы—сербская, причемъ главное вниманіе обращено на культурныя явленія, V—VIII—всеобщая, причемъ особое вниманіе обращается на событія сербской и славянской исторіи, VIII—повтореніе сербской.

Математика. Первые три класса—геометрическое черченіе на ряду съ ариѳметикой, алгебра съ IV класса — это главныя отличія отъ программы нашихъ гимназій. На математику—39 часовъ.

Естествовѣдѣніе—25 часовъ. Первые два класса—зоологія и ботаника съ минералогіей, въ III и IV—основы физики и химіи, V—VIII—тоже, но болѣе подробно Прежде проходились антропологія, біологія и гигіена.

Философія вновь введена; въ VII—введеніе въ философію и психологія, въ VIII—логика. По 2 часа.

Черченіе и чистописаніе, 16 часовъ, I—VI классы. Тѣлесныя и военныя упражненія. Музыка.

III. Низшее образованіе.

По закону 31 декабря 1882 г. цѣль и задача начальной школы («основна школа») «путемъ обученія и воспитанія распространять въ народѣ основы знанія, вѣры и нравственности, готовить учениковъ къ гражданской жизни и къ продолженію ученія въ среднеучебныхъ заведеніяхъ». Первые четыре класса составляютъ низшую основную школу («нижа основна школа»), V и VI—высшую («виша основна школа»). Изъ низшей поступаютъ въ гимназіи, высшая назначается для тѣхъ, кто не идетъ дальше.

Въ 1879—80 г. основныхъ школъ въ городахъ и селахъ считалось 618 съ 721 учащих.
» 1889—90 » » » » » » » » 718 » 1.275 »

что для 1889—1890 учебнаго года даетъ одну школу на 2.562 жителя и 67,8 километровъ пространства. Шести и пятиклассныхъ школъ было очень немного, 16 городскихъ и 1 сельская, за-то много четырехклассныхъ—637, трехклассныхъ—39, двуклассныхъ—20 и одноклассныхъ—5.

Сербы недовольны ни теперешнимъ состояніемъ своихъ основныхъ школъ, ни медленнымъ возрастаніемъ ихъ числа. По разсчету г. Протича (Просв. Глас. 1891. III), королевство должно въ настоящее время имѣть, по меньшей мѣрѣ, 1.900 школъ, если считать по 100 человѣкъ въ каждой. Причину незначительнаго увеличенія—въ 10 лѣтъ приростъ=100—числа школъ видятъ въ черезчуръ строгихъ и излишнихъ требованіяхъ закона 18 марта 1881 г. о постройкѣ и содержаніи школьныхъ зданій и причину неудовлетворительнаго вообще состоянія школъ—въ законѣ 1882 г. Для выработки новыхъ учебныхъ плановъ министерство прибѣгло къ непосредственной помощи самихъ учителей основныхъ школъ, и предположенія, выработанныя учителями бѣлградскихъ школъ и просмотрѣнныя главнымъ «одборомъ» (комитетомъ) учительскаго общества (учителя основныхъ школъ королевства объединены въ обществѣ «учительско удруженье», какъ преподаватели среднеучебныхъ заведеній въ обществѣ «професарско друштво») приняты министерствомъ съ незначительными лишь измѣненіями и введены въ жизнь распоряженіемъ отъ 29 ноября 1891 г. По этимъ планамъ въ 4-хъ-классной основной школѣ проходятся слѣдующіе предметы:

Во всѣхъ классахъ—Законъ Божій—8 часовъ; сербскій языкъ (начатки грамматики, письменныя упражненія), 30 часовъ; счетъ до простого тройного правила—16 часовъ; черченіе—8 часовъ; пѣніе, гимнастика.

Родиновѣдѣніе и сербовѣдѣніе со II-го класса, 9 часовъ въ мужскихъ и 8—въ женскихъ.

Природовѣдѣніе—4 часа; чистописаніе, 2 часа—въ III и IV классахъ. Сербская исторія въ IV-мъ 3 часа.

Эти предметы преподаются въ мужскихъ и женскихъ училищахъ. Затѣмъ—церковнославянскій яз. только въ мужскихъ, въ IV классѣ, 3 часа; рукодѣлія—12 часовъ, во всѣхъ классахъ—только въ женскихъ. Ручной трудъ не введенъ.

Изъ обществъ, ревнующихъ о распространеніи просвѣщенія среди сербовъ, можемъ указать на «друштво светог Саве» (общество святого Савы), содержащее школы и издающее книги. Въ Бѣлградѣ въ 1891 г. основанъ

«фонд за потпамаганье сиромашних (для вспомоществованія бѣдныхъ) ученика и ученица основнихъ школа». Такіе фонды существуютъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Большія, сравнительно, деньги тратятся на пособія и стипендіи воспитанникамъ среднеучебныхъ заведеній. Тѣмъ не менѣе нерѣдки такіе случаи, напр., что гимназистъ учится и служитъ ради куска хлѣба на посылкахъ, въ сидѣльцахъ и т. п. «Београдско женско друштво» содержитъ трехклассную женскую профессіональную школу. Въ 1888—1889 г. въ ней было 77 ученицъ. Вообще ремесленное обученіе не распространено въ королевствѣ. Это страна земледѣльческая. Кромѣ того, въ Бѣлградѣ имѣется «недельно-празничка трговачка школа београдске трговачке омладине», т.-е. воскресно праздничная торговая школа (общества) бѣлградской торговой молодежи. Въ 1890—1891 ее посѣщали 107 человѣкъ. Кое-гдѣ по городамъ, напр. въ Вальевѣ, дѣйствуютъ воскресныя и вечернія школы, очень охотно посѣщаемыя ремесленниками, прислугою и т. п. Большею частью это, однако, не уроженцы королевства, а пришлые изъ Венгріи, турецкихъ областей и т. д. сербы. Условливаясь съ хозяевами, они выговариваютъ себѣ время, необходимое для занятій въ школѣ.

Въ одинъ изъ самыхъ послѣднихъ годовъ Сербія истратила на свое образованіе 3,6 мил. динаровъ, что составитъ по 1,74 дин. на голову.

М. Кр......ій

Начальныя школы въ Эльзасъ-Лотарингіи.

Въ Мюльгаузенскомъ «Express» отъ 7 октября 1892 года сообщаются слѣдующія статистическія данныя относительно начальнаго обученія въ Эльзасъ-Лотарингіи.

Къ 1-му апрѣля 1892 года въ Эльзасъ-Лотарингіи было 2.779 начальныхъ *общественныхъ* школъ, съ 4.828 классами и 223.845 учениками, а именно:

2.298 католическихъ школъ съ	3.766	классами	и	171.797	учениками.
378 протестантскихъ »	737	»	и	37.436	»
63 еврейскихъ »	69	»	и	2.179	»
40 смѣшанныхъ по вѣроиспов.	256	»	и	12.433	»
Въ мужскихъ школахъ считалось	1.275	»	и	63.504	»
» женскихъ школахъ	1.261	»	и	56.747	»
» смѣшан. въ отношеніи пола	2.292	»	и	103.594	»

Учащій персоналъ состоялъ изъ 4.389 членовъ, изъ которыхъ 2.638 свѣтскихъ преподавателей, 797 свѣтскихъ преподавательницъ, 19 учителей-конгреганистовъ (9 въ Нижнемъ и 10 въ Верхнемъ Эльзасѣ) и 1.285 учительницъ-конгреганистокъ.

Съ точки зрѣнія организаціи школы раздѣлялись такъ:

1) Смѣшанныя по отношенію къ полу:

1.021 съ однимъ классомъ, 144—съ двумя классами, 215—съ тремя, 27—съ четырьмя и 71—съ пятью и болѣе классами.

2) Школы для мальчиковъ:

452 съ однимъ классомъ, 78—съ двумя, 122—съ тремя и болѣе.

3) Школы для дѣвочекъ:

Къ 1-му апрѣля 1892 года было 88 *частныхъ* начальныхъ школъ съ 161 кл. и 5.783 уч., а именно:

63 католическихъ школы съ	117	классами	и	4.584	учениками
13 протестантскихъ	» 27	»	и	821	»
3 еврейскяхъ	» 3	»	и	88	»
9 смѣшан. по вѣроиспов.	» 14	»	и	290	»

Учащій персоналъ частныхъ школъ состоялъ изъ 167 членовъ, изъ которыхъ 28 свѣтскихъ учителей и 11 свѣтскихъ учительницъ, 18 учителей-конгреганистовъ и 80 наставницъ-конгреганистокъ.

Къ тому-же времени состояло 430 *дѣтскихъ* школъ съ 33.740 дѣтей, 195 свѣтскими и 292 конгреганистками наставницами. Въ томъ числѣ католическихъ школъ 308, протестантскихъ—69, еврейскихъ—3, смѣшаннаго культа—51. Было двѣ школы для мальчиковъ, пять для дѣвочекъ и 424 смѣшанныхъ въ отношенію пола.

Къ тому-же времени существовали 23 *среднія* школы (Mittelschulen) съ 2.040 учениками, въ томъ числѣ для дѣвочекъ—двѣ среднія школы.

Всего учащихся—265.408; слѣд. 16, 5°/₀ населенія Эльзасъ-Лотарингіи, полагая это населеніе круглымъ числомъ въ 1.600.000.

Хроника народнаго образованія.

Движеніе по открытію воскресныхъ школъ, замѣтно проявившееся съ осени 1888 года, продолжаетъ охватывать все новыя и новыя мѣстности. Постоянно получаются извѣстія объ открытии новыхъ воскресныхъ школъ. При этомъ повсюду-же немедленно выясняется, какъ велика потребность въ учрежденіяхъ подобнаго рода. Наплывъ учащихся во всѣхъ вновь открываемыхъ воскресныхъ школахъ на столько великъ, что уже послѣ нѣсколькихъ воскресеній со дня открытія воскресной школы приходится обыкновенно прекращать пріемъ желающихъ учиться за недостаткомъ помѣщенія, или принимать число учащихся, значительно превышающее возможность удобнаго размѣщенія учащихся. Такъ, въ недавно открывшуюся воскресную школу въ Выборгѣ,—первую и пока единственную *русскую* воскресную школу въ Финляндіи, —въ первыя-же три воскресенья поступило болѣе 200 учениковъ—русскихъ, финновъ и шведовъ, такъ что дальнѣйшій пріемъ пришлось пріостановить. Въ Перми, гдѣ воскресная школа также открыта только въ текущемъ учебномъ году, за первые-же четыре воскресенья поступило 84 ученика. Въ Нижнемъ въ открывшуюся 1-го ноября мужскую воскресную школу (женская воскресная школа здѣсь открыта еще два года назадъ) въ первыя четыре воскресенья поступило 158 учениковъ. Въ Полтавѣ женская воскресная школа открыта 22 ноября —и въ этотъ-же день поступило 25 ученицъ. Въ Старомъ-Осколѣ мужская воскресная школа открыта 15 ноября и немедленно-же привлекла учащихся и т. д.

Что дѣло устройства воскресныхъ школъ является отвѣтомъ на вполнѣ назрѣвшую потребность общества, это, помимо наплыва учащихся, дѣлается слишкомъ яснымъ и изъ другихъ обстоятельствъ, сопровождающихъ откры-

тіе воскресныхъ школъ. Въ Выборгѣ, напр., школа открыта педагогическимъ персоналомъ мѣстныхъ русскихъ учебныхъ заведеній, который пожелалъ стать въ болѣе тѣсныя отношенія съ мѣстнымъ населеніемъ. Среди поступившихъ въ школу преобладаютъ финны, которые пожелали изучить русскій языкъ и русскую грамоту. Въ Полтавѣ воскресная школа открыта по иниціативѣ супруги мѣстнаго губернатора, Е. Б. Татищевой. Заниматься въ школѣ немедленно изъявило желаніе до 20 интеллигентныхъ дѣвушекъ. Въ Старомъ-Осколѣ ходатайство объ открытіи воскресной школы было возбуждено еще три года назадъ,—и только въ нынѣшнемъ учебномъ году послѣдовало разрѣшеніе на открытіе школы, и притомъ съ тѣмъ, чтобы преподавателями въ школѣ состояли исключительно учителя городского училища; послѣдніе немедленно-же согласились принять на себя этотъ трудъ. Въ Перми при открытіи школы въ ней уже числилось 15 преподающихъ. Средства для школы были собраны изъ добровольныхъ пожертвованій мѣстнаго общества. При школѣ имѣютъ быть устроены въ непродолжительномъ времени народныя чтенія. Любопытною особенностью новой пермской школы являются гигіеническія бесѣды, которыя ведетъ съ учениками школы докторъ медицины П. Н. Серебренниковъ. Всѣхъ бесѣдъ въ теченіе учебнаго года предполагается 12. Въ виду интереса, который представляетъ этотъ опытъ, и желательности устройства гигіеническихъ бесѣдъ при всѣхъ воскресныхъ школахъ, контингентъ учащихся въ которыхъ является какъ разъ подходящею аудиторіею для распространенія здравыхъ гигіеническихъ понятій, мы приводимъ въ примѣчаніи программу бесѣдъ г. Серебренникова *). Подобныя-же бесѣды предполагается вести въ новой мужской воскресной школѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Здѣсь уже при открытіи школы преподавательскій персоналъ состоялъ уже изъ 45 человѣкъ. Помѣщеніемъ для школы служатъ уступленные городомъ 6 классовъ городского Полевого училища. Среди уча-

---

*) *Бесѣда 1-я.* Что такое гигіена? Чему она учитъ? Полезно-ли изучать гигіену? Примѣры, доказывающіе пользу гигіены. *Бесѣда 2-я.* Основа человѣческаго тѣла—скелетъ. Устройство скелета въ самыхъ общихъ чертахъ. Дыханіе, какъ одна изъ важнѣйшихъ потребностей для жизни человѣка. Примѣръ: ѣстъ человѣкъ 2—3 раза въ сутки, а дышетъ 20.000 разъ. Для чего человѣкъ дышетъ? Что такое воздухъ? Какой его составъ? Какія вредныя примѣси бываютъ въ воздухѣ? Вліяніе воздуха на здоровье человѣка. *Бесѣда 3-я.* Описаніе дыхательныхъ органовъ. Чѣмъ отличается комнатный воздухъ отъ уличнаго? Чѣмъ портится воздухъ въ жилищахъ? Что такое вентиляція? Какъ она устраивается? *Бесѣда 4-я.* Какую помощь можно оказать удавившемуся, утопленнику и угорѣвшему? *Бесѣда 5-я.* Какимъ путемъ вдыхаемый кислородъ воздуха попадаетъ во всѣ части нашего тѣла? Кровообращеніе. Движеніе крови по кровеноснымъ сосудамъ. Сердце. Какъ устроены сердце и кровеносные сосуды? Количество крови въ человѣкѣ. Какъ останавливать кровотеченіе при ранахъ, изъ носа и легкихъ? *Бесѣда 6-я.* Почему необходима для насъ пища? Какая самая здоровая пища? Какъ лучше приготовлять мясо? Питательны-ли яйца и молоко? Какой хлѣбъ питательнѣе? *Бесѣда 7-я.* Какъ нужно питать грудныхъ дѣтей? *Бесѣда 8-я.* Какія болѣзни бываютъ отъ воды? Какая вода самая здоровая? Какъ очищать ее? *Бесѣда 9-я.* Почва. Значеніе почвы для здоровья человѣка? Какія бываютъ почвы? Какъ осушить почву? *Бесѣда 10-я.* Жилище. Изъ какихъ матеріаловъ строятъ дома? Отчего зависитъ сырость въ домахъ? Какъ устроить отхожія мѣста и помойныя ямы. *Бесѣда 11-я.* Одежда. Вліяніе ея на здоровье человѣка. *Бесѣда 12-я.* Что такое заразныя болѣзни? Какъ предохранить себя отъ нихъ? Что такое дезинфекція и какъ она производится?

щихся преобладаютъ взрослые, до 47 лѣтъ включительно, не считая одного 70-лѣтняго старика. Учащіеся раздѣлены на 4 большія группы, дѣлящіяся затѣмъ на мелкія: совершенно безграмотные, умѣющіе кое-какъ читать и писать, читающіе и пишущіе хорошо и кончившіе курсъ въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ. Каждый день бываетъ по 4 урока: Законъ Божій, ариѳметика, русскій языкъ и объяснительное чтеніе. Объяснительное чтеніе раздѣляется на три отдѣла: чтеніе по литературѣ, исторіи и естествовѣдѣнію. Въ первое-же воскресенье ученики просили заниматься съ ними не только по воскреснымъ, но и по другимъ праздничнымъ днямъ, задавать на домъ больше уроковъ и давать книги для чтенія. Таково отношеніе къ ученью учениковъ воскресныхъ школъ.

Еще болѣе отрадное впечатлѣніе оставляютъ данныя, касающіяся тѣхъ воскресныхъ школъ, которыя возникли ранѣе настоящаго учебнаго года и уже успѣли болѣе или менѣе развить свою дѣятельность. Предъ нами лежитъ рядъ отчетовъ по воскреснымъ школамъ за прошлый учебный годъ. Не имѣя возможности использовать всѣ ихъ въ нашей хроникѣ, мы остановимся только на трехъ отчетахъ — по двумъ астраханскимъ воскреснымъ школамъ, по казанской (женской) и по кишиневской (мужской). Иниціатива устройства двухъ воскресныхъ школъ въ Астрахани—мужской и женской—принадлежитъ небольшому кружку мѣстныхъ учителей и учительницъ. Ходатайство объ открытіи школъ предъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа было возбуждено весною 1891 года, а школы открыты 1 сентября того-же года. Лицъ, изъявившихъ желаніе работать въ воскресныхъ школахъ, оказалось всего 35 чел., въ томъ числѣ 5 законоучителей. Изъ нихъ, въ мужской школѣ работали 13 чел. и 22 въ женской. Учителей было 16 и учительницъ 19. Лицъ, получившихъ образованіе, было 5, въ томъ числѣ 4 женщины, среднее 20 и спеціально-педагогическое 10. Эти данныя ясно показываютъ, въ какой средѣ воскресныя школы находятъ контингентъ своихъ работниковъ. Школы помѣщаются въ зданіяхъ 4-хъ и 3-хъ-классныхъ городскихъ училищъ, пользуясь какъ помѣщеніемъ и мебелью послѣднихъ, такъ и ихъ учебными пособіями. Средства для существованія школъ доставлены астраханскимъ городскимъ управленіемъ, ассигновавшимъ въ 1891 году 100 р. и въ 1892 г. снова 100 р. Кромѣ того, астраханская коммиссія народныхъ чтеній предоставила школамъ право получить безплатно на 50 р. учебниковъ изъ книжнаго склада коммиссіи. Счетъ расходовъ по школамъ настолько характеренъ, что мы приводимъ его цѣликомъ. На двѣ воскресныя школы съ 381 учащимся израсходовано въ теченіе 1891—1892 учебнаго года:

На учебники	30 р.	34 к.
» учебныя пособія	53 »	75 »
» переплетъ книгъ	23 »	65 »
» перевозку имущества . . .	2 »	30 »
Сторожамъ	24 »	— »
Итого . . .	134 р.	04 к.

Счетъ этотъ лишній разъ показываетъ, какія ничтожныя матеріальныя средства требуются для устройства и содержанія такихъ высоко-полезныхъ учрежденій, какими являются воскресныя школы. Пріемъ учащихся въ астра-

ханскія воскресныя школы продолжался $6^{1}/_{2}$ мѣсяцевъ—съ 1 сент. 1891 г. по 15 марта 1892 года. Сначала принимали всѣхъ желающихъ; но затѣмъ наплывъ учащихся заставилъ прекратить пріемъ дѣтей моложе 10 лѣтъ. Особенно великъ былъ наплывъ учащихся въ женскую школу, и здѣсь приходилось, за неимѣніемъ мѣста, отказывать въ пріемѣ многимъ, не разбирая ихъ возраста. Всего въ теченіе года поступило въ мужскую школу 153 чел. и въ женскую 228. Большинство учащихся принадлежали къ рабочему классу—чернорабочіе, ремесленники, прислуга, мелочные торговцы или члены ихъ семействъ. Учащіеся дѣлились на три большія группы—неграмотныхъ, малограмотныхъ и грамотныхъ, раздѣлявшіяся на меньшія группы по преподавателямъ. Всѣхъ группъ было 22, изъ нихъ 11 неграмотныхъ, 7 малограмотныхъ и 4 грамотныхъ. Посѣщались школы учащимися, какъ и вездѣ, съ пропусками; въ общемъ пропущено около 25% уроковъ. Учебныхъ дней въ мужской школѣ было 23, въ женской 27. Несмотря на столь незначительное учебное время (каждый учебный день было всего по 3 урока), а также не смотря на недостатокъ пособій и тѣсноту помѣщеній (въ женской, напр., школѣ приходилось въ большихъ комнатахъ помѣщать 5 и 6 группъ), результаты дѣятельности школъ получились вполнѣ удовлетворительные. По Закону Божію пройдены важнѣйшіе эпизоды Ветхаго и Новаго Завѣтовъ и важнѣйшія молитвы. Неграмотные научились читать и писать и ознакомились съ четырьмя первыми дѣйствіями ариѳметики. Малограмотные усовершенствовались въ чтеніи и письмѣ, стали недурно писать какъ съ каллиграфической, такъ и орѳографической сторонъ и научились дѣлать задачи по четыремъ дѣйствіямъ на любыя величины. Наконецъ, грамотные ознакомились съ важнѣйшими правилами грамматики, прошли именованныя числа и ознакомились съ дробями и на урокахъ объяснительнаго чтенія пріобрѣли нѣкоторыя свѣдѣнія по гигіенѣ, русской географіи и исторіи. Чтобы оцѣнить по достоинству эти результаты, надо помнить, что они достигнуты въ первый-же годъ существованія школы. Любопытную черту въ жизни астраханскихъ воскресныхъ школъ составляетъ ихъ объединенность: имущество обѣихъ школъ считается ихъ общею собственностью; учащіе обѣихъ школъ собираются въ одно собраніе для обсужденія текущихъ вопросовъ, и въ случаѣ, если въ одной школѣ оказывается недостатокъ въ учащихъ, а въ другой избытокъ, свободные учащіе направляются туда, гдѣ нуженъ ихъ трудъ. Нѣтъ надобности выяснять всѣ выгоды такого порядка, и можно только пожелать, чтобы воскресныя школы тѣхъ городовъ, гдѣ ихъ по нѣсколько, послѣдовали примѣру астраханскихъ школъ.

Въ Казани женская воскресная школа открыта 28 октября 1890 года. Такимъ образомъ школа прожила уже два учебныхъ года и вступила въ третій. Въ день открытія въ школу явилось 28 учащихся, а къ концу 1-го-же учебнаго года число ихъ достигло 140, а во 2-й годъ—даже 195. Отчетъ констатируетъ, что ученицы посѣщали школу вообще исправно и что причины пропусковъ уроковъ лежали обыкновенно внѣ ихъ воли: обиліе работы, болѣзнь, дурная погода и холода при отсутствіи теплой одежды, запрещеніе посѣщать школу со стороны хозяевъ и т. д. Въ первый годъ учебныхъ дней было 44, а во второй 67, что объясняется тѣмъ, что, кромѣ воскресныхъ занятій, въ казанской школѣ практикуются вечернія занятія (отъ 6 до 8 часовъ) по четвергамъ. Относительно достигнутыхъ школою результатовъ

*

приводимъ цѣликомъ соотвѣтствующее мѣсто отчета: «При оцѣнкѣ успѣшности занятій учениць не нужно забывать, что воскресная школа можетъ посвящать преподаванію каждаго предмета лишь 1 или 2 часа въ недѣлю, что въ одной и той-же комнатѣ происходятъ занятія нѣсколькихъ группъ одновременно; вслѣдствіе всего этого успѣшность ея трудно измѣрять таковою-же, достигаемою въ повседневныхъ школахъ; тѣмъ не менѣе, ученицы успѣли, напр., пройти по Закону Божію въ два года Ветхій и Новый Завѣтъ; поступившія въ школу совсѣмъ неграмотными въ теченіе 15—18 уроковъ проходили азбуку, къ концу года читали уже, хотя медленно, но отчетливо и сознательно; по письму—умѣли написать всякое слово и короткія фразы, причемъ знакомились съ элементарными грамматическими правилами. По ариѳметикѣ знакомились съ начертаніями цыфръ, къ концу года писали и читали трехъ и даже четырехзначныя цыфры, рѣшали несложныя задачи на сложеніе и вычитаніе и знакомились съ производствомъ этихъ дѣйствій на счетахъ. Группы малограмотныхъ и грамотныхъ также успѣвали пройти свою программу, причемъ болѣе слабыя по развитію ученицы, если отставали, переводились изъ одной группы въ другую, болѣе для нихъ подходящую. Въ общемъ занятія учениць воскресной школы шли весьма удовлетворительно».

Отчетъ казанской школы сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о причинахъ поступленія учащихся въ школу. «Причины поступленія въ воскресную школу среди малолѣтнихъ,—читаемъ въ отчетѣ, — въ большинствѣ случаевъ исходили отъ ихъ родныхъ; послѣдніе посылали дѣвочекъ сюда, не будучи въ состояніи посылать ихъ въ повседневную школу. Среди взрослыхъ причины поступленія въ школу, конечно, болѣе самостоятельны и опредѣленны; у многихъ онѣ выражаются въ такой формѣ, что хочется выучиться читать, писать и считать или повторить то, что учили раньше. «Всѣ учатся—и мнѣ хочется, да и пріятно иногда почитать хорошую книгу». Чтеніе, видимо, доставляетъ удовольствіе: «узнаешь что-нибудь новое—точно свѣтлѣе станетъ»,—высказываетъ одна изъ учениць. Нѣкоторыя при поступленіи въ школу руководствуются чисто практическими цѣлями: «Дѣти все большія, грамотѣ знаютъ; они въ лавкѣ отцу подсоблять могутъ, а мнѣ нельзя: ни писать, ни читать не умѣю, ни по счетной части ничего не знаю»,—такъ объясняетъ свое поступленіе въ школу одна ученица—жена приказчика: «прослышала я отъ дѣтей-же про школу воскресную, хотѣла и деньги платить, только-бы обучили всему»,—продолжала она. «Теперь вотъ читать начинаю и всегда думаю—зачѣмъ-же за трудъ свой учительницы-то ничего не берутъ, и все опасаюсь: ну, какъ приду, да скажутъ: не станемъ больше учить. А мнѣ безъ школы теперича никакъ нельзя быть»,—заключаетъ она. Прачки, швеи поступаютъ въ школу, чтобы выучиться самимъ вести запись, быть въ состояніи приготовить счетъ, записать мѣрку, прочесть модный журналъ. Иногда желаніе выучиться читать вытекаетъ изъ желанія расширить свой умственный горизонтъ. «Спросилъ меня священникъ: «Вѣрую», а я не знаю. Стыдно мнѣ было. Теперь вотъ читать выучусь, всякія молитвы буду знать». Кромѣ удовлетворенія этихъ личныхъ желаній, нѣкоторыя отдѣльныя ученицы идутъ въ школу, чтобы научиться тому, «что хорошо и что дурно, научиться жить такъ, какъ живутъ хорошіе люди»... «Ростутъ дѣти, будутъ учиться, и мнѣ хочется знать

то, чему ихъ будутъ учить»,—говоритъ мать двухъ дѣтей. «Чувствую, что съ тѣхъ поръ, какъ учиться стала,—умнѣть стала: теперь приду домой, все думаю о томъ, что въ школѣ слыхала и какъ лучше». Такъ высказывается одна ученица относительно того, что дала ей школа. «Школа мнѣ очень много дала,—говоритъ другая,—я теперь сильно, по моему мнѣнію, измѣнилась, какъ-то лучше стала относиться къ людямъ и сторониться всякихъ сплетенъ; мнѣ всегда очень непріятно дѣлается, когда дома начинаютъ или сплетничать, или браниться и, насколько могу, всегда останавливаю». «Какъ я обрадовалась, когда узнала объ этой школѣ,—говоритъ одна изъ воскресницъ,—я бѣжала, почти летѣла, чтобъ меня приняли, и вотъ я здѣсь учусь». «Въ школѣ и книжку дадутъ, и понятіе не то, что у прочихъ людей»,—заключаетъ свою мысль другая. Такъ высказываются о мотивахъ поступленія въ школу и о значеніи ея взрослыя ученицы воскресной школы. Эти ученицы принадлежатъ къ слою лицъ, жизнь которыхъ почти исключительно проходитъ въ постоянной борьбѣ за кусокъ хлѣба. Отсюда видно,—съ полнымъ основаніемъ заключаетъ отчетъ казанской школы,—что воскресная школа идетъ на встрѣчу потребностямъ высшаго порядка, она даетъ возможность пріобрѣсти хотя самыя первоначальныя свѣдѣнія объ окружающемъ, которыя, разрѣжая нѣсколько обычный мракъ, сообщаютъ болѣе чуткимъ личностямъ ту духовную радость, при которой «точно свѣтлѣе станетъ».

Кишиневская мужская воскресная школа принадлежитъ къ числу очень молодыхъ. Она открыта лишь въ мартѣ 1891 г. Школа возникла по иниціативѣ г-жи Дорошевской и поддерживается, главнымъ образомъ, трудомъ педагогическаго персонала женской гимназіи и ежедневныхъ начальныхъ училищъ. При открытіи школы въ нее записалось 15 учащихся, черезъ три мѣсяца ихъ было 61, а черезъ годъ 108. Возрастъ учащихся колеблется отъ 12 до 37 лѣтъ, причемъ преобладаютъ группы отъ 12 до 16 и отъ 16 до 20 лѣтъ. По профессіи учащіеся представляли самую пеструю смѣсь: тутъ и хлѣбопашцы, и приказчики, и чернорабочіе, и часовщики, и плотники, и лакеи, и кузнецы, и посыльные, и бондари, и мѣдники и т. д. Кромѣ обычныхъ предметовъ преподаванія, въ кишиневской школѣ введено еще преподаваніе черченія, преслѣдующее, конечно, спеціально-ремесленныя цѣли. При школѣ имѣется библіотека, состоящая изъ 510 экз. и дѣйствующая очень успѣшно: за 8 мѣсяцевъ 1891—1892 года книгами изъ библіотеки пользовались 78 учениковъ, взявшихъ 872 книги по беллетристикѣ, 201—историко-географическаго содержанія, 120—научно-популярнаго и 74—духовно-нравственнаго, а всего 1.267 книгъ.

Всѣ воскресныя школы, о которыхъ мы говоримъ въ настоящей хроникѣ, являются созданіемъ частной иниціативы. Эта-же иниціатива создала въ послѣдніе годы еще цѣлый рядъ разнообразныхъ учрежденій, имѣющихъ цѣлью содѣйствіе народному образованію. О нѣкоторыхъ изъ этихъ учрежденій мы здѣсь и упомянемъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ 31 октября 1892 года происходило общее собраніе членовъ Общества для пособія учащимся въ начальныхъ училищахъ города. Общество это начало свои дѣйствія только 1 февраля 1892 года—и уже насчитываетъ 9 почетныхъ членовъ, 13 пожизненныхъ и 122 дѣйствительныхъ и собрало болѣе 4.000 рублей—отъ членскихъ взносовъ, концертовъ, катанья па пароходѣ и т. п. Положитель-

ная дѣятельность Общества выразилась въ разнообразной помощи бѣднымъ ученицамъ городскихъ школъ—учебными пособіями, платьемъ, обувью и т. д.— и въ предоставленіи 3 дѣвочкамъ и 1 мальчику, окончившимъ курсъ въ городскихъ школахъ, средствъ на продолженіе образованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Къ 1 ноября 1892 г. въ кассѣ Общества оставалось 3.267 рублей.

Подобное-же Общество работаетъ въ маленькомъ городкѣ Петровскѣ, Саратовской губерніи. Здѣшнее Общество открыло свои дѣйствія 15 мая 1890 года. За 2 года съ небольшимъ (по 1 сентября 1892 года), какъ видно изъ лежащихъ предъ нами двухъ отчетовъ Общества, оно собрало 2.282 р. и израсходовало 1.339 р. Приходъ составился изъ взносовъ членовъ, которыхъ было въ 1892 г. 57 и которые платятъ по 3 р. ежегодно, изъ единовременныхъ пожертвованій, субсидій отъ городской думы и мѣстнаго земства и благотворительныхъ спектаклей. Несмотря на скромность средствъ, которыми располагаетъ Общество, оно успѣло оказать существенную помощь весьма значительному числу лицъ. Такъ, въ 1890 году помощью Общества воспользовались 29,17%, а въ 1891 г. 29,98% всѣхъ учащихся въ четырехклассномъ и четырехъ приходскихъ училищахъ г. Петровска. Помощь эта выражается въ уплатѣ денегъ за право ученія, въ снабженіи учащихся учебниками и въ экипировкѣ бѣдныхъ учащихся. Всего получили помощь отъ Общества за 2 съ небольшимъ года болѣе 400 бѣдныхъ учениковъ, для которыхъ пріобрѣтено учебниковъ на 366 р., розданы около 130 пальто, 100 паръ сапогъ, 20 паръ башмаковъ, 82 пары валянокъ и матеріаловъ для шитья бѣлья, шапокъ и шарфовъ, и, наконецъ, внесена плата за нраво ученья 29 учащихся. Къ 1 сентября 1892 г. Общество имѣло въ своей кассѣ 942 р.

Нельзя не пожалѣть, что подобныя Общества, при крайней простотѣ ихъ организаціи и насущности преслѣдуемыхъ ими задачъ, до сихъ поръ составляютъ у насъ крайнюю рѣдкость. Не говоря уже объ уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ, но даже въ большинствѣ губернскихъ городовъ Общества съ подобными задачами отсутствуютъ. А какъ велика потребность въ подобномъ содѣйствіи со стороны интеллигенціи дѣлу народнаго образованія, всего нагляднѣе видно на примѣрѣ Петровскаго Общества, которое, несмотря на крайнюю скромность своихъ средствъ, вынуждено было принять подъ свое покровительство почти 1/3 учащихся въ мѣстныхъ училищахъ. И дѣлаетъ честь интеллигенціи г. Петровска, что она создала благородное учрежденіе, какое отсутствуетъ во многихъ изъ нашихъ «культурныхъ центровъ».

Въ числѣ новыхъ созданій частной иниціативы заслуживаетъ упоминанія школа кружевницъ (пятая въ Россіи), открытая въ сентябрѣ 1892 года въ с. Трегубовѣ, въ 12 верстахъ отъ Ельца, по иниціативѣ г-жи Н. А. Огаревой, состоящей учредительницей и попечительницей школы. Какъ извѣстно, Елецъ и Елецкій уѣздъ являются однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ нашего кружевнаго промысла и елецкія кружева расходятся по всей Россіи. Къ сожалѣнію, положеніе елецкихъ кружевницъ, по истинѣ, ужасающе-бѣдственное. Въ числѣ причинъ такого положенія видное мѣсто занимаетъ несовершенство техники промысла, унаслѣдованной отъ бабушекъ. Въ послѣднее время нѣкоторыя частныя лица стараются улучшить технику кружевного промысла и достигаютъ извѣстнаго успѣха. Въ числѣ этихъ лицъ можно отмѣтить для Елецкаго уѣзда А. А. Абраменкову и А. А. Стаховича. Вновь учрежденная

школа будетъ работать въ томъ-же направленіи, но, конечно, болѣе систематично. Цѣль школы—подготовить мастерицъ, умѣющихъ дѣлать всевозможные сколки, рисовать и хорошо плести. Въ ученицы принимаются крестьянки въ возрастѣ отъ 14 до 25 лѣтъ. Срокъ ученія—1 годъ. Ученіе начинается съ сентября и должно кончаться предъ началомъ весеннихъ полевыхъ работъ. Въ настоящее время въ школѣ живутъ на всемъ готовомъ 10 ученицъ, которыя учатся плетенію, рисованію и грамотѣ. Приходящими-же могутъ быть всѣ желающія, но онѣ учатся только плетенію. Какъ пансіонерки, такъ и приходящія ничего не платятъ. При школѣ находится складъ кружевъ, откуда можно выписывать кружева по цѣнамъ, значительно болѣе дешевымъ, нежели цѣны на кружева въ магазинахъ и у разносчицъ, скупающихъ кружева у кружевницъ и продающихъ ихъ по двойной цѣнѣ. Въ складъ поступаютъ какъ издѣлія школы, такъ и кружева, покупаемыя школою у кружевницъ, если онѣ плетутъ ихъ по сколкамъ, раздаваемымъ школою. Во главѣ школы стоитъ С. Н. Гринева, спеціально изучившая кружевное производство въ петербургской Маріинской практической школѣ.

Не меньшаго вниманія заслуживаетъ другое проявленіе частной иниціативы—открытіе въ с. Макуловѣ, Свіяжскаго уѣзда, Казанской губерніи, безплатной народной читальни, устроенной мѣстнымъ землевладѣльцемъ кн. П. Л. Ухтомскимъ. Учредитель читальни даетъ помѣщеніе, необходимую обстановку и беретъ на себя всѣ расходы по снабженію читальни книгами и періодическими изданіями. Разрѣшеніе на открытіе читальни получено отъ казанскаго губернатора только въ ноябрѣ 1892 года. По особому разрѣшенію, г. Ухтомскій можетъ приспособить читальню для народныхъ чтеній и школьныхъ занятій. Завѣдываніе дѣломъ возлагается на учредителя, въ случаѣ отъѣздовъ котораго надзоръ за читальней и вся отвѣтственность по веденію дѣла переходитъ къ его замѣстителю, утвержденному губернаторомъ. Для дѣйствій читальни составлены особыя правила, утвержденныя губернаторомъ, которыя мы и заимствуемъ полностью изъ «Волжскаго Вѣстника»: «1. Всѣ посѣтители читальни должны безпрекословно подчиняться настоящимъ правиламъ, а равно и требованіямъ лицъ, завѣдующихъ читальней. Виновные въ нарушеніи сего могутъ быть удалены изъ читальни и навсегда лишены права посѣщать ее. 2. Читальню имѣютъ права посѣщать всѣ взрослые жители села Макулова и деревни Татарскаго Макулова. 3. Прочимъ частнымъ лицамъ, не получившимъ на то особаго разрѣшенія учредителя, посѣщеніе читальни воспрещается. 4. Росписаніе времени, когда читальня открыта, вывѣшивается на наружной стѣнѣ читальни, около входной двери. 5. Безусловно воспрещается всѣмъ посѣтителямъ читальни приносить съ собою какія-бы то ни было книги, газеты, письма или вообще рукописи. 6. Не допускаются въ читальню: пьяные и больные, а также и жители тѣхъ домовъ, гдѣ есть больные заразными болѣзнями. 7. Всѣ посѣтители читальни должны соблюдать порядокъ, тишину и вѣжливость; поэтому въ особенности воспрещается портить книги и проч. предметы въ читальнѣ, а также воспрещается громко разговаривать или употреблять бранныя слова. 8. Куреніе табаку въ читальнѣ не допускается. 9. Изъ читальни на домъ ничего не дается. Виновные въ тайномъ уносѣ чего-либо подлежатъ законной отвѣтственности. 10. Каждый посѣтитель при входѣ въ читальню записывается въ особой книгѣ».

Заключимъ нашу хронику приведеніемъ свѣдѣній о медицинскихъ народ-

ныхъ чтеніяхъ въ г. Курскѣ. Это пока всего третій городъ въ Россіи, въ которомъ существуютъ подобныя чтенія (организованы еще въ Кіевѣ и Саратовѣ). Собственно народныя чтенія возникли въ Курскѣ въ 1885 г., когда мѣстная городская дума выбрала для веденія этого дѣла особую коммиссію и ассигновала 300 р. для обзаведенія фонаремъ и картинами. Въ 1885 и 1886 г. коммиссія устроила 19 чтеній. Всего за это время въ коммиссію поступило, кромѣ упомянутаго ассигнованія думы, 762 р., полученныхъ въ видѣ пожертвованій и платы съ посѣтителей. Израсходовано въ то-же время на инвентарь 560 р. и на устройство чтеній 388 р. Затѣмъ, въ 1887, 1888 и 1889 г. городская коммиссія почему-то бездѣйствовала. Въ 1890 г. снова было устроено 10 чтеній, на которыя пошло 1.354 р., полученныхъ отъ пожертвованій и сборовъ за чтенія. Между тѣмъ, въ началѣ 1891 года въ Общество курскихъ врачей было внесено предложеніе двухъ членовъ, гг. Долгополова и Божко-Божинскаго, о необходимости организовать медицинскія народныя чтенія. Въ результатѣ была выбрана коммиссія, которая слилась съ городскою коммиссіею и начала устраивать медицинскія народныя чтенія въ зданіи реальнаго училища. Чтенія начались 24 ноября 1891 года и продолжались до 22 марта 1892 года; всѣхъ чтеній было 10. Чтенія происходили по воскресеньямъ,—два раза въ мѣсяцъ. Каждое чтеніе состояло изъ двухъ отдѣловъ: медицинскаго и литературнаго или историческаго. Картины для фонаря получались безплатно отъ кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Помѣщеніемъ служилъ широкій корридоръ реальнаго училища. Эта аудиторія освѣщалась электричествомъ до начала и послѣ чтеній; свѣтъ для фонаря доставлялся также электричествомъ. Разнаго рода объяснительные опыты было удобно дѣлать, благодаря тому, что необходимые аппараты отпускались физическимъ кабинетомъ реальнаго училища. Чтенія посѣщались весьма охотно; всего на 10 чтеніяхъ было 1.781 человѣкъ. Чтенія обошлись въ 115 р., т.-е. по $11^{1/2}$ р. каждое чтеніе.

Примѣръ курскихъ медицинскихъ народныхъ чтеній ясно показываетъ, какъ легко было-бы врачамъ повсемѣстно организовать подобныя чтенія и этимъ путемъ содѣйствовать распространенію въ народной массѣ здравыхъ гигіеническихъ и медицинскихъ понятій. Будемъ-же надѣяться, что врачи воспользуются этимъ средствомъ спеціальнаго служенія народнымъ интересамъ.

Я. Абрамовъ.

Отрадный фактъ въ народно-школьномъ дѣлѣ.

20 текущаго января въ С.-Петербургѣ открылось губернское земское собраніе. Въ перечнѣ вопросовъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію собранія, подъ № 20 значился докладъ губернской земской управы «Объ обезпеченіи учителей и учительницъ народныхъ школъ». Докладъ этотъ составленъ былъ по порученію предшествовавшаго земскаго собранія 1892 года, которое поручило управѣ, въ виду всѣми признаннаго необезпеченнаго положенія народныхъ учителей и необходимости оказать имъ ту естественную справедливость, которою пользуются въ Россіи почти всѣ служащіе иныхъ профессій, выработать правила о выдачѣ пенсій учителямъ и учительницамъ народ-

ныхъ школъ и о распредѣленіи потребнаго для этой цѣли расхода между губернскимъ и уѣздными земствами. Въ своемъ докладѣ губернская управа, впредь до составленія проекта эмеритальной кассы для всѣхъ служащихъ въ земствѣ по найму, предлагала выдавать учителямъ и учительницамъ земскихъ школъ, прослужившимъ въ Петербургской губ. не менѣе 20 лѣтъ, при оставленіи ими службы единовременное пособіе въ размѣрѣ 300 рублей. Нечего говорить о ничтожности и явной несправедливости подобнаго обезпеченія. Выдать одинъ разъ навсегда 300 р. сельскому учителю, проработавшему въ деревенской глуши свыше 20 лѣтъ и затратившему на святое общенародное дѣло всѣ свои силы и здоровье, значило формальнымъ образомъ исполнить важную общественную обязанность, освободивъ себя отъ дальнѣйшей заботы о людяхъ, уже достаточно на своемъ вѣку потрудившихся.

Мы знаемъ, какъ скудно и съ какимъ трудомъ живутъ и пропитываютъ себя народные учителя, получающіе въ годъ 300 рублей, а потому, если-бы кто изъ нихъ и рѣшился и получилъ возможность сберечь выданное ему отъ земства единовременное пособіе (300 р.), то, вынужденный жить на проценты такого мизернаго капитала, онъ имѣлъ-бы ежегоднаго дохода, при обычномъ 4% ростѣ, всего 12 рублей, т.-е. по 1 рублю въ мѣсяцъ. Очевидно, что при подобной рентѣ положеніе народнаго учителя мало чѣмъ отличалось-бы отъ судьбы нищаго, не говоря уже о семьѣ этихъ тружениковъ, которою нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ дерзость обзаводиться... Необходимо еще замѣтить, что способъ, практиковавшійся въ С.-Петербургской губ. и одобренный докладомъ управы для полученія означеннаго пособія, подвергалъ просителя такой длинной процедурѣ и непредвидѣннымъ случайностямъ, что и это пособіе являлось тѣмъ миражемъ, который могъ питать болѣе воображеніе просителя, чѣмъ его грѣшное тѣло. Выдача пособія не являлась необходимымъ послѣдствіемъ двадцатилѣтней службы, а поставлена была въ зависимость отъ желанія и воли, другими словами, отъ усмотрѣнія и милости земскаго собранія: проситель обязанъ былъ подать о пособіи прошеніе въ уѣздную земскую управу, которая передаетъ его на разсмотрѣніе уѣзднаго собранія; въ случаѣ отказа, прошеніе передается въ губернскую управу, которая со своимъ заключеніемъ вноситъ его въ губернское земское собраніе, а въ случаѣ отказа этого послѣдняго—дѣло объ обезпеченіи работника-педагога предается забвенію. Къ чести еще нынѣ засѣдающаго с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія надо отнести, что этотъ невозможный и способный убить всякій успѣхъ въ школьномъ дѣлѣ порядокъ заслужилъ осужденіе всѣхъ благомыслящихъ гласныхъ собранія. При разсмотрѣніи этого доклада 21 января возникли горячія и продолжительныя пренія, которыя наглядно опредѣлили существующіе въ нашемъ обществѣ теченія и взгляды. Губернскіе гласные Н. А. Варгунинъ, М. М. Стасюлевичъ, А. Н. Оппенгеймъ и другіе подвергали серьезной критикѣ докладъ управы, какъ мѣру палліативную, и, доказывая необходимость болѣе серьезныхъ и рѣшительныхъ мѣропріятій для обезпеченія народныхъ учителей и ихъ семействъ, предлагали признать вопросъ неотложнымъ и немедленно-же выработать основанія учительскаго пенсіоннаго устава. Другая-же группа гласныхъ вмѣстѣ съ управою признавали подобное цѣлесообразное и неотложное рѣшеніе вопроса неудобнымъ и предлагали пока принять «временныя мѣры» для обезпеченія народныхъ учителей, а управѣ поручить составленіе

проекта пенсій, т.-е., другими словами, отложить вопросъ въ долгій ящикъ, гдѣ покоился онъ уже добрыхъ пятнадцать лѣтъ. Еще третья группа гласныхъ находила хорошимъ и достаточнымъ нынѣ существующій способъ пособій «изъ милости», выдаваемыхъ земскими собраніями по разсмотрѣніи каждаго отдѣльнаго ходатайства «инвалидныхъ учителей». Собраніе было выведено изъ затрудненія ясно формулированнымъ предложеніемъ гласнаго г. Оппенгейма, указавшаго на необходимость назначать земскимъ учителямъ, прослужившимъ болѣе 20 лѣтъ, ежегодныя пенсіи въ размѣрѣ половины получаемаго ими содержанія, въ среднемъ составляющаго въ С.-Петербургской губ. 300 рублей. Въ такой формѣ вопросъ былъ поставленъ на баллотировку и принятъ собраніемъ 23 голосами противъ 20. Такимъ образомъ губернское земское собраніе постановило выдавать всѣмъ учащимъ въ народныхъ школахъ С.-Петербургской губ., прослужившимъ болѣе 20 лѣтъ, пенсіи въ размѣрѣ половины получаемаго ими содержанія. Въ то-же засѣданіе былъ и первый случай примѣненія этого постановленія: бывшей учительницѣ Врудской назначена была пенсія по 150 р. въ годъ. Совершенно неожиданно и къ общему благу разрѣшился, наконецъ, этотъ серьезный и давно наболѣвшій вопросъ, пренебреженіе которымъ, по нашему глубокому убѣжденію, лишало наши земства сотрудничества многихъ достойныхъ и талантливыхъ учителей.

Въ 34 земскихъ губерніяхъ существуетъ до 18.000 народныхъ школъ, въ которыхъ не менѣе 25.000 учащихъ. При всей шаткости служебнаго положенія народныхъ учителей, контингентъ старыхъ сельскихъ педагоговъ, трудящихся на школьномъ поприщѣ отъ 15 до 20 лѣтъ, составляетъ, какъ мы неоднократно убѣждались изъ данныхъ нашей земской статистики, не менѣе 10%, т.-е. въ среднемъ до 2.500 лицъ. Если-бы достойному подражанія примѣру с.-петербургскаго губернскаго земства послѣдовали и прочія земства, то судьба этой массы тружениковъ народно-школьнаго дѣла была-бы вполнѣ обезпечена, и подобный глубоко симпатичный и рѣшительный поворотъ въ постановкѣ школьнаго вопроса привлекъ-бы на службу земства новый контингентъ достойнѣйшихъ дѣятелей и связалъ-бы болѣе прочными узами нынѣшнихъ народныхъ учителей съ тѣмъ общественнымъ дѣломъ, которому они служатъ. Эмеритура народныхъ учителей, созидаемая изъ вычетовъ изъ скуднаго заработка, едва-ли можетъ служить серьезнымъ обезпеченіемъ ихъ судьбы,—тѣмъ болѣе теперь, когда упущено время для ея учрежденія, ибо вычеты производились лишь въ немногихъ земствахъ, а для обезпеченія оставляющаго службу необходимы многолѣтніе предварительные взносы въ сроки, опредѣляемые въ 10, 15 и болѣе лѣтъ. Пенсіонное-же обезпеченіе изъ общественнаго, земскаго или городского, сбора является вполнѣ дѣйствительною и заслуженною наградою труженикамъ, посвятившимъ свою жизнь на тяжелое и отвѣтственное дѣло народнаго просвѣщенія. Пенсіи, выплачиваемыя земствами сельскимъ учителямъ, представляютъ собою долгъ общественныхъ учрежденій, пользующихся услугами интеллигентныхъ работниковъ, и на этомъ поприщѣ первый шагъ с.-петербургскаго губернскаго земства представляетъ весьма симпатичное явленіе, заслуживающее особеннаго вниманія общества и нашихъ органовъ самоуправленія.

А. Тютрюмовъ.

Въ Московскомъ Комитетѣ грамотности.

Засѣданіе 3 декабря 1892 г.

Открывая это первое послѣ лѣтнаго перерыва засѣданіе, предсѣдатель въ краткихъ словахъ познакомилъ присутствовавшихъ съ характеромъ дѣятельности Комитета за истекшій годъ, выразившейся, главнымъ образомъ, въ работѣ тѣхъ коммиссій, которыя при немъ состоятъ *). Далѣе предсѣдатель высказалъ предположеніе, что въ наступающемъ году дѣятельность Комитета должна значительно расшириться, такъ какъ видные представители науки въ Москвѣ, желая подѣлиться знаніями съ публикой посредствомъ цѣлаго ряда публичныхъ лекцій, рѣшили соединить это дѣло съ стремленіемъ Комитета содѣйствовать дѣлу образованія путемъ безплатной разсылки народныхъ библіотекъ, а потому деньги, вырученныя отъ предстоящихъ лекцій, отдавать въ распоряженіе Комитета—на усиленіе средствъ его по разсылкѣ книгъ. Всѣхъ лекцій предположено около 15-ти и изъ нихъ уже прочитаны двѣ лекціи, а именно: г. Боборыкина и гр. Комаровскаго, давшихъ чистаго дохода около 600 рублей

По выслушаніи этого заявленія, собраніе постановило просить Совѣтъ Комитета представить въ одно изъ слѣдующихъ засѣданій свои соображенія, весь-ли собранный такимъ путемъ капиталъ употребить на безплатную разсылку книгъ, или-же образовать изъ него особый фондъ и пользоваться для указанной цѣли только процентами съ него?

Затѣмъ были прочитаны доклады состоящихъ при Комитетѣ коммиссій: библіотечной, редакціонной и по воскреснымъ, вечернимъ и т. п. школамъ. Въ библіотечную коммиссію за послѣднее время поступила 21 просьба о высылкѣ библіотекъ; всѣ эти просьбы коммиссіей удовлетворены. Редакціонной коммиссіей предложены къ изданію слѣдующія книги: 1) Избранныя стихотворенія Плещеева; 2) Поэма Никитина «Кулакъ»; 3) «Морозъ красный носъ», поэма Некрасова въ сокращеніи; 4) Избранныя стихотворенія А. Толстого; 5) Поэмы Козлова: «Наталья Долгорукова» и «Чернецъ» и 6) брошюра Бажаева «О травосѣяніи». Двѣ послѣднія книжки Комитетъ постановилъ издать теперь-же, а относительно остальныхъ поручено войти въ соглашенія съ издателями. Дѣятельность коммиссіи по воскреснымъ, вечернимъ и т. п. школамъ выразилась до сихъ поръ въ работахъ по составленію программъ занятій въ воскресныхъ школахъ, книги для объяснительнаго чтенія, въ сношеніяхъ со многими изъ существующихъ воскресныхъ школъ и, наконецъ, въ выработкѣ формъ отчетности по веденію дѣла въ школахъ этого рода.

Наиболѣе интересную часть засѣданія составляли доклады: 1) Гебеля «Русское книжное дѣло за послѣднія пять лѣтъ» и 2) Смирнова «Къ вопросу о борьбѣ лубочниковъ и интеллигентныхъ изданій».

---

*) Коммиссія по вспомоществованію учащимся въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, закончила свои занятія еще къ 1-му сентября 1892 года. Отчетъ о дѣятельности этой коммиссіи Комитету будетъ доложенъ въ одно изъ слѣдующихъ засѣданій.

Воспользовавшись данными по обозрѣнію нашей печати, какъ книжной, такъ и журнально-газетной, которыя ежегодно помѣщаетъ г. Павленковъ въ журналѣ «Историческій Вѣстникъ», г. Гебель задался цѣлью прослѣдить по этимъ даннымъ: 1) движется-ли (впередъ или назадъ) наше книжное дѣло въ цѣломъ объемѣ и въ отдѣльныхъ своихъ отрасляхъ и 2) не имѣетъ-ли это движеніе характера нѣкоторой математической правильности, или-же идетъ неправильными скачками, не позволяющими предугадать ближайшаго будущаго изданій той или другой отрасли знаній и, наконецъ, 3) нельзя-ли съ извѣстной степенью вѣроятности угадать причины, вызывающія ростъ или паденіе книжнаго дѣла? Хотя матеріалы, помѣщенные г. Павленковымъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», обнимаютъ незначительный промежутокъ времени (1887—1891 г.), но все-таки они даютъ возможность сдѣлать нѣкоторые любопытные выводы по наиболѣе интереснымъ для Комитета грамотности вопросамъ.

Чтобы наиболѣе наглядно представить картину книжнаго дѣла, референтъ прибѣгаетъ къ графическому изображенію полученныхъ имъ чиселъ. Выводы, къ которымъ пришелъ референтъ, таковы: число сочиненій, всѣхъ родовъ вообще, за 5 лѣтъ увеличилось на 23%, причемъ количество русскихъ сочиненій увеличилось съ 5.442 до 6.588 и иностранныхъ съ 1.924 до 2.465. Что касается числа экземпляровъ русскихъ книгъ, то оказывается, что въ 1887 г. ихъ было издано 18,5 милліоновъ экземпляровъ; въ 1891—22,9 милліоновъ, т.-е. увеличеніе равняется 4,4 милліон. Нѣкоторое уменьшеніе числа экземпляровъ въ 1888 г. объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что 1887 г. былъ годомъ 50-лѣтія со смерти Пушкина, когда книжный рынокъ былъ переполненъ сочиненіями поэта, а именно: въ этомъ году было выпущено 163 его сочиненія въ 1.480 тысячахъ экземплярахъ, тогда какъ въ 1888 г. ихъ было издано всего лишь 326 тысячъ. Изслѣдуя русскія книги по отдѣламъ, референтъ располагаетъ ихъ въ слѣдующія группы: 1) Спеціально-научныя *) (1.300—1.760); 2) беллетристическія (780—900); 3) духовно-богословскія (700—830); 4) серьезное чтеніе, т.-е. историческія біографіи, педагогика, философскія, географическія и путешествія (700—860); 5) учебники (460—570); 6) справочныя (600—790). Значительно ниже стоятъ дѣтскія, народныя и лубочныя (90—220). Но порядокъ группъ рѣзко измѣняется, если распредѣлить эти книги по числу экземпляровъ: тогда на первомъ мѣстѣ будутъ стоять справочныя книги (отъ 3 до 4,2 милліоновъ), причемъ первенствующее мѣсто между ними занимаютъ календари (1,8 мил.—3 мил.), общее число которыхъ, русскихъ и иностранныхъ, въ 1891 г. достигло цыфры 4.576 тысячъ. Показанное число экземпляровъ справочныхъ книгъ на 600 тысячъ превышаетъ число экземпляровъ по отдѣлу беллетристики и серьезнаго чтенія, взятыхъ вмѣстѣ.

Изъ изслѣдованія референта вытекаетъ тотъ отрадный фактъ, что если и не безъ уклоненій, то все-таки постоянно увеличивается количество книгъ по группѣ серьезнаго чтенія, и въ ней—по спеціально научному отдѣлу. Дешевая народная литература—явленіе весьма недавняго происхожденія: первые прочные устои для нея были заложены фирмою «Посредникъ» въ 80-хъ годахъ, тогда какъ лубочная литература существуетъ съ незапамятныхъ вре-

*) Цыфры въ скобкахъ показываетъ число сочиненій въ 1887 г. и 1891 г.

менъ и успѣла уже создать себѣ громадный кругъ читателей, благодаря тому, между прочимъ, что множество офеней издавна разносили ея произведенія по всѣмъ уголкамъ громадной Россіи. Но вотъ возникаютъ первыя попытки дать народу лучшую книгу. Послѣ нѣсколькихъ неудачъ, попытки эти начинаютъ крѣпнуть, увеличиваются въ числѣ, обогащаются опытомъ. Дешевыя изданія сочиненій гр. Толстого, Тургенева, съ 1887 г.—Пушкина, съ 1891—Лермонтова прокладываютъ себѣ вѣрный путь въ избу русскаго народа и вступаютъ въ борьбу съ лубочной литературой. Діаграммы референта, относящіяся къ этому предмету, не даютъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ относительно значительности поступательнаго движенія дѣла изданія дешевыхъ народныхъ книгъ. Ломаная діаграммы, упавши въ 1888 году, когда рынокъ былъ переполненъ еще изданіями Пушкина, и въ 1889 г., когда въ печати и обществѣ стали раздаваться голоса, что польза дешевыхъ изданій сомнительна, что успѣхъ ихъ искусственно раздутъ и т. д., въ 1890 и въ особенности въ 1891 годахъ дѣлаетъ быстрый переходъ кверху, блестящимъ образомъ разсѣявъ всѣ сомнѣнія.

Неудержимой волной растетъ народная литература, какъ по числу сочиненій, такъ и по числу экземпляровъ, далеко оставляя за собой литературу лубочную, какъ, напр., въ 1891 году. Эти выводы по мнѣнію референта, съ достаточной степенью вѣроятности доказываютъ, что никогда уже лубочная литература не сравнится численностью съ дешевыми народными изданіями, а это обстоятельство, въ свою очередь, можетъ укрѣпить энергію учрежденій и лицъ, ставящихъ своей задачей «сѣять разумное, доброе, вѣчное». Рефератъ г. Гебеля былъ выслушанъ собраніемъ съ глубокимъ вниманіемъ. Въ одно изъ слѣдующихъ засѣданій докладчикъ обѣщалъ познакомить собраніе съ своими дальнѣйшими изслѣдованіями по данному вопросу и съ тѣми выводами, къ которымъ онъ пришелъ.

Рефератъ г. Смирнова, имѣющій своимъ предметомъ тотъ-же вопросъ о народной и лубочной литературѣ, представляетъ весьма цѣнное изслѣдованіе. Въ современной литературѣ, предназначенной для народа,—говоритъ референтъ,—можно прослѣдить два главнѣйшихъ теченія. Одно порождено стремленіемъ къ наживѣ, другое—безкорыстнымъ желаніемъ послужить народному просвѣщенію. Послѣднее теченіе еще 10—15 лѣтъ тому назадъ являлось только въ видѣ отдѣльныхъ, разрозненныхъ попытокъ изданія книгъ для народнаго чтенія и тонуло въ безбрежномъ морѣ лубочной литературы. Но въ настоящее время интересъ среди образованнаго общества по вопросу о народномъ чтеніи въ значительной степени усилился. Ежегодно появляются новыя издательскія фирмы, издается масса книгъ и частными лицами, и общественными учрежденіями. Поэтому желательно опредѣлить, въ какомъ отношеніи находятся два, указанныя выше, теченія. Нельзя-ли уже теперь замѣтить начинающійся упадокъ лубочной литературы подъ вліяніемъ конкурренціи со стороны интеллигентныхъ издателей? Указавъ далѣе на то, что въ литературѣ уже нѣсколько разъ поднимался этотъ вопросъ и что выводы, къ которымъ приходили изслѣдователи, часто противорѣчили другъ другу, докладчикъ останавливается на книгѣ г. Пругавина: «Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области умственнаго развитія и просвѣщенія». По разсчету автора книги, наши лубочники въ теченіе года продаютъ по крайней мѣрѣ 18—20 милл. экземпляровъ книгъ. Если *ежегодно* на

книжномъ рынкѣ расходится такое громадное количество народныхъ изданій, то, очевидно, что и на рынокъ ежегодно поступаетъ не меньшее количество экземпляровъ. Что-же значитъ въ сравненіи съ этой многомилліонной массой лубочныхъ изданій тѣ ничтожные десятки тысячъ книжекъ, которые издаетъ и распространяетъ въ народѣ образованное общество? Для сравненія г. Пругавинъ указываетъ на С.-Петербургскій Комитетъ грамотности: «35 книжекъ за 9 лѣтъ дѣятельности. Какъ-же расходятся эти книжки? За 1886 г. было продано всего 69.356 экз., въ 1887 г.—41.088, въ 1888 г.—47.700». На этомъ авторъ замолкаетъ, предоставляя читателю самому дѣлать выводы и сѣтовать на безсиліе образованнаго общества въ борьбѣ съ сѣрой лубочной литературой. Иначе смотритъ на этотъ вопросъ г. Павленковъ въ своей статьѣ: «Книжное дѣло и періодическія изданія въ Россіи въ 1891 году» («Историческій Вѣстникъ» іюнь и іюль 1892 г.). «Мы не можемъ,—говоритъ онъ,—пройти молчаніемъ отдѣлъ лубочныхъ и дешевыхъ изданій. Мы говорили, что борьба между этими изданіями началась, и высказали предположеніе о томъ, что побѣдителями должны остаться дешевыя и народныя изданія. Время этой побѣды, кажется, не особенно далеко и едва-ли лубочному рынку удастся удержать прежнюю позицію. Сопоставленіе лубочныхъ и дешевыхъ изданій является въ слѣдующемъ, утѣшительномъ для послѣднихъ, видѣ:

	Лубоч. изд.		Дешев. изд.	
1887 г.	—190 наз.	—1.689.400 экз.	146 наз.	—1.360.300 экз.
1888 »	— 88 »	— 766.200 »	125 »	— 812.800 »
1889 »	— 89 »	— 719.400 »	105 »	— 636.182 »
1890 »	— 89 »	— 717.840 »	158 »	— 945.880 »
1891 »	— 99 »	— 997.700 »	221 »	—1.720.040 »

Такимъ образомъ, данныя, собранныя этими двумя изслѣдователями, приводятъ ихъ къ столь разнорѣчивымъ выводамъ, что читатель не знаетъ, торжествовать-ли ему побѣду вмѣстѣ съ г. Павленковымъ, или предаться мрачному разочарованію съ г. Пругавинымъ? Но тутъ слѣдуетъ сдѣлать слѣдующее разъясненіе: г. Пругавинъ свои выводы, какъ онъ говоритъ, сдѣлалъ на основаніи показаній самихъ лубочниковъ, правдивость которыхъ подлежитъ, во всякомъ случаѣ, большому сомнѣнію; между тѣмъ какъ г. Павленковъ основывается исключительно на оффиціальныхъ данныхъ, что, несомнѣнно, дѣлаетъ его заключенія болѣе соотвѣтствующими дѣйствительности, хотя и они далеки отъ истины. Г. Павленковъ соединяетъ въ одну группу дешевыя и народныя изданія и противопоставляетъ ихъ изданіямъ лубочнымъ. Но такой пріемъ является совершенно произвольнымъ: несомнѣнно, напр., что въ группу дешевыхъ изданій слѣдуетъ отнести «Дешевую Библіотеку» Суворина; но развѣ «Фаустъ» Гете конкуррируетъ, напр., съ Англійскимъ милордомъ? или сочиненія Байрона, Шекспира и пр., изданныя Суворинымъ, разсчитаны на тѣхъ-же читателей, что и Бова Королевичъ? Даже многія изъ тѣхъ дешевыхъ изданій, которыя могли-бы конкуррировать съ лубочными изданіями, въ дѣйствительности съ ними не конкуррируютъ, такъ какъ расходятся среди читателей совсѣмъ иного круга: учащейся молодежи, небогатыхъ людей изъ средняго сословія и т. п. Вотъ почему изъ группы «Дешевыя и народныя изданія» надо исключить не одну сотню ты-

сячъ экземпляровъ, если желать правильнаго противопоставленія этой группы лубочнымъ изданіямъ. Несомнѣнность побѣды интеллигентныхъ изданій надъ лубочными такимъ образомъ значительно колеблется. Затѣмъ, что касается распредѣленія книгъ на группы, то г. Павленковъ не указываетъ намъ признаковъ, по которымъ онъ различаетъ лубочную книжку отъ нелубочной. По мнѣнію референта, лубочнымъ слѣдуетъ признать такое изданіе, которое исходитъ отъ фирмы, спеціально торгующей народными книгами исключительно изъ коммерческихъ цѣлей. Такимъ образомъ, Пушкинъ, изданный Губановымъ или Морозовымъ, будетъ лубочной книгой, изданный-же Суворинымъ, онъ будетъ дешевымъ изданіемъ, и если руководствоваться этою точкой зрѣнія, то, вѣроятно, не одну сотню тысячъ экземпляровъ придется перенести изъ группы дешевыхъ и народныхъ изданій въ группу лубочныхъ книгъ. Кромѣ того, никакихъ конечныхъ выводовъ по этому вопросу нельзя сдѣлать еще и потому, что положеніе борющихся сторонъ еще недостаточно опредѣлилось; можно подсчитать, какое количество изданій и экземпляровъ появилось для народнаго чтенія изъ среды интеллигенціи и какое количество ихъ выпущено лубочниками, но такое подсчитыванье имѣетъ очень мало значенія. Оно только въ такомъ случаѣ имѣло-бы смыслъ, если-бы вполнѣ твердо была опредѣлена однородность слагаемыхъ единицъ. У насъ часто думаютъ, что все, вышедшее изъ рукъ интеллигенціи, хорошо, а все изданное самими лубочниками—изъ рукъ вонъ плохо, между тѣмъ дѣло нерѣдко стоитъ совершенно иначе. Что скажутъ намъ однѣ голыя цыфры, гдѣ въ числѣ прискорбныхъ явленій могутъ фигурировать сочиненія Пушкина, или такія прекрасныя народныя сказки, какъ «Сказка о Маркѣ Богатомъ», а въ числѣ отрадныхъ явленій окажутся произведенія г. Поливанова или г-жи Щепкиной? Что, наконецъ, могутъ сказать цыфры сотенъ тысячъ ежегодно издаваемыхъ интеллигенціей книгъ, если мы не знаемъ, какое количество этихъ благонамѣренныхъ изданій гніетъ въ подвалахъ или раздается безплатно народу, предпочитающему, можетъ быть, не столь благонамѣренныя, но несравненно болѣе интересныя для него лубочныя изданія? Далѣе референтъ высказываетъ, что продолжительное наблюденіе надъ лубочной литературой и торговлей обнаруживаетъ слѣдующія явленія, могущія способствовать болѣе или менѣе правильному разрѣшенію вопроса о лубочной литературѣ. Явленія эти слѣдующія: 1) вліяніе русской и иностранной изящной литературы на изданія лубочниковъ; 2) участіе интеллигентныхъ силъ въ составленіи и передѣлкѣ лубочныхъ книжекъ и 3) союзъ интеллигентныхъ издателей съ лубочниками. Вліяніе русской изящной литературы на лубочный рынокъ сказывается весьма разнообразно: въ простой перепечаткѣ произведеній русскихъ писателей, въ передѣлкѣ этихъ произведеній, въ передѣлкѣ самихъ лубочныхъ изданій и, наконецъ, въ подражаніи этимъ произведеніямъ. Всѣ эти выводы докладчикъ подкрѣпляетъ многочисленными фактами. Обращаясь затѣмъ къ вопросу о воздѣйствіи интеллигенціи на лубочную литературу, онъ говоритъ, что это воздѣйствіе выражается прежде всего въ прямомъ участіи интеллигентныхъ силъ въ доставленіи лубочникамъ матеріала для изданій. Лубочники не чуждаются русской и иностранной изящной литературы, но они,—что вполнѣ естественно съ коммерческой точки зрѣнія,—хотятъ, чтобы работы ихъ сотрудниковъ обходились имъ какъ можно дешевле и чтобы матеріалъ, доставляемый этими сотрудниками, охотно раскупался крестьянами. Если интеллигенція способна на са-

моотверженный, безплатный или почти безплатный трудъ на пользу народную и если она способна доставлять лубочникамъ для изданія матеріалъ, который читался-бы крестьянами съ неменьшимъ удовольствіемъ, чѣмъ Англійскій милордъ и т. п., то побѣда ея упрочена. Вѣдь не платоническія-же симпатіи привязываютъ лубочниковъ къ различнымъ гг. Суворовымъ, Волгинымъ, Евстигнѣевымъ, а единственно дешевизна ихъ трудовъ, нравящихся притомъ простому народу. Къ сожалѣнію, мысль объ этомъ прямомъ и естественномъ пути для воздѣйствія на лубочный рынокъ еще недостаточно проникла въ сознаніе образованнаго общества.

Особой формой воздѣйствія образованнаго общества на лубочную торговлю является союзъ лубочниковъ съ интеллигентными издателями. Главной чертой подобнаго рода союзовъ служитъ то, что книжки этихъ издателей печатаются въ типографіи главнаго московскаго лубочника Сытина и продаются въ его книжномъ складѣ. Такіе союзы въ настоящее время заключены съ Сытинымъ фирмами: «Посредникъ», «Правда» и Московскимъ Комитетомъ грамотности. Благодаря этому, крестьянинъ или торговецъ, зайдя въ московскую лавку Сытина, найдетъ въ ней для выбора едва-ли не болѣе книгъ интеллигентныхъ издателей, чѣмъ изданій лубочныхъ. Далѣе, говоря объ интеллигентныхъ изданіяхъ, референтъ замѣчаетъ, что интеллигентные издатели ежегодно выпускаютъ массу книгъ, но до нихъ только изрѣдка доходятъ отрывочныя и часто субъективныя мнѣнія о томъ, какъ принимаются эти книги народомъ. Что изъ того, что интеллигенція ежегодно издаетъ сотни тысячъ экземпляровъ, когда, можетъ быть, большая часть ихъ раздается безплатно или раскупается самой интеллигенціей? Въ томъ-то и преимущество лубочниковъ, что они чутко слѣдятъ за своими покупателями, знаютъ, что имъ нравится и не нравится, и хотя часто дѣйствуютъ на низшіе инстинкты народа, но дѣйствуютъ, повидимому, безошибочно. Безъ точныхъ свѣдѣній о томъ, какое количество книгъ интеллигентныхъ издателей ежегодно покупается *самимъ* народомъ, мы никогда не будемъ въ состояніи болѣе или менѣе точно знать, насколько успѣшно эти книги конкуррируютъ съ лубочными изданіями. Замѣной этихъ важныхъ данныхъ является до нѣкоторой степени собираніе свѣдѣній объ отношеніи народа къ чтенію вообще и къ тѣмъ или другимъ книгамъ въ частности. Дѣлу этому уже положено начало въ трудахъ московскаго и вятскаго земствъ, Мичурина, г-жи Алчевской, гг. Пругавина, Рубакина, Тарутина и Московскаго Комитета грамотности, предпринявшаго систематическое собираніе подобнаго рода свѣдѣній. Уже теперь намѣчается возможность нѣкоторыхъ выводовъ. Но эти выводы никогда не будутъ полны и точны безъ фактическихъ свѣдѣній о томъ, какое количество интеллигентныхъ и лубочныхъ изданій обращается въ средѣ простого народа.

Разсматриваніе путей, которыми можетъ быть достигнуто ясное представленіе о ходѣ борьбы интеллигентнаго и коммерческаго началъ въ дѣлѣ снабженія народа книгами для чтенія приводитъ къ выводу о полной неудовлетворительности методовъ, практикующихся съ этой цѣлью въ настоящее время. Не простое подсчитываніе нужно для этого, а пристальное и глубокое изученіе того, что подсчитывается, какъ со стороны внутренняго содержанія, такъ и со стороны того впечатлѣнія, которое производитъ на народъ форма этого содержанія. Послѣ такого изученія цыфры получатъ иной смыслъ, сое-

динятся въ иныя группы и дадутъ возможность для выводовъ, имѣющихъ уже серьезную убѣдительность. По мнѣнію референта, въ настоящее время можно констатировать начавшееся броженіе уже въ средѣ самихъ лубочниковъ. Старыя традиціи лубочниковъ подрываются, замѣчаются новыя теченія, чувствуется присутствіе новой жизни, новыхъ вліяній. Все это еще не перебродило, не приняло опредѣленныхъ формъ, во всемъ этомъ видно неудовлетвореніе старымъ, исканіе новыхъ путей, которые, однако-же, никогда не будутъ найдены, если интеллигенція будетъ относиться къ лубочной литературѣ съ тѣмъ традиціоннымъ презрѣніемъ, которое сквозитъ въ трудахъ гг. Павленкова и Пругавина и которое болѣе всего мертвитъ свободный духъ живого изслѣдованія истины.

Доклады гг. Гебеля и Смирнова вызвали довольно оживленныя пренія. Въ заключеніе собраніе постановило: поручить редакціонной коммиссіи разработать вопросъ, какимъ образомъ Комитетъ грамотности могъ-бы придти на помощь лубочникамъ по части изданія народныхъ книгъ?

Въ настоящемъ-же собраніи было принято предложеніе В. П. Вахтерова — обратиться съ ходатайствомъ въ подлежащія сферы о сокращеніи срока авторской собственности, чтобы такимъ образомъ ускорить удешевленіе произведеній многихъ нашихъ писателей и сдѣлать ихъ доступными для большинства. Комитетъ постановилъ, для большей успѣшности этого ходатайства, войти въ соглашеніе съ другими учрежденіями, заинтересованными вопросомъ, какъ-то: С.-Петербургскимъ Комитетомъ грамотности, Обществомъ любителей россійской словесности и Обществомъ любителей духовнаго просвѣщенія.

Н. Т—въ.

Засѣданія общепедагогическаго отдѣла Педагогическаго музея.

Засѣданіе 28-го ноября 1892 года.

Предсѣдательствовалъ генералъ-маіоръ *А. Н. Макаровъ.*

Занятія состояли въ слѣдующемъ:

1) Прочтенъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія.

2) Г. *Каптеревъ* предложилъ гг. присутствующимъ докладъ по вопросу о томъ, что можетъ сдѣлать школа для развитія характера учащихся. Тезисы этого доклада были разосланы г. членамъ за недѣлю до засѣданія для предварительнаго ознакомленія съ ними.

Въ настоящее время какъ въ обществѣ, такъ и въ прессѣ слышатся частыя жалобы на недостатокъ въ Россіи людей, отличающихся сильными характерами, выдержкою въ своемъ образѣ дѣйствій. Указываютъ на то, что громадныя естественныя богатства Россіи остаются неутилизованными за недостаткомъ предпріимчивости; по той же причинѣ наши торговцы не только не ищутъ новыхъ рынковъ для сбыта своихъ товаровъ, но упускаютъ и тѣ, которыми владѣли прежде; создается у насъ много обществъ съ прекрасными цѣлями, члены ихъ горячо принимаются за дѣло, но скоро послѣ остываютъ и дѣятельность этихъ обществъ сводится къ нулю; вслѣдствіе того-же недостатка предпріимчивости наша молодежь, только-что окон-

чившая курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, обыкновенно осѣдаетъ въ канцеляріяхъ, обнаруживая такимъ образомъ несоотвѣтствіе своихъ теоретическихъ идеаловъ съ ихъ практическимъ осуществленіемъ. Мы не любимъ черновой работы, за недостаткомъ которой терпятъ ущербъ и самые идеалы.

Въ настоящее время жизнь требуетъ сильныхъ характеровъ, иниціативы, а чуждаться жизни не должна и школа: педагоги обязаны серьезно отнестись къ этой серьезной общественной потребности. Такое отношеніе необходимо и съ точки зрѣнія индивидуальной психологіи. Школа должна развивать не только умъ, но и энергію питомцевъ: въ будущемъ для нихъ мало однихъ хорошихъ словъ, нужна и настойчивость въ дѣятельности, такъ какъ характеромъ и настойчивостью опредѣлится главнымъ образомъ и ихъ будущее положеніе въ обществѣ.

На складъ характера имѣетъ вліяніе и историческое прошлое, и современный государственный и общественный строй, и строй семейной жизни, и наслѣдственность, а слѣдовательно, причины, обусловливающія развитіе характера, очень разнообразны и могучи.

Школа въ сравненіи съ такими могучими причинами представляется очень малой величиной, но и она кой-что можетъ сдѣлать въ отношеніи развитія характера учащихся. Не надо забывать, что учащійся проводитъ въ школѣ отъ 7 до 10 лѣтъ своей жизни, въ томъ возрастѣ, когда онъ еще только формируется физически и психически, когда у него такъ сильна впечатлительность. Если школа постоянно будетъ вліять въ опредѣленномъ направленіи, то ея вліяніе отзовется и на будущемъ учащихся. Мы, педагоги, должны помочь развитію характера путемъ школы. Въ этомъ отношеніи намъ слѣдуетъ поступать, какъ поступаютъ скупцы, которые по грошамъ собираютъ цѣлое богатство: сразу мы ничего не достигнемъ.

Въ виду нашей цѣли мы разсмотримъ школу съ двухъ точекъ зрѣнія и поставимъ два вопроса: что можетъ дать школьная жизнь: 1) своимъ *ученіемъ* и 2) своею *дисциплиною?*

Съ учебной стороны важно обращать вниманіе не только на *результаты* ученія, т.-е. на успѣхи, и не только на *способности* учащихся, но также и на *настойчивость* въ пріобрѣтеніи знаній. Извѣстно, что надъ усвоеніемъ одного и того-же урока одинъ ученикъ работаетъ больше, а другой меньше, смотря по способностямъ. На сторону усилія, затрачиваемаго при усвоеніи, и слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе, такъ какъ отъ способности дѣлать такого рода усиліе зависитъ дальнѣйшая судьба человѣка: кто не научился работать въ школѣ, изъ того не выйдетъ и въ будущемъ серьезнаго работника. Хотя въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ и существуетъ отмѣтка за прилежаніе, но она выставляется болѣе или менѣе формально; въ сущности-же на степень усилія при работѣ обращается мало вниманія.

Намъ памятенъ фактъ изъ педагогическаго прошлаго.

Заданъ былъ урокъ, довольно трудный даже и для способнаго ученика. Вызванъ ученикъ среднихъ способностей и отвѣчаетъ неудовлетворительно; учитель ставитъ ему неудовлетворительную отмѣтку. «Я старался, да не могъ справиться!» оправдывается ученикъ, а учитель отвѣчаетъ ему: «мнѣ до этого дѣла нѣтъ! Скажите г. инспектору: пусть онъ прибавитъ вамъ баллъ за поведеніе»...

Въ области обученія наибольшее вліяніе на характеръ учащихся имѣетъ систематическое знаніе. Отличительными и существенными свойствами характера являются иниціатива и выдержка. Но эти свойства по существу своему формальны: оба они одинаково могутъ проявляться и въ добрѣ, и въ злѣ. Для того, чтобы направить характеръ на настоящій путь, нужны руководящіе принципы, которыхъ не даетъ отрывочное и формальное знаніе. Мы называемъ знаніе отрывочнымъ, во-первыхъ, тогда, когда въ немъ нѣтъ цѣльности, для достиженія которой слѣдуетъ знакомить учащихся съ особенностями фактовъ и методовъ изученія предмета; а во-вторыхъ, тогда, когда въ курсѣ замѣчается отсутствіе связи между предметами обученія. Мы называемъ знаніе формальнымъ, когда учебные предметы развиваютъ исключительно отвлеченное мышленіе, но не даютъ руководящихъ началъ для дѣятельности: такъ, напримѣръ, курсъ, состоящій только изъ математики и языковъ, не въ состояніи дать надлежащаго міровоззрѣнія.

Надо, чтобы учащіеся стали понимать свои жизненныя обязанности. Въ настоящее время ихъ мало интересуютъ вопросы о томъ, каковы должны быть отношенія личности къ обществу, мало интересуютъ вопросы о добрѣ и злѣ: все подобное въ ихъ глазахъ является чѣмъ-то метафизическимъ. Знаніе должно дать основы ихъ міровоззрѣнію; въ курсъ слѣдуетъ внести философскій элементъ, надо сообщить учащимся свѣдѣнія о началахъ нравственной дѣятельности человѣка.

Другая сторона школьной жизни заключается въ дисциплинѣ.

Но и въ дисциплинарной сторонѣ тоже цѣнятся результаты, а не внутренняя работа. При обсужденіи вопроса о поведеніи ученика обыкновенно ищутъ, совершилъ-ли онъ какіе-нибудь проступки и, если совершилъ, то сколько именно. Для рѣшенія вопроса воспитатели обращаются къ собственной памяти или къ помощи такъ - называемаго штрафного журнала, и если ни тотъ, ни другой источникъ не указываютъ на факты нарушенія правилъ, поведеніе признается отличнымъ. При такомъ обсужденіи не обращаютъ вниманія на то, что отсутствіе записей можетъ происходить и отъ сознательнаго ненарушенія правилъ, и отъ страха наказанія, и отъ умѣнья скрыть слѣды проступка. Справедливо-ли при такомъ различіи мотивовъ подводить всѣхъ незаписанныхъ подъ одну категорію? Необходимо обращать вниманіе на ихъ внутреннюю работу надъ собою.

Приведемъ примѣръ. Въ школу поступаютъ два мальчика: одинъ изъ такой семьи, которая не могла развить въ немъ хорошихъ задатковъ, другой изъ очень хорошей, нравственной семьи. Первый начинаетъ работать надъ своими недостатками и мало-по-малу дорабатывается до 4-хъ балловъ за поведеніе; другой, сначала образцовый по поведенію ученикъ, начинаетъ портиться подъ неблагопріятнымъ вліяніемъ нѣкоторыхъ товарищей, и съ 5 балловъ переходитъ на четыре. Развѣ можно отождествлять ихъ, т.-е., иначе, отождествлять возвышеніе и паденіе, нравственную энергію и распущенность? Развѣ можно игнорировать ту работу надъ собой, которая совершается въ первомъ изъ учениковъ?

Дисциплина въ нашей школѣ обыкновенно исчерпывается приказаніями со стороны начальства и обязанностью повиноваться со стороны учениковъ; но такія формальныя, внѣшнія условія, конечно, не имѣютъ истинно педагогическаго значенія.

*

Необходимо обращать вниманіе на слабые и сильные характеры.

Если въ слабыхъ по характеру ученикахъ не возбуждать способности противодѣйствія, то такіе характеры будутъ раздавлены подъ напоромъ посторонних силъ; недостатокъ культуры характера такъ-же важенъ, какъ и недостатокъ умственной культуры.

Изъ сильныхъ по характеру учениковъ обыкновенно вырабатываются вожаки, на которыхъ слѣдуетъ вліять сдерживающимъ образомъ, потому что они способны перейти границы возможнаго.

Для развитія иниціативы и настойчивости желательно, чтобы образовались въ школѣ кружки для физическаго и умственнаго спорта: всякое дѣло, нами самими начатое, развиваетъ въ насъ довѣріе къ своимъ силамъ. Такого рода спортъ сильно развитъ въ англійскихъ школахъ, но онъ не противорѣчитъ и нашему національному складу: онъ имѣетъ не только національное, но и общечеловѣческое значеніе. Подъ такимъ спортомъ мы разумѣемъ, напр., греблю, экскурсіи, изученіе ремеслъ, искусствъ, языковъ и т. д.

По этому докладу были поставлены слѣдующіе тезисы:

1) При учебныхъ занятіяхъ учащихся школа должна обращать тщательное вниманіе не только на результаты обученія—на успѣхи, но и на самый процессъ пріобрѣтенія знаній, на степень настойчивости и энергіи, проявляемыхъ учащимися въ дѣлѣ пріобрѣтенія знаній и всячески поощрять настойчивость и энергію.

2) Для благотворнаго вліянія на развитіе характера сообщаемое въ школахъ знаніе не должно быть отрывочнымъ и формальнымъ, но связнымъ и цѣльнымъ, дающимъ достаточныя основы для положительнаго міровоззрѣнія учащихся.

3) Школьная дисциплина должна ставить своею цѣлью развитіе не исполнительности и послушанія, а способности самоуправленія учащихся и ихъ поведеніе оцѣнивать по ихъ работѣ надъ собственнымъ самоусовершенствованіемъ, а не по количеству дисциплинарныхъ проступковъ и записей въ штрафномъ журналѣ.

4) Сильные и слабые характеромъ учащіеся должны привлекать къ себѣ такое-же внимательное отношеніе педагогическаго персонала школы, какое привлекаютъ талантливые и слабые по успѣхамъ учащіеся.

5) Школа должна поощрять образованіе среди учащихся обществъ, имѣющихъ цѣлью физическій или умственный спортъ.

Послѣ небольшого перерыва г. *предсѣдатель* предложилъ приступить къ обсужденію доклада въ цѣломъ, по существу, а затѣмъ перейти къ обсужденію отдѣльныхъ положеній.

Г. *Сиповскій*, вполнѣ раздѣляя взглядъ г. докладчика на необходимость развитія характера учащихся, замѣтилъ, что въ докладѣ не намѣчено мѣръ для наблюденія за такимъ развитіемъ.

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе г. *Каптеревъ* высказалъ, что преподавателямъ слѣдуетъ отмѣчать не только результаты, но и самый процессъ усвоенія знаній, степень настойчивости и энергіи въ работѣ; въ этомъ отношеніи преподавателямъ могли-бы помочь своими наблюденіями и интеллигентные воспитатели.

Г. *Маляревскій* спросилъ, какъ слѣдуетъ опредѣлять безхарактерность ребенка?

Г. *докладчикъ* отвѣтилъ, что, съ психологической стороны, характеръ опредѣляется двумя признаками: инищативою и настойчивостью, и что, слѣдовательно, отсутствіе этихъ признаковъ указываетъ на безхарактерность

Тогда г. *Маляревскій* предложилъ вопросъ о томъ, можетъ-ли школа дѣйствовать на развитіе характера, не зная причинъ безхарактерности? На это было отвѣчено, что руководящіе воспитаніемъ должны отыскать эти причины (г. *Каптеревъ*), а также, что и врачи иногда, не зная причины болѣзни, тѣмъ не менѣе знаютъ средства, ей противодѣйствующія (г. *Сиповскій*).

Г. *Модзалевскій*, высказавши полное сочувствіе общей постановкѣ вопроса, выразилъ желаніе съ своей стороны только помочь его выясненію, освѣтить одну изъ его сторонъ. По мнѣнію г. Модзалевскаго, настоящій строй школы неудобенъ для развитія характера учащихся; въ прежней школѣ было больше простора для личной инищативы, а теперь все время учащихся поглощено одними только обязательными занятіями; учащимся некогда заниматься чѣмъ-нибудь другимъ, хотя-бы, напр., физическимъ и умственнымъ спортомъ, на который указано въ докладѣ. Ученики становятся пассивными, потому что завалены умственною работою.

Д-ръ *Дегтяревъ* высказалъ, что взгляды, выраженные въ докладѣ, и поставленные г. Каптеревымъ тезисы заслуживаютъ глубокаго анализа, что самый докладъ является вполнѣ своевременной попыткой поставить вопросъ на психологическую почву, и что въ сообщеніи намѣчены и пути, ведущіе къ достиженію предположенной цѣли: необходимость обращать вниманіе на самый процессъ пріобрѣтенія знаній, необходимость создать цѣльный и связный курсъ и необходимость развить самоопредѣленіе учащихся. Это развитіе самодисциплины, самоопредѣляемости учащихся имѣетъ большое значеніе и въ отношеніи ихъ здоровья. При такомъ развитіи можно разсчитывать на ослабленіе истеричности въ средѣ учащихся, на уменьшеніе цѣлой серіи припадковъ. Конечно, проведеніе такихъ взглядовъ въ школьную жизнь встрѣтитъ большія затрудненія, потому что придется бороться съ цѣлымъ строемъ установившихся учебныхъ курсовъ и программъ обученія. Но если-бы всѣ педагоги прониклись изложенными взглядами, то и школа стала-бы лучше: идеи, высказанныя въ докладѣ, даютъ почву для новой школы.

Затѣмъ собраніе приступило къ обсужденію отдѣльныхъ тезисовъ.

По *первому* тезису г. *Руссетъ* высказалъ, что проведеніе такого принципа въ жизнь школы очень желательно, но что это возможно только при томъ условіи, чтобы учителя сдѣлались истинными педагогами и не отнеслись-бы только формально къ высказанному въ первомъ тезисѣ требованію. Къ сожалѣнію, въ настоящее время многіе изъ преподавателей сторонятся отъ учениковъ и, оцѣнивая ихъ успѣхи, предоставляютъ воспитателямъ и начальству разбирать и обсуждать все остальное, что совершается въ классѣ и внѣ его.

Д-ръ *Дегтяревъ* замѣтилъ, что степень настойчивости и энергіи обусловливается иногда не только психическими, но и физіологическими, и даже грубо физіологическими причинами, для распознанія и опредѣленія которыхъ педагогъ нуждается въ другѣ—врачѣ.

Г. *Каптеревъ* выразилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы участіе врача въ разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ было практически осуществимо, во-первыхъ,

потому, что врачъ не можетъ присутствовать въ классѣ, а во-вторыхъ, потому, что врачъ одинъ на все заведеніе, а такого рода наблюденія дѣлаются всѣми учителями въ совокупности.

Д-ръ *Дегтяревъ* отвѣтилъ, что врачъ долженъ быть непремѣнно членомъ педагогическаго совѣта, засѣданія котораго должны происходить еженедѣльно. Кромѣ того, врачъ, заботящійся о школьной гигіенѣ, можетъ обойти и осмотрѣть заведеніе и безъ педагога, принять мѣры по вентиляціи, дезинфекціи, приготовленію пищи и т. д. Если педагогъ заподозритъ, что недостатокъ энергіи учащагося зависитъ отъ физическихъ причинъ, то онъ и приведетъ къ врачу такого ученика. Конечно, при этихъ условіяхъ дѣятельности врача и положеніе его въ школѣ должно измѣниться: онъ долженъ быть обезпеченъ не только матеріально, но и нравственно.

А. Н. Острогорскій, исходя изъ перваго тезиса, высказалъ вообще свой взглядъ на характеръ предложенныхъ тезисовъ; въ нихъ говорится о цѣляхъ, но не говорится о средствахъ для ихъ достиженія. Одна изъ женщинъ-педагоговъ, прочитавъ эти тезисы, сказала: «мы знаемъ это! объ этомъ говорилось и въ курсѣ педагогики, да практика-то очень далека отъ этого!» И дѣйствительно, въ цѣляхъ мы сходимся всѣ, но въ средствахъ врядъ-ли сойдемся, а слѣдовательно, и не достигнемъ фактическаго результата. Было время, когда говорили, что система задаванія уроковъ «отселѣ—доселѣ» вырабатываетъ характеръ, но такъ-ли это? Заставлять ученика много работать, можетъ быть, и вредно.

Изъ дальнѣйшей бесѣды выяснилось, что г. Острогорскій возстаетъ противъ слишкомъ общихъ положеній, къ которымъ самъ референтъ приходитъ, конечно, путемъ долгаго труда и серьезнаго размышленія, но которыя, будучи сами по себѣ очень хорошими, вслѣдствіе своей общности кажутся читателю извѣстными и не интересуютъ его за отсутствіемъ указаній на то, какъ приложить ихъ на практикѣ.

Г. *Каптеревъ* замѣтилъ, что при содѣйствіи воспитательнаго персонала можно опредѣлить и степень энергіи въ работѣ: задача, конечно, трудная, но разрѣшимая.

Г. *Воскресенскій* указалъ на факты изъ недавняго педагогическаго прошлаго. При обсужденіи вопроса о классической системѣ образованія, въ защиту ея указывалось, главнымъ образомъ, на то, что она развиваетъ настойчивость и энергію, но практика не оправдала этихъ ожиданій. На ряду съ классическою возникла и другая система возбужденія интереса въ учащихся, безъ чего, какъ говорили защитники этой системы, невозможно развить въ дѣтяхъ самодѣятельности и энергіи. Оказалось, что вмѣсто развитія самодѣятельности и энергіи новая система убила ихъ. Оба пути не привели къ предположенной цѣли, и мы оказались вращающимися въ логическомъ кругу.

Г. *Каптеревъ* замѣтилъ, что нельзя противополагать другъ другу *интересъ* и *классическую систему*: нѣтъ никакого сомнѣнія, что изученіе классическихъ языковъ развиваетъ настойчивость, и если цѣль не была достигнута, то это зависѣло отъ самой постановки вопроса.

Г. *Воскресенскій* отвѣтилъ, что онъ противопоставляетъ другъ другу самыя основанія обѣихъ системъ: одна, т.-е. классическая, основывается на авторитетѣ, а другая на интересѣ. Причины неудачи, можетъ быть, заключались въ непониманіи природы ребенка. Врядъ-ли можно вызвать интересъ

къ знанію въ дитяти 6—7 лѣтъ, и, можетъ быть, для достиженія цѣли нужна третья, еще не найденная система.

Г. *Струве* высказалъ, что для развитія настойчивости въ пріобрѣтеніи знаній наиболѣе важную роль играетъ самый методъ обученія и что оцѣнивать отмѣтками необходимо не только настойчивость, но и успѣхи: не будетъ пользы въ томъ, что ученикъ работаетъ очень настойчиво, если онъ никакихъ успѣховъ не оказываетъ.

Г. *Каптеревъ* заявилъ, что онъ имѣлъ въ виду опредѣлить субъективное отношеніе преподавателя къ учащимся. Конечно, весьма возможно, что оба фактора, т.-е. настойчивость въ работѣ и успѣшность, не совпадутъ; но поэтому-то онъ и предлагаетъ сдѣлать курсъ подвижнымъ, опредѣливши для каждаго ученика minimum и maximum того, что онъ въ состояніи усвоить изъ курса. Если даже и пришлось-бы до окончанія курса удалить ученика за безуспѣшность, то онъ все-таки недаромъ пробылъ въ школѣ и пріобрѣлъ драгоцѣнное качество—энергію воли.

Въ общемъ выводѣ, первый тезисъ былъ признанъ имѣющимъ не только теоретическое, но и практическое значеніе.

Засѣданіе 12-го декабря 1892 года.

Предсѣдательствовалъ генералъ-маіоръ *А. Н. Макаровъ*.

Занятія состояли въ слѣдующемъ:

1) Прочтенъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія.

2) Приступлено было къ преніямъ по остальнымъ тезисамъ доклада г. Каптерева.

Г-жа *Угрюмова* познакомила присутствующихъ съ тѣми пріемами, которые она прилагаетъ въ собственной школѣ и которые, по ея мнѣнію, содѣйствуютъ развитію ума и характера учащихся. Въ этой школѣ старшіе по очереди спрашиваютъ уроки у младшихъ, помогаютъ младшимъ въ приготовленіи уроковъ, объясняютъ непонятое. Все это происходитъ подъ надзоромъ и при участіи учительницы. При такомъ взаимномъ обученіи прочно усвоивается учебный матеріалъ, сокращается время на повтореніе, развивается самостоятельность учащихся, устанавливаются между ними хорошія отношенія, сохраняется здоровье учителя вслѣдствіе облегченія его труда, и будущія матери подготовляются къ обученію дѣтей.

Докторъ *Виреніусъ* одобрилъ такую Белль-Ланкастерскую систему съ гигіенической точки зрѣнія и напомнилъ, что ланкастерскія школы, хотя и вызванныя необходимостью, т.-е. недостаткомъ учителей, приходили къ удовлетворительнымъ результатамъ. Съ гигіенической точки зрѣнія желательно и въ настоящее время примѣненіе этой системы: ученики, раздѣленные на небольшія группы, занимались въ обширномъ помѣщеніи, азбукѣ учились по буквамъ, изображеннымъ на стѣнахъ, сидячихъ занятій было немного, такъ что въ классѣ было достаточно воздуху, зрѣніе упражнялось на отдаленныхъ предметахъ, не было страданій позвоночника.

Г. *предсѣдатель* замѣтилъ, что обсужденіе достоинствъ и недостатковъ ланкастерской системы отвлечетъ отъ поставленнаго въ рефератѣ вопроса.

Г. *Каптеревъ* высказалъ, что указанные пріемы обученія не развива-

ютъ настойчивости и самостоятельности, такъ какъ обучающіе являются только простыми передатчиками свѣдѣній.

Г. *Модзалевскій* нашелъ этотъ опытъ интереснымъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ, что онъ примѣнимъ только къ небольшимъ школамъ семейнаго характера. Примѣненіе его въ крупныхъ размѣрахъ нежелательно: если при этомъ авдиторы и выигрываютъ, то несомнѣнно проигрываютъ учащіеся, да и родители не пожелаютъ отдавать своихъ дѣтей на выучку такимъ новичкамъ: многіе изъ нихъ и къ молодымъ преподавателямъ относятся недовѣрчиво. Ланкастерская школа представляетъ выгоды въ экономическомъ отношеніи, но не годится какъ школа, содѣйствующая развитію характера. Извѣстно, что авдиторство приводило старшихъ къ злоупотребленіямъ.

Г. *предсѣдатель* нашелъ желательнымъ, чтобы взаимопомочь развивалась въ школѣ.

Г. *Модзалевскій* дополнилъ, что въ школѣ желательно было-бы ознакомить учащихся съ общими философскими понятіями, помочь юношамъ выработать правильное міровоззрѣніе. Въ старыхъ школахъ считали нужнымъ знакомить воспитанниковъ съ обязанностями человѣка и гражданина; въ настоящее время учащіеся не выносятъ идеаловъ даже изъ курса словесности, вслѣдствіе крайней его ограниченности.

Г. *Каптеревъ* высказался за введеніе этики въ школу.

Г. *Руссетъ* замѣтилъ, что въ военно-учебныя заведенія введено ученіе о нравственности, правѣ и общежитіи, но введено недавно, такъ что о результатахъ судить еще слишкомъ рано. Замѣчено только, что этотъ курсъ усвояется слабо.

Г. *предсѣдатель* замѣтилъ, что вопросы общественные, вопросы права и нравственности интересуютъ учениковъ, что курсъ, расширяющій ихъ міровоззрѣніе, можетъ быть полезенъ въ старшихъ классахъ; но что съ такимъ курсомъ несовмѣстимы экзамены и оцѣнка успѣховъ баллами. Онъ долженъ сводиться къ бесѣдамъ съ учащимися. Практическое осуществленіе такого курса, конечно, трудно, такъ какъ онъ требуетъ отъ преподавателя особой подготовки и особыхъ способностей.

Г. *Модзалевскій* замѣтилъ, что подобныя бесѣды приходится вести и въ настоящее время законоучителямъ и преподавателямъ словесности и исторіи, но, что, конечно, эти бесѣды представляютъ случайное явленіе.

Большинство присутствующихъ высказалось за желательность подобныхъ курсовъ, но при отсутствіи обязательности.

По третьему тезису г. *Модзалевскій* замѣтилъ, что въ немъ слишкомъ рѣзко противопоставлены два принципа и предложилъ сдѣлать поправку: «школьная дисциплина должна ставить цѣлью *не только* исполнительность и послушаніе, *но и* способность самоуправленія»; въ неразумномъ возрастѣ нужно развить повиновеніе авторитету.

Г. *предсѣдатель* замѣтилъ, что безупречные по послушанію и исполнительности въ стѣнахъ интерната воспитанники очень часто по выходѣ изъ школы не оправдываютъ возлагавшихся на нихъ надеждъ, являются блѣдными личностями, безъ всякихъ задатковъ самостоятельности, и часто со стороны нравственной послушные оказываются хуже тѣхъ, которые считались въ школѣ трудными субъектами. Поэтому г. предсѣдатель предложилъ замѣнить слова: «*не только... но и...*» словами «*не столько... сколько...*»

Г. *Каптеревъ* предложилъ вовсе опустить слова: «*исполнительности и послушанія*».

Собраніе согласилось съ редакціею, предложенною г. предсѣдателемъ.

По четвертому тезису г. *Виреніусъ* предложилъ вопросъ: не слѣдуетъ-ли школѣ вообще обращать бóльшее вниманіе на слабыхъ учениковъ, такъ какъ талантливые и сильные характеромъ сами могутъ достигнуть цѣли.

Въ отвѣтъ на это г. *Каптеревъ* возразилъ, что таланты—соль земли, но что школа обращаетъ на нихъ мало вниманія, между тѣмъ какъ талантливые также и въ той-же степени нуждаются въ руководствѣ, какъ и слабые.

На замѣчаніе г. *Модзалевскаго*, что часто таланты именно и гибнутъ отъ безхарактерности, г. *Виреніусъ* возразилъ, что всѣ учащіеся безразлично гибнутъ отъ ненормальнаго устройства школы.

Предложено было измѣнить окончаніе четвертаго тезиса такъ: «какое *въ настоящее время* привлекаютъ талантливые и *слабо-одаренные* ученики».

Собраніе согласилось съ такою редакціею.

По пятому тезису г. *Виреніусъ* замѣтилъ, что въ настоящее время еще не проведено строгой границы между характеромъ и темпераментомъ, но что многочисленными наблюденіями установлена тѣсная связь между крѣпкою мускулатурою и твердымъ характеромъ.

Во избѣжаніе недоразумѣній, вызываемыхъ словомъ *спортъ*, предложено было пятый тезисъ редактировать такъ: «школа должна поощрять образованіе среди учащихся обществъ, имѣющихъ цѣлью состязаніе, какъ физическое, такъ и умственное».

Съ такою редакціею согласился г. референтъ и присутствующіе члены.

В. Г.

Проектъ положенія о состоящемъ при Педагогическомъ Музеѣ „Отдѣлѣ Коменскаго".

(Утвержд. въ засѣданіи Отдѣла 21 декабря 1892 года).

§ 1. Отдѣлъ Коменскаго, составляя особую секцію учебно-воспитательнаго Комитета при Педагогическомъ Музеѣ военно-учебныхъ заведеній, учрежденъ въ память великаго славянскаго педагога Яна Амоса Коменскаго, имя котораго и присвоивается сему Отдѣлу.

§ 2. Главнѣйшею цѣлью Отдѣла служитъ распространеніе педагогическихъ идей Коменскаго среди отечественныхъ педагоговъ и среди образованнаго русскаго общества вообще.

§ 3. Ближайшую задачу Отдѣла составляетъ изданіе главнѣйшихъ педагогическихъ и философскихъ сочиненій Коменскаго въ русскомъ переводѣ, а равно и важнѣйшихъ сочиненій о Коменскомъ, по наиболѣе доступнымъ цѣнамъ.

§ 4. По выполненіи этой задачи, Отдѣлъ предпринимаетъ изданіе и распространеніе и другихъ классическихъ писателей по педагогикѣ какъ *до*, такъ и *послѣ* Коменскаго, по мѣрѣ имѣющихся на это средствъ.

§ 5. Выборъ сочиненій для изданія опредѣляется членами Отдѣла въ ихъ засѣданіяхъ, причемъ каждое такое сочиненіе предварительно передается на разсмотрѣніе и заключеніе троихъ членовъ Отдѣла, по опредѣленію собранія.

§ 6. Средства Отдѣла состоятъ изъ а) *оборотнаго капитала* и б) *основного капитала имени Коменскаго*. Кромѣ того, при Отдѣлѣ состоитъ *библіотека* его-же имени, для облегченія литературныхъ трудовъ членовъ Отдѣла по переводу и комментированію издаваемыхъ классиковъ по педагогикѣ.

§ 7. Оборотный капиталъ на изданія образуется на паяхъ, не менѣе *пятидесяти рублей* единовременно, взносимымъ членами Отдѣла по ихъ желанію и составляющихъ ихъ собственность.

§ 8. Основной капиталъ образуется изъ 10% чистой прибыли отъ изданій Отдѣла и изъ пожертвованій или сборовъ отъ устраиваемыхъ Отдѣломъ лекцій, вечеровъ и другихъ литературныхъ предпріятій.

§ 9. Чистая прибыль отъ изданій, за исключеніемъ 10% въ основной капиталъ имени Коменскаго, по заключеніи каждаго гражданскаго года, не позже 1-го февраля, дѣлится *пропорціонально* между пайщиками, вклады которыхъ находились въ оборотѣ въ теченіи цѣлаго года: съ января по январь.

§ 10. На учрежденіе библіотеки Коменскаго ежегодно отчисляются остатки отъ членскихъ взносовъ, пожертвованія и 10% изъ основного капитала. Въ библіотеку обязательно поступаютъ всѣ изданія самого Отдѣла, въ 3-хъ экземплярахъ каждое, для пользованія членовъ.

§ 11. Членами могутъ быть всѣ лица обоего пола, занимающіяся дѣломъ воспитанія и обученія или участвующія въ педагогической литературѣ, со взносомъ *трехъ рублей* въ годъ на библіотеку и канцелярскія надобности Отдѣла. Вступившіе до 18-го марта 1893 года члены носятъ званіе *членовъ-учредителей*.

§ 12. Члены Отдѣла, число которыхъ неограниченно, ежегодно въ февралѣ собираются въ общее собраніе для заслушанія и утвержденія годового отчета о дѣятельности Отдѣла, а также для избранія изъ своей среды предсѣдателя, секретаря, казначея и библіотекаря, между которыми и распредѣляется все дѣлопроизводство Отдѣла по принадлежности.

§ 13. Собраніе членовъ происходитъ, за исключеніемъ лѣтнихъ вакацій, *не менѣе одного раза въ мѣсяцъ*, а въ необходимыхъ случаяхъ и экстренно, по назначенію предсѣдателя Отдѣла.

§ 14. Годовое собраніе членовъ Отдѣла пріурочивается ко дню рожденія Коменскаго—18 марта, которое чествуется публично и сопровождается соотвѣтствующими литературными чтеніями, туманными картинами, пѣніемъ и под.

§ 15. Члены-пайщики, будучи заинтересованы въ успѣхѣ изданій съ коммерческой стороны, распредѣляютъ по соглашенію между собою всѣ труды по сношенію съ авторами, опредѣленію гонорара, печатанію, корректурѣ и продажѣ изданій Отдѣла, при обязательномъ участіи предсѣдателя и казначея Отдѣла.

§ 16. Отчеты Отдѣла ежегодно публикуются въ годовыхъ отчетахъ учебно-воспитательнаго Комитета и въ мѣстныхъ педагогическихъ журналахъ.

§ 17. Отдѣлъ состоитъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ международнымъ «Обществомъ Коменскаго» въ Берлинѣ, съ Обществомъ Коменскаго (Comenius-Stift) въ Лейпцигѣ, съ Чешскимъ Обществомъ Коменскаго въ Прагѣ и др., обмѣниваясь съ ними своими педагогическими изданіями.

§ 18. Кромѣ того, Отдѣлъ входитъ въ сношеніе съ иногородними переводчиками и изслѣдователями сочиненій Коменскаго и другихъ выдающихся педагогическихъ писателей, съ коммиссіонерами по распродажѣ изданій Отдѣла

и другими лицами, въ видахъ распространенія педагогическихъ идей Коменскаго въ школѣ и въ обществѣ.

§ 19. Въ случаѣ преобразованія Отдѣла въ особое Общество, основной капиталъ его и библіотека должны составить собственность этого Общества, а въ случаѣ ликвидаціи Отдѣла—должны перейти въ собственность Педагогическаго Музея.

§ 20. По истеченіи опытнаго года, положеніе это можетъ быть исправлено и дополнено, по указаніямъ опыта, въ общемъ собраніи членовъ Отдѣла, причемъ всѣ опредѣленія дѣлаются на основаніи большинства голосовъ присутствующихъ въ засѣданіи членовъ.

Объ открытіи дѣйствій Общества взаимнаго вспомоществованія учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи.

21 минувшаго ноября состоялось первое общее собраніе вновь возникшаго Общества взаимнаго вспомоществованія учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи.

На основаніи устава этого Общества, оно имѣетъ цѣлью: а) помогать нуждающимся учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи денежными пособіями, пріисканіемъ имъ занятій и другими видами матеріальной помощи и б) способствовать пополненію ихъ педагогическихъ знаній (§ 1). Общество состоитъ изъ: а) дѣйствительныхъ членовъ, б) почетныхъ членовъ и в) членовъ соревнователей (§ 2). Дѣйствительными членами могутъ быть лица обоего пола, всѣхъ сословій, занимающіеся педагогическою дѣятельностью въ народныхъ училищахъ или бывшія въ нихъ ранѣе учителями и учительницами (§ 3). Членами-соревнователями — всѣ совершеннолѣтнія лица, сочувствующія цѣлямъ Общества (§ 5). Дѣйствительные члены и члены-соревнователи вносятъ въ кассу Общества ежегодно три руб., за разъ или въ три срока (§ 7). Правомъ на пособіе отъ Общества могутъ пользоваться только дѣйствительные его члены (§ 11). Дѣлами Общества завѣдуетъ общее собраніе и правленіе (§ 24), состоящее изъ предсѣдателя и шести членовъ. Правленіе изъ своей среды выбираетъ товарища предсѣдателя, секретаря и казначея (§ 25). Члены Общества имѣютъ право дѣлать письменныя заявленія въ правленіе, которымъ таковыя обсуждаются, при участіи заявившаго, не позже слѣдующаго засѣданія. При несогласіи правленія съ сущностью сдѣланнаго заявленія, заявившему предоставляется право переносить его на разсмотрѣніе общаго собранія (§ 35). Общія собранія бываютъ очередныя и экстренныя. Очередное общее собраніе созывается разъ въ годъ, въ теченіе сентября. Экстренное собраніе, въ случаѣ надобности, созывается по усмотрѣнію правленія или по требованію $^1/_4$ проживающихъ въ С.-Петербургѣ членовъ Общества.

Въ общихъ собраніяхъ предсѣдательствуетъ одинъ изъ членовъ Общества по выбору, за исключеніемъ предсѣдателя и членовъ правленія (§ 36). Въ общемъ собраніи каждый присутствующій членъ, кромѣ своего голоса, можетъ располагать однимъ голосомъ, по довѣренности члена, не живущаго въ Петербургѣ (§ 40).

На общемъ собраніи 21 ноября избраны предсѣдатель и шесть членовъ правленія.

27 ноября состоялось первое засѣданіе вновь избраннаго правленія, въ квартирѣ предсѣдателя, директора 2-го реальнаго училища, Николая Ивановича Раевскаго.

На этомъ засѣданіи избраны: въ товарищи предсѣдателя Н. А. Нечаевъ, казначеемъ В. А. Латышевъ и секретаремъ И. С. Ремезовъ.

Казначей довелъ до свѣдѣнія правленія, что въ кассу общества поступило: отъ 4 лицъ (Л. И. Лаврентьева, Н. А. Варгунина, И. П. Рукавишникова и вдовы бывшаго директора народныхъ училищъ Рождественскаго) по 100 р. и отъ попечителя Спб. уч. окр. М. Н. Капустина билетъ 4% внутренняго займа, 100 р. достоинства, за № 193951, а всего поступило наличными деньгами 1.164 р. и вышеозначенный билетъ за № 193951.

Затѣмъ правленіе Общества, въ видахъ возможно большаго распространенія свѣдѣній о вновь возникшемъ Обществѣ взаимнаго вспомоществованія, постановило: а) войти въ сношеніе, по сему предмету, со всѣми земскими и городскими управами С.-Петербургской губерніи, а также съ попечителями и блюстителями находящихся въ предѣлахъ этой губерніи народныхъ училищъ и б) обратиться въ редакціи наиболѣе распространенныхъ петербургскихъ газетъ съ просьбою довести до всеобщаго свѣдѣнія объ открытіи дѣйствій Общества.

Членскіе взносы отъ желающихъ поступить въ члены общества принимаются у слѣдующихъ членовъ правленія: Н. И. Раевскаго (2-е реальное училище, Б. Московская, д. № 13), Н. Л. Нечаева (Кузнечный пер., д. № 9), В. Л. Латышева (Звенигородская, д. № 8), И. С. Ремезова (Б. Московская, д. № 3, кв. 61), А. Н. Острогорскаго (Пантелеймоновская, д. № 8, кв. 14), К. К. Сентъ-Илера (Вас. Остр., 13 линія, д. № 28) и В. Д. Сиповскаго (Гороховая, д. № 18).

Открытіе дѣйствій Спб. Педагогическаго Общества взаимной помощи.

Сознаніе необходимости взаимной помощи проникло въ среду столичныхъ педагоговъ, которые рѣшили поставить дѣло на широкихъ началахъ. Учрежденное ими «С.-Петербургское Педагогическое Общество взаимной помощи», вступившее въ жизнь нынѣ уже, преслѣдуетъ весьма симпатичныя цѣли, обезпечивающія ему общее сочувствіе. Помощь, которую Общество предполагаетъ оказывать своимъ нуждающимся членамъ, будетъ заключаться въ единовременныхъ и ежемѣсячныхъ денежныхъ пособіяхъ, въ доставленіи членамъ и ихъ семействамъ медицинской помощи, въ помѣщеніи малолѣтнихъ членовъ въ учебныя заведенія и въ пріисканіи членамъ постоянныхъ или временныхъ занятій. Кромѣ того, въ близкомъ будущемъ, при Обществѣ будетъ образовано Общество потребителей. Поступленіе въ члены Общества не сопряжено съ особенными формальностями. Дѣйствительными членами Общества могутъ быть лица, занимающіяся преподаваніемъ въ учебныхъ заведеніяхъ и домахъ С.-Петербурга и его пригородахъ. Ежегодный взносъ такъ невеликъ (3 р.), что онъ по средствамъ лицамъ съ небольшими сред-

ствами, тѣмъ болѣе, что уставъ допускаетъ уплату членскаго взноса ежемѣсячно по 25 коп.

Открытіе Общества состоялось 17-го января, въ актовомъ залѣ Петровскаго коммерческаго училища. Къ 2 ч. дня въ залъ, гдѣ былъ приготовленъ молебенный столикъ, собралось болѣе 200 членовъ Общества; въ числѣ присутствовавшихъ находились представители, можно сказать, всѣхъ учебныхъ заведеній столицы.

Передъ началомъ молебствія, прот. о. І. Образцовъ обратился къ присутствовавшимъ съ прекраснымъ словомъ, въ которомъ охарактеризовалъ значеніе вновь открываемаго Общества. Указавъ на то, что служеніе педагога есть величайшее, послѣ священническаго, изъ земныхъ служеній, о. Образцовъ сказалъ: «Учителю и воспитателю вручается родителями самое дорогое сокровище—дѣти, изъ которыхъ они должны приготовить отраду родителямъ и опору отечества». «На педагогахъ,—продолжалъ о. Образцовъ,—лежитъ обязанность раздуть въ дѣтяхъ искру Божію, развить въ нихъ умъ, облагородивъ сердце, образовать характеръ». Упомянувъ затѣмъ о трудностяхъ педагогическаго служенія, почтенный проповѣдникъ замѣтилъ, что не мудрено, если на такомъ родѣ служенія силы слабѣютъ и является необходимость обезпечить себя, семью. Новое Общество тѣмъ болѣе симпатично, что въ немъ можно видѣть достиженіе не только матеріальныхъ, но и нравственныхъ задачъ: Общество должно служить центромъ для умственнаго и сердечнаго объединенія. Слова узажаемаго пастыря произвели на присутствовавшихъ глубокое впечатлѣніе.

По окончаніи богослуженія, за предсѣдательскимъ столомъ заняли мѣста члены организаціонной коммиссіи. Предсѣдатель И. Ѳ. Рашевскій указалъ на то, что Общество возникло по почину Ѳ. С. Матвѣева и благодаря его усиленнымъ трудамъ. По предложенію г. Рашевскаго, собраніе продолжительными апплодисментами выразило свою живѣйшую признательность Ѳ. С. Матвѣеву, а также М. И. Михельсону и Я. Г. Гуревичу, изъ которыхъ первый внесъ въ кассу Общества 1.000 р., а второй—200 р.

Сегодняшнему собранію предстояло выбрать членовъ правленія и кандидатовъ къ нимъ. Въ виду незнакомства членовъ между собою, вопросъ о выборахъ вызвалъ оживленныя пренія; нѣкоторые предлагали отложить выборы до слѣдующаго общаго собранія. Въ концѣ-концовъ, собраніе постановило теперь-же заняться выборами.

Избранными оказались въ члены правленія: Ѳ. С. Матвѣевъ, И. Ѳ. Рашевскій, В. Г. Яроцкій, І. Д. Смирновъ, Я. Г. Гуревичъ, Е. Рѣпина, А. И. Васильевъ, П. И. Вѣтвѣницкій, Н. Н. Скалонъ, О. А. Папковъ, Н. Ѳ. Арепьевъ, Д. Д. Моревъ; въ кандидаты къ нимъ: И. В. Руссетъ, М. Г. Романовскій, Н. О. Розе, К. М. Блумбергъ, М. И. Михельсонъ, З. Б. Вулихъ; въ члены ревизіонной коммиссіи: А. М. Гердъ, Н. А. Артемьевъ, П. И. Кореневъ.

20-го января въ Петровскомъ училищѣ состоялось первое засѣданіе правленія С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества взаимной помощи. Члены правленія избрали изъ своей среды предсѣдателя (И. Ѳ. Рашевскій), товарища предсѣдателя (Я. Г. Гуревичъ), казначея (І. Д. Смирновъ) и секретаря (Ѳ. С. Матвѣевъ). Бюро Общества помѣщается въ Петровскомъ училищѣ (Фонтанка 62, кв. 8).

Членскіе взносы принимаютъ: И. Ѳ. Рашевскій, Ѳ. С. Матвѣевъ (Пет-

ровское училище), Я. Г. Гуревичъ (Лиговка, гимназія Гуревича), І. Д. Смирновъ, казначей Общества (Офицерская ул., Николаевскій кадетскій корпусъ, кв. 7), И. Э. Арепьевъ (Гагаринская ул., 3-я гимназія), А. М. Васильевъ (Театральная ул., Консерваторія), П. И. Вѣтвѣницкій (Сергіевская ул., 16), Д. Д. Моревъ (Троицкая ул., 30), И. В. Руссетъ (Офицерская ул., 23, кв. 9), Ел. Пл. Рѣпина (Кавалергардская ул., городское рождественское училище), И. И. Скалонъ (Пажескій корпусъ, 21), В. Г. Яроцкій (Баскова улица, 9, кв. 5). («Новости» 18-го и 23-го января).

Копія.

На подлинномъ написано: Утверждаю 21 декабря 1892 г. Подписалъ: за Министра Внутреннихъ Дѣлъ Товарищъ Министра, Сенаторъ *Плеве.*
Вѣрно: Вице-Директоръ *С. Щегловитовъ.*

Уставъ С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества взаимной помощи.

I. Цѣль Общества.

§ 1.

С.-Петербургское Педагогическое Общество взаимной помощи учреждается съ цѣлью оказывать помощь нуждающимся членамъ Общества и ихъ семействамъ: а) единовременными и ежемѣсячными денежными пособіями; б) доставленіемъ членамъ и ихъ семействамъ медицинской помощи; в) помѣщеніемъ малолѣтнихъ дѣтей членовъ Общества въ учебныя заведенія; г) пріисканіемъ членамъ Общества постоянныхъ или временныхъ занятій.

Примѣчаніе. Кругъ дѣйствій Общества можетъ быть расширенъ образованіемъ при немъ, на основаніи особыхъ уставовъ, представляемыхъ на утвержденіе правительства въ установленномъ порядкѣ: Общества потребителей, Ссудосберегательной, Вспомогательной, Похоронной и др. кассъ, если на то будетъ заявлено желаніе не менѣе 100 членами Общества.

II. Средства Общества.

§ 2.

Средства Общества образуются: а) изъ ежегодныхъ и единовременныхъ взносовъ членовъ учредителей, дѣйствительныхъ и почетныхъ; б) пожертвованій; в) изъ процентовъ на капиталы Общества и доходовъ отъ предпріятій Общества, какъ-то: изданій литературныхъ и ученыхъ трудовъ, публичныхъ лекцій, чтеній, концертовъ, спектаклей, вечеровъ и т. п.

§ 3.

Изъ поступающихъ въ кассу Общества суммъ составляются капиталы: а) основной и б) оборотный.

§ 4.

Въ основной капиталъ зачисляются: а) единовременные взносы членовъ учредителей и дѣйствительныхъ (§ 14); б) 10% членскихъ взносовъ и всѣхъ остальныхъ поступленій, а также пожертвованія лицъ, несостоящихъ членами Общества.

§ 5.

Въ оборотный капиталъ поступаютъ: а) ежегодные взносы учредителей и дѣйствительныхъ членовъ, а также пожертвованія почетныхъ членовъ (§ 12); б) доходы отъ предпріятій Общества (§ 22); в) проценты на основной и оборотный капиталы.

§ 6.

Основной капиталъ обращается, по постановленію общаго собранія, въ государственныя, или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги и остается во все время существованія Общества неприкосновеннымъ; оборотный же капиталъ хранится въ наличныхъ деньгахъ и расходуется на выдачу пособій членамъ и на текущіе расходы Общества.

Примѣчаніе I. Правленіе Общества имѣетъ право, по своему усмотрѣнію, замѣнять однѣ кредитныя бумаги основного капитала другими.

Примѣчаніе II. Съ увеличеніемъ своихъ средствъ Общество имѣетъ право пріобрѣтать, по постановленію $^2/_3$ голосовъ наличныхъ членовъ общаго собранія, съ надлежащаго разрѣшенія и съ соблюденіемъ установленныхъ правилъ, необходимое для цѣлей Общества недвижимое имущество.

§ 7.

Для текущихъ расходовъ оставляется въ кассѣ Общества не болѣе 100 руб., остальныя затѣмъ суммы должны быть помѣщаемы, но постановленію общаго собранія, въ кредитныя учрежденія, или обращаемы въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги.

III. Составъ Общества, права и обязанности членовъ.

§ 8.

Общество состоитъ изъ членовъ: учредителей, дѣйствительныхъ и почетныхъ.

Число членовъ Общества не ограничивается никакою нормою.

Учащіяся въ учебныхъ заведеніяхъ не могутъ быть членами Общества.

§ 9.

Къ членамъ учредителямъ принадлежатъ лица педагогическаго званія, подписавшія проектъ сего устава.

§ 10.

Дѣйствительными членами Общества могутъ быть лица педагогическаго званія обоего пола, высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, пра-

вительственныхъ, общественныхъ и частныхъ города С.-Петербурга и пригородовъ его, а также домашніе учителя и учительницы, гувернеры и гувернантки, занимающіеся педагогическою практикою не менѣе трехъ лѣтъ.

§ 11.

Для поступленія въ дѣйствительные члены Общества требуется отъ лицъ, занимающихся частной педагогическою дѣятельностью, рекомендація двухъ членовъ и баллотировка въ правленіи.

Примѣчаніе. Лица, выбывшія изъ города С.-Петербурга, могутъ оставаться членами Общества, но пользоваться пособіями имѣютъ право только тѣ изъ нихъ, которыя пробыли до своего выѣзда членами Общества не менѣе 10 лѣтъ, а также и тѣ, которыя внесли въ кассу Общества единовременно не менѣе 60 рублей.

§ 12.

Почетными членами могутъ быть лица обоего пола, сдѣлавшія въ пользу Общества значительное пожертвованіе или оказавшія существенную услугу Обществу. Члены эти предлагаются правленіемъ и избираются общимъ собраніемъ посредствомъ закрытой баллотировки.

§ 13.

Учредители и дѣйствительные члены вносятъ ежегодно по три рубля.

Примѣчаніе. Уплата членскаго взноса можетъ производиться ежемѣсячно по 25 коп. и передаваться въ каждомъ учебномъ заведеніи въ кассу Общества черезъ лицъ, уполномоченныхъ имъ.

§ 14.

Ежегодный взносъ можетъ быть замѣненъ единовременнымъ въ суммѣ не менѣе 60 рублей.

§ 15.

Членъ Общества, не уплатившій въ теченіи двухъ лѣтъ своего членскаго взноса, считается выбывшимъ изъ Общества.

§ 16.

При прекращеніи участія въ Обществѣ членскіе взносы не возвращаются.

IV. Дѣятельность Общества.

§ 17.

Денежныя пособія выдаются только лицамъ, крайне нуждающимся. Возвращеніе выданныхъ пособій не обязательно, но оно лежитъ на нравствен-

ной обязанности тѣхъ лицъ, которыя впослѣдствіи будутъ въ состояніи возвратить полученныя пособія.

§ 18.

Единовременныя пособія выдаются членамъ Общества и ихъ семействамъ, по постановленію правленія, въ размѣрахъ, опредѣляемыхъ ежегодно общимъ собраніемъ. Въ случаѣ необходимости выдать пособіе члену Общества въ усиленномъ размѣрѣ, таковое можетъ быть назначено ему не иначе, какъ по постановленію $^2/_3$ голосовъ наличныхъ участниковъ собранія.

§ 19.

Постоянныя пособія могутъ быть выдаваемы членамъ Общества и ихъ семействамъ въ случаѣ крайней нужды, происходящей отъ смерти члена, продолжительной и тяжкой болѣзни и другихъ обстоятельствъ, надолго раззоряющихъ члена или же его семейство. Такія пособія могутъ состоять изъ ежемѣсячныхъ выдачъ, производимыхъ или пожизненно, или до того времени, пока въ пособіи со стороны Общества не представится надобности.

§ 20.

Общество заботится о доставленіи средствъ къ воспитанію и образованію дѣтей и сиротъ недостаточныхъ членовъ, помѣщая ихъ въ учебныя заведенія.

§ 21.

Общество принимаетъ всѣ возможныя мѣры, клонящіяся къ улучшенію матеріальнаго благосостоянія своихъ членовъ, какъ-то: заботится о пріисканіи мѣстъ и занятій нуждающимся членамъ Общества, а въ случаѣ болѣзни члена, о доставленіи медицинской помощи нуждающимся членамъ Общества.

§ 22.

Для увеличенія своихъ средствъ Общество можетъ, съ надлежащаго разрѣшенія и съ соблюденіемъ установленныхъ для сего правилъ, устраивать публичныя чтенія, лекціи, концерты, спектакли, увеселительные вечера и т. п., а также предпринимать изданія литературныхъ и научныхъ трудовъ, на основаніи существующихъ постановленій.

Примѣчаніе. Общество имѣетъ право устраивать въ свою пользу не болѣе 4-хъ вечеровъ въ годъ.

V. Управленіе дѣлами Общества.

§ 23.

Дѣлами Общества управляютъ: а) правленіе и б) общія собранія.

А) Правленіе.

§ 24.

Правленіе Общества состоитъ изъ 12 членовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ изъ числа участниковъ Общества, срокомъ на три года; при чемъ

ежегодно выбываетъ изъ состава правленія по 4 члена онаго: въ первые 2 года существованія Общества по жребію, а впослѣдствіи по старшинству вступленія въ должность. На случай отсутствія и болѣзни членовъ правленія, избираются общимъ собраніемъ шесть къ нимъ кандидатовъ, выбывающіе ежегодно по два, тѣмъ же порядкомъ, какъ и члены правленія. Вмѣсто выбывшихъ членовъ правленія и кандидатовъ къ нимъ ежегодно избираются новые, при чемъ въ эти должности могутъ быть вновь избираемы выбывшіе члены правленія и кандидаты, если они изъявятъ на сіе согласіе.

Примѣчаніе I. По постановленію общаго собранія, число членовъ правленія можетъ быть увеличено.

Примѣчаніе II. По мѣрѣ развитія дѣятельности Общества, правленію предоставляется право приглашенія по найму: секретаря, бухгалтера и другихъ служащихъ, по преимуществу изъ числа членовъ Общества, дѣйствующихъ по инструкціямъ правленія, утвержденнымъ общимъ собраніемъ.

§ 25.

Члены правленія избираютъ изъ среды своей: предсѣдателя, товарища предсѣдателя, казначея и секретаря.

§ 26.

Члены правленія собираются для занятій дѣлами Общества въ дни, назначаемые по взаимному ихъ согласію, но не менѣе однаго раза въ мѣсяцъ.

§ 27.

Дѣла въ правленіи рѣшаются по простому большинству голосовъ, причемъ въ засѣданіи правленія должно присутствовать не менѣе шести членовъ онаго, или замѣняющихъ ихъ кандидатовъ. Въ случаѣ равенства голосовъ принимается то мнѣніе, съ которымъ согласенъ предсѣдатель.

§ 28.

Подробности дѣлопроизводства, порядокъ отчетности и обязанности правленія и ревизіонной коммиссіи опредѣляются особыми инструкціями, утверждаемыми общимъ собраніемъ.

§ 29

Правленіе имѣетъ печать съ изображеніемъ на оной наименованія Общества.

§ 30.

Ревизія наличности, а также книгъ и документовъ кассы производится въ присутствіи членовъ правленія, чрезъ ежегодно избираемую общимъ собраніемъ закрытою баллотировкой, по большинству голосовъ присутствовавшихъ въ собраніи членовъ, ревизіонную коммиссію, которою повѣряется и отчетъ Общества. О результатахъ ревизіи докладывается ближайшему общему собранію.

Б) Общія собранія.

§ 31.

Общія собранія бываютъ: обыкновенныя и чрезвычайныя.

§ 32.

Обыкновенныя собранія созываются правленіемъ ежегодно въ началѣ января мѣсяца, для выслушанія годоваго отчета правленія и выбора должностныхъ лицъ, а чрезвычайныя, въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства. Собранія-же созываются правленіемъ по собственной инціативѣ, или по требованію, подписанному $^1/_4$ наличныхъ членовъ Общества, или же по заявленію ревизіонной коммиссіи.

Примѣчаніе I. О днѣ, мѣстѣ и вопросахъ, подлежащихъ обсужденію въ общихъ собраніяхъ доводится заблаговременно до свѣдѣнія С.-Петербургскаго Градоначальника. О томъ-же своевременно сообщается членамъ Общества способомъ, какой, по представленію правленія, собраніемъ будетъ признанъ наиболѣе удобнымъ.

Примѣчаніе II. Въ общихъ собраніяхъ могутъ быть обсуждаемы лишь вопросы, значащіеся въ приглашеніи на собраніе и притомъ имѣющіе непосредственное отношеніе къ опредѣленной уставомъ дѣятельности Общества.

§ 33.

Общее собраніе, какъ обыкновенное, такъ и чрезвычайное, считается состоявшимся, если въ немъ присутствуетъ не менѣе $^1/_2$ дѣйствительныхъ членовъ, находящихся въ данное время въ г. С.-Петербургѣ, за исключеніемъ собраній, созываемыхъ для обсужденія вопросовъ объ измѣненіи, или дополненіи устава Общества и закрытіи его, которыя считаются состоявшимися, если въ нихъ присутствуетъ лично, или по довѣренности не менѣе $^2/_3$ дѣйствительныхъ членовъ Общества.

§ 34.

Если общее собраніе не состоялось, вслѣдствіе неприбытія на оное опредѣленнаго въ § 33 числа членовъ, то дѣлается черезъ двѣ недѣли новый созывъ участниковъ Общества во вторичное общее собраніе, которое считается законно состоявшимся, въ какомъ-бы на этотъ разъ числѣ ни явились на оное члены, о чемъ и увѣдомляются участники Общества при созывѣ на оное.

§ 35.

Общее собраніе открывается предсѣдателемъ правленія, или его товарищемъ, для избранія предсѣдателя собранія изъ числа явившихся членовъ Общества.

Примѣчаніе. Въ предсѣдатели общихъ собраній не могутъ быть избираемы члены правленія и ревизіонной коммиссіи.

*

§ 36.

Общія собранія имѣютъ предметомъ своихъ засѣданій: а) избраніе почетныхъ членовъ Общества; б) избраніе членовъ правленія, кандидатовъ къ нимъ и членовъ ревизіонной коммиссіи; в) разсмотрѣніе и утвержденіе годоваго отчета о дѣйствіяхъ Общества; г) разсмотрѣніе и утвержденіе смѣты расходовъ на предстоящій годъ; д) обсужденіе вопросовъ, превышающихъ власть правленія; е) разсмотрѣніе вопросовъ объ измѣненіи, или дополненіи устава Общества; ж) утвержденіе инструкцій для правленія и ревизіонной коммиссіи; з) опредѣленіе размѣра разнаго рода пособій; и) вообще направленіе дѣйствій Общества къ достиженію основной его цѣли; і) наблюденіе за исполненіемъ сего устава; к) исключеніе членовъ изъ Общества и л) постановленіе о закрытіи Общества.

§ 37.

Утвержденный общимъ собраніемъ годовой отчетъ Общества можетъ быть печатаемъ, по усмотрѣнію общаго собранія, въ повременныхъ изданіяхъ и представляется, чрезъ посредство С.-Петербургскаго Градоначальника, для свѣдѣнія, въ Хозяйственный Департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Въ тотъ-же Департаментъ представляется не менѣе семи экземпляровъ сего устава, въ случаѣ отпечатанія его.

§ 38.

Если по какимъ-либо обстоятельствомъ признано будетъ необходимымъ приступить къ закрытію Общества, то, по приговору о томъ общаго собранія, въ составѣ не менѣе $^2/_3$ дѣйствительныхъ членовъ и по большинству $^2/_3$ голосовъ какъ наличныхъ участниковъ собранія, такъ и приславшихъ свои заявленія, дѣйствія Общества прекращаются; причемъ постановленіе послѣдняго общаго собранія относительно употребленія могущихъ остаться при ликвидаціи дѣлъ Общества капиталовъ его приводится въ исполненіе по одобреніи его С.-Петербургскимъ Градоначальникомъ. О закрытіи Общества публикуется въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» и доводится до свѣдѣнія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ чрезъ посредство С.-Петербургскаго Градоначальника.

§ 39.

Дѣйствія Общества могутъ быть прекращены и по распоряженію С.-Петербургскаго Градоначальника, въ силу предоставленнаго ему по закону (ст. 547 т. II Св. Зак. Общ. Губ. учрежд., изд. 1876 г.) права закрывать Общества при обнаруженіи въ нихъ чего-либо противнаго государственному порядку, общественной безопасности и нравственности.

Подписалъ: Вице-Директоръ *С. Щегловитовъ.*
Скрѣпилъ: За начальника отдѣленія *Н. Соколовъ.*
Вѣрно. За начальника отдѣленія *Н. Соколовъ.*

УКАЗАТЕЛЬ

ИНОСТРАННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ *).

Geschichte des deutschen Volksschullehrer standes, von *K. Fischer*. Hannover. 16 Lief. à 50 pf. Книжка эта представляетъ исторію учительскаго сословія въ Германіи съ XIV в., его положеніе, жизнь, дѣятельность, стремленія, вліяніе и т. д. Первый выпускъ посвященъ исторіи происхожденія народной школы, во второмъ идетъ рѣчь о школьномъ дѣлѣ въ эпоху реформаціи и т. д. Работа эта, тщательно сдѣланная на основаніи многихъ историческихъ данныхъ, заслуживаетъ вниманія.
(Volksschule, IV).

Wegweiser zur Fortbildung deutscher Lehrer in wissenschaftlichen und praktischen Volksschulpädagogik und zum Ausbau derselben. Auf geschichtlicher Grundlage und mit Angabe der Literatur und Lehrmittel von *H. Scherer*. Leipzig. I. Die wissenschaftliche Volksschulpädagogik. 394 S. 5 M. II. die praktische Volksschulpädagogik. 526 S. S. M. Трудъ этотъ обнаруживаетъ въ авторѣ большія познанія, вѣрность сужденій и тщательную разработку предмета. Различныя направленія въ области педагогики (вплоть до нашихъ дней) выяснены совершенно ясно и объективно, хорошо и съ знаніемъ дѣла авторъ указываетъ пути и средства къ дальнѣйшему самообразованію, такъ что книга эта дѣйствительно является прекраснымъ «путеводителемъ» для учителя.
(Pädag. 5).

Die Lehrkunst. Ein Führer für junge Lehrer, von *A. Goerth*. 2 Aufl. Leipzig. 402 S. 5 M. Сочиненіе это, значительно исправленное и дополненное во II изданіи, заслуживаетъ серьезнаго изученія. Оно заключаетъ въ себѣ много методологическихъ совѣтовъ и практическихъ указаній, весьма полезныхъ для молодого учителя. (Pädagog. 2).

Archiv für die Praxis des Volksschullehrers, von *I. Meyer*. I B. 3 M. Hannover. Это изданіе имѣетъ цѣлью дать рядъ образцовыхъ уроковъ по разнымъ предметамъ для того, чтобы облегчить преподаваніе малоопытнымъ учителямъ. Въ I т. помѣщено 44 очерка.
(Volksschule. IV).

Führer durch Oesterreichs Schulen, von Dr. *G. Deschmann*. Pilsen. 180 S. 1 fl. Эта книжка представляетъ систематическій обзоръ всѣхъ учебныхъ и воспитательныхъ (среднихъ и низшихъ) заведеній для мальчиковъ въ Австріи. Повсюду приведены извлеченія изъ законоположеній объ этихъ учебн. завед., объяснены ихъ цѣли, устройство, современное ихъ состояніе и т. д. Слѣдующій томъ будетъ посвященъ женскому и высшему образованію.
(Pädag. 12).

Idealismus, von Pr. *Chr. Muff*. 2 Aufl. Halle. 230 S. 4 M. Эта книга посвящена выясненію понятія идеализма и его проявленій въ религіи, наукѣ, жизни и искусствѣ. Большое мѣсто удѣлено также современнымъ анти-идеалистическимъ, такъ-наз. реалистическимъ теоріямъ. Свои разсужденія авторъ повсюду подкрѣпляетъ ссылками на различныя произведенія литературы и искусства. Книга написана очень интересно.
(Pädag. 1).

Iohann Amos Comenius. Sein Leben und seine Schriften, von Dr. *Ioh. Kvasčala*. Leipzig. 569 S. 4 M. 80. Сочиненіе это, подробно разсматривающее жизнь и литературную дѣятельность А. Коменскаго, занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ работъ, посвященныхъ этому знаменитому педагогу.
(Pädag. Literaturber. 10).

Leben und Schicksale des I. Amos Comenius, von *Anton Yrbka*. Znaim. 174 S. 2 M. Эта книга написана съ

*) Чтобы дать читателямъ возможность слѣдить за иностранной педагогической литературой, редакція намѣрена время отъ времени сообщать о всѣхъ лучшихъ появляющихся въ этой области книгахъ, сопровождая ихъ краткими отзывами изъ иностранныхъ журналовъ. Редакція начинаетъ свой указатель съ нѣмецкихъ книгъ за 1892 годъ. *Ред.*

большей тщательностью и не безъ воодушевленія. Она заслуживаетъ вниманія какъ лучшее изъ популярныхъ изложеній жизни и ученія Коменскаго. (Pädag. 12).

Ueber Erzisehung, Bildung und Volksinteresse in Deutschland und England, von *M. M. Arnold Schröer.* 99 S. Dresden. 1 M. 50. Эта небольшая книжка, имѣющая цѣлью сравнить различныя стороны состоянія образованія и воспитанія въ Англіи и Германіи, написана талантливо и интересно. Вотъ нѣкоторыя главы ея: свобода университетскаго преподаванія; наука и публика; наши библіотеки и т. д. (Pädag. 5).

Das Wesen des Schwachsinns, von *Chr. Ufer.* Langensalza. Эта интересная книжка разсматриваетъ виды и причины слабоумія, она даетъ также много полезныхъ педагогическихъ совѣтовъ, какъ обращаться съ этой болѣзнью. (Rev. philos. IX).

Elemente der Volkswirtschaftslehre, von Dr. *W. Neurath.* 2 Aufl. Wien. 487 S. 2 M. 50. Въ наше время всякому образованному человѣку, въ особенности же педагогу, необходимо знакомство съ основами политической экономіи. Для этой цѣли очень подходитъ эта книжка, написанная просто, ясно и вполнѣ научно. Она даетъ ясное представленіе обо всѣхъ вопросахъ экономической жизни народа, съ которыми по ней легко можетъ ознакомиться всякій, даже не спеціалистъ. (Pädag. 11).

Schulreform und Turnunterricht. Bielefeld. 67 S. 1 M. Эта брошюра неизвѣстнаго автора написана по поводу XI конгресса нѣмецкихъ учителей гимнастики; она очень вѣрно указываетъ на недостатки преподаванія гимнастики и можетъ быть очень полезна для желающихъ ознакомиться съ современнымъ положеніемъ этого вопроса. (Deutsche Literaturz. 34).

Der Lehrer als Wächter der Gesundheit, von Dr. *A. Kühner.* 49 S. Leipzig. Все, что слѣдуетъ знать учителю, желающему заботиться о здоровьи своихъ учениковъ, разсказано въ этой книжкѣ коротко и ясно. (Allg. d. Lehrerz. 34).

Methodik des naturgeschichtlichen Unterrichts, von Pr. *Carl Rothe.* 2 Aufl. Wien. 124 S. 1 M. 60. Авторъ этой книги извѣстенъ какъ составитель хорошихъ руководствъ по естественной исторіи. Настоящее его сочиненіе заслуживаетъ живѣйшаго вниманія. Оно полно цѣнныхъ замѣчаній о цѣляхъ, средствахъ и формахъ преподаванія естеств. ист. Кромѣ того здѣсь читатель найдетъ много полезныхъ указаній, какъ вести преподаваніе этого предмета, какъ распредѣлить матеріалъ и т. д. (Pädag. 12).

Der Zweck und Umfang des Unterrichtes in der Naturgeschichte am Gymnasium, von *Fr. Mühlberg.* Aarau. Авторъ этой брошюры весьма удачно старается выяснить значеніе естественной исторіи не только для образованія человѣка, но и вліянія ея на умъ и сердце его. Сочиненіе это можно рекомендовать всѣмъ противникамъ преподаванія естественной исторіи въ гимназіяхъ. (Pädag. 12).

Methodik des Geschichtsunterrichts, von *H. Rosenburg.* Breslau. 1 M. 50. Эта тщательно и съ знаніемъ дѣла написанная книжка знакомитъ съ современнымъ состояніемъ методики исторіи. Въ книжкѣ идетъ рѣчь о «понятіи и подраздѣленіи исторіи», «цѣли и значеніи ея преподаванія», о «выборѣ историческаго матеріала», о «способахъ преподаванія исторіи» и т. д. Книжка весьма полезная для начинающаго учителя. (Volksschulfreund. 45).

Lehrbuch der Schulgesundheitspflege, von *C. Hoffman* (für Lehrer). Langesalza. 1,60 M. Среди всѣхъ подобныхъ книжекъ эта занимаетъ выдающееся мѣсто. На основаніи собственнаго опыта и богатаго научнаго матеріала авторъ говоритъ обо всемъ, что можетъ сдѣлать школа для здоровья дѣтей. Вотъ, напр., нѣкоторыя главы: «Отопленіе и освѣщеніе класса», «тѣлесныя наказанія», «физическія упражненія» и т. п. Все это изложено очень основательно. (Volksschulfr. 32).

Die Pflege nationaler Bildung durch den Unterricht in der Muttersprache, von *Hugo Weber.* 2 Aufl. Leipzig. 3 M. Это сочиненіе удостоено преміи Дистервега. Оно отличается своимъ богатымъ содержаніемъ. Читатель найдетъ здѣсь много интереснаго и полезнаго. Авторъ излагаетъ основы національнаго воспитанія и способы, какъ достигнуть его. (Volksschulfr. 17).

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ.**

1893-й
ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1893-й
ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

НА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ

въ 1892—1893 (восьмомъ) году

(СЪ 1 НОЯБРЯ 1892 ПО 1 НОЯБРЯ 1893 ГОДА).

«Сельскій Хозяинъ» будетъ выходить по прежнему, безъ предварительной цензуры, подъ редакціей К. И. Маслянникова (землевладѣльца Рязанской губ., сельца Рюмки),

по слѣдующей программѣ: Правительственныя распоряженія. Сельскохозяйственная экономія. Полеводство и луговодство. Садоводство, табаководство, виноградарство и огородничество. Лѣсоводство. Животноводство. Пчеловодство и шелководство. Рыбоводство. Спортъ и охота. Сельскохозяйственная технологія, архитектура и механика. Корреспонденція. Внутренняя и иностранная хроника. Сельскохозяйственный фельетонъ Агриколы: «Изъ дневника неунывающаго хозяина». Вопросы и отвѣты. Библіографія. Торговля. Домоводство. Спросъ, предложенія и полезные адресы. Объявленія.

Годовые подписчики получатъ безплатное приложеніе:

ШЕСТОЙ ВЫПУСКЪ

„АЛЬБОМА ТИПОВЪ ЛОШАДЕЙ, СКОТА, СОБАКЪ, КУРЪ и т. п.“

Описаніе къ альбому будетъ помѣщено въ журналѣ въ теченіе года.

Альбомъ будетъ высылаемъ не иначе, какъ въ картонѣ, въ тщательной упаковкѣ, и только по полученіи 21 коп., деньгами или марками, на упаковку и пересылку.

NB. Кромѣ того, въ теченіе года, между прочимъ, предположены къ разсылкѣ безплатно: 1) различныя сельскохозяйственныя сѣмена, 2) рисунки главнѣйшихъ типовъ скота и 3) архитектурные проекты.

Согласно многочисленнымъ заявленіямъ гг. подписчиковъ, изготовлены для «Сельскаго Хозяина» коленкоровые, украшенные орнаментами переплеты съ кожаными корешками.

Каждый переплетъ стоитъ безъ пересылки 1 руб., а съ пересылкой за 2 фунта по разстоянію за каждый.

Имѣется ограниченное количество экземпляровъ журнала за 1887, 1890—1892 гг., представляющаго обширную справочную энциклопедію сельскаго хозяйства и домоводства. Со всѣми приложеніями каждый годъ стоитъ: безъ доставки 5 р., а съ дост. и перес. 6 р. На третій и четвертый выпуски альбома по 21 к. и на хромолитографію 75 к. марками. Книжнымъ магазинамъ обычная уступка.

Въ переплетѣ «Сельскій Хозяинъ», будучи справочной энциклопедіей сельскаго хозяйства, полезная наградная книга для земледѣльческихъ, земскихъ и сельскихъ училищъ.

Въ объявленіяхъ журнала печатаются таблицы тиражей внутреннихъ съ выигрышами займовъ,

Срокъ выхода еженедѣльный, по пятницамъ (въ годъ 52 номера).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ: безъ пересылки и доставки 5 р., съ доставкой съ Спб. 6 р., съ пересылкой иногороднымъ 6 р.; за полгода: безъ пересылки 3 р., съ доставкой въ Спб. 4 р., съ пересылкой иногороднымъ 3 р. 50 к. и съ доставкой заграницу: за годъ 7 р. и за полгода 4 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторахъ редакціи, при книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» (въ Спб., Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ), въ книжныхъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

(XII годъ изд.)

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

„РОДНИКЪ“

и педагогическій листокъ

„ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ“

(подъ редакціей Е. СЫСОЕВОЙ и АЛЕКСѢЯ АЛЬМЕДИНГЕНА).

«Родникъ» въ 1893 году будетъ издаваться подъ тою же редакціею, въ томъ же духѣ и направленіи, что и въ минувшія 11 лѣтъ.

«Родникъ» выходитъ перваго числа каждаго мѣсяца книжками большого формата, со многими рисунками въ текстѣ, портретами и отдѣльными картинками.

Содержаніе **«Родника»** составляютъ: I. Стихотворенія, повѣсти, разсказы и сказки. II. Біографіи замѣчательныхъ людей. III. Историческіе очерки. IV. Статьи научнаго содержанія, по различнымъ областямъ знанія. V. Очерки изъ современной жизни. VI. Смѣсь (мелкія статьи). VII. Игры, занятія, загадки и проч.

«Родникъ» рекомендованъ и одобренъ *учеными и учебнымъ Комитетами Мин. Нар. Просв., Святѣйшаго Синода, Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и Главн. Управл. военно-учебныхъ заведеній.* Удостоенъ *почетнаго диплома на педагогической выставкѣ Общества Трудолюбія въ Москвѣ, въ 1888 г.*

Вмѣстѣ съ **«Родникомъ»** можно получать ежемѣсячный педагогическій листокъ **«Воспитаніе и Обученіе»**.

Условія подписки на 1893 годъ прежнія:

Съ доставкой и пересылкой:	На годъ	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.
На одинъ «Родникъ»	5 р.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.
На «Родникъ» и педагогическій листокъ «Воспитаніе и Обученіе»	6 »	3 » — »	1 » 50 »
За границу.	8 »	4 » — »	2 » — »
Отдѣльно на педагогическій листокъ «Воспитаніе и Обученіе»	2 »	1 » — »	— 50 »

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Фурштадтская, 27.

Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., 106, при «Русскомъ книжномъ магазинѣ» *Н. Н. Морева.* 3—3

шей стороны полное сочувствіе и поддержку. И наоборотъ:—всякое явленіе, не только идущее въ разрѣзъ этимъ послѣднимъ интересамъ, но и малѣйшее имъ противорѣчащее, или обнаруживающее тенденцію явнаго или тайного отклоненія отъ сихъ интересовъ во враждебную имъ сторону, будетъ нами немедленно разоблачаемо и преслѣдуемо честнымъ путемъ печатнаго слова.

4) Вполнѣ искреннее желаніе и надежда додуматься и договориться съ благоразумною частію польскаго общества относительно взаимнаго, сноснаго и безобидняго для обѣихъ сторонъ «*modus vivendi*».

5) Поэтому мы предпочитаемъ спокойное и взаимно безпристрастное обсужденіе нашихъ «больныхъ» вопросовъ. Если-же окажется необходимою полемика, то съ нашей стороны таковая будетъ безъ грубостей, личностей и инсинуацій. Нашъ принципъ — открытый, честный бой, но не инсинуація противъ кого-бы то ни было.

6) Отношеніе наше къ еврейскому вопросу, по скольку дѣло касается эксплоатаціи еврействомъ христіанскихъ элементовъ населенія,—безусловно-враждебное.

Подписка принимается: въ **конторѣ Редакціи** (Варшава, Медовая, № 20), а также въ книжныхъ магазинахъ **Н. П. Карбасникова** въ С.-Петербургѣ, Литейный пр., № 48, въ Москвѣ, Моховая, д. Коха, и въ Варшавѣ, Новый Свѣтъ, № 65.

2—3

С.-Петербургѣ, Пантелеймонская ул., 2, и у книгопродавцевъ. Гг. иногородніе благоволятъ обращаться предпочтительно въ Редакцію.

Всѣмъ подписчикамъ по заявленію высылается „Указатель статей“, помѣщенныхъ въ „Запискахъ“ за года 1867—1888.

Цѣна съ доставкой и пересылкой „Записокъ“ за прежніе года съ 1867—1887—**4** р. за годъ и 1 р. за отдѣльный выпускъ,—за 1889—91 г.—**8** р. за годъ и 2 р. за отдѣльный выпускъ. За 19 лѣтъ: 1867, 1869—1883, 1886, 1887—**70** р.,—а для школьныхъ библіотекъ, согласно постановленію Совѣта Императорскаго Русскаго Техническаго Общества,—**40** р. За года 1868, 1884, 1885 и 1888 „Записки“ всѣ разошлись.

Объявленія принимаются по 10 р. за страницу и 5 р. за полъ-страницы. За *годовыя* объявленія плата значительно понижается, а именно:

За ½ страницы . . . . **20** руб.
За 1 страницу . . . . **30** руб.
За 2 страницы . . . . **50** руб.

2—3. Специальный редакторъ **А. Васильевъ**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ.

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЗВѢЗДА“

VIII Г. ИЗД.

самый дешевый изъ всѣхъ иллюстрированныхъ изданій.

Цѣна за годъ безъ дост. **3** р. **50** к., съ перес. **4** р.

52 №№ и 80 безплатныхъ приложеній.

Въ будущемъ 1893 г. въ журналѣ „Звѣзда» будутъ напечатаны, между прочимъ, слѣдующія произведенія: Большой историческій романъ изъ эпохи имп. Елизаветы «Идеалы и тронъ»—*Е. О. Дубровиной.* Большой романъ «Освобожденные»—*А. И. Лемана.* Романъ «Антрепренеръ»—*А. Е. Зарина.* Большой уголовный романъ «Рука и кольцо»—*А. . Грина.* Романъ изъ эпохи Наполеоновскихъ смутъ въ Испаніи «Треуголка» — *П. Аларкона.* Большая повѣсть «Человѣкъ съ куриной душой»—*В. П. Быстренина.* Повѣсть изъ пограничной жизни «Убили»—*Ѳ. Ѳ. Тютчева.* Повѣсть изъ жизни дальняго запада Америки «Дѣло Лофа» — *Ф. Бергеса.* Отрывокъ изъ дневника «Вечеръ на Нилѣ»—*А. В. Елисѣева.* Разсказъ изъ жизни каторжныхъ «Злодѣй»—*А. Я. Максимова.* Юмористическій разсказъ «Женщина или тигръ»—*Ф. Р. Стоктона.* Разсказъ изъ провинціальной жизни «Отомстилъ»—*П. Ф. Шнейдера.* Разсказъ изъ столичной жизни «Деревенскій кузенъ»—*І. Кремера.* Разсказъ *Н. Н. Соколова*—«Вьюга». Флорентинская легенда «Страница любви»—*Л. Черскаго.* Разсказъ изъ американской жизни «Фортепіано въ Арканзасѣ»—*К. Викеде.* Исторія одного привидѣнія «Странная ночь» — *В. Бергсёэ.* «Голодъ»—Психологическій этюдъ — *А-вас-ели.* Разсказы, повѣсти и стихотворенія: Л. Н. Афанасьева, В. Л. Величко, Е. О. Дубровиной, А. Егорова, А. В. Елисѣева, В. А. Желиховской, А. Е. Зарина, В. П. Лебедева, И. П. Лялечкина, А. Луговаго, П. Я. Максимова, К. М. Фофанова, И. Черневскаго, Ѳ. А. Червинскаго, О. Н. Чюминой и друг.

Подписчики «Звѣзды» 1893 г. получатъ:

52 богато иллюстрированныхъ нумера. Каждый № будетъ состоять изъ 20 страницъ убористой печати и 6—8 художественныхъ рисунковъ.

26 №№ «Моднаго журнала», который составляется по лучшимъ Парижскимъ журналамъ и даетъ въ годъ до 500 рисунковъ (модъ).

12 №№ «Женскихъ рукодѣлій»: образцы канвовыхъ работъ, отпечатанныхъ въ нѣсколько красокъ, вышивокъ, узоровъ, монограммъ и пр. и пр.

12 №№ «Наука и забава»: шахматныя и шашечныя задачи, игры, ребусы, шарады, фокусы, физическіе и химическіе опыты (безъ приборовъ).

12 №№ «Развлеченіе». Здѣсь будутъ помѣщаться юмористическіе разсказы, сценки, карикатуры, анекдоты и пр.

6 №№ «Практическая жизнь». Этотъ отдѣлъ будетъ давать свѣдѣнія по сел. и домашн. хозяйству, полезные совѣты и различн. свѣд. по медицинѣ, гигіенѣ и пр.

6 №№ «Музыкальныхъ приложеній». Ноты для фортепіано: романсы, танцы и проч.

6 №№ «Выпиловочныхъ чертежей», составленныхъ по новѣйшимъ рисункамъ.

И наконецъ «Главную премію», которая предназначается для всѣхъ годовыхъ

*

подписчиковъ «Звѣзды». Редакція предлагаетъ на выборъ одну изъ нижепоименованныхъ премій:

1) Большая историческая картина, отпечатанная въ 22 краски, извѣстнаго художника Н. Н. Каразина. **Крушеніе Императорскаго поѣзда 17 октября 1888 г.** Моментъ, изображенный на картинѣ, являетъ собою Царскую семью, въ самомъ разгарѣ ея священно-благотворительной дѣятельности.

2) Большая картина, печатанная масляными красками съ оригинала извѣстнаго художника В. Г. Казанцева **Водопадъ Кивачъ**, воспѣтый знаменитымъ поэтомъ Державинымъ въ стихотвореніи «Алмазна сыплется гора».

3) Альбомъ фототипій съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ, сост. изъ 20 фототипій, отпечатанныхъ въ художественномъ заведеніи фототипа Имп. Академіи Художествъ В. И. Штейна.

4) Альбомъ «Типы Россіи»—восемь рисунковъ, художницы Е. П. Самокишъ-Судковской, въ изящной художественной папкѣ.

5) Шесть книгъ «Полезная библіотека» предлагаемъ на выборъ, изъ числа десяти, а именно: 1) Гальванопластика. Общедоступное практическое руководство для любителей—*С. Глаголева.* 2) Химія безъ лабораторіи—*Ф. Медвѣдева.*—3) Физика безъ приборовъ — *А. Гуда.* 4) Ракъ и его ловля—*В. Максимова* и *П. Сивкова.* 5) Календарь Флоры — *Ѳ. Медвѣдева.* 6) Собиратель грибовъ. (Справочная книжка для любителей)—*Н. Троицкаго.* 7) Электротехникъ-любитель—*А. Санина.* 8) Прѣсноводный акваріумъ—*Т. Богданова.* 9) Комнатное горшковое плодоводство—*Ѳ. Медвѣдева.* 10) Ремесленникъ-любитель—*Ѳ. Макарьевскаго.*

Гг. годовые подписчики, желающіе получить одну изъ пяти вышеозначенныхъ премій, благоволятъ сообщить о своемъ выборѣ при подпискѣ и приложить одинъ рубль за упаковку и пересылку главной преміи.

Подписная цѣна на годъ 4 руб., на 1/2 года 2 руб., 1/4 года 1 руб.

Подписка принимается въ главной конторѣ журнала «Звѣзда» СПБ. Вознесенскій пр., № 47.

 Иллюстрированное объявленіе высылается безплатно.

За редактора издатель П. Сойкинъ.
3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

„МЕДИЦИНСКАЯ БЕСѢДА“

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

«Медицинская Бесѣда», имѣя обширную, разностороннюю программу, будетъ выходить, какъ и въ прошлыхъ годахъ, два раза въ мѣсяцъ, каждый разъ въ объемѣ до 2-хъ печатныхъ листовъ. Цѣна за годъ съ пересылкой 5 руб.; фельдшера, фельдшерицы, акушерки и сельскіе учителя, подписывающіеся въ конторѣ редакціи, платятъ 3 руб. въ годъ. Подписка принимается *въ Воронежѣ* въ конторѣ редакціи и въ книжномъ магазинѣ В. В. Юркевича; *въ Петербургѣ* въ книжныхъ магазинахъ Риккера и Петрова; *въ Москвѣ* въ книжномъ магазинѣ Карцева и въ конторѣ г. Печковской.

Редакторъ-Издатель А. Х. Сабининъ. Издатель В. И. Миропольскій

3—1. 3—3

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ

ПОЛИТИКО-ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА

„ВОЛГАРЬ“

издается въ Нижнемъ-Новгородѣ, подъ редакціею **С. И. Жукова.**

Воскресные №№ «Волгаря» (во время Нижегородской ярмарки, въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ) выходятъ **съ иллюстраціями**.

ПРОГРАММА „ВОЛГАРЯ“:

1) **ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ** по вопросамъ внутреннимъ и политическимъ.

2) **ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.** Правительственныя распоряженія общія и относящіяся къ Поволжью; распоряженія судоходнаго начальства, фабричной инспекціи и проч.; назначенія по службѣ, переводы и награды по административному и общественному управленію въ губерніяхъ: Нижегородской, Ярославской, Тверской, Владимірской, Казанской, Костромской, Симбирской, Самарской, Саратовской и др.

3) **ПОСЛѢДНЯЯ ПОЧТА.** Послѣднія телеграфныя извѣстія заграничныхъ газетъ и выдержки изъ специальныхъ корреспонденцій русскихъ газетъ.

4) **ТЕЛЕГРАММЫ** внутреннія и заграничныя, отъ специальныхъ корреспондентовъ и отъ «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства».

5) **МѢСТНАЯ ХРОНИКА.** Извѣстія изъ общественной и административной жизни Нижняго-Новгорода и Нижегородской губерніи, новости городскія, земскія, мѣстныя происшествія и проч.

6) **ОБО ВСЕМЪ.** Статьи легкаго содержанія изъ городской жизни Нижняго-Новгорода.

7) **ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ** Повѣсти, разсказы и стихотворенія, оригинальныя и переводныя. Еженедѣльный обзоръ новинокъ русской литературы.

8) **ПОВОЛЖСКІЯ ВѢСТИ.** Корреспонденціи изъ городовъ Поволжья и изъ сосѣднихъ губерній о выдающихся явленіяхъ и происшествіяхъ.

9) **ПО РОДНЫМЪ ПАЛЕСТИНАМЪ.**—Фельетонныя статьи изъ жизни городовъ Поволжья.

10) **ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.** Административныя новости изъ Петербурга, имѣющія общегосударственный интересъ, а также и сообщенія о выдающихся событіяхъ Петербурга, Москвы и другихъ городовъ Россіи.

11) **НАБЛЮДЕНІЯ и ЗАМѢТКИ.** Фельетонныя статьи и замѣтки обо всемъ.

12) **ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.**—Рецензіи и замѣтки о концертахъ и спектакляхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, извѣстія объ артистическихъ поѣздкахъ по Волгѣ столичныхъ и провинціальныхъ труппъ, и вообще изъ жизни поволжскихъ театровъ.

13) **БѢГА И СКАЧКИ.** — Замѣтки о дѣятельности обществъ конскаго бѣга, о состязаніяхъ на бѣговыхъ ипподромахъ въ городахъ Поволжья и пр.

14) **НАУКА И ИСКУССТВО.**—Отчеты и замѣтки о публичныхъ засѣданіяхъ нижегородскихъ и иногороднихъ ученыхъ обществъ, о трудахъ научныхъ изслѣдователей, объ усовершенствованіяхъ въ пароходствѣ и волжскомъ судостроеніи, о разнаго рода изобрѣтеніяхъ.

15) **ИЗЪ ПРОШЛАГО.** Статьи и сообщенія, относящіяся къ историческому прошлому Поволжскаго края и т. п.

16) **СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.** — Отчеты о выдающихся процессахъ мѣстныхъ и иногороднихъ, уголовныхъ и гражданскихъ, новости изъ судебнаго міра и проч.

17) **СМѢСЬ.** Мелочи, курьезы, анекдоты и т. п.

18) **ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.** Разнаго рода иностранныя извѣстія, отзывы иностранныхъ газетъ о Россіи, политическія статьи иностранной прессы о выдающихся заграничныхъ происшествіяхъ и проч.

19) **ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.** Полезныя сообщенія частныхъ лицъ, имѣющія общественный интересъ, полемическія статьи и проч.

20) **БИРЖЕВОЙ ОТДѢЛЪ.** Ежедневные отчеты о хлѣбныхъ, поставочныхъ и всякихъ товарныхъ сдѣлкахъ на нижегородской биржѣ; торговыя корреспонденціи съ пристаней: Волги, Камы, Оки, Суры, Вятки, Бѣлой и ихъ притоковъ; телеграфныя извѣстія о состояніи уровня воды на перекатахъ; свѣдѣнія о количествѣ заготовки хлѣба на пристаняхъ, о положеніи волжскаго судоходства и т. п. Телеграфныя извѣстія два раза въ недѣлю съ С.-Петербургской биржи, о цѣнахъ на процентныя бумаги, о цѣнахъ на хлѣбъ и прочіе биржевые товары.

21) **СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.** О движеніи почтъ въ Поволжскомъ краѣ въ лѣтнее и зимнее время, о желѣзнодорожныхъ сообщеніяхъ, о поволжскихъ лечебныхъ курортахъ, о мѣстныхъ выставкахъ, конкурсахъ и т. п.

22) Объявленія.

Въ литературномъ отдѣлѣ «Волгаря» принимаетъ участіе кружокъ мѣстныхъ и иногороднихъ писателей. Кромѣ того въ газетѣ помѣщаются переводныя произведенія иностранной литературы.

Въ биржевомъ отдѣлѣ печатаются многочисленныя торговыя корреспонденціи съ хлѣбныхъ пристаней. Но, имѣя въ виду развитіе этого отдѣла, редакція пригласила на 1893 годъ еще до 15-ти новыхъ корреспондентовъ съ главныхъ хлѣбныхъ пристаней Волги, Камы, Бѣлой, Вятки, Суры и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на газету „ВОЛГАРЬ“ на 1893 г.

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
ВЪ Н.-НОВГОРОДѢ. .	7 р.	6—50	6 р.	5—50	5 р.	4—50	4 р.	3—50	3 р.	2—50	1--75	1 р.
ИНОГОРОДНИМЪ. . .	8 р.	7—50	7 р.	6—50	6 р.	5—50	5 р.	4—50	4 р.	3—50	2--75	1—50

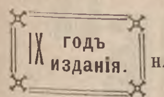
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ **НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ**: 1) въ конторѣ редакціи «Волгаря», на Мал. Покровск. ул.
» » 2) » Рождественскомъ газетномъ кіоскѣ, на Нижн. базарѣ.

Кромѣ того подписка принимается: въ **Петербургѣ**, въ магазинѣ «Новаго Времени»; въ **Москвѣ**, въ конторѣ Печковской; въ **Твери**, въ конторѣ редакціи «Листка Объявленій»; въ **Рыбинскѣ**, въ биржевой библіотекѣ; въ **Ярославлѣ**, нотный и музыкальный магазинъ А. Т. Наумова; въ **Костромѣ**, книжный магазинъ А. И. Бекенева; въ **Владимірѣ-губернскомъ**, книжный магазинъ И. П. Иванова; въ **Муромѣ**, газетная торговля Н. П. Мошенцова; въ **Иваново-Вознесенскѣ**, у А. И. Татаринова; въ **Арзамасѣ**, у Ф. А. Колесова; въ **Казани**, въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Башмакова, Воскресенская ул.; въ **Самарѣ**, книжный магазинъ Н. М. Федорова; въ **Саратовѣ**, книжный магазинъ Воронкова; въ **Астрахани**, у Григорія Петровича Смирнова, въ биржѣ или набережная, д. Смирнова.

Кромѣ того пріемъ подписки и объявленій на «ВОЛГАРЬ»—въ **Ярославлѣ**, въ газетномъ кіоскѣ, на театральной площади. 2—3.

Редакторъ-Издатель «Волгаря» **СЕРГѢЙ ЖУКОВЪ**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ И ПРИКЛЮЧЕНІЙ НА СУШѢ И НА МОРѢ

IV годъ
IA изданія.

ВОКРУГЪ СВѢТА

50 №№

12 ИЛЛЮСТРИР. ЕЖЕМѢСЯЧН. КНИГЪ.

Въ истекшемъ 1892 году редакція „ВОКРУГЪ СВѢТА" успѣла сдѣлать во внѣшности журнала значительныя улучшенія и привлечь къ сотрудничеству многихъ изъ выдающихся отечественныхъ писателей. Въ 1893 году редакція и издатель не пощадятъ трудовъ и затратъ для того, чтобы журналъ „ВОКРУГЪ СВѢТА" въ полной мѣрѣ оправдалъ многолѣтнее неизмѣнное сочувствіе публики.

Журналъ будетъ выходить въ форматѣ двухъ печатныхъ листовъ, со множествомъ отдѣльныхъ рисунковъ и иллюстрацій.

При журналѣ подписчики получатъ двѣнадцать **ежемѣсячныхъ иллюстрированныхъ отдѣльныхъ книгъ: романовъ, повѣстей и разсказовъ.**

Въ портфелѣ журнала имѣется множество прекрасныхъ статей и романовъ самаго интереснаго и разнообразнаго содержанія, принадлежащихъ перу нашихъ лучшихъ писателей, какъ-то: *Н. Н. Каразина*, *Д. Мамина-Сибиряка*, *А. Н. Чермнаго* и др. Въ числѣ романовъ будутъ помѣщены: новѣйшій романъ *Жюля Верна*, романъ молодого итальянскаго писателя *Эмилію Сальгари*, съ рисунками *Колантони*, романы: *Стивенсона*, *Хаггарда*, *Брауна*, *А. Лори* и *Буссенара*.

По примѣру прошлаго года, гг. годовымъ подписчикамъ „ВОКРУГЪ СВѢТА" въ 1893 г. редакція имѣетъ возможность предложить, при доплатѣ одного рубля на пересылку и другіе расходы,

РОСКОШНУЮ НЕБЫВАЛУЮ ПРЕМІЮ,

ДВѢ БОЛЬШІЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ КАРТИНЫ:

1. **„Передъ бурей"**, художника *Штеффена* и
2. **„Надъ горнымъ озеромъ въ лунную ночь"**, художника *Мальмана*.

Эти художественныя картины исполнены въ олеографическомъ заведеніи *Мюллера и Лозе* въ Дрезденѣ. Размѣромъ каждая картина 13×21 вершковъ.

СТОИМОСТЬ КАРТИНЪ ВЪ ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.**

Подписная цѣна на журналъ „ВОКРУГЪ СВѢТА" съ доставкой и пересылкой во всѣ города, съ ежемѣсячными иллюстрированными приложеніями:

НА ГОДЪ 4 Р. | **НА 1/2 Г. 2 Р. 50 К.**

Допускается разсрочка подписной цѣны: при подпискѣ 2 руб., 1-го апрѣля и 1-го іюля по одному рублю. **ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:** въ редакціи журнала—Москва, Валовая ул., домъ Сытина—и во всѣхъ книжныхъ магаз. Москвы, С.-Петербурга и др. гор. Россіи. А. 173. 3—3.

Въ 1893 г. (третьемъ году изданія) «Всемірная Библіотека» будетъ выходить по той же программѣ и по той же подписной цѣнѣ, какъ и въ предъидущіе два года своего существованія.

4000 стр. обыкновен. журнал. форм. въ годъ съ перес. и доставкой. . . **3 РУБ.**

ВСЕМІРНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Ежемѣсячный журналъ иностранной беллетристики.

12 книгъ въ годъ 3 руб.

«ВСЕМІРНАЯ БИБЛІОТЕКА», ежемѣсячный журналъ новѣйшей иностранной беллетристики, выходитъ во второй половинѣ каждаго мѣсяца книжками въ 18—20 печатныхъ листовъ (до 4,000 страницъ въ годъ) обыкновеннаго журнальнаго формата. Въ журналѣ помѣщаются исключительно лишь выдающіяся новинки извѣстныхъ авторовъ: англійскихъ, французскихъ, норвежскихъ, шведскихъ, нѣмецкихъ, польскихъ, итальянскихъ, испанскихъ, чешскихъ и др.

Между прочимъ, въ составъ уже вышедшихъ въ 1892 году книжекъ журнала вошли слѣдующіе романы и разсказы: BENE NATI. Романъ Элизы Ожешко (Переводъ съ польскаго съ разрѣшенія автора). — ПОСЛѢ ПЕРЕВОРОТА. Романъ Маріонъ Крофордъ.—ВЪ ЧУЖОЙ СРЕДѢ. Разсказъ Р. Киплинга.—МЕЛИССА. Истор. романъ въ двухъ томахъ Георга Эберса.—ИНГЕРЪ ИЗЪ ЭСТРОТА. Драма въ пяти дѣйствіяхъ Генриха Ибсена.—МОЯ ЖЕНИТЬБА. Разсказъ Берты фонъ-Сутнеръ, автора извѣстнаго романа «Waffen nieder» («Долой оружіе!»).—РѢДКІЙ БАНКРОТЪ. Романъ Фр. Коппэ.—ДЯДЯ ИЗЪ КАЛИФОРНІИ. Повѣсть Бретъ-Гарта.—ТИРСА. Романъ Джоржа Гиссинга.—ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ. Романъ изъ аргентинской жизни въ двухъ частяхъ. Г. Рейтера.—МАЛЕНЬКІЙ ШПІОНЪ. Разсказъ Альфонса Додэ.—МОИ ЧАСЫ. Разсказъ Марка Твэна.—РАЗГРОМЪ. Романъ въ трехъ частяхъ. Э. Зола. (Переводъ съ рукописи).—КАЗАКЪ. Разсказъ Захеръ-Мазоха.—ТРИ ПИСЬМА. Разсказъ. М. Серао.—ДЕЗИРЭ. Разсказъ Марселя Прево.—ФОРТУНА. Романъ. А. Килланда.—МАСКАРАДЪ. Этюдъ Святополка Чеха.—ПРИВАЛЪ. Разсказъ Уйда.—ДОННА БЕРТА. Повѣсть Леопольдо Кларина.—ОТХОДНАЯ. Повѣсть Германа Зутнера. — НИМВРОДЪ и К°. Романъ Жоржа Онэ.—СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛІЯ. Повѣсть Франка Гарриса.—ДИТЯ СЧАСТЬЯ. Романъ въ трехъ частяхъ Фридриха Шпильгагена и др.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста Россійской Имперіи:

На годъ	3	руб.
» полгода	2	»
За границу на годъ	5	»

Каждый романъ имѣетъ свою отдѣльную нумерацію страницъ и снабженъ заглавнымъ листомъ, такъ что можетъ быть переплетенъ въ самостоятельный томъ.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА.

Подписка принимается въ редакціи журнала (*С.-Петербургъ, Троицкая ул., 36*) и въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской.

При подпискѣ на 1892 г. высылаются всѣ вышедшіе №№ съ января. Экземпляры журнала за 1891-й годъ всѣ разошлись.

Въ 1893 г. (третьемъ году изданія) «Всемірная Библіотека» будетъ выходить по той же программѣ и по той же подписной цѣнѣ, какъ и въ предъидущіе два года своего существованія.

3—3 Редакторъ-издатель К. ПЛАВИНСКІЙ.

Затѣмъ, безъ всякой доплаты за пересылку, каждый подписчикъ получитъ на выборъ одну изъ слѣдующихъ премій:

1) «Пѣсни Гейне», художеств.-иллюстриров., роскошное изданіе подъ редакціей П. И. Вейнберга (со статьей о жизни Гейне). Разсылается въ 1-хъ числахъ февраля. 2) «Карменъ», Бизе. Полн. опера для рояля, въ 2 руки. Въ изящн. переплетѣ (При подпискѣ). 3) «Мертвыя души» Гоголя въ 104 рисунк. Агина и Бернардскаго, съ предисловіемъ Н. С. Лѣскова. (Выдается при подпискѣ). Въ отдѣльной продажѣ стоитъ три рубля. 4) «Фаустъ», Гуно. Полная опера для рояля, въ 2 руки; въ изящн. переплетѣ. (При подпискѣ). 5) «Отче нашъ!» въ картинахъ (16 картинъ) Поля Тумана и стихахъ Мартина Лютера (въ переводѣ Апол. Коринфскаго).

Первая книга «Исторіи Наполеона» высылается при 1 № журнала, 1-ая книга «Лѣсныхъ животныхъ»—при 2-мъ №. Адресъ главной конторы редакціи: С.-П.-Бургъ, Загородный проспектъ, 27. Отдѣленіе конторы. С.-П.-Б., Гостинный дворъ, 12.

3—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1893** ГОДЪ НА

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

ДЕНЬ

на годъ . . . 5 р.
на 8 мѣс. . . 4 р.
на 6 мѣс. . . 3 р.

За границу
на годъ 10 р.

на 4 мѣс. . 2 р.
на 2 мѣс. . 1 р.
на 1 мѣс. . 50 к.

Объявленія по 10 коп. за строку.

Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій просп., д. 20.

Выходитъ ежедневно. 12 кн. романовъ, разсказовъ и очерковъ.

Редакторъ *И. В. Скворцовъ.* Издатель *А. А. Греве.*

При подпискѣ на годъ допускается разсрочка—1-й взносъ 2 или 1 р.—по слѣдующіе по 1 р.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1893**-й ГОДЪ

на издающуюся въ гор. Ставрополѣ-Кавказскомъ общественно-литературную газету

IX г. изд.

„СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ",

IX г. изд.

выходящую ДВА раза въ недѣлю и посвященную выясненію нуждъ края, названіе котораго носитъ газета.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки:	р.	к.	Съ доставкой и пересылкой:	р.	к.
На годъ	4	50	На годъ	5	50
— полгода	2	50	— полгода	3	—
— 3 мѣсяца	1	50	— 3 мѣсяца	1	75

(Суммы менѣе рубля можно высылать почтовыми марками).

Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Адресъ: Ставрополь-Кавказскій, редакція **„Сѣвернаго Кавказа"**.

3—6.

*